НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **2**

Минск
«Беларуская навука»
2011

УДК 316.42(476)(082)

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских и российских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского общества, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

Рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

И. В. Котляров (главный редактор), В. Л. Абушенко (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),
Н. А. Барановский, А. Н. Елсуков, Л. Е. Земляков, В. В. Кириенко,
В. А. Клименко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев, Ю. М. Резник, В. И. Русецкая,
Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова (зам. главного редактора),
С. А. Шавель, Н. Н. Сечко (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман,
кандидат философских наук, доцент А. А. Лазаревич

© Институт социологии НАН Беларуси, 2011
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

Котляров И. В. Белорусская социология в начале XXI века: концептуальные аспекты.... 5

Теория и методология социальных исследований

Бабосов Е. М. Социальная деятельность и социальная энтропия 13
Шавель С. А. Философские предпосылки социологической методологии..... 25
Федотова В. Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами 33
Котляров И. В. Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление 41
Соколова Г. Н. Место и роль среднего класса в стратификационной конфигурации белорусского общества..... 55
Левяш И. Я. Открытое общество: от границы к фронтиру 69
Абушенко В. Л. Классический подход к изучению культуры в социологии в перспективе социологической (пост)неклассики 81
Костюкевич С. В. Инновации: подход современных западных авторов 89
Кройтор С. Н. Социологическое исследование инноваций: основные категории и уровни анализа 103
Леонов Н. Н., Смирнова Р. А. Теории неопределенности и их применение в социологических исследованиях..... 113

Социология девиаций

Барановский Н. А. Этиология социальных девиаций в контексте теории деструктивной личностно-социальной интеракции 119
Мамедов А. К., Липай Т. П. Социальная стигматизация: генезис и детерминанты становления 128
Бубнов Ю. М. Коррупция как социальная болезнь 138
Тарасов В. С. Социальная политика как средство предупреждения и борьбы с девиантным поведением и другими антиобщественными явлениями среди населения Беларуси.... 150

Социальные проблемы и социология образа жизни

Титаренко Л. Г. Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества..... 157
Михина Ф. Экофизическая перспектива рациональности 165
Шабунова А. А. Общественное здоровье и его измерение 173
Сечко Н. Н., Таранова Е. В. Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения 182
Смирнова Р. А. Инновационно-устойчивое развитие села: к методологии социологического исследования 192
Кузьменко Т. В. Основные тенденции развития личных подсобных хозяйств в условиях реформирования села 203
Самойлюк В. Н. Социальные сети и формирование социально-ответственного бизнеса..... 211

Социология политических процессов

Лашук И. В. Социокультурные особенности белорусской молодежи 219
Бабосова Е. С. Влияние молодежной политики на устойчивость развития современного белорусского общества 231
Пушкин А. Л. Гражданское общество: сотрудничество или конфронтация 238
Смирнов В. Э. Институционально-ролевой подход к пониманию феномена гражданственности 246
Рыбчак С. В. Роль дебюрократизации госаппарата в устойчивом развитии белорусского общества 256
Хамутовская С. В. Конкретно-социологический подход к изучению электорального поведения населения: сущность и особенности 263
Хурс М. Н. Перспективы интеграции постсоветских государств в контексте новых геополитических реалий 270

Социология идентичностей

Русецкая В. И. Трансформация процесса идентичности в современном социокультурном пространстве 279
Науменко Л. И. Белорусский язык в зеркале мнений жителей современной Беларуси 285
Ластовский А. Л. Историческая память белорусских поляков: между официальными нарративами и семейными преданиями 290
Белая Е. А. Концептуализация понятия «общность» в современной социологии 302

Социология науки и миграций. Прикладные исследования

Артюхин М. И. Научная элита: проблемы идентификации и типологии 311
Шарый И. Н. Динамика процессов воспроизводства научных кадров в учреждениях академического сектора науки 320
Димитрук П. П. Кадровая ситуация в науке Республики Беларусь: анализ по итогам 2009 г. ... 329
Коцур Е. О. Особенности формирования резерва руководящих кадров академического сектора науки и проблемы повышения их квалификации 340
Пушкевич С. А. Проблемы развития и деятельности аспирантуры НАН Беларуси 347
Антонова Т. А. Региональные особенности внутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь: сравнительный анализ по итогам 2009 г. 353
Палховская Е. Б. Влияние экономического поведения на трудовую мобильность занятого населения Беларуси 362
Харитонов И. Н. Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы 370

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316:061.62(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются достижения и проблемы белорусской академической социологии, предлагаются конкретные меры по повышению ее теоретического уровня, эффективности прикладных исследований в сложнейших условиях глобального кризиса.

В последние годы мир оказался в принципиально новой для себя ситуации, столкнулся со многими рисками и вызовами. В странах, где происходит переход от одного качественного состояния к другому, начался период накопления первоначального капитала. В такой период важен только капитал. В результате многие люди научились покупаться и продаваться. Причем и покупать, и продавать стали все, с чем имеют дело. Мир постепенно стал делиться на нищих и богатых, голодных и сытых, и число нищих и голодных постоянно растет. Международный терроризм, экологическая опасность, демографический и экономический кризисы, истощение материальных и духовных ресурсов, критические деформации культурного и информационного пространства, разрушение исторических, культурных, этических традиций, нравственная деградация общества волнуют миллионы людей. В современном мире царит культ насилия и эгоизма, неверие в способность государства и общества защитить своих граждан. Постоянно девальвируются такие важнейшие дефиниции, как долг и совесть, достоинство и честь, верность Отечеству и любовь к Родине. Средства массовой информации, прежде всего электронные, наполняют сознание людей чуждыми нашей духовности и культуре стереотипами мышления и поведения. Традиционные способы формирования внутреннего духовного мира вытесняются телевидением и Интернетом. Общественные институты, призванные формировать в человеке чистое и прекрасное, нравственные и эстетические ценности, оказались не способными в сложнейших условиях эффективно выполнять свои важные функции. Для решения многих международных проблем постоянно используются авианосцы, ракеты класса «Томагавк», отлично подготовленные морские пехотинцы.

В Республике Беларусь также происходят сложные и противоречивые процессы становления национальной государственности, формирования граждан-

ского общества, совершенствования идеологии белорусского государства, поиска эффективных способов развития общественных институтов. В период обострения экономических, политических, религиозных и других отношений, связанных с кризисными явлениями в мировом сообществе, выбор Беларусью собственного пути социально-экономического и политического развития является одной из важнейших задач, решение которой определит место и роль белорусского государства в мировом пространстве на долгие годы.

В условиях кризисных явлений на передний план всегда выдвигается наука. Это позволяет оказывать целенаправленное влияние на развитие общественных процессов и помогает успешно решать многочисленные вопросы при наличии двух альтернативных вариантов конечного результата – или крах, или успешное преодоление кризиса. Как всегда, многие проблемы достаточно успешно решает социология.

За последние годы Институт социологии НАН Беларуси стал одним из главных источников получения социального знания в нашей стране. В институте получены научные результаты, которые вносят существенный вклад в совершенствование белорусской модели устойчивого инновационного развития национального государства, сохранение историко-культурного наследия, обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь, совершенствование кадрового потенциала, повышение качества образования. Институт принимал активное участие в развитии традиционных и формировании новых отраслей национальной экономики, решении важнейших социально-экономических и культурных проблем страны, например:

участие в разработке концепции идеологии белорусского государства;

участие в разработке Концепции развития науки на период до 2015 г. в части развития кадрового потенциала науки;

участие в создании единой государственной миграционной статистики, включая миграцию научных и научно-педагогических кадров;

участие в разработке Государственной программы Республики Беларусь по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на период до 2010 г. и Концепции информирования по проблемам чернобыльской катастрофы;

участие в разработке Государственной программы по развитию ядерной энергетики.

К наиболее значимым результатам деятельности института, полученным за последние годы, относятся следующие.

Разработка ***методологии выявления потребностей общества*** в инновационном развитии. Выявлены инновационные ожидания населения страны и разработаны рекомендации по оптимизации путей управления социальными инновациями как источником устойчивого развития общества.

Создание ***модели инновационного развития как фактора формирования восприимчивости к инновациям***. Проведена социологическая экспертиза моделей инновационного мышления и типов экономического поведения в условиях становления инновационной экономики.

Выявление отношения сельских жителей к социальным инновациям в АПК. Выявлены достижения и проблемы, связанные с социальными инновациями; предложены социально-экономические способы укрепления крестьянского образа жизни и труда в современной агросфере.

Разработка теоретической модели национальной идентичности населения Беларуси на основе анализа внутренних и внешних факторов, воздействующих на формирование менталитета населения страны. Определены формы и способы влияния основных социальных институтов на формирование социокультурных стратегий поведения различных социальных групп. Проведен анализ состояния и тенденций развития национально-конфессиональных отношений в стране.

Разработка методики определения степени и эффективности влияния средств массовой информации на различные социальные группы общества. Проведен разносторонний анализ развития СМИ (телевидение, радио, газеты, Интернет) в Республике Беларусь с точки зрения удовлетворенности ими белорусской аудиторией. Сформулированы концептуальные положения и методологические подходы к оценке информационного поля Республики Беларусь.

Выявление основных уровней социальной детерминации антиобщественных явлений. На основе данных уголовной статистики и результатов социологических исследований установлены основные социальные и личностные причины антиобщественных явлений в современном белорусском обществе. Разработана система показателей социальной эффективности и выявлены недостатки деятельности правоохранительных и других органов по предупреждению преступности несовершеннолетних, коррупции, пьянства и наркомании.

Создание концепции формирования оптимальной структуры научных кадров в условиях инновационной экономики. Разработаны теоретико-методологические основы прогнозирования воспроизводства оптимального состава научных кадров по приоритетным направлениям развития научной и инновационной сферы в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Исследованы принципы государственной кадровой политики в научной и инновационной сферах, включая ее молодежный аспект.

Институт социологии НАН Беларуси является научным учреждением, ведущим комплексные социологические исследования белорусского общества и на ***прикладном*** уровне. В институте долгие годы проводится ***республиканский мониторинг изучения социально-политической и экономической ситуации в стране*** – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария.

XXI век поставил сложные задачи перед человечеством в целом и наукой в частности. Особую роль в их решении будет играть ***социология***. Во всем мире она постепенно выходит на первые места. Ведь в основе социологии находится человек, его социальный капитал. От человеческого фактора зависит

решение многочисленных проблем и ликвидация кризисных явлений, открытие новых молекул и строительство дворцов спорта. Люди меняют структуры и обстоятельства. Их деятельность надо изучать во всех аспектах и ракурсах, причем во многих случаях именно социологическими методами. Это постепенно начинают понимать во всем цивилизованном мире, растет интерес к фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям. Социальное значение социологии заключается в том, что она анализирует различные аспекты социальной реальности, конкретные действия творцов этой реальности и последствия этих действий в человеческом измерении**.** Многие убеждены, что в целом XXI век будет веком социологии.

Однако в Беларуси, к сожалению, существенного спроса на социологические исследования не наблюдается. Может быть, именно это и привело к тому, что многие общественные проблемы в нашей стране решаются не так быстро, как хотелось бы. Но, с другой стороны, нам, социологам, следует признать собственную социальную ответственность за создавшееся положение и заняться поисками эффективных путей максимизации важности социологического знания. Для белорусской социологии необходима новейшая стратегия развития науки, в которой следует предусмотреть важнейшие аспекты ее развития в сложнейших современных условиях.

Белорусская социология уже завоевала достаточно большой авторитет на постсоветском (и не только) пространстве. Имена белорусских социологов, их научные школы знают во всем мире, их работы читают и цитируют. Однако у нашей социологии есть существенный недостаток. Она прекрасно научилась отвечать на вопрос: «Какие мы?», описывать наши качества, выявлять проблемы и достоинства. Еще известные социологи Макс Вебер и Джордж Мид писали о «понимающей социологии». Но социология должна быть объясняющей, опережающей, воздействующей. Социолога должны волновать проблемы общества, он должен понимать, что происходит в нем. Очень важно не только описать процессы и явления, но и объяснить, почему это происходит, какие причины подобных явлений. Еще важнее – в нарушение всех социологических канонов – предложить конкретные меры решения существующих проблем, ответить на вопросы, которые долгие годы волновали интеллигенцию: «Кто виноват?» и «Что делать?» Известный современный исследователь И. Валлерстайн считает, что ученым следует сосредоточиться на реальных трудностях современного мира и возможных шагах и действиях по их разрешению. «Пора перестать беспокоиться о наших институциональных нишах и кормушках», – подчеркивает он, следует решать существующие проблемы. В настоящее время многие законодательные решения, нормативные акты и правительственные предложения еще в виде проектов широко обсуждаются в белорусском обществе. А почему бы уже на этой стадии специально созданной экспертной группе Института социологии не заявить о своей позиции с точки зрения экспертной оценки или общественного мнения? Сотрудники института в настоящее время работают над изучением мнения самых различ-

ных социальных групп, общественных структур по поводу строительства атомной станции. Будут разработаны конкретные рекомендации и они, надеемся, будут учтены в дальнейшей работе. Есть и другие широко обсуждающиеся в нашем обществе проблемы. Их надо изучать до принятия управленческих решений. Авторитет социологической науки, ее роль в разработке государственных решений в таком случае только возрастут, а многие существующие проблемы будут сняты.

В настоящее время многие утверждают, что Академия наук должна заниматься только фундаментальными исследованиями. Гуманитарная наука не имеет перспективы, не может эффективно развиваться без прикладных аспектов, именно там она ищет ответы на многие вопросы. И так было всегда. Вспомним немецкого классика социологии Макса Вебера и его известную теоретическую работу «Протестантская этика и дух капитализма» – этот теоретический фундаментальный труд стал настольной книгой многих предпринимателей и бизнесменов. Потребности современного общества ставят гуманитарной науке конкретные задачи, которые необходимо решать, в свою очередь решение этих задач помогает развитию теории и поднимает науку на более высокий уровень. Например, Институт истории НАН Беларуси постоянно проводит археологические раскопки, которые приносят новое научное знание и существенные доходы институту. Так, только в прошлом году в институте было более 100 проектов на сумму почти 1,5 млрд руб. Следует на высоком уровне делать совместное дело, изучая социальную и политическую реальность, поддерживать и формировать идеалы и ценности, легитимирующие социологическую науку в обществе, воплощать научные идеи в жизнь.

Отсюда вытекает еще одна проблема – расширение поля исследований. Чем оно больше, тем больше реальных возможностей выйти на новое научное знание и конкретные дела. Одной из важнейших задач института в данном направлении является развитие политической социологии. Это большая отрасль социологического знания, которая в Беларуси находится на низком уровне. Ею или не занимались вообще, или занимались недостаточно. В аспирантуре и Совете по защите диссертаций института открыта новая специальность – «Политическая социология». Необходимо в ближайшее время открыть в институте исследовательские структуры по социологии религии, социологии образования и здравоохранения, гендерной социологии.

Еще одна очень важная сфера исследований – это социология инноваций. Понятие «инновация» в последние годы стало в белорусском обществе модным, даже престижным. Об инновациях пишут статьи и книги, защищают диссертации. Следует при помощи современной социологической методики изучать проблемы инновационной деятельности, предлагать конкретные меры по их решению и содействовать их реализации. Тогда, во-первых, белорусскому государству не придется за большие деньги покупать за рубежом высокие технологии и патенты, созданные белорусскими умами. Во-вторых, резко сократится число молодых и талантливых ученых, стремящихся уехать «за

большими деньгами» за границу. В-третьих, всем – и талантливым ученым, и инженерам, и предприятиям – будет выгодно внедрять инновационные достижения в национальное производство.

Коллектив ученых Института социологии в настоящее время работает над проблемами создания моделей региона, ищет ту «изюминку», которой данный регион будет гордиться, которая поможет привлечь туда и инвесторов, и туристов, сделает жизнь его жителей лучше и богаче. Но нам надо будет знать и историю этого района, и традиции, и возможные залежи ископаемых, и многое-многое другое. Без коллег по научному цеху эту проблему одной только социологии не решить.

Хотелось бы обратить внимание на корпоративность исследований. Представления, что только мы, социологи, способны решать данные проблемы, устарели. Мы должны научиться эффективно взаимодействовать с представителями других отраслей знания, которые также занимаются решением данного вопроса. Социологические исследования уже не могут производиться без математического аппарата. Научные сотрудники института постоянно используют при обработке социологических данных модель нечеткой классификации. Или еще один пример. Социологические исследования показывают, что в стране сегодня около 80% верующих. Однако постоянно посещает храм только каждый десятый, половина – изредка, треть – не посещает никогда. Так является ли верующим тот, кто не посещает храм, не знает своего священника, не может отличить Новый Завет от Ветхого Завета? Ответ на этот вопрос одна социология дать не может, ей должны помочь экономия и культурология, психология и многие другие науки. Для более глубокого изучения возможностей академических структур в решении подобных межведомственных проблем можно организовать межведомственный семинар, на котором представители различных отраслей академического знания будут докладывать о своих достижениях и возможных использованиях в других отраслях.

Важнейшая проблема сегодняшней социологии – это кадры. «Золотой фонд» НАН Беларуси – академики, члены-корреспонденты, доктора наук. В Институте социологии им создан режим наибольшего благоприятствования. Эти люди добросовестно работают, обладают большими знаниями, опытом. Но наука не может дальше развиваться без молодых ученых. А вот качество поступающих молодых кадров научную общественность института совершенно не устраивает. Их приходится постоянно переучивать. В институте систематически проводятся семинары трехуровневого характера – для аспирантов, молодых научных сотрудников, всего коллектива. На общеинститутском методологическом семинаре приоритет получают проблемы комплексного, междисциплинарного характера, обсуждение которых позволяет соединить национальную специфику с глобальными проблемами, искать принципиально новые, прорывные социологические проекты и технологии. Аспирантов учим азам научно-исследовательской деятельности. Организован научный конкурс, который расшевелил сотрудников и расставил их по на-

учному ранжиру. Однако этого недостаточно. Очень важно вернуться к идее университета при Национальной академии наук. Это должен быть не классический, а элитный университет, лекции должны читать академики и члены-корреспонденты, доктора и профессора. Можно и нужно приглашать крупных специалистов из-за рубежа. Группы должны быть небольшими – не тридцать, а десять человек. Заниматься должны те, кто любит науку, кто не может без нее жить. И самое главное: из этих людей необходимо готовить настоящих исследователей, профессионалов, учить современным методикам и технологиям научных исследований. Через некоторое время такой университет не только подготовит хорошую смену, но и станет престижным и известным в научном мире.

Все существующие проблемы нереально решать без тесного сотрудничества с государственными структурами, без конкретного, четкого и однозначного законодательства. Ведь наука развивается в правовом коридоре, обозначенном, очерченном существующими законами. Многое сделано в этом направлении, но предстоит сделать еще больше. Например, законодательное обеспечение инновационной деятельности. Работая директором института «Белинформпрогноз», я был убежден, что стране нужен отдельный закон об инновационной деятельности. Однако считал, что нам нужен законодательный акт типа главы 63 титула 15 «Свода законов Соединенных Штатов Америки». Это закон «О технологических инновациях», или так называемый закон Стивенсона–Уайдлера. Он заполняет как раз тот законодательный пробел, где речь идет о продвижении научных разработок в бизнес, о взаимодействии производства и бизнеса, о формах сотрудничества между государством и бизнесом. Но работая председателем Комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва, побывав во многих научных коллективах, я пришел к выводу, что законотворчество в научно-инновационной сфере должно иметь системный характер и необходимо срочно разработать и принять специальный закон в области инновационной деятельности. Тогда в комиссии и был создан законопроект «О государственной поддержке и государственных гарантиях инновационной деятельности в Республике Беларусь». Он был принят в двух чтениях, но по целому ряду объективных причин не подписан Президентом страны. Другой пример. Совсем недавно был принят в первом чтении Кодекс об образовании. Кажется, значительный шаг вперед. Но главное – статьи об оплате профессорско-педагогических работников, выплатах из бюджета на образование в кодекс не были включены. А ведь они есть в существующем законодательстве. В результате средняя заработная плата банковских работников значительно выше, чем у профессоров. Может быть, поэтому так мало молодых, талантливых людей идут в науку и образование. Академическая социология накопила большой теоретический и эмпирический материал, помогающий решать подобные проблемы и совершенствовать законодательство.

Глобальный кризис бросил вызов белорусской национальной науке в целом и социологии в частности. Уверен, что он будет с честью и достоинством принят. Исследования белорусских социологов будут способствовать выходу из тупика, становлению сильного национального государства и процветающего белорусского общества.

I. V. KOTLAROV

BELARUSIAN SOCIOLOGY IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: CONCEPTIONAL ASPECTS

Summary

The achievements and problems of belarusian academic sociology are considered in this article. The author offers specific measures for further promotion its theoretical level, to improve effectiveness of applied researches in difficult conditions of global crises.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.42/316.625

Е. М. БАБОСОВ,
академик, доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭНТРОПИЯ

В статье проанализированы основополагающие проблемы социального человеческого бытия. Охарактеризована сущность социальной деятельности как динамической системы активного взаимодействия личности или социальной группы с окружающим миром. Показано, что активная человеческая деятельность имеет антиэнтропийную направленность. Выделены основные компоненты антиэнтропийной направленности, особенности социальной энтропии. Сформулированы выводы и рекомендации по снижению уровня социальной энтропии в условиях перехода экономики и других сфер общественной жизни Республики Беларусь на инновационный путь развития.

Самая характерная особенность социального бытия человека состоит в том, что он рано или поздно задумывается о смысле жизни и чаще всего связывает этот смысл с активной целенаправленной деятельностью. А деятельность эта неразрывно сопряжена с преобразованием окружающего природного и социального мира, со стремлением человека стать лучше, чем он был вчера и чем он является сегодня. Только в активной целенаправленной деятельности человек создает самого себя как существо социальное, добивается осуществления своих идеалов, надежд, стремлений, целей.

В своей сущностной социологической характеристике деятельность представляет собой динамическую систему активного взаимодействия личности, социальной группы или общности с окружающим миром, в процессе которого происходит производство и воспроизводство человека как существа общественного, осуществляется целесообразное изменение и преобразование природного и социального мира. Именно в социальной деятельности осуществляется воплощение активности личности и общности, их творческих качеств, установок, мотивов, поступков. В процессе деятельности проявляется определенное противопоставление субъекта и объекта деятельностной активности: личность или социальная общность противопоставляет себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в продукт деятельности. С другой стороны, сам социальный процесс, т. е. бытие социума, невозможен вне и помимо разнообразных актов человеческой деятельности. Этот процесс не только

складывается из различных видов социальной активности, представляя собой интегративную их систему, но одновременно и постоянно распадается на огромное количество разнообразных и относительно обособленных друг от друга деятельностей (материальных, интеллектуальных, политических, коммуникативных, культурных и др.), которые характеризуются переходом друг в друга, дифференциацией и объединением, специфическим распределением во времени и пространстве. Более того, человеческая личность, выступающая субъектом социального процесса, представленного в многомерности своего бытия, может и должна быть понята сама как исторически развивающийся процесс деятельности (в своей динамике) и одновременно как результат этой деятельности (в своей статике, сиюминутности). Вследствие этого сам социальный процесс представляет собой полисубъективное образование, организованность, многомерность и целостность которого осуществляются совокупностью различных направлений, видов и форм человеческой деятельности, их различными сочетаниями, разделениями, комбинациями, являющимися по существу постоянной пульсацией живых и опредмеченных человеческих сил.

Каким бы простым или сложным ни был тот или иной социальный процесс – в основе своей он состоит из определенных действий, совершаемых людьми. Труд или любовь, спортивная игра или военное сражение – это различные социальные процессы, а их непременную основу составляют различные действия. Но любое действие связано с какими-то изменениями. Изменения – это тот механизм, посредством которого действия превращаются в социальные процессы. Социальное бытие соткано из множества социальных процессов, а в основе каждого из этих процессов всегда находятся активные действия людей. Сами же эти действия, равно как и порождающие их процессы, имеют вполне определенную направленность.

Осуществляемые человеком действия представляют собой специфический способ бытия (т. е. социального бытия) и весьма разнообразны. Но при всем их многообразии они обладают двумя инвариантными особенностями. Во-первых, они всегда ориентированы на определенную цель, т. е. целесообразны. Во-вторых, они неразрывно связаны с энергией, с ее концентрацией, выделением, преобразованием, накоплением, расходованием, потреблением и т. п. Энергия проявляется в способности к действию, в возможности действия. Но поскольку человеческое действие составляет основу социального бытия, постольку это бытие, как и любое бытие вообще, есть преобразование энергии.

Но в контексте соотношения с энергией социальное бытие имеет принципиальное отличие от всех других видов бытия. И отличие это в значительной степени детерминируется различными направленностями процессов энтропии в физическом и социальном мире. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, придется вспомнить, что кроется за понятием «энтропия». Это понятие введено впервые Р. Клаузиусом в 1865 г. в термодинамике для определения меры необратимого рассеяния энергии неравновесной термодинамической си-

стемы. Энтропия является фундаментальным понятием Второго начала термодинамики, которое может быть сформулировано несколькими способами. В формулировке Р. Клаузиуса оно гласит: «Энергия Вселенной постоянна; энтропия же стремится к максимуму». В более понятном изложении оно может быть представлено так: «Процессы, приводящие систему к состоянию равновесия, сопровождаются ростом энергии». Сама же энтропия (от греч. entropia) означает поворот, превращение и характеризует направление протекания самопроизвольных процессов в термодинамической системе и является мерой их необратимости, а также мерой беспорядка в системе.

В современной науке считается твердо установленным, что энтропия принимает максимальное значение в наиболее неупорядоченных (хаотичных) ансамблях и минимальное – в наиболее упорядоченных ансамблях. А это означает, что любая изолированная система стремится достичь ситуации, отвечающей наибольшему беспорядку, т. е. ситуации с максимальным значением энтропии. Если, например, предположить, что любой биологический организм, помещенный в ящик и показавшийся полностью изолированным от среды, скорее всего не выживет и распадется в конце концов на неупорядоченную смесь простых органических молекул. Если же система взаимодействует с другой системой (внешней средой) и не является изолированной, т. е. функционирует как открытая система, то степень беспорядка и, следовательно, энтропия в интересующей нас открытой системе будет уменьшаться [1, с. 154–156].

В зависимости от специфики той или иной науки данное понятие получает различные истолкования. В частности, в статистической физике оно выражает неопределенность состояния изучаемой системы и представляет меру вероятности пребывания системы в данном состоянии (Л. Больцман); в теории динамических систем – меру хаотичности в поведении траекторий системы; в теории информации – меру неопределенности источника сообщений, определяемую вероятностью появления тех или иных символов при их передаче; в теории управления – меру неопределенности состояния или поведения системы в данных условиях. В кибернетике при помощи понятий энтропии и негэнтропии выражают меру организованности системы. Будучи справедливой для систем, подчиняющихся статистическим закономерностям, эта мера требует большой осторожности применительно к социальным системам. Для осмысления проблематики социального бытия наиболее приемлемой является трактовка энтропии в ее управленческой трактовке. В связи с резким возрастанием значимости информационных коммуникаций в современном высокотехнологичном обществе, которое с полным основанием называют обществом информационным, очень существенно понимание специфики информационной энтропии. Информационная энтропия интерпретируется обычно как неопределенность информации, т. е. сведений о некоторой информационной системе, или же как недостачи (недостатка) информации о состоянии системы. Поэтому для обозначения тождественной связанной информации о состоянии

системы стали использовать термин «негэнтропия». Этот термин неразрывно связан с потоками информации, протекающими в системе. Негэнтропия является мерой порядка, упорядоченности внутренней структуры, связанной информации, наличествующей в данной системе, и ее не следует представлять как энтропию с отрицательным знаком [1, с. 158]. Необходимо иметь в виду, что в реальной действительности, как в природной, так и в социальной, абсолютно безэнтропийных процессов не бывает. Следовательно, энтропийные потоки и негэнтропийные процессы надлежит рассматривать в их диалектическом взаимодействии. А их принципиальное различие заключается в том, что энтропия – это мера множественности тех состояний системы, о пребывании в которых система должна забыть, а негэнтропия, воплощающая в себе своеобразный сгусток информации, – это мера множества тех состояний, о пребывании в которых система должна помнить. Такая особенность характерна для различных систем, но особенно большое значение она имеет для функционирования социальных систем. Эта особенность, принимающая характер закономерности, дает возможность при ее учете в различных сферах человеческой деятельности, в первую очередь в управленческой, оценивать конкретные возможности информационного и энергетического обеспечения системы и принимать решение о том, что можно и нельзя делать, что целесообразно, что рискованно, что сомнительно, а что необходимо. При организации и осуществлении любой социальной деятельности ее следует осуществлять таким образом, чтобы обеспечить более высокие темпы снижения энергии и соответственно повышения негэнтропии социального бытия.

В этом контексте бесспорно, что возникновение жизни на нашей планете, появление человека и действие его разума приводят в конечном счете к убиванию энтропии и увеличению негэнтропии. В своей жизнедеятельности человек функционирует как деятельное социальное существо, обладающее избыточной энергией, которая используется для преобразования природы. По своей масштабности и мощности антропогенные воздействия на природу, усиленные научными знаниями, ростом технической мощи и энерговооруженности цивилизации, как установил В. И. Вернадский, становятся сравнимыми с геологическими силами [2, с. 510]. Увеличение в нарастающих масштабах огромного количества искусственной энергии, которое стало теперь производить человечество, привело к колоссальному энергопреобразованию окружающего мира в сторону все больших и эффективных действий. С развитием цивилизации энергия человечества принимает все менее биологический характер и все более характер внешних воздействий на окружающий мир через разум, научные знания, технику и технологии. А это означает, что активные человеческие действия, направляющие всевозрастающую энергию на преобразование мира, имеют *антиэнтропийную направленность*. Эта антиэнтропийность человеческого бытия неуклонно возрастает, поскольку оно становится саморегулируемым. Данная тенденция, являющаяся определяющей для правильного понимания сущности и смысла человеческого бытия, детерми-

нируется тем, что возрастание энтропии является естественным состоянием закрытой системы. Но в отличие от этого социальные системы являются открытыми и могут импортировать энергию в процессе взаимодействия с внешней средой и тем самым избегать энтропии. Они способны не только выживать, но и образовывать новые, более устойчивые состояния, видоизменяясь в соответствии с вновь возникающими условиями и адаптируясь к ним, достигая состояния негэнтропии. Постоянные обмены с окружающей средой и адаптация, усиленные и усовершенствованные возрастающим энергопреобразующим воздействием на природную и социальную действительность, становятся решающими факторами обеспечения антиэнтропийной направленности социального бытия.

Разумеется, в реальной действительности, в том числе и социальной, энтропия и антиэнтропийные тенденции связаны диалектическим взаимодействием. На это самое серьезное внимание было обращено в работах российских философов и естествоиспытателей в 20-х годах XX в. В частности, П. Флоренский рассматривал весь окружающий человека мир как арену непрестанной борьбы двух принципов – энтропии, всеобщего уравнивания, и эктропии (логоса), воплощающего в себе интеллектуальные силы, организующие активные человеческие действия по совершенствованию бытия. Именно в этом он видел основное предназначение проповедуемой им «конкретной метафизики, которая есть философская антропология» [3, с. 29]. Исходным пунктом такой антропологии должен быть, по его мнению, следующий тезис: «Метафизические плоскости спайности бытия выражаются в своеобразиях психологического устройства нашего опыта. Антропология не есть самодовлеемость уединенного сознания, но есть сгущенное, представительное бытие, отражающее собой бытие расширенно – целокупное: микрокосм есть малый обрез макрокосма, а не просто что-то само в себе» [3, с. 34]. Особую значимость в организации антиэнтропийной направленности человеческого бытия он придавал культуре, утверждая, что «культура может быть истолкована как деятельность организации пространства» [4, с. 321].

Еще более активно и масштабно сходные взгляды отстаивал Н. Бердяев. Он усматривал антиэнтропийную направленность человеческого бытия в том, что своим самосознанием человек «прорывается за грани природного мира, прорывает все явления природного мира и являет собой верховный центр бытия» [5, с. 298–299]. Но вместе с благами такого прорыва существуют и серьезные опасности для человечества, которые приносит с собой в наше бытие «механическая, уравнивающая и обесценивающая цивилизация с ее дьявольской техникой», порождающей «лжебытие, призрачное бытие, вывернутое бытие» [5, с. 495]. Если техническая цивилизация нивелирует творческое начало в человеке, энтропизирует его, считал Бердяев, то культура, напротив, антиэнтропийной мощью своих ценностей убеждает, что «именно в творчестве свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творение Божье» [5, с. 33]. В отличие от энтропии, где происходит

перераспределение энергии посредством выравнивания, проявляющаяся в деятельности человека «творческая энергия, – по утверждению Бердяева, – есть энергия прирастающая, а не перераспределяющая» [5, с. 370]. Он был убежден в том, что «творческий акт непосредственно пребывает в бытии, он есть самораскрытие сил бытия», потому что «цель творческого прорыва – достижение иной жизни, иного мира, восхождение в бытии» [5, с. 341, 347]. Подчеркивая, что эта особенность ярче всего проявляется в художественной культуре, он вместе с тем считал необходимым уточнить, что «в искусстве творится не новое бытие, а лишь знание нового бытия» [5, с. 444]. А это означает, что высшей целью подлинной культуры должна стать «не красота как культурная ценность, а красота как сущее, т. е. претворение хаотического уродства мира в красоту космоса, претворение жизни этого мира в бытийственную красоту, в красоту сущего» [5, с. 445]. Поэтому не только художником, но и каждым человеком должен руководить «императив творить красоту во всем и везде, в каждом акте жизни» [5, с. 456].

В существенно ином, а именно в космическом ракурсе проблему взаимодействия энтропии и антиэнтропии анализировал К. Циолковский. В работе «Причина космоса» он высказал предположение о торжестве в космосе творческих антиэнтропийных сил жизни и разума над уравнительными энтропийными тенденциями. В качестве альтернативы по отношению истолкования принципа возрастания энтропии как свидетельства деградации Вселенной Циолковский утверждал, что во Вселенной широко распространены процессы становления новых космических объектов, вследствие чего она (а вместе с нею и человечество) находится в состоянии «вечно возникающей юности» и «вечном усложнении». Осуществление космических полетов человека, создание долговременно действующих исследовательских космических станций убедительно свидетельствуют о правомерности суждений Циолковского об антиэнтропийной сущности созидательной деятельности человечества.

С приведенными суждениями Циолковского, равно как и с мнениями, высказанными Вернадским, Флоренским, Бердяевым, хорошо согласуется разработанная выдающимся математиком Н. Н. Моисеевым теория коэволюции человечества и природы. Он подчеркивал: «Несмотря на то, что всякая материальная система, согласно второму началу термодинамики, стремится к состоянию хаоса, как к наиболее вероятному (с точки зрения термодинамики) состоянию, в котором энтропия максимальная, в реальном мире мы наблюдаем *острова стабильности*, то есть системы, чья сложность (организованность) с течением времени не только не уменьшается, но увеличивается» [7, с. 180]. Именно такой системой, по убеждению Моисеева, является социальная система, способная упорядочивать не только свое собственное развитие, но и свои взаимоотношения с природой, что и получило обоснование в принципе коэволюции.

Важнейшим компонентом антиэнтропийной направленности социального бытия является специфика сознания как отличительной особенности че-

ловека. В реальной действительности существует *единственный* орган – мозг человека с его чрезвычайно сложной нейронной сетью, не нуждающейся во внешнем обслуживании, которое бы приводило к понижению энтропии мозговой деятельности. Это означает, что в самой организации и структуре мозга в особенностях его функционирования заключены истоки безэнтропийной природы человеческого сознания, которое представляет собой особого рода деятельность психики, связанную с хранением, концентрацией, интерпретацией информации, поступающей в мозг из внешнего мира и от самого организма. Вторым фундаментальным проявлением неэнтропийной сущности нашего сознания является символический код, позволяющий человеку объективировать свою мыслительную деятельность посредством знаний, букв, цифр, музыкальных нот и т. п. Присущая только человеческому бытию адекватно видимая, читаемая, слышимая символика, имеющая безэнтропийную природу, объективируется в науке, поэзии, драматургии, технике, технологии, политике. Наиболее же концентрированным воплощением антиэнтропийной сущности социального бытия является активная и целенаправленная человеческая деятельность, ориентированная на достижение субъектом поставленных целей, удовлетворение разнообразных потребностей и освоение общественного опыта.

В процессе деятельности, прежде всего производственно-трудовой, происходит активное изменение предметов природы, материальной и духовной жизни общества в целях удовлетворения потребностей человека, возрастает упорядоченность окружающей среды и самих действий человека, следовательно, происходит снижение энтропии и увеличение антиэнтропийной сущности социального бытия. Какой бы вид деятельности – материальной, воплощенной в создании многообразных вещественных благ, социальной, направленной на организацию общественной жизни и совершенствование социальных процессов, духовной, реализуемой в интеллектуальных или художественных усилиях, ориентированных на созидание духовных ценностей, – мы ни рассматривали, в каждом из них наибольшим антиэнтропийным потенциалом обладают элементы творчества. Именно своей творческой деятельностью (а такой характер может иметь любой вид деятельности) человек преобразует и упорядочивает окружающую реальность, создает нечто новое, оригинальное, ранее не существовавшее в природе, науке, культуре, образовании, медицине, спорте, политике и т. д., резко расширяя тем самым масштабы своего целенаправленного антиэнтропийного, упорядочивающего воздействия на окружающий мир. Поэтому каждый социально организованный, духовно богатый и нравственно воспитанный человек призван в своем бытии осуществлять антиэнтропийную функцию, следовательно, противостоять беспорядку, хаосу и другим проявлениям энтропийности в личной и общественной жизни. Совесть, долг, призвание и другие высшие проявления нравственности негэнтропийны по своему существу и содействуют установлению и упрочению порядка, организованности, нравственности, гуманности в обществе. Все, что

способствует физическому, духовному, нравственному здоровью человека, повышению качества его жизни, а следовательно, и качеству жизни народа – здравоохранение, образование, наука, культура, религия, физкультура и спорт, социальное управление и т. п., – обладает мощным антиэнтропийным зарядом, который надлежит всемерно использовать во имя осуществления социального прогресса.

Однако нарастание саморегулируемости и антиэнтропийности активного человеческого действия отнюдь не исключает возникновения в социальном бытии определенных энтропийных явлений и процессов. Социальная энтропия является мерой отклонения социальной системы или отдельных ее сегментов и элементов от нормального ее состояния и функционирования. Чаще всего в социальном бытии действуют две противоположно направленные тенденции – как возрастания, так и уменьшения энтропии. В зависимости от того, какая из них становится преобладающей, возникает либо более высокая организованность или самоорганизация системы, либо ее дезорганизация, нарастание в ней элементов хаоса и распада. Во втором случае система оказывается в состоянии кризиса, который может воплотиться в распаде данной системы, как это и произошло в случае с разрушением Советского Союза, когда элементы нарастающей дезорганизации, снижения эффективности деятельности почти всех подсистем, прежде всего экономики и политики, механизмов управляемости и доверия к власти завершились крахом системы. Этот трагический опыт свидетельствует, что в том случае, когда суммарное нарастание социальной энтропии *превышает* суммарное увеличение негэнтропийных и антиэнтропийных процессов, в системе начинают преобладать процессы движения в сторону неупорядоченности, неопределенности, деструкции, хаоса, что в конечном счете приводит к разрушению и гибели данной системы.

Конкретные проявления социальной энтропии весьма многообразны – это снижение уровня организации, эффективности функционирования, темпов социального бытия. Кроме того, они характеризуются возрастанием неопределенности, неупорядоченностью в действиях людей, их социальных групп и общностей, социальных организаций и институтов, недостаточным уровнем или недоиспользованием информации, прежде всего научных знаний в процессе организации и управления данной системой. Значимость глубокого понимания сущности и проявлений социальной энтропии предопределяется тем, что даже при достаточно стабильном формальном (внешнем) порядке система может функционировать неэффективно, с большим количеством сбоев и ошибок, неизбежно оборачивающихся нарастанием дезорганизации и снижением эффективности предпринимаемых действий. Основными причинами и источниками увеличения социальной энтропии в современном обществе являются: а) вооруженные конфликты; б) природные и техногенные катастрофы; в) экономические и социальные кризисы; г) эпидемии, болезни, рост смертности и сокращение народонаселения; д) межнациональные и межконфессиональные конфликты; е) совершение террористических актов; ж) высокий уровень преступности.

Резкое расширение масштабов социальной энтропии в большинстве стран, в том числе и в Беларуси, обусловил начавшийся в августе 2008 г. мировой финансово-экономический кризис. Он привел к снижению объемов и темпов развития основных отраслей экономики и банковской сферы, к снижению доходов основных групп населения. К счастью, развитие экономики и социальной сферы Беларуси в кризисной ситуации не утратило своей стабильности и устойчивости. А итоги социально-экономического развития страны за 2010 г. свидетельствуют о том, что Республика Беларусь постепенно, но неуклонно преодолевает негативные последствия кризисных явлений и вступает в посткризисный период. При обилии негативных последствий энтропийного характера, вызванных развертыванием кризиса, есть в этом процессе и некоторый позитивный элемент. Кризис, а также преодоление его последствий заставили работников всех отраслей деятельности, особенно управленческой, задуматься о более требовательном и критичном отношении к своей работе, к недостаткам и о предупреждении, преодолении, недопущении их в будущем. В этих условиях важное значение приобретает разработка и практическая реализация новой социальной парадигмы посткризисного развития нашей страны, обеспечения стабильности и устойчивости ее социально-экономической, политической и культурной динамики на базе крупномасштабных инновационных трансформаций и с учетом особенностей идентичности и менталитета белорусов, их традиционных базовых ценностей.

Серьезное нарастание социальной энтропии произошло в России аномально жарким летом 2010-го года. Необычно масштабные площади лесогорения в данном случае были детерминированы не только природными, но и антропогенными факторами. Многие руководящие работники местных органов власти, которые не обеспечили меры по предотвращению лесных пожаров и эффективному их тушению, по защите от пожароопасности населенных пунктов, были освобождены от занимаемых должностей. Не исключается в некоторых случаях и наличие не только извечной российской безалаберности, проявляющейся в бесконтрольном и пожароопасном разведении костров в лесах, но и умышленных поджогов. Кроме того, в прессе появились сенсационные предположения (правда, пока не приобретшие достаточной доказательности, чтобы считать их за истину), согласно которым действия американских систем HAAR (пучково-лучевых систем, способных вызвать мощные энергетические выбросы в заданной точке пространства), возможно, создали над Восточно-Европейской равниной псевдоантициклон, разогревающий атмосферу до 40° и выше. В связи с этим, утверждали эксперты, не надо удивляться, если ближайшая зима по принципу климатического бумеранга установит небывалые минусовые рекорды, а запредельные морозы ударят по Северной Америке [7, с. 32].

Поскольку Беларуси за последние два десятилетия удалось избежать вооруженных, межнациональных и межрелигиозных конфликтов, а стихийные бедствия и техногенные катастрофы не имели здесь чрезвычайно масштабного

характера, обратим внимание на энтропийную опасность существующей ныне в нашей стране демографической ситуации. Итоги проведенной в 2009 г. республиканской переписи свидетельствуют, что за десять лет, прошедших между переписями 1999 и 2009 г., население Беларуси уменьшилось на 541 тыс. чел., или на 5,4 %. За это же время доля детей в возрасте до 15 лет уменьшилась с 21 до 16 %. Коэффициент рождаемости в Беларуси составляет 1,4, что обеспечивает замещение поколений их детьми только на 67 %. Почти 57 % учащихся 1–11-х классов имеют те или иные функциональные расстройства: дефекты речи, понижение слуха, нарушения зрения и осанки [8, с. 1–2; 9, с. 10]. Особенно тревожит тот факт, что в среде школьников всего лишь 24,7 % детей и подростков оказываются не имеющими нарушений здоровья. В то же время людей в возрасте старше 65 лет в стране более 14 %, а в сельской местности – 23 %, т. е. фактически каждый четвертый сельчанин. Оценивая эту статистику, следует учесть, что по методике, применяемой экспертами ООН, население считается старым, если в составе населения страны лица в возрасте более 65 лет составляют 7 %, т. е. вдвое меньше, чем в Беларуси. Главным фактором старения населения является высокая смертность, особенно среди мужчин, что составляет основную причину возрастания социальной энтропии.

Одним из существенных факторов дезорганизованности в обществе и роста социальной энтропии является такая форма проявления избыточности энергии человека, как преступность, уровень которой в Беларуси сохраняется высоким. Хулиганство, нарушение правил дорожного движения, распространение и потребление наркотиков, грабежи, изнасилования, умышленные убийства и покушения на убийство и другие преступления приводят к дезорганизации межличностных и групповых отношений, к росту энтропийного потенциала общества.

Одной из существенных причин нарастания социально-энтропийных явлений являются более или менее серьезные нарушения нравственных предписаний и правовых норм, существующих в обществе. Мораль и закон призваны в нашем обществе шествовать рука об руку друг с другом. Но с точки зрения их значимости в обуздании элементов социальной энтропии необходимо иметь в виду, что действие нравственности в отличие от правовых норм обеспечивается не системой внешнего принуждения и поощрения, а внутренними побуждениями, внутренними мотивами, собственными внутренними чувствами человека. Мораль, представляющая собой свод правил поведения людей в обществе, их отношений к другим людям, любви, страху, труду, собственности, справедливости и несправедливости, воспитывает в человеке совесть, благородство, чувство долга, верность, честность, доброту, создавая тем самым благоприятный нравственно-психологический климат для повышения организованности в обществе, снижения в нем уровня энтропии. Всякие же отклонения от норм морали, воплощенные в лживости, обмане, измене и других проявлениях безнравственности, ведут к увеличению социальной энтропии, к дезорганизации личной и общественной жизнедеятельности.

Во всей многообразной деятельности, осуществляемой в обществе, необходимо учитывать непреложное правило: все, что принято считать безнравственным и правонарушением, умножает неуверенность, беспорядок, хаос во взаимодействиях людей друг с другом и государством, а все, что считается нравственным, так или иначе, в большей или меньшей степени противостоит хаосу, беспорядку, росту энтропии, повышает уверенность человека в завтрашнем дне. Поэтому упрочение нравственных и правовых основ нашего общества выполняет созидательную, антиэнтропийную роль во всех сферах жизнедеятельности людей, во всех областях социального бытия.

Существенную упорядочивающую роль в снижении уровня социальной энтропии выполняет преодоление асимметрии во взаимодействии человека с окружающей природной средой. О нарастающей актуальности успешного и своевременного решения этой задачи свидетельствуют резко участившиеся, главным образом под воздействием антропогенного фактора, природные и техногенные катастрофы – ураганы, цунами, наводнения, лесные пожары, не говоря уже об озоновых дырах и потеплении климата.

В условиях перехода к информационному обществу, базирующемуся на экономике знаний (точнее, на креативной экономике), сужения сферы действия дезорганизационных процессов, приводящих к разрушениям, катастрофам, хаосу, т. е. к суммарному увеличению социальной энтропии, неуклонно возрастает значимость повышения уровня информатизации общества, повышения в нем роли знаний, информационных технологий, инновационных процессов.

Важнейшим направлением многогранной и целенаправленной деятельности государства, предприятий, органов самоуправления, здравоохранения, культуры, науки, ориентированной на обеспечение устойчивого инновационного развития, создающего возможности для снижения уровня социальной энтропии, должно стать формирование человека-гражданина, осознающего свое положение в социальном бытии, при котором он имеет максимум возможностей для духовно-нравственного возвышения. Это направление деятельности воплощено в известном лозунге: «За сильную и процветающую Беларусь».

Материальные предпосылки для успешного решения этих задач создаются устойчивым развитием белорусской экономики, которая создает на протяжении нескольких последних лет стабильный рост валового внутреннего продукта в среднем на 10 % в год. В этом же направлении действуют принимаемые в Беларуси меры по либерализации экономики и дебюрократизации всех уровней управления. Значительным шагом вперед в решении этих задач, в снижении уровня социальной энтропии в белорусском обществе станет социально-экономическое развитие страны в 2011–2015 гг. Если бюджет Беларуси 2010 г. правомерно называли «осторожным», то утвержденный на 2011 г. бюджет следует именовать «осторожно оптимистическим». Прослеживается его социальная направленность. В частности, расходы на социальную сферу возрастут по сравнению с предыдущим годом почти на 1,5 трлн руб., на

выплату пенсий – на 1,7 трлн руб., на здравоохранение – на 300 млрд руб., на образование – 700 млрд руб.

Возрастающую значимость в обеспечении социального здоровья белорусского общества, усилении его организованности, избавлении от элементов дезорганизованности и беспорядка приобретает перевод экономики, всех других сфер общественной жизни на инновационный путь развития. Решающая роль в этом принадлежит опережающему развитию здравоохранения, образования, культуры и науки. Позитивные сдвиги во всех этих сферах социального бытия обеспечивают рост масштабов и эффективность энергопреобразовательной деятельности людей, их социальных групп, коллективов, организаций, сужая тем самым область проявления социальной энтропии. Именно таким образом обеспечивается достижение стратегической цели нашего общества – значительное повышение качества жизни людей, осознание каждым человеком высшего смысла социального бытия: максимальное саморазвитие и самоутверждение личности, максимальная ее самореализация.

Литература

1. Прангишвили, И. В. Системные законы и закономерности в электродинамике, природе и обществе / И. В. Прангишвили, Ф. Ф. Пащенко, Б. П. Бусыгин; Ин-т проблем упр. им. В. А. Трапезникова. – М. : Наука, 2001. – 525 с.

2. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.

3. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. –М. : Наука, 1990. – Т. 2. – 448 с.

4. Флоренский, П. А. Иконостас. Избр. тр. по искусству / П. А. Флоренский. – СПб. : Мифрил, Русская книга, 1993. – 366 с.

5. Бердяев, Н. А. Философия свободы, смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1989. – 607 с.

6. Циолковский, К. Э. Причина космоса / К. Э. Циолковский. – Калуга: издат. автора, 1925. – 90 с.

7. Кашницкий, С. Климатический бумеранг может вернуться в Америку / С. Кашницкий // Аргументы и факты. – 2010. – 15 сент. – С. 4.

8. Социальный портрет в интерьере // Беларусь сегодня. – 2010. – 9 сент. – С. 1–10.

E. M. BABOSOV

SOCIAL ACTIVITY AND SOCIAL ENTROPY

Summary

Basic problems of social human life are put forward and analyzed in offered article. Author analyzed the essence of social activity as dynamic system of active interaction of the person or social group with world around. It is shown that active human activity has anti-entropy orientation. The basic components of anti-entropy orientation are allocated. Features of social entropy are characterized. Also article contains conclusions and recommendations on decrease of the social entropy level in conditions of transition of economy and other spheres of a public life of Belarus on an innovative way of development.

УДК 316.334.2

С. А. ШАВЕЛЬ,
доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Рассматриваются философские предпосылки методологии социологического исследования: проблема первичности материи – сознания, реализм – номинализм, субъективное – объективное, плюрализм истин(ы).

В одном из писем своему ученику и последователю Жоржу Дави Э. Дюркгейм писал: «Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвращался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути» [1, с. 321]. Рефлексивность данного признания, его в определенном смысле интимный характер – не случайно об этом сказано в письме, а не в публикации – можно оценить только при соотнесении с некоторыми вехами интеллектуальной биографии автора. Будучи философом по базовому образованию, преподавателем философии в начале профессиональной деятельности, Дюркгейм активно боролся за освобождение социологии от «всякой философии». Но при этом речь шла лишь о методологической независимости, преодолении умозрительных спекуляций, дискредитирующих молодую науку, которой для подлинного самоутверждения крайне необходимы, по его мнению, собственные методы познания. «Социология, – утверждал Дюркгейм, – должна строиться на эмпирическом и рациональном методическом фундаменте» [1, с. 321]. Что же касается содержательной стороны, то ни одна наука не может отказаться от философского наследия: категориального аппарата, логических приемов, опыта исследования «вечных проблем», анализа духовной культуры, ценностного сознания, природы человека, смысложизненных модусов бытия и др. Вполне очевидно, что при изучении Дюркгеймом разделения труда, аномии, солидарности и их последствий философский подход оказывался не просто желательным, но и необходимым; без него исследованию грозил редукционизм с погружением в эмпиризм, натурализм и т. п. Несомненно также, что и сегодня, как и во времена Дюркгейма, сама природа социологических вопросов побуждает к философской рефлексии, что формально закреплено в требовании «теории на входе» в программе эмпирических исследований. Признание Дюркгейма примечательно и тем, что в нем имплицитно содержится мысль о единстве и симметричности социологиче-

ской методологии и онтологии социальной реальности. Как известно, в философии имеется несколько «сквозных» положений мировоззренческого уровня, оказывающих влияние на познавательную деятельность вообще и требующих определенности по отношению к ним с точки зрения социологической методологии.

Мировоззренческие расхождения общественной мысли не могли не отразиться и на социологии. Противопоставление материализма и идеализма, безусловно, присутствует в истории и современной социологической науке, хотя оно проявляется не столь резко и однозначно, как в философии; обычно опосредуется другими влияниями и представлено в качестве методологических предпосылок исследования. Для социологической методологии в этом мировоззренческом дискурсе по основному вопросу философии первостепенное значение имеют следующие моменты: 1) соотношение бытия и сознания; 2) социологический смысл рационализма и номинализма; 3) субъективное и объективное в социальной реальности и ее познании; 4) монизм и(или) плюрализм истины. Прежде всего отметим, что в социогуманитаристике философская дилемма первичности понимается как методологический вопрос о соотношении бытия и сознания. Бытие – предельно широкая категория, допускающая («вмещающая») самые разные варианты дефинирования и интерпретации. Для социологии осмысленность данного понятия в том, что оно обозначает реальный процесс жизнедеятельности людей в эмпирически фиксируемых конкретных условиях.

Материалистический монизм придерживается формулы «бытие определяет сознание». Идеалистический монизм утверждает приоритет и «демиургичность» («силу творения» сознания); он исходит из того, что отношения, действия, поведения людей, их образ жизни, одним словом – содержательная полнота Бытия является продуктом сознания. Но в сфере повседневности человек просто вынужден основываться на своей «естественной» установке, допускающей априори объективное существование внешнего мира, в том числе общественных структур, других людей и пр., а сознание – не просто вместилище (типа Ньютоновского пространства) идей, образов, ценностей, а именно процесс осознания жизненного мира как личного и общественного бытия. В материалистическом положении Маркса можно отметить излишне жесткую, однозначно каузальную связь бытия и сознания. В этом проявляется так называемая «железная необходимость», т. е. предетерминизм, исключающий случайность и вероятность взаимодействия. В таком толковании есть лингвистические моменты, связанные и с переводом, и с возможностью разного понимания термина «определяет». Немецкий транскрипт формулы «бытие определяет сознание» такой: «Das Bewustesein ist das bewuste Sein», буквально – «сознание есть осознанное бытие». Здесь акцент на предметности («бытийности») сознания с выводом о том, что беспредметное сознание невозможно. Более корректно термин «определяет» следует понимать как ту или иную степень влияния, которая допускает вариативность, а также измерение и сопо-

ставление с воздействием иных факторов (например, влияние образования на заработок).

«Наше исследование, – заявлял Вебер, – могло бы послужить скромным вкладом для пояснения того, в какой форме «идеи» вообще оказывают воздействие на ход исторического развития» [2, с. 105]. Рассматривая историю мировых религий, и особенно на примере протестантской этики, Вебер показал роль идей в рационализации хозяйственной деятельности, общественного устройства, социальных институтов и отношений между людьми. Идеи оказывают влияние на исторический процесс и судьбы народов через механизмы духовной мотивации во всех сферах общественной жизни, и прежде всего в экономике. Его подход можно интерпретировать как поиск сбалансированного взаимодействия материального и идеального в самом социальном действии и отношениях людей. Называя рационализм судьбой Европы, он не отрицает значения материальных условий, экономики. Однако предлагает иное понимание сознания. Материалистическая теория отражения, несмотря на все оговорки, не преодолела до конца эпифеноменальности, т. е. вторичности сознания по отношению к материи (бытию). Вебер сопоставил (даже противопоставил) интересы и идеи: интересы рождаются из материальных условий жизни, как рефлексия над своим общественным положением; идеи – возникают на основе уже имеющегося знания (Маркс невозможен без Гегеля, Лютер – без текстов Евангелия и т. д.), являясь коррелятом бытия в том смысле, что они могут консервировать, улучшать или даже разрушать существующий социальный порядок. Когнитивно-диалогический характер сознания более понятен и проявлен в русском транскрипте термина «сознание»: совместное, соучастное, совокупное знание. Общественное сознание не сумма индивидуальных сознаний, как аддитивное множество, а качественно новое, надличностное, духовное образование. Все формы общественного сознания – наука, философия, религия, этика, эстетика, право и искусство – содержательно представляют собой тезаурус *значений. Значение* – это кристаллизованный опыт людей, и он не обязательно должен быть выражен в языке, но и в произведениях искусства, любых человеческих творениях, поступках и пр. Философ Э. В. Ильенков выдвинул парадоксальную идею о том, что «идеальное» существует не в голове человека, а в формах объективного мира [3]; иначе говоря, не будь на земле таких объектов, как треугольник и другие фигуры, явлений – кризиса, инфляции и т. д., их не было бы и в человеческом сознании как соответствующих понятий. Значение индивид осваивает, превращая в знание, а *смыслом* (всегда личностным) выражает отношение к познаваемому, свое притяжение к нему или избегание, что и служит основой мотивации поведения.

Разумеется, программа социологического исследования – не таблица умножения, где любое отклонение есть непоправимая ошибка; это общая ориентировочная схема, которая творчески используется для целей и условий каждого конкретного проекта. В плане феноменологии важнейшим признается положение У. Томаса: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она

реальна по своим последствиям». Ситуативный подход вводит в исследовательское предметное поле субъективные факторы поведения, принятия решений, в частности миграционных установок польских крестьян, выезжающих в Америку, что изучали У. Томас и Ф. Знанецкий. При этом не отрицается роль объективных условий, констелляция которых и создает ту или иную (благоприятную – неблагоприятную) ситуацию в повседневном понимании. Теорему Томаса стали толковать как идеалистическую по своей сути. Она приобрела определенную популярность в рамках парадигмы социального конструирования реальности (П. Бергер и Т. Лукман) и часто воспринимается некритически, как очевидность, не требующая доказательств. Действительно, тот, кто верит в существование, например, русалок, не пойдет ночью на озеро ловить рыбу. Но это суеверие, создающее лишь видимость убедительности. Достаточно спросить, а если ситуация определяется как нереальная, каковы могут быть ее последствия? Следовательно, это не дихотомическая, а степенная шкала, и вопрос мигрантам мог бы быть таким: «При какой вероятности успеха вы согласились бы переехать в США?» Вероятность менее 50 % означала бы определение ситуации как нереальной, и если бы все-таки решение о миграции принималось, то человек оказался бы в безвыходном положении. О неоднозначности теоремы Томаса можно судить и потому, что в ней пропущено центральное звено, а именно генезис ситуации. Например, рыночная ситуация возникает при взаимодействии как минимум двух агентов: продавца и покупателя. Каждый из них обладает некоторыми возможностями (у одного – товар, у другого – деньги), установками, ожиданиями, мотивами, которые актуализируются применительно к конкретным условиям решения данной жизненной проблемы. Но ведь рыночные механизмы уже есть, и только поэтому люди торгуются, взвешивают разные варианты и т. д. При монополии госторговли все это было бы невозможно. Иначе говоря, рыночная ситуация определена не агентами, а политическим выбором, историческим развитием данного общества и изменить ее мгновенно индивиды не могут. Таким образом, мировоззренческий монизм любого толка противопоказан социологической методологии.

Второй раскол в социологии проходит по линии «реализм–номинализм». Возник он не постепенно, по мере накопления знаний и перехода от одних задач к другим, а ab ovo – изначально, в силу преемственной связи с философией. Неслучайно еще Г. Спенсер говорил о «переносе спора между номинализмом и реализмом в другую – социальную – область» [4, с. 279]. Действительно, острый средневековый диспут об онтологическом статусе универсалий, в центре которого была категория материи как субстанции, с зарождением социологии сместился в плоскость категоризации термина «общество» и выяснения единства «индивид – общество». «Что такое общество?» – так назвал первую главу «Оснований социологии» Спенсер; «Как возможно общество?» – вопрошал Г. Зиммель. Нет сомнения, что это центральные вопросы теоретической социологии, и каждый социолог ищет на них свой ответ или солидаризируется

с предшественниками. Социологический реализм признает самостоятельное существование общества, номинализм – понимает его как продукт взаимодействия индивидов. Типичный аргумент номиналистов сводится к утверждению, что если бы не было людей, то не было бы и общества. Реалисты парируют тем, что человек есть общественное существо per se (само по себе), а значит, не будь общества, не было бы и людей, ибо «феральные люди» (от лат. fere – как бы, наподобие), по классификации Линнея (дети-Маугли) не могут ни гоминизироваться, ни социализироваться. Как отмечалось выше, гносеологический источник разногласий связан с решением вопроса о соотношении общего и единичного.

Конт и Дюркгейм были реалистами. На стороне социологического номинализма классики социологии М. Вебер и Т. Парсонс и многие современные авторы. На первый взгляд может показаться, что именно реализм должен быть принят в качестве социологической методологии. Необходимо, однако, учитывать, что абсолютизация онтологических предпосылок реализма чревата недооценкой субъективных факторов социального действия, в том числе и НТП, инновационности и т. д.; вольным или невольным уходом в область социологизма (вульгарного) и реификации («факты как вещи»). У Дюркгейма это выразилось в сакрализации и гипостазировании общества. Социологизм, признавая общество надличностной реальностью, забывает, что она не может быть «безличностной». Такой подход, как свидетельствуют исторические примеры, ведет к деформации общественных отношений.

При методологическом осмыслении оппозиции «субъективное–объективное» необходимо придерживаться и учитывать, во-первых, опыт историко-философского анализа данной категории, бинаризма вообще; во-вторых, современные тенденции к становлению «субъектности», т. е. превращение индивида в субъекта деятельности и всех общественных процессов. Характерное для отдельных направлений переопределение терминов ведет к размыванию классической субъект-объектной схемы познания, вплоть до устранения субъекта. По поводу последних усилий К. Поппер иронизировал, что они хотели бы создать «теорию познания без познающего субъекта» [5, с. 112].

В психологии данная оппозиция рассматривается как одна из девяти биполярных шкал, раскрывающих природу человека. С ее помощью выясняется, что больше влияет на поведение: личный субъективный жизненный опыт или внешние объективные факторы? «В этом заключается суть положения о субъективности – объективности» [6, с. 46]. В социологии этот психологический аспект учитывается при изучении субъективных и объективных факторов социального действия, индивидуальной и групповой активности. Но область применения шкалы значительно расширяется за счет включения социальной реальности и знаний в предметное поле исследования. Обращаясь к историческому опыту, необходимо отметить, что классическая схема S–O была предложена Р. Декартом. Она обладает рядом особенностей, которые не всегда точно эксплицируются критиками. Во-первых, важно учитывать, что

это аналитическая схема, следовательно, она создана с использованием приемов абстрагирования, изоляции и других. Декарт пишет: «Так, например, точки, которые обозначают число треугольников или генеалогическое дерево, объясняющее чью-нибудь родословную и пр., являются фигурами, представляющими множества» [7, с. 153]. Разумеется, тот, чья родословная изображена, заменит точки конкретными лицами. Однако схема сохраняет наглядную представленность ветвистости всех линий родства. Во-вторых, это модель познавательного процесса, и только. Поэтому попытки представить ее как деление мира на два множества субъектов и объектов не корректны. В-третьих, Декарт под объектом имел в виду все то, на что направлено познание, и он приводит пример задачи нахождения гипотенузы прямоугольного треугольника по известным катетам. Субъектом же выступает познаватель. Гносеологический субъект – это абстракция, в нем нет каких-либо демографических, психологических и других признаков, кроме одного – способности к познанию (в примере Декарта субъектом является тот, кто хорошо усвоил теорему Пифагора). Значит, не каждый человек может быть субъектом тех или иных видов познания. Декарт и создал «руководство для ума» для того, чтобы расширить такие человеческие возможности. Кант позже ввел понятие «трансцендентальный субъект», под которым, если снять терминологическую завесу, выступает ученый-методолог, способный не только познавать некоторые классы объектов, но и сам процесс познания, разрабатывать новые методы исследования. Такой субъект более свободен в выборе объектов познания и оснащен когнитивно для конструирования предмета исследования.

Со временем термин «субъект» был перенесен во все иные виды и сферы деятельности. Теперь под субъектом понимается активное начало, самопроизвольный источник творческой энергии, инновационного развития. Такое понимание вскоре было подвергнуто критике, особенно когда субъектом истории стали называть народные массы, включать в анализ политическую деятельность, культуру, социальное творчество. В результате многие западные социологи стали искать иные нейтральные термины. Так, у Парсонса появился «***а***ктор», у Бурдье – «агент», у Хейзинга – «игрок» и т. д.

Э. Дюркгейм, выясняя, что такое социальные факты, приводит множество примеров: знаковая система, налагаемые на нас гражданские обязанности, деньги и орудия кредита, профессиональные требования и религиозные верования, т. е. все то, что человек находит уже готовым, существующим до него, а значит, и вне его. Тем самым вводится категория «объективное» в социальный мир, который для идеалистически мыслящих философов, теологов представлялся как исключительно субъективный по своей природе. Дюркгейм акцентирует принципиальный момент того, как достижения предшествующих поколений обретают самостоятельное существование, «объективируются» подобно предметам природы. «Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что су-

ществуют вне индивидуальных сознаний» [1, с. 30]. Поэтому атрибутивной чертой социальных фактов, отличающей их от психологических, биологических и др., Дюркгейм называет их «собственное существование, независимое от индивидуальных проявлений».

Рассматривая социальную реальность как действительность человеческого бытия, правомерно подразделять ее на объективную и субъективную. Объективная реальность включает все то в обществе, что существует вне и независимо от сознания ныне живущих людей. Это искусственная среда в широком социокультурном и исторически-преемственном контексте, созданная предшествующими поколениями, в том числе и когортой старшего возраста, и охватывающей как материальное, так и духовное достояние: материально-техническую базу, производственную инфраструктуру, социальные институты, учреждения культуры и образования, а также учреждения, призванные сохранять совокупный тезаурус общества (музеи, библиотеки, социальные сети и т. д.). Субъективная реальность – это область «текучих» сегодняшних феноменов индивидуального, группового и общественного сознания, таких, как результаты голосования, новые произведения искусства и литературы, научные открытия, современная мода, наблюдаемые проявления чувств и настроений, убеждений и верований, социального самочувствия и многое другое. В методологическом плане их взаимоотношения можно понимать как диалектику традиций и инноваций, реализуемую в социальной деятельности. Но опять-таки отрыв или противопоставление этих проявлений социальной реальности друг другу ведет к таким превращенным формам, как объективизм или субъективизм (волюнтаризм). Трудно сказать, что более опасно для общества, поскольку и то, и другое нарушает естественную логику процессов и отношений, снижает эффективность человеческих усилий, тормозит развитие социума.

И, наконец, несколько слов о плюрализме истины. Согласно классическим представлениям, «истина всегда конкретна», «двух истин об одном и том же предмете быть не может», «истина объективна, она не зависит от вкусов и предпочтений людей». Однако с открытием физиками явления, названного «корпускулярно-волновой дуализм», потребовался новый («неоклассический») подход к данной категории. Выяснилось, что два утверждения: 1) свет – это волна; 2) свет – это частица (фотон), оба истинны, что обусловлено сложной природой данного явления. Так в науку вошло выражение «плюрализм истины», понимаемое, как возможность двух и более достоверных суждений об одном и том же предмете. Поскольку в социальном мире сложных, многозначных явлений вряд ли меньше, чем в мире элементарных частиц, то появилось оправдание методологической установки релятивизма, причем не только в гносеологии, но и в эстетике, этике (аморализм), праве. Безусловно, являются истинными разные определения человека, т. е. не только как существа разумного (Homo sapiens), но и производящего орудия труда (Homo faber), играющего (Homo

ludens) и др., поскольку каждое из них выделяет действительно существенный атрибутивный признак. В этом смысле можно говорить о плюрализме истин о человеке. Что касается релятивизма, то он, в принципе, обесценивает всякое понимание истины и, следовательно, не применим в социологической методологии.

Литература

1. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., составл., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 121 с.

2. Вебер, М. Избр. произв. / М. Вебер; пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

3. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика / Э. В. Ильенков. – М. : Политиздат,1979. – 288 с.

4. Спенсер, Г. Основания социологии. Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Г. Спенсер; под ред. В. И. Добренькова. – М. : Издание Междунар. Ун-та Бизнеса и Управления, 1996. – 512 с.

5. Popper, K. R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K. R. Popper. – London: Oxford University Press, 1974. – 380 p.

6. Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 607 с.

7. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт; пер. В. И. Пикова, предисл. И. Луппола. – М. : Соцэкгиз, 1936. – 302 с.

S. A. SHAVEL

PHILOSOPHICAL PREMISES OF SOCIOLOGICAL METHODOLOGY

Summary

Considered philosophical premises methodology of sociological research: problem primacy of matter – consciousness, realism – nominalism, the subjective – objective, the plurality of truths.

УДК 316.77:114

В. Г. ФЕДОТОВА,
доктор философских наук, профессор,
Институт философии РАН, г. Москва

КОММУНИКАЦИЯ И ДИАЛОГ В НАУКЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

В статье рассматриваются теории и феномен диалога и коммуникации в современной науке и обществе.

Острые конфликты сегодняшнего времени ставят вопрос о возможности их разрешения посредством коммуникации, диалога и компромисса. Будучи участницей многих заседаний мирового форума «Диалог цивилизаций», в частности Родосского форума, в том числе и его последней VIII сессии 2010 г., форума в Канаде, я имею возможность наблюдать развитие темы диалога в профессиональной среде и в обществе. Международный форум «Диалог цивилизаций» ныне зарегистрирован в международных организациях как научное направление и общественное движение.

Одной из наименее разработанных тем является тема «Проблемы и трудности диалога», посвященная эпистемологической стороне диалога, его способности к получению истины. Эта тема имеет значение и для учебного процесса, обязывающего преподавателей к постоянному контакту со студентами, а не только для аудиторных занятий. На заседании форума в Канаде в 2008 г. удивили программы Карлтонского университета, включающие концепции ученых незападных стран, в основном предложенные преподавателями из Арабских Эмиратов, Польши и др. Удивило то, что в этом знаменитом университете даже не слышали о Болонской декларации. Конечно, она предназначена для Европы, но свобода решений в университете, отсутствие строгой «линейки» в Канаде вырастили много знаменитых ученых. Там был открыт инсулин, в Монреале работает знаменитый специалист по теории модернизации Ч. Тейлор.

Форум имел для меня большое значение в теоретическом и практическом плане для развития проблемы диалога и изучения новой формы социальной инновации, направленной на утверждение позитивного имиджа России в мире. Такие форумы очень полезны для расширения научных контактов и представлений о спектре мнений ученых и общественных деятелей, видных писателей и политиков о тенденциях мирового развития.

Коммуникация и диалог. Темы диалога, коммуникации, толерантности, мультикультурализма вошли в число явных средств познания и примирения как познавательных, так и реальных противоречий. Диалог – слово греческого происхождения, означающее разговор между двумя или несколькими лицами. В эпоху Ренессанса под ним стали понимать диспут или политический спор [1, с. 180–181]. В настоящее время термины «диалог», «коммуникация», «толерантность» послужили основой переименования ряда процессов, которые прежде имели другие названия, например «дискуссия», «обсуждение», «взаимодействие», «взаимоотношение противоположностей», «компромисс», «солидарность», «социальность». Диалог, коммуникация – это, несомненно, и дискуссия, и обсуждение, и взаимодействие людей и идей. Диалог – элемент диалектики, которую характеризуют единством и борьбой противоположностей. От диалога и коммуникации ожидают компромисса, коллективной солидарности и на ее основе выросшей социальности нового качества. Ни одно из этих наименований не выглядит панацеей от всех бед, хотя диалогу, коммуникации, толерантности приписывается подобная универсальность. В этом смысле они характеризуют не столько содержание, сколько стиль. Диалог рассматривался как элемент античной драмы, как разговор между двумя, а со времен Софокла – тремя актерами [1, с. 181].

Для М. Бахтина диалог, многоголосие, многомирность – это проблема поэтики Достоевского. Не случайно тон дискуссии в данном журнале задал филолог (В. П. Григорьев), остро чувствующий стилевое отличие диалогизма от монологизма, но не намеренный вступить в диалог со списком «монологистов», который он представил, по причине несогласия не столько с их монологизмом, сколько с их взглядами.

По В. Библеру, диалог является проявлением диалектики, и, как справедливо подчеркнул и применил взгляды Библера А. С. Ахиезер в данной дискуссии, гражданское общество должно включать форум (диалог) социальных сил между собой, а также их коммуникацию с властью. Неартикулированность позиций различных социальных слоев российского общества, недостаточная коммуникация с властью делают сегодняшнее российское общество аморфным и далеким от гражданского состояния.

Совершенно понятно, что в условиях советского монологизма идея диалога захватила общественное сознание своей привлекательностью, но в плане анализа не была серьезно продумана последователями и адептами этой идеи, равно как и в отношении своих сегодняшних функций в новых российском и глобальном мире. Хабермас последовательно проводит в своих работах мысль о том, что тема диалога не соответствует дискурсу модерна, построенному на признании разума и общему стремлению к разумному освоению действительности, а модерн для Хабермаса – незавершенный проект. В доказательство этого он подвергает критике попытку Х. и Г. Беме найти подлинные мотивы кантовской критики чистого разума как имеющие подоплеку *диалога* с духовидцем Сведенборгом. Хабермас объясняет, что Кант критиковал разум, ис-

ходя из его перспективы, т. е. в рамках модерна, а вовсе не сопоставляя разум с «иным», «другим», предшествующим ему состоянием [2, с. 312–315]. Эпоха модерна устремлена к разуму, а не к его оппонированию или диалогу со всем тем, что не имеет таких устремлений. Диалог, который тут мог быть, явился бы диалогом сторонников одной идеи. Поэтому потребность в диалоге, коммуникации, по мнению Хабермаса, возникает позже, примерно с Ф. Ницше, пошатнувшего старое здание рациональности.

Не находя сегодня предпосылок для «золотого века рациональности», какими были Новое время и Просвещение, многие тем не менее не сомневаются в регулятивной роли классических представлений о рациональности, побуждающих к поиску новых, неклассических ее форм. Поздняя современность утрачивает монологизм и ищет в диалоге новые разумные основания. Определяющим механизмом коррекции и совершенствования рационального сознания, по мнению В. С. Швырева, является установка на построение более масштабной модели включения человека в мир, расширяющей его мироотношение. Критически-рефлексивная линия в развитии рациональности в отличие от некритически-оптимистической рассматривается им как источник неклассической трактовки рациональности. Став в европейской мысли магистральной линией развития наук о природе, классическая объектная рациональность, пишет автор, уже в XVII–XVIII вв. перестает быть единственной формой рационального сознания [3, с. 122]. С этого момента и начинается необходимость диалога, проблема диалога, но диалога тех, кто включен в горизонт рациональности, признает ее базовую ценность, ощущает регулятивное значение классических представлений о рациональности, отличающих европейского человека. Это – *диалог разных людей, но при этом все же людей, которые сходным образом понимают мир.* Неклассическая рациональность проявляется в том, что «пафос адекватности «вписывания» в реальное положение дел, подлинность его существования, то есть принципиальная реалистическая установка рационального сознания, сохраняется, но существенным образом трансформируется. Она оказывается не просто интенцией на предмет познания «сам по себе», но по возможности наиболее точной рефлексивной фиксацией специфики той реальной позиции, в которой оказывается субъект в своем отношении к миру, в который он включен» [3, с. 136]. В. С. Швырев убедительно показывает, таким образом, что тождество разума и бытия, способность разума к овладению условиями существования, провозглашенная в классической трактовке рациональности, остается основополагающим принципом рационального сознания, но способ его достижения не представляется предуготовленным, а, напротив, трактуется как зависящий от усилий человека, в том числе и от его способности к диалогу и коммуникации. Это подрывает квазиприродную трактовку социальных процессов и процесса познания, показывает, что мир творится людьми и что рациональный способ освоения мира может сделать его лучше, а рациональное познание надежнее, не даст покинуть «твердую почву». И это происходит, несмотря на «отказ от моно-

логического идеала привилегированной системы познавательных координат, исходные установки которой санкционируются авторитетом безусловных критериев»[3, с. 145]. В. С. Швырев противопоставляет «конструктивный диалогизм» как «монологическому рациональному познанию», так и «релятивистскому плюрализму». Другие ученые говорят о «диалоге парадигм», который «выстраивает картину реального бытия философии как сопряжение различных уровней и форм ее практики. Практики реального философствования. Одновременно это есть и сопряжение различных уровней реальности в пространстве – времени философии» [4, с. 55]. Добавим, что этому познавательному «правилу» соответствует *социологическое требование отсутствия монополии на истину*, устраняющее предпосылки догматизма в научном сообществе и одновременно обязывающее его избежать маргинализации. А. Н. Олейник в дискуссии журнала «Общественные науки и современность» утверждает приоритетности модели научного кружка перед школой. Однако здесь открывается и перспектива маргинализации научного знания. Представляется, что этот исследователь не использовал потенциал концепции научных сообществ (революций) Т. Куна и научных сетей и связей Р. Коллинза, которые предусматривают диалог и конкуренцию, но вскрывают механизм преодоления маргинализации через профессионализм научных сообществ и сетей [5; 6].

Надежды на диалогизм сегодня едва ли не всеобщи. «Пространство диалоговой коммуникационной метарациональности, ориентированной на организацию конструктивного социального взаимодействия различных претендующих на рациональность *позиций*, – вот форма как рациональности социального действия, так и социального познания», – отмечал В. С. Швырев [3, с. 154]. Таким образом, проблема диалога в эпоху модерна возникает достаточно поздно как проблема взаимоотношений и коммуникаций между людьми, находящимися в рамках одной культуры и общего горизонта рациональности.

Методологические неурядицы. Необходимо отметить, что диалог и коммуникация неявным образом толкуются в нашей литературе как словесно достигнутое согласие, которое приводит и к устранению реального конфликта. Чисто языковая трактовка диалога, делающая его суждением о намерениях, создала немало провозглашенных согласий при реальной непримиримости сторон. Хабермас буквально высмеивает такое понимание: «…подобное культуралистское понимание как будто бы должно наводить на мысль о том, что суверенитет народа должен перемещаться в плоскость культурной динамики авангарда, формирующего мнения. Именно такое предположение должно порождать недоверие к интеллектуалам: они владеют словом и тянут на себя одеяло власти, которую они рискуют растворить в словесах» [7, с. 52]. Еще И. Кант показал, что подписание мирного договора при сохранении предпосылок войны делает такой договор бессмысленным. Бессмысленные «диалоги», «коммуникации» и «толерантности» наводнили нашу литературу и нашу жизнь. В действительности акт диалога или коммуникации возможен тогда, когда он *уже вписан в существующий порядок вещей и способен отобразить*

его при одновременном установлении межличностных отношений и языкового выражения намерения участников. Хабермас показывает, что акт коммуникации и взаимопонимания способен выполнить функции механизма координации действия, сформировать среду согласия, когда он способен понять существующий порядок вещей и представить его: «Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только вместе со слившимися в *особую* тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта» [2, с. 336, 326, 322]. Так, диалог с террористами возможен, если с когнитивной точки зрения удастся достичь *беспристрастной оценки* причин их действий и прямо заявить об этом. Методологически важное утверждение Хабермаса состоит в том, что уважающее международное право государство, которое решает только исходя из собственных представлений вопрос о гуманитарных интервенциях, может заблуждаться относительно совпадения своих интересов с интересами других стран или общечеловеческими интересами. По его мнению, это – не вопрос доброй воли или дурных намерений, но предмет эпистемологии. Ожидание найти нечто, приемлемое для всех, проверяется беспристрастным рассмотрением, по правилам которого от всех вовлеченных сторон равным образом требуется принимать во внимание перспективы других участников. Удивительные слова говорит З. Бжезинский по поводу 11 сентября: «Нельзя уйти от исторического факта, что американское вмешательство на Ближнем Востоке совершенно очевидно является причиной, по которой терроризм был направлен на Америку – так же, как, например, английское вмешательство в Ирландию подготовило частое нападение ИРА на Лондон и даже королевскую семью. Британцы признали этот базисный факт и попытались отреагировать на него одновременно на военном и политическом уровнях. Америка по контрасту показывает примечательное нежелание рассматривать политическое измерение терроризма и идентификацию терроризма с политическим контекстом» [8, с. 30]. И, следовательно, здесь не может идти речи о диалоге и тем более об умиротворении.

Несомненно являясь одним из способов социального конструирования реальности, диалог и коммуникация не всегда и не везде способны осуществить эту функцию так, как мы хотели бы. Они так же подвержены удаче и неудаче, как и все остальное. Хабермас пишет: «Теория коммуникативного действия направляет диалектику знания и незнания в русло удачных или неудачных попыток взаимопонимания» [2, с. 334] и вовсе *не в русло гарантированного успеха* как в познании, так и в практике. Чтобы говорить о диалоге между несоизмеримыми единицами, надо *избежать крайностей толерантности и «гуманитарной интервенции».* Толерантность трактуется сегодня как спасительная терпимость буквально ко всему. «Гуманитарная интервенция» как изменение людей силой – военной или политической, моральной или образовательной. Предельная толерантность может быть проявлена в отношении жизни человека, но не в отношении любого образа его жизни и суверенитета государства, но не его способности во зло другим использовать свой суверенитет. В науч-

ном познании она ограничена направленностью на поиск истины, а не на признание любого высказывания. «Гуманитарная интервенция» должна быть исключена уже из-за самой двусмысленности и чудовищности словосочетания, которое включает как военное нападение с целью исправления стран-изгоев, так и давление, направленное на насильственную рекультуризацию народов и людей.

На наш взгляд, от многих ускользает, что, как правило, *от диалога ожидают разрешения конфликта между рациональным и нерациональным партнером или, по крайней мере, между носителями разной культуры, разного рационального самосознания.* Но именно это представляет наибольшую трудность. Лучше всего это видно на примере взаимоотношения стран. Хабермас объяснил американскую политику в Ираке, возникшую из-за маргинализации ООН, тем, что существует противоречие между Уставом ООН, согласно которому в ООН принимаются любые страны – либеральные, авторитарные, диктаторские, и Декларацией прав человека, по существу, требующей таких политических режимов, которые бы не нарушали прав человека. Многообразные режимы, входящие в ООН, не могут между собой договориться о приемлемых нормах деятельности этой организации. Сегодня с другой стороны, со стороны не критики, присущей Хабермасу, а поддержки американской акции в Ираке, также звучит мысль о правомочности признания несоизмеримых культур: воинственной и ответственной американской, лишенной силы расслабленной европейской. Автор этой идеи Р. Кейган [9] прямо утверждает возможность со стороны США двойных стандартов из-за несоизмеримости народов. По причине все той же несоизмеримости не состоялся ведущий к вечному миру союз народов, о котором писал Кант. Идея вечного мира Канта, по мнению Ю. Хабермаса, не реализовалась во многом потому, что Кант *не предусмотрел трудности диалога с другими, не такими, как европейский человек.* Кант, по его мнению, проявил нечувствительность к появлению нового исторического сознания и росту признания культурных различий, росту значимости неевропейских, нехристианских культур, что делает договоренность с ними проблематичной [10, с. 17].

Действительно, невозможен диалог с террористами, готовыми пожертвовать жизнями, так как на фоне этой готовности не возникает иного предельного аргумента. Невозможен диалог ученого с колдунами. Мировоззренческий спор невозможен. Невозможен в том смысле, что он не способен привести к согласию, не примиряет непримиримые интересы. А именно так, как коммуникация ради согласия, и трактуется преимущественно диалог в нашей литературе. Равным образом есть границы толерантности при восприятии чуждого, морально или политически неприемлемого [11, с. 98–112]. *Мысль о том, что мы говорим с «другим» и «другой», необязательно может быть «другом», накладывает существенные ограничения на диалогические, коммуникативные теории и на принцип толерантности.* И. Левинас, прошедший через ужас

фашистского концлагеря, имел основание видеть в другом не только друга, но и негантропа, нечеловека, врага. Ж.-П. Сартр считал, что ад – это другие. Разумеется, формула диалога и коммуникации имеет свои шансы и все они должны быть использованы. Однако имеются объективные черты кризиса рациональности, которые при попытке сохранить рациональность могут быть обозначены как «признание невозможности и нецелесообразности исчерпывающей рационализации отношения человека к миру, установка на диалог с внерациональными формами ментальности и культуры» [11, с. 172]. Скажем иначе: *установка на то, чтобы выяснить, возможен ли такой диалог.*

Призыв к антропологическому повороту в философии, в рамках которого преимущественно и разрабатываются теории диалога, сегодня важен, так как в условиях радикальных социальных трансформаций многое зависит от того, каков человек. Но вместе с тем этот поворот не означает ухода от проблем общества, так как люди в массе своей таковы, каково общество. Когда разрушается социальное, приходится изучать культурное. Когда разрушается культурное, приходится изучать психологическое. Когда рушится психологическое, приходится говорить о биологическом. И снова собирать все это в новое мысленно сконструированное психическое, культурное, социальное. Поэтому мне совершенно не нравится попытка подмены понятия общества, социального, социальности общением, коммуникацией, взаимодействием людей. Я предпочитаю точку зрения Т. Парсонса, что на уровне взаимодействия мы можем иметь недостроенное до общества социетальное сообщество. В отличие от него общество выступает как сложившаяся система, достроенная доверху и имеющая иерархию уровней (адаптация, достижение целей, социальная интеграция и воспроизводство культурных и прочих образцов). Можно вписать диалог и в другие модели общества, но нельзя его понять, исключив социальную структуру. *Структуры диалога, коммуникации и толерантности формируются в развитом обществе, имеют институциональное оформление, а не являются феноменами недостроенного общества.*

Литература

1. Словарь античности. – М. : Наука, 1989. – 181 с.

2. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 2003. – 315 с.

3. Швырёв, В. С. Рациональность как ценность культуры: Традиции и современность / В. С. Швырев. – М. : Прогресс – Традиция, 2003. – 174 с.

4. Суркова, Л. В. XXI Всемирный философский конгресс: диалог парадигм / Л. В. Суркова // Вестник Рос. филос. об-ва. – 2003. – № 3. – С. 50–55.

5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1975. – 288 с.

6. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.

7. Хабермас, Ю. Философский спор вокруг идеи демократии / Ю. Хабермас // Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М. : Наука, 1995. – 352 с.

8. Brzezinski, Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership / Z. Brzezinski. – N. Y., 2004. – 130 с.

9. Kagan, R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Orde / R. Kagan. – N. Y., 2003, – 205 p.

10. Хабермас, Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре / Ю. Хабермас // Вестник Рос. филос. об-ва. – 2003. – № 3. – С. 17–21.

11. Хомяков, М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность / М. Б. Хомяков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4 .– С. 98 –112.

V. G. FEDOTOVA

COMMUNICATIONS AND DIALOGUE IN SCIENCE AND BEHIND ITS LIMITS

Summary

In the article theories and a phenomenon of dialogue and communications in modern science and society are considered.

УДК 316.328.83(53)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БЕЛАРУСИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

В статье предлагается новая теоретическая модель политической системы. К ней относятся только те компоненты, которые определенным образом влияют на политическую власть и властные отношения. При этом все политические структуры активно взаимодействуют друг с другом для достижения безопасности, устойчивости и стабильности в обществе, повышения качества жизни его членов.

Современное общество как сверхсложная система (суперсистема – по образному выражению Д. Истона [15; 16; 17]) представляет собой структурированное образование, которое отличается исключительной динамичностью и незавершенностью развития, состоит из большого количества подсистем и элементов, имеющих специфические цели, задачи, связи, интересы, потребности, не всегда совпадающие с целями, задачами и интересами других социальных, демографических и половозрастных групп и общества в целом. Разноустремленные подсистемы и элементы, стремясь удовлетворить собственные потребности, пытаются навязывать другим свою волю, достичь власти и как результат вступают в особый вид общественных отношений по поводу власти – политические. Чтобы обеспечить стабильное и устойчивое развитие всей общественной системы, не допустить ее распада на отдельные элементы, необходимо создание специальной подсистемы, регулирующей властные отношения в обществе в целом и в различных его частях. Такой подсистемой является политическая подсистема. Главная ее особенность в том, что она связана с волевой, сознательной, целенаправленной деятельностью людей, их различных структур, учреждений, организаций по поводу власти. Но этот структурный элемент является подсистемой по отношению к обществу в целом и системой по отношению к его отдельным частям.

Первым в научную терминологию дефиницию «система» ввел известный ученый Л. фон Берталанфи [2]. В своих работах он, а затем У. Эшби предложили принципы общей теории систем. Эту теорию активно разрабатывали М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Акофф, Р. Чилкот и другие исследователи [3; 8; 10; 12; 13]. В современной политической литературе политическая система обще-

ства рассматривается в разных аспектах. Сам термин «политическая система» введен в политическую науку в 50–60-е годы прошлого века. Важнейшей причиной, способствующей внедрению системного подхода в политику, стал теоретический голод, ощущавшийся в то время многими представителями политической науки. Он стимулировал разработку прежде всего системной теории политики.

В самом общем смысле под политической системой понимается весь спектр политических отношений субъектов по поводу политической власти. В более узком смысле важно выделить следующие подходы к определению, изучению и анализу политической системы. Сторонники ***институционального*** метода рассматривают политическую систему как комплекс политических институтов, с помощью которых осуществляется регулирование политической жизни общества. По мнению известных советских ученых Г. Х. Шахназарова и Ф. М. Бурлацкого, «политическая система представляет собой совокупность институтов, посредством которых тот или иной класс либо союз классов осуществляет власть и управление обществом. Она включает в себя, прежде всего, политические организации, принципы и нормы, а также механизм коммуникаций, обеспечивающих прямую и обратную связь социальных групп и членов общества с политической властью» [9**,** с. 17–18].

Достаточно популярным является ***системный*** подход, который рассматривает общество как сложную, динамичную, постоянно развивающуюся систему. Американские ученые Т. Парсонс, П. Мертон и другие разработали теорию социальных систем, в которой общество рассматривается как единая социальная система, состоящая из целого ряда подсистем: экономической, социальной, политической, духовной. Каждая из них выполняет специфические функции, назначение которых сводится к выработке и реализации общей цели системы [3; 8; 10; 12; 13]. Идеи Т. Парсонса развил американский политолог Д. Истон. В своих работах он рассматривал политическую систему как политическую жизнь и систему поведения, когда эта открытая система соответствующим образом реагирует на поступающие из окружающей среды импульсы, требования и социальную поддержку и осуществляет авторитетное (властное) распределение ценностей [17, с. 30]. Этот процесс Д. Истон описал в кибернетических терминах: вход – выход – обратная связь. Итогом процесса и является сохранение системы через изменение. Разрабатывая методологию системного анализа общества, Д. Истон определил и характерные черты политической системы общества [15; 16; 17].

Структурно-функциональный метод изучения политической системы тесно связан с американскими учеными Г. Алмондом, Р. Пауэллом и другими [1; 3]. Он является частью общей теории систем и тесно связан с системным подходом. Вместе с тем сторонники структурного функционализма особое внимание уделяют факторам окружающей среды, отражающим весь спектр экономических, социальных, культурных, духовных и других явлений, тесно связанных и активно взаимодействующих с политической системой. Сложная

структура взаимодействия политической системы с окружающей средой через «входы» как каналы влияния среды на политическую систему и «выходы» как обратное воздействие на среду существенно влияет на порядок расположения системообразующих элементов, выполняемые функции и конечные результаты. По мнению К. Дойча, политическая система может быть понята с точки зрения кибернетического подхода: поступление информации, прямая и обратная связь, «выход» решений системы [14]. Американские исследователи рассматривают политическую систему как структуру циркуляции информации для принятия определенных решений, понимают ее как процесс политического поведения, обеспечивающий стабильность и изменчивость (приспособление) системы, утверждают, что «политическая система включает личности, лидеров и их последователей; структуры институтов, которые служат окружением для этих лиц и формируют их поведение; среду, обеспечивающую фон, на котором развертывается политический процесс» [14, с. 5].

Много теоретических споров в настоящее время и о структуре политических систем. У разных исследователей внутренние структуры политических систем существенно различаются. В концепции Т. Парсонса жизнедеятельность общества рассматривается как взаимодействие четырех важнейших подсистем: экономической, политической, социальной и духовной, каждая из которых выполняет определенные функции, реагирует на требования, поступающие из окружающей среды. Д. Истон понимал политическую систему как важнейший механизм формирования и функционирования политической власти в обществе, а структуру – как ее жизненно важный элемент. К. Дойч сравнивал политическую систему с кибернетической, а политика понимается им как процесс управления и координации людей по достижению поставленных целей. В теории Г. Алмонда политическая система характеризуется, с одной стороны, способностью осуществлять в обществе преобразования для обеспечения стабильности, с другой – комплексом взаимозависимых политических элементов, выполняющих жизненно важные функции. Как отмечается в американском словаре политических терминов, для большинства социологов США политическая система («совокупность структур, процедур и институтов») – это подсистема более широких «социетальных систем». К числу последних они относят «государство, международную систему, профсоюз или племя» [1; 3; 4; 8; 11; 15; 16; 17].

Однако подобные концепции имеют огромное количество проблем. Д. Истон рассматривал политическую систему как «черный ящик». Ему были неизвестны процессы, которые происходят внутри политической системы, как происходит преобразование всего того, что попадает на «вход», в то, что мы имеем на «выходе». Он сказался не способным ответить на вопрос, почему и как происходят те или иные политические изменения. Практически никто из исследователей не смог объяснить, как биологические импульсы окружающей среды превращаются в законы и политические решения, как оформить биологические требования в форме политического заказа. Во всех моделях по-

литических систем политический субъект, человек, был исключен из действующих факторов политики. Очень трудно, практически невозможно с помощью застывшего инструментального подхода определить направления развития сложнейших современных политических систем. В то же время структурно-функциональный подход практически не изучает процессы, проходящие внутри политической системы. Нет четких терминологических подходов к самой дефиниции «политическая система». В научной литературе можно встретить понятия «политическая система общества» и «политическая система государства», что совсем не одно и то же. Кроме того, период реформ выявил существенный разрыв между теоретическими моделями политических систем и практикой их реализации [1; 3; 4; 8; 11; 15; 16; 17]. Все эти и многие другие проблемы требуют теоретического осмысления и научного анализа в области гуманитарных наук, прежде всего политической социологии.

Предлагаю новую теоретическую модель политической системы, которая представляет собой комплекс четких, ясных, логически разработанных понятий и ликвидирует имеющиеся недостатки. Это принципиально новый подход, ранее никогда не использующийся в социологической науке. В то же время данная модель включает в себя лучшие достижения научного знания, полученные ранее многими научными школами, использует разработанные ранее методологические подходы. Основополагающий подход к теоретическому осмыслению политической системы состоит в том, что ее определение должно опираться на представления о политике и власти, что к политической системе современного общества относятся только те компоненты, которые определенным образом влияют на политическую власть и властные отношения. Политическую систему необходимо рассматривать прежде всего как систему управления, с помощью которой общество регулирует все существующие в нем общественные процессы. Функции управления осуществляют политические структуры, организующие и направляющие деятельность социальных субъектов в сфере властных отношений. При этом все политические структуры должны активно взаимодействовать друг с другом для достижения безопасности, устойчивости и стабильности в обществе, повышения качества жизни его членов.

По моему мнению, политическая система состоит из трех важнейших подсистем: инструментальной, нормативно-идеологической и функционально-коммуникационной. В основе политической системы находится политическая ***власть***. Это способность политических субъектов влиять на поведение конкретных индивидов, социальных общностей, организаций, структур с целью управления, координации, согласования, подчинения интересов всех членов общества единой политической воле посредством убеждения и принуждения и с помощью законов и других нормативных актов. Политическая власть – основной элемент системы, ее стержень. Подчеркнем, что лишь те компоненты, которые непосредственно связаны с политической властью, могут быть структурными компонентами политической системы: государство, политические

партии, специфические общественные структуры, средства массовой информации, политические акторы и электорат.

Государство – это основной институт политической власти, осуществляемой на профессиональной основе особой группой лиц на основе права, данного им Конституцией страны. Именно государство является главным звеном политической системы. Поэтому следует говорить – политическая система общества, и государство входит в эту систему. Доминирующая роль государства в политической системе современного общества определяется целым рядом особенностей. Государство является единственной организацией, которая объединяет всех без исключения граждан. Оно обладает монопольным правом издания законов и установления общеобязательных для исполнения актов (правил поведения). Государство интегрирует общество в единое целое, независимо от интересов и потребностей социальных групп и слоев и действует в сфере интересов всего населения. Только оно вправе регламентировать правовое положение политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации. В государстве достаточно много структурных элементов, которые выполняют властные политические функции. Среди них следует выделить институт президентства, правительство, парламент, местные органы управления и самоуправления. Однако они в стране играют не одинаковые роли. Главнейшую роль, как правило, выполняет Президент государства. Благодаря политической власти, предоставленной ему Конституцией, своей заинтересованной деятельности он решает все политические проблемы, преодолевает негативные последствия действий других политических акторов.

Парламент всегда являлся одним из важнейших институтов политической системы. Он способен инициировать политическую активность граждан, позволяет им не только осознавать свои интересы, но и согласовывать их между собой. Парламент не просто представляет разные социальные группы, но и дает им реальную возможность избежать прямого политического столкновения, заменяя традиционную междоусобицу гражданским согласием.

Судебные органы, которые не принимают политических решений, при эффективной деятельности правительства и местных органов власти особой сферы применения своих функций в политической системе не имеют. Таким образом, в современную политическую систему, по моему мнению, входят следующие государственные структуры: президент, парламент, правительство, местные органы управления и самоуправления.

В состав политической системы также входят ***политические партии***, которые являются одними из самых важных, подвижных и активных элементов современных политических систем. Они представляют в законодательных органах политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, содействуют политической социализации граждан, являются посредниками между населением и государством, выполняют функции механизма саморегуляции общественной жизни, направляя неуправляемую сти-

хийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за политическую власть [5; 7].

Структурными элементами политических систем являются и ***специфические общественные образования***, которые способны принимать важные политические решения, влиять на политические отношения. Типичный пример таких структур – Всебелорусское народное собрание, которое активно участвует в политической жизни белорусского общества.

Важнейшими структурными элементами современных политических систем являются ***политические акторы*** как носители политического действия. Это конкретные политические субъекты или стабильные общности людей, объединенные едиными политическими интересами, мотивами, нормами деятельности и воздействующие на процесс принятия и осуществления политических решений. В политическую систему входит ***электорат*** как комплекс граждан стран, влияющих на политическую жизнь и в результате выборов формирующих политическую власть, избиратели, которые голосуют за определенную политическую силу на парламентских, президентских или муниципальных выборах. Именно эта часть электоральной массы, поддерживающая ту или иную политическую партию, превращает ее во влиятельную силу, выступает основой ее политической деятельности. В условиях демократии установки, цели и интересы электората превращаются в программы различных политических структур и их лидеров.

Много споров происходит насчет того, стоит ли относить к элементам политической системы ***средства массовой информации***. Это наиболее эффективные механизмы воздействия на процесс формирования политического сознания и мобилизации граждан на решение тех или иных политических проблем. СМИ в немалой степени способствуют формированию политики, участвуют в подготовке, принятии и реализации политических решений, в деятельности властных структур, активно участвуют в обеспечении успеха на выборах той или иной политической партии, формируют имидж того или иного политика. Их политическая роль обусловлена также и тем, что они являются достаточно самостоятельными структурами по производству политической информации, формируют общественное мнение, оказывают влияние на политические процессы, способствуют политическому просвещению широких слоев населения.

Спорным является вопрос об отнесении ***церкви*** к элементам политической системы. Церковь как особый вид религиозной организации, объединяющей верующих на основе общности религиозных взглядов и обрядов, играет заметную, а в ряде государств – очень важную роль в политической системе общества. В странах, где существует государственная религия, церковь имеет определенное право участия в политической жизни государства. В светском обществе, где церковь отделена от государства, религиозные организации практически не влияют на политические процессы. В общественной жизни церковь может играть заметную роль, заниматься благотворительностью, вос-

питанием, но не может преследовать политические цели и стремиться к политической власти. Поэтому церковь не входит в политическую систему современного общества.

То же самое можно сказать и об ***общественных объединениях***. Они не принимают в отличие от политических партий активное участие в политической жизни страны. Если и влияют на принятие политических решений, то очень опосредованно и через какие-то другие политические структуры.

Таким образом, в политическую систему современного общества входят следующие основные структурные элементы: президент как важнейший политический институт, парламент, правительство, местные органы управления и самоуправления, политические партии, специфические общественные образования, средства массовой информации, политические акторы и электорат. Однако является ли механический набор этих параметров системой в целом, в частности политической? Конечно, нет. Необходимо иметь специальный систематизирующий блок, который придаст механическому набору элементов интегрирующее качество, будет способствовать формированию эмерджентности – образованию у системы свойств целостности, т. е. таких свойств, которые не присущи составляющим ее элементам. Таким блоком в политической системе является ***нормативно-идеологическая*** подсистема, основными элементами которой являются следующие:

политические отношения – отношения между субъектами политической жизни (классами, социальными слоями и группами, политическими лидерами и т. п.) по вопросу устройства и функционирования политической власти;

политические принципы и нормы, которые определяют поведение людей в политической жизни, регулируют политические отношения в рамках существующей политической системы, придают им упорядоченность, определяют дозволенное и недозволенное, узаконивают политические устои, способствуют формированию механизма распределения и закрепления политических ролей между членами общества;

политическое сознание как восприятие субъектами политической реальности, совокупность базовых политических знаний, ценностей, принципов, чувств, переживаний, оценок, оказывает существенное влияние на политическое поведение людей и опосредует процесс создания, воспроизводства и интеграции основных подсистем политической системы;

политическая культура как комплекс наиболее типичных для общества стереотипов политического поведения, установок и ценностных ориентаций, традиций, мифов и символов, осуществляет преемственность политических традиций, обычаев, политического, социального и исторического опыта;

политическая идеология как совокупность систематизированных представлений той или иной социальной группы граждан, призванная с помощью политической власти или воздействия на нее выражать их политические интересы и цели;

политическая психология как совокупность духовных образований, содержащих в основном чувственно-эмоциональные представления людей о по-

литических явлениях, складывающихся в процессе их непосредственного взаимодействия с институтами политической власти и осуществления своего политического поведения;

избирательная система как комплекс общественных отношений, предметом которых является формирование органов политической власти и наделение полномочиями должностного лица особым способом – путем выборов.

Именно эти компоненты интегрируют политическую систему, делают ее единым политическим организмом, влияющим на политическое положение в стране.

Самым мобильным, самым «рабочим» органом политической системы, структурой переработки социальных требований в политические решения является ***функционально - коммуникационная подсистема***. В ее состав входят основные компоненты «входа» и «выхода». На «***вход***» поступают воздействия, которые по отношению к политической системе являются внешними, влияют на нее и способны определенным образом изменять ее.

На «***выходе***» формируются политические и управленческие решения как ответная реакция на требования окружающей среды. Связь между «входом» и «выходом» осуществляет так называемая ***петля обратной связи***.

Среди основных компонентов «***входа***» можно выделить следующие:

цели и задачи отдельных социальных и политических субъектов;

ожидания, предпочтения, ценностные установки, настроения, интересы социальных общностей и личностей;

общественное мнение;

мотивация;

требования, направляемые в адрес политических властей и служащие сигналом о наличии в обществе определенных противоречий и проблем;

избирательный процесс как установленный в законодательном порядке комплекс целенаправленных действий, процедур, правил по организации и проведению выборов в структуры политической власти;

социальные коммуникации как процесс передачи информации и убеждений. Посредством этого структурного элемента обеспечивается связь между различными структурами политической системы.

Однако не все эти компоненты являются структурными элементами политической системы в традиционном понимании этой дефиниции. Это структурные элементы ***гражданского общества***. Особая сложность состоит в том, что некоторые компоненты гражданского общества являются структурами политической системы. Все зависит от выполняемых в данный момент ими функций. Политические партии, пришедшие к политической власти, – это часть политической системы. Политические партии, превращающие отдельные интересы индивидов в общий интерес, – это структуры гражданского общества [4; 7].

На «***выходе***» политической системы находятся:

государственно оформленные решения;

цели и задачи общества;

программа его жизнедеятельности;

законы и нормативные акты;

политические решения, направленные на разрешение имеющихся в обществе противоречий.

Важнейшим компонентом политической системы, детерминирующим переработку социальной информации в конкретные политические решения, законы и нормативные акты, является ***политический процесс***, который следует понимать как совокупность политических действий включенных в систему политических отношений политических субъектов, активно реагирующих на требования окружающей среды, социальных субъектов.

За пределами институциональной подсистемы политический процесс приобретает вид ***обратной связи*** как воздействие результатов функционирования политической системы на характер этого функционирования и информирования структур гражданского общества о предпринятых конкретных политических решениях.

Анализируя имеющиеся подходы к сущности политической системы, можно сделать вывод, что политическая система – это, с одной стороны, сложное политическое образование, обеспечивающее функционирование общества как единого организма, централизованно управляемого властными структурами, с другой – институционализированная форма, в которой политические субъекты реализуют свои общие и групповые интересы в результате осуществления политической власти.

На основании изложенного выше можно сделать вывод: ***политическая система*** – это целостная, упорядоченная совокупность взаимодействующих политических институтов и организаций, с помощью которых осуществляется политическая власть и управление обществом, и политических идей и идеалов, отношений и ролей, процессов и связей, норм и принципов, ценностных установок и ориентиров, направленных на реализацию властных отношений. От состояния, структуры, целенаправленной деятельности политической системы зависит жизнедеятельность общества, его властные функции, способность решать существующие проблемы, обеспечивать безопасность, стабильность и порядок в обществе.

За последние годы сформировалась принципиально новая политическая система белорусского общества. Ушли в прошлое безраздельная монополия партийной номенклатуры на политическую власть, весьма своеобразные методы государственного управления, преобладание идеологии над политикой и экономикой. В течение относительно небольшого исторического периода были сформированы новые институты власти, которых не было в прежней социалистической системе – институт президентства, Администрация Президента, двухпалатный парламент, Конституционный Суд, утверждается принцип разделения властей, происходят существенные изменения в массовом политическом сознании, возникают новые политические практики и технологии. В то же время по-прежнему важное значение в современной политической

системе белорусского общества имеют Советы различных уровней. В стране идет постоянное реформирование политической системы. Одним из важнейших этапов такого реформирования был прошедший в 1996 г. общереспубликанский референдум, кардинально изменивший политическую систему белорусского общества.

Важнейшими субъектами политической власти, основными элементами политической системы являются Президент страны, правительство и парламент, местные органы власти. Президент Республики Беларусь является Главой белорусского государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Президент олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями. Президент принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти. Одним из важнейших субъектов политической системы белорусского общества является национальный ***парламент***. Именно от его работы, эффективности и целенаправленной деятельности во многом зависит, какие в белорусском государстве будут торжествовать идеи, ценности, идеалы, взгляды, нормы, верования, модели поведения, как мы все будем жить. ***Правительство*** – Совет Министров Республики Беларусь — центральный орган государственного управления, осуществляющий исполнительную власть в Республике Беларусь. Правительство Республики Беларусь руководит системой подчиненных ему органов государственного управления и других органов исполнительной власти.

Представляет интерес отношение жителей страны к властным структурам. Оно существенно изменилось за последние шестнадцать лет. В начале 90-х годов прошлого века неуправляемый рост цен, падение жизненного уровня жизни людей, преступность, расслоение общества на бедных и богатых, инфляция, утрата перспективы в жизни, уничтожение прежних ценностей и идеалов привели к резкому снижению рейтинга власти. Например, в конце 1993 г. только 1,0 % населения страны признавали деятельность Верховного Совета Республики Беларусь эффективной, в то время как малоэффективной – 34,3 %, неэффективной – 55,0 %. Не намного лучше жители Беларуси оценивали деятельность правительства республики. Эффективной ее считали 1,6 %, малоэффективной – 35,0 %, неэффективной – 53,9 % респондентов [4, с. 61–68].

В настоящее время власть в стране пользуется значительным уровнем доверия. Правда, отношение к властным структурам белорусского государства у людей совершенно разное. Наибольшим авторитетом и доверием среди властных структур пользуется институт Президента, его рейтинг является стабиль-

но высоким. По сравнению с ним другие институты государственной власти пользуются меньшим авторитетом. Однако начиная с 2002 г. индекс доверия к ним растет, но невысокими темпами и не приближается к индексу доверия к институту Президента.

Формирование современных политических подходов и норм, ценностей и взглядов, концепций и установок, идеалов и моделей поведения в условиях развития представительской демократии в Беларуси невозможно без совершенствования ***системы местного управления и самоуправления***. Именно прямое участие людей в управлении государством формирует у людей определенные личные качества, направленные на решение как государственных, так и региональных проблем, позволяет выполнять определенные идейно-воспитательные функции. В последнее время деятельность органов местного управления и самоуправления государства становится все более разносторонней и эффективной, повышается их воспитательная роль. Они занимаются массово-политической и культурно-просветительной работой, охраной общественного порядка, воспитанием молодежи, организацией ее досуга и т. д.

В деятельности органов местного управления и самоуправления имеются и определенные проблемы. Как показывают исследования, только треть граждан белорусского государства полностью доверяют местным органам управления, примерно столько же – не доверяют. Четвертая часть населения страны считает их работу эффективной, пятая – не совсем эффективной. По популярности органы местного управления находятся на последнем месте среди властных структур государства, проигрывая и правительству, и парламенту, не говоря об институте президентства.

Одним из важнейших элементов национальной политической системы является ***Всебелорусское народное собрание.*** Это народный форум, который обсуждает основные вопросы развития белорусского государства, мощный демократический институт активизации общественного мнения, важное звено политической системы и народовластия в Республике Беларусь. Его главное политическое назначение – определение основных направлений и параметров развития государства, выработка плана экономического и социального развития страны на пятилетний срок. Причем эти важнейшие вопросы решаются всенародно. По мнению Главы государства А. Г. Лукашенко, данная оправдавшая себя форма управления стала гарантией социально-политической стабильности страны**.**

В настоящее время ***политические партии*** и белорусская многопартийная система находятся в состоянии глубочайшей бифуркации, стоят на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех их подсистем и блоков, всех уровней порядка. Причем почти все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. По данным очередного этапа социологического мониторинга, им доверяет только десятая часть населения

страны, не доверяют – 38,7 %. Если бы в ближайшее время в нашей стране проходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе или «партийным спискам», как, например, в России, то пятая часть избирателей проголосовали бы против всех политических партий республики. Половина граждан страны, вполне вероятно, вообще бы не пошли на выборы, так как эти люди ничего не знают о белорусских политических партиях. Избирательный барьер следовало бы установить минимальный – на уровне 2%. И то его преодолела бы только одна политическая структура страны – Либерально-демократическая партия. Рейтинг других партий – в пределах возможной социологической ошибки (меньше 2 %).

Следует назвать три важнейшие причины провала белорусской многопартийности. Как показывает политическая реальность, белорусские политические партии, во-первых, практически не претендуют на политическую власть, не принимают участие в принятии важнейших политических решений. Когда в Беларуси обсуждают «большую политику», они стараются дистанцироваться от нее, не принимать практически никакого участия, ведь за решения когда-то приходится отвечать. Во-вторых, современные белорусские политические партии не выполняют эффективно свою главную функцию – представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своих избирателей, своего электората. В-третьих, уже многие политические партии выражают интересы не широких народных масс, а управленческой части. Еще Роберт Михельс открыл «железный закон олигархических тенденций» и доказал, что партийная демократия обязательно вырождается в партийную олигархию. Есть и другие причины [3; 4; 5; 7].

Особое место в политической системе Беларуси занимает ***электорат***. Это очень подвижный и активный элемент национальной политической системы. Свидетельством этого являются активность населения Беларуси на прошедших в марте 2006 г. выборах Президента Республики Беларусь, в которых приняли участие 92,9 % граждан – избирателей страны; проведение президентских выборов в один тур; избрание Президента страны подавляющим большинством населения (83 %). Государство постоянно ищет методы повышения политической активности своих граждан, в том числе и законодательными методами. Например, были внесены изменения в ***Избирательный кодекс Республики Беларусь***, согласно которым выборы в местные Советы депутатов в стране стали проходить по мажоритарной избирательной системе относительного большинства, а не абсолютного, как было раньше. В современных условиях дальнейшее развитие национального государства невозможно без свободного обмена информацией, без постоянного и целенаправленного переноса ее от одного носителя к другому. Эту задачу достаточно эффективно выполняют национальные ***средства массовой информации***. Белорусские СМИ как один из важнейших структурных элементов политической системы общества представляют собой социальные институты, обеспечивающие си-

стематический сбор, обработку и передачу информации массовой аудитории с помощью специализированного технического инструментария. Они информируют белорусских граждан о политических процессах и событиях, формируют их политическую культуру, помогают принимать правильные решения. С помощью телевидения получают основную общественно-политическую информацию 94,0 % населения страны, 44,3 % респондентов чаще всего получают информацию по радио, 52,3 – из газет и журналов, 31,7 – из Интернета, 30,0 – от знакомых и соседей, 9,7 % – через официальное информирование по месту работы.

Политическая система белорусского общества в последние годы подверглась существенной модернизации. В настоящее время наша страна является одним из самых стабильных современных государств, быстрыми темпами движущихся к экономическому и культурному процветанию. Это говорит о том, что независимая Республика Беларусь идет правильным путем и станет сильным и процветающим государством, уважаемым во всем мире.

Литература

1. Алмонд, Г. Политическая наука: история дисциплины / Г. Алмонд // Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 174–183.

2. Берталанфи, Л. История и статус общей теории систем / Л. Берталанфи // Системные исследования. Ежегодник. 1973. – М.: Наука – 1973. – С. 20–38.

3. Гребень, В. А. Политология. Структурно-логическая модель / В. А. Гребень, И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2007. – 462 с.

4. Котляров, И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – С. 286.

5. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1. – 364 с.

6. Котляров, И. В. Тектология А. А. Богданова и синтетическая модель политической системы / И. В. Котляров // Проблемы инновационного развития и креативная экономическая мысль на рубеже веков: А. К. Шторх, С. Ю. Витте, А. А. Богданов. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 549–553.

7. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2008. – 320 с.

8. Парсонс, Т. Общетеоретические проблемы социологии / Т. Парсонс // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М. : Прогресс. – 1965. – С. 25–68.

9. Шахназаров, Г. Х. О развитии марксистско-ленинской политической науки / Г. Х. Шахназаров, Ф. М. Бурлацкий // Вопросы философии. – 1981. – № 1. – С. 10–23.

10. Чилкот, Р. Теории сравнительной политологии / Р. Чилкот. – М. : ИНФРА-М, Весь мир, 2001. – 560 с.

11. Чиркин, В. Е. К разработке теории политической системы. В поисках парадигмы / В. Е. Чиркин // Правоведение. – 1984. – № 1. – С. 12 – 20.

12. Almond, G. Comparative Politics Today: A World View / G. Almond, G. Powell – N. Y. : Harper Collins Publishers, 1992. – 600 p.

13. Clark, R. T. Power and Policy in the Third World Countries / R. T. Clark. – N. Y. : Harper, 1982. – 210 p.

14. Deutsch, K. W. The Nerves of Government. Models of Political Communication and Control / K. W. Deutsch. – N. Y.: The Free Press, 1963. – 176 p.

15. Easton, D. A System Analysis of Political Life / D. Easton. – N. Y. : John Wiley Inc., 1965. – 117 p.
16. Easton, D. Framework for Political Analysis / D. Easton. – N. Y. : Prentic Hall, 1965. – 213 p.
17. Easton, D. The Current Meaning of Behavioralism / D. Easton. – N. Y. : Contemporary Political Analysis, 1967. – 345 p.

I. V. KOTLAROV

POLITICAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORETICAL REGULATION AND SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

Summary

A new theoretical model of political system is proposed in this article. It includes only those provisions, which have impact on political authority and power relations surely. All political institutions are interacting to provide security, stability and steadiness in society, to improve life of humanity.

УДК 316.344.233

Г. Н. СОКОЛОВА,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕСТО И РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА В СТРАТИФИКАЦИОННОЙ КОНФИГУРАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Средний класс рассматривается автором как «живой организм общества», с выявлением общественной среды, в которой он функционирует, общественных ценностей и идей, которыми он насыщается, и, следовательно, возможностей его качественного и количественного наполнения из других слоев общества. Обосновано, что средний класс пока не является стабилизирующим фактором белорусского общества. В качестве стабилизирующего фактора выступает базовый слой, включающий в себя более половины населения и объединяющий разные социальные слои на основе сохранения нерыночных ценностей в экономике и социальной сфере. Резюмируется, что для выполнения ролевых функций, присущих среднему классу, белорусский средний класс, составляющий 1/5 населения, должен быть более многочисленным, приобрести экономическую самостоятельность, стать полноправным субъектом инновационных реформ.

Средний класс западных обществ, с которым соотносятся идеи социальной стабильности, гармонии и устойчивого развития, индивидуальной свободы, экономической независимости и достойного существования, рассматривается в качестве ключевого момента модели социального развития, к которой идет большинство современных обществ. В России, например, становление среднего класса связывалось прежде всего с экономическим развитием страны в рамках концепции либеральных реформ начала 1990-х годов. Однако социальным итогом реформ стало не формирование процветающего среднего класса, а размывание ранее существовавших в стране средних слоев и обострившаяся поляризация общества. К наиболее известным и глубоким исследователям, разрабатывающим методологию адаптации характеристик феномена западного среднего класса к реалиям постсоветского общества, относятся Т. И. Заславская [1, с. 468–494] и Р. В. Рывкина [2, с. 291–400]. В их трудах выявлены те элементы социальной структуры России, которые потенциально могут претендовать на роль среднего класса; изучен социальный генезис и внутренняя структура среднего класса в современной России; оценены его количественная и качественная динамики, условия и перспективы развития. Именно на их методологические разработки мы опираемся в попытке проанализировать проблемы формирования среднего класса применительно к белорусскому обществу. В наши задачи входит определение понятия и описываемого им феномена среднего класса; обоснование критерия социальной стратификации

в обществе; определение места, характеристик и функций потенциального среднего класса в белорусском обществе.

Эмпирическое описание масштабов, границ и структуры среднего класса в рамках общей стратификации общества представлено авторским коллективом монографии «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» [3]. Авторами реализована цель перевода абстрактных методологических рассуждений о средних классах в плоскость эмпирического выделения и описания среднего класса в современной России. Целью другого эмпирического исследования, представленного в книге «Средний класс в современной России» [4], было изучение в современной России социальных слоев, удовлетворенных своим положением и имеющих для этого достаточные основания. Выявлялось, способны ли эти слои быть гарантом социальной стабильности общества и выступают ли они особым классом, осознающим свои экономические интересы и готовым действовать для их достижения, став активным социальным субъектом российского общества. По результатам социологических исследований выявлено, что средний класс в России составлял на конец 2006 г. 20–22 %.

Статьи англоязычных социологических словарей, посвященные среднему классу (средним классам), сообщают, что это – *«обширный слой квалифицированных наемных работников, а также мелких и средних собственников, занимающих сходные статусные позиции на рынке труда и разделяющих общие ценности трудовой и рыночной ситуаций»* [5, с. 328]. Большое внимание уделяется судьбам «старого среднего класса», отождествляемого в соответствии с «континентальной» традицией XIX в. с буржуазией, и «нового среднего класса», связанного с научно-техническим прогрессом и включающего в себя профессионалов разного уровня, а также «беловоротничковых» рабочих [6, с. 282–284]. По данным национального исследования Г. Маршалла «Социальный класс в современной Британии» (1984 г.), низший средний класс составляет около 20 % населения; средний-средний класс – 20 %, высший средний класс – примерно 10 % населения; к ним добавляются 10–12 % предпринимателей (в каждой стране, по данным статистики, существует примерно 10–12 % людей, «умеющих и знающих, как делать деньги»), которые предоставляют рабочие места значительной части профессионалов и квалифицированных рабочих.

Социальная структура общества представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, различающихся местом в общественном разделении труда, располагаемыми ресурсами, социальным статусом, а также ценностями, потребностями, интересами, стратегиями поведения, образом и стилем жизни. В этом плане, прежде чем говорить о среднем классе, следует выявить классообразующие признаки социального класса как такового. Наиболее плодотворная работа в этом направлении проделана П. А. Сорокиным, который определяет социальный класс как *«совокупность лиц, сходных по профессии* (занятию. – *Г. С.*), *по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные про-*

фессионально + имущественно + социально-правовые интересы» [7, с. 376]. Согласно данной классификации, население большинства государств распадается на четыре основных класса: *класс трудовых крестьян* (занятие – обработка земли физическим способом, имущественное положение – среднее или относительно бедное, объем прав – ограниченный); *класс наемных рабочих* (занятие – наемный труд физического характера, имущественное положение – от среднего до бедного, объем прав ограничен рамками трудовых контрактов); *класс землевладельцев* (занятие – получение земельной ренты и выполнение интеллектуально-управленческих функций, имущественное положение – богатые относительно рабочих и крестьян, объем прав – привилегированный); *класс капиталистов* (занятие – производство промышленного, торгового и финансового капитала, имущественное положение – богатые, объем прав – привилегированный, но иной чем у землевладельцев) [7, с. 384–385]. Раскрытие определения социального класса, данного П. А. Сорокиным, в системе операциональных показателей позволяет считать его наиболее разработанным и «работающим» в конкретном социологическом контексте.

Развивая определение П. А. Сорокина применительно к так называемым средним классам, мы определяем их как «*иерархию социальных групп, сходных по роду деятельности, имущественному положению, объему гражданских прав, занимающих срединное положение в обществе и разделяющих ценности трудовой и рыночной идеологии*» [8, с. 150–152]. Средний класс, при условии большого удельного веса, становится фактором социальной интеграции общества в силу реализации ряда важнейших общественных функций. Во-первых, в рамках среднего класса максимально выполняется условие диверсификации (разнообразия) общества по социальным группам. При этом высший-средний, средний-средний и низший-средний слои дифференцируются по показателям рода занятий и уровня квалификации, размера дохода и объема гражданских прав. Во-вторых, средний класс способствует поддержанию относительной общественной стабильности благодаря характерному для него высокому уровню восходящей экономической мобильности. При этом большое число взаимообменов происходит как внутри самого среднего класса, так и с другими частями социальной структуры общества. В-третьих, средний класс выполняет функцию агента технологического и социально-экономического прогресса, сосредоточивая в своих рядах наиболее квалифицированные кадры общества, отличающиеся высоким профессионализмом, значительным деятельностным потенциалом, гражданской активностью. В-четвертых, средний класс осуществляет функцию носителя национальной культуры и общественных интересов. Для представителей всех его слоев характерна четкая самоидентификация – соответствие между их социально-профессиональными характеристиками и выбором страты, к которой они себя относят; так, доля лиц, идентифицирующих себя со средним классом, увеличивается по мере роста уровня образования, социального престижа, размера доходов, объема гражданских прав. Как видим, выполнение функции социального стабилизатора общества

предполагает не только удовлетворенность представителей среднего класса существующим социальным порядком, но также его массивность и срединное положение в обществе. А чтобы стать носителем национальной культуры и выразителем общественных интересов, этот класс должен обладать всеми названными выше характеристиками [8, с. 150–152].

По данным ВЦИОМ, основную часть российского общества составляет слой, который Т. И. Заславская называет *«базовым»,* потому что к нему относятся 2/3 занятых в экономике и более половины населения России. Термин «базовый» представляется наиболее удачным, так как данный слой и в самом деле составляет социальную базу общества. Это рядовые специалисты массовых профессий (инженеры, учителя, врачи и др.), служащие без специальности, промышленные рабочие, крестьяне, фермеры, представители массовых профессий сферы обслуживания. В *базовый* слой перешла основная часть прежнего среднего класса, и большинство его представителей обладают достаточным профессионально-квалификационным потенциалом, чтобы при благоприятной социально-экономической конъюнктуре вернуться в состав среднего класса [1, с. 479–480].

Критерии выделения белорусского среднего класса. Основные направления стратификационных сдвигов в белорусском обществе в период 1990-х годов состоят в следующем: социальная структура стала более подвижной, возросло многообразие социальных статусов, однако нисходящая экономическая мобильность крупных социальных групп до 2000-х годов доминировала над восходящей. Начиная с 2005 г. восходящая мобильность преобладает, что способствует перемещению базового слоя из диапазона денежных доходов от бюджета прожиточного минимума (БПМ) до минимального потребительского бюджета (МПБ) в диапазон от 1 МПБ до 2 МПБ. Существенно изменилась и значимость компонентов социального статуса – если раньше положение людей определялось уровнем занимаемой должности, то теперь их социальный вес все больше определяется уровнем располагаемых ресурсов. Усилилась роль профессионально-квалификационного и культурного фактора в формировании высокостатусных групп и ослабла – в социальной дифференциации основной части населения. Основной задачей государственной социальной политики становится экономическое, правовое и информационное содействие развитию различных форм социально-инновационной деятельности слоев общества в сфере технико-технологического и социального прогресса.

В поисках среднего класса представляется наиболее рациональным выбрать в качестве *критерия* социальной стратификации соотношение уровня денежных доходов населения с величиной минимального потребительского бюджета (МПБ) и величиной бюджета прожиточного минимума (БПМ), составляющего 60 % МПБ. Выступая *основным социальным нормативом,* минимальный потребительский бюджет позволяет соотносить между собой показатели государственной статистики, результаты выборочных обследований домашних хозяйств (публикуемые в статбюллетенях) и результаты монито-

ринговых социологических исследований республиканского масштаба, ежегодно проводимых Институтом социологии НАН Беларуси. Подобная многоступенчатая проверка дает возможность максимально корректно классифицировать и исследовать социальные страты белорусского общества по уровню денежного дохода социальных групп. Рассмотрение экономической стратификации белорусского общества, на базе данных государственной статистики, показывает, что в процессе стабилизации экономики (с 1995 по 2008 г.) доля страты со среднедушевым денежным доходом ниже БПМ (малообеспеченные) уменьшилась от 38,4 до 6,1 %, с доходом от БПМ до МПБ – от 42,9 до 17,2% (нижний слой), с доходом от 1 до 2 МПБ увеличилась от 13,1 до 53,3 % (базовый слой), от 2 до 3 МПБ – от 5,4 до 17,9 % (средний слой), от 3 до 5 МПБ – от 1 до 4,2 % (верхний слой), свыше 5 МПБ – от 0,1 до 1,4 % (элита) (табл. 1).

Таблица 1. **Социальная стратификация белорусского общества по критериям минимального потребительского бюджета (МПБ) и бюджета прожиточного минимума (БПМ), %**

Страта с уровнем денежных доходов	По данным госстатистики, % от общей численности населения					По данным социологического исследования (ноябрь 2008 г.), %
	1995	2000	2005	2006	2008	
Ниже БПМ (малообеспеченные)	38,4	41,9	12,7	11,1	6,1	7,2
От БПМ до МПБ (нижний слой)	42,0	34,9	29,3	26,8	17,2	17,7
От 1 до 2 МПБ (базовый слой)	13,1	15,1	42,9	43,1	53,3	54,8
От 2 до 3 МПБ (средний слой)	5,4	6,7	12,3	15,1	17,9	17,0
От 3 до 5 МПБ (верхний слой)	1,0	1,2	2,4	3,0	4,1	3,0
Свыше 5 МПБ (элита)	0,1	0,2	0,4	0,9	1,4	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано по: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009. Минск, 2009. С. 164, 166.

Использование данных социологического исследования, довольно точно совпадающих с данными государственной статистики, позволяет раскрыть внутреннюю структуру каждого из выделенных социальных слоев (табл. 2).

Так, *малообеспеченный* слой, составляющий, по данным социологического исследования 7,2 %, состоит на 1/5 – из рабочих низкой квалификации, на 3/5 – из неработающих пенсионеров и инвалидов, располагающих наименьшими средствами к жизни (по 1/10 приходится на крестьян, домохозяек и учащихся). *Нижний* слой, составляющий 17,7 %, состоит на 1/5 из специалистов массовых трудоизбыточных профессий (бухгалтеров, экономистов, юристов, учителей и др.), а также работников торговли и сферы обслуживания, на 1/5 – из рабочих средней квалификации, на 2/5 – из пенсионеров (доля остальных слоев менее значительна). *Базовый* слой, составляющий 54,8 % респондентов, состоит на 1/4 из квалифицированных служащих, на 1/4 – из рабочих средней квалификации, примерно на 1/2 – из пенсионеров (доля остальных слоев ме-

нее значительна). *Средний* слой, составляющий 17,0%, состоит на 1/3 из высококвалифицированных специалистов, на 1/5 – из высококвалифицированных рабочих (в среднем по 1/10 приходится на предпринимателей, пенсионеров, учащихся, домохозяек). *Верхний* слой, составляющий вместе с элитой 3,3 %, состоит на 2/3 из высококвалифицированных и востребованных служащих, на 1/4– из наиболее успешных предпринимателей, на 1/10 – из наиболее квалифицированных и востребованных рабочих. Вместе с *элитой*, состоящей из наиболее успешных предпринимателей, верхний слой образует те 5–6 % относительно благополучных белорусов, которые обнаруживаются практически во всех исследованиях социальной стратификации белорусского общества. По критерию *располагаемых денежных ресурсов* мы можем отнести к среднему классу средний, верхний и элитарный слои, составляющие в совокупности, по данным государственной статистики, 23,4 %, а по результатам социологического исследования – 20,3 % от всего населения.

Таблица 2. **Доля представителей разных социальных групп в каждом слое общества по уровню располагаемых денежных ресурсов, % (2008 г.)**

Величина денежного дохода	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Ниже БПМ (малообеспеченные)	0,0	1,6	1,0	0,0	3,2	0,4	1,0	7,2
От БПМ до 1 МПБ (нижний слой)	3,0	3,0	1,8	0,4	6,4	2,0	1,1	17,7
От 1 до 2 МПБ (базовый слой)	13,8	11,1	2,8	1,7	17,5	5,0	2,9	54,8
От 2 до 3 МПБ (средний слой)	5,3	3,9	0,4	1,2	2,0	2,4	1,8	17,0
От 3 до 5 МПБ (верхний слой)	2,1	0,1	0,0	0,8	0,0	0,0	0,0	3,0
Свыше 5 МПБ (элита)	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,3
Итого	24,2	19,7	6,0	4,4	29,1	9,8	6,8	100,0

Примечание 1. В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2008 г., выборочная совокупность составила 2110 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95 %-ной вероятностью, составила ± 2 %. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т. е. население республики.

Примечание 2. Таблица описывает двухмерное совместное распределение респондентов по социальным группам и уровню доходов, т. е. сумма относительных частот (%) по всей таблице равна 100 %. Это позволяет производить сравнение любых относительных частот внутри таблицы, а также сравнивать соответствующие частоты в разных таблицах.

Принадлежность к среднему классу связана с наличием интеллектуального капитала в виде *среднего специального и высшего образования* и постоянным характером занятости, т. е. наличием реального рабочего места и круга обязанностей. В западной литературе эти два признака характеризуются одним термином – «professional». В современном обществе положение в профессиональной структуре является одной из характеристик, определяющей жизненные шансы человека и, следовательно, формирующей социальный класс в веберовской трактовке данного термина [10, с. 149], точнее, в том случае, если

на протяжении жизни человека не происходит значимых социальных потрясений, а каналы социальной мобильности открыты. На Западе большинство исследователей придерживаются мнения, что возникновение новых средних классов связано с профессионализацией и формированием управленческих позиций. Характерно, что профессия как универсальный индикатор среднего класса может использоваться только в странах, где в силу предыстории достаточно надежно реализуется цепочка «образование – предпосылка, профессия – средство, доход – конечная цель» [6, с. 150–152]. В нашей ситуации консистентность этих признаков пока не достигнута, что делает неизбежным обращение к уровню материальной обеспеченности и самоидентификации как корректирующим характеристикам.

Анализ структуры образования (табл. 3) показал, что в Республике Беларусь *базовое* образование представлено на 2/3 крестьянами и на 1/3 – неквалифицированными рабочими; среднее общее – на 1/3 – пенсионерами, по 1/6 приходится на рабочих низкой квалификации и учащихся. Профессионально-техническое образование представлено на 3/4 пенсионерами и на 1/4 – рабочими средней квалификации; среднее специальное – на 1/3 служащими, на 1/3 – высококвалифицированными рабочими, на 1/6 – пенсионерами; высшее (незаконченное высшее) – на 2/3 – служащими высокой квалификации, на 1/6 – пенсионерами, на 1/10 – учащимися (остальные доли менее значимы).

Таблица 3. **Доля представителей разных социальных групп в каждом слое общества по уровню образования, % (2008 г.)**

Уровень образования	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Базовое (9 классов)	0,0	0,5	2,3	0,0	0,5	0,0	0,1	3,4
Среднее общее (11–12 классов)	2,0	5,5	2,4	1,0	10,0	4,7	4,2	29,8
Профессионально-техническое училище	0,0	3,8	0,6	0,0	10,3	0,0	0,0	14,7
Среднее специальное образование	8,3	8,3	0,7	1,9	4,6	2,5	2,0	28,3
Высшее (незаконченное высшее) образование	13,9	1,6	0,0	1,5	3,7	2,6	0,5	23,8
Итого	24,2	19,7	6,0	4,4	29,1	9,8	6,8	100,0

Обратим внимание на то, что доля лиц со средним специальным и высшим образованием составляет 52,1 %, а доля среднего класса, выделенная по критерию *располагаемых денежных ресурсов* (по данным социологического исследования), – 20,3 %. Выделение среднего класса по критерию *профессионального статуса* (постоянного рабочего места и функциональных обязанностей), т. е. ограничение объема среднего класса активно действующими профессиональными группами (служащие, рабочие, крестьяне, предприниматели), показало, что его удельный вес составляет 36,2 %.

Сравнение критериев выделения среднего класса – по уровню располагаемых среднедушевых денежных ресурсов (20,3 %), профессиональному статусу (36,2 %), уровню среднего специального и высшего образования (52,1 %) – показывает их роль в социальной стратификации белорусского общества. Уровень располагаемых среднедушевых денежных ресурсов выступает, по силе ограничения, основным дифференцирующим признаком, при условии соответствующего профессионального статуса и наличия среднего специального и высшего образования. Получается, что «образование как предпосылка» охватывает более 1/2 белорусского населения, «профессия как средство» – чуть более 1/3, «доход как конечная цель» – 1/5 белорусского населения. Полагаем, что это свидетельствует о наличии серьезной проблемы, связанной со значительным недоиспользованием образовательного потенциала общества. Возможна неадекватная оценка трудовых затрат тех или иных профессиональных групп при наличии неэффективной структуры занятости. Имеет место наличие больших групп трудоизбыточных профессий, что отражает несоответствие предложения со стороны рынка образовательных услуг и спроса на те или иные профессии со стороны рынка труда.

Исходя из структуры среднего, верхнего и элитного слоев по уровню денежных доходов (см. табл. 1), можно рассматривать их иерархию как своеобразный «эмбрион» белорусского среднего класса, в котором, по данным статистики, низший-средний класс составляет 17,9 %, средний-средний – 4,1 %, высший-средний – 1,4 % (по результатам социологического исследования – 17,0, 3,0 и 0,3 % соответственно). Зададимся вопросом, в какой мере «эмбриональный средний класс» белорусского общества, которому еще предстоит развиться и проявить себя в полной мере, соответствует качественным характеристикам среднего класса в его западном варианте.

Срединное положение между «верхами» и «низами» белорусский средний класс занимает разве что по уровню доходов: они в 2–3 раза выше, чем в базовом слое и много ниже, чем у наиболее состоятельной части элиты. Однако так называемые «верхи» в белорусском обществе, т. е. люди, обладающие высокими по западным меркам доходами, составляют немногим более 1 % всего населения; в данном контексте их можно считать высшим-средним классом и ограничивать положение среднего класса только «снизу».

Массивность, *концентрация большей части* общества не свойственны белорусскому среднему классу, составляющему 1/5 всего населения; 4/5 населения сконцентрированы в базовом, нижнем и малообеспеченном слоях.

Образование, *квалификация*, *социальный престиж* – все это присуще белорусскому среднему классу, состоящему, как упоминалось, из высококвалифицированных и востребованных специалистов и рабочих высокой квалификации; что же касается социального престижа, то уровень оплаты труда и перекосы в заработной плате значительно снижают его престижность.

Достаточно высокий статус и *удовлетворенность жизнью* присущи представителям белорусского среднего класса «в средней мере» и во многом определяются уровнем их доходов.

Таким образом, средний класс белорусского общества мог бы выйти из своего эмбрионального состояния при выполнении ряда условий, главным из которых является повышение его удельного веса и интеллектуального влияния в обществе. При улучшении социально-экономической ситуации этот класс начнет пополняться наиболее образованными и активными профессионалами из нынешнего базового слоя, станет более весомым и совершенным по своей структуре.

Проблемы функционирования белорусского среднего класса. Не будем забывать, что средний класс выделяется не только по своим характеристикам, но и главным образом по тем функциям, которые он должен выполнять. Основными функциями среднего класса в его западном варианте являются *диверсификация* общества по социальным группам за счет наполнения среднего класса новыми претендентами, материальное состояние которых достигает необходимых стандартов; *стабилизация* общества в силу высокого уровня восходящей экономической мобильности, ведущей к расширению общности людей, разделяющих ценности трудовой и рыночной идеологии; *расширенное воспроизводство научного* и *образовательного потенциала* благодаря накоплению и эффективному использованию человеческого капитала в сферах науки и образования. Выполнение названных функций превращает средний класс в носителя национальной культуры и выразителя общественных интересов.

В плане выполнения функции *диверсификации* средний класс белорусского общества включает в себя практически все социальные группы (см. табл. 2) – служащих, рабочих, крестьян, предпринимателей, пенсионеров, домохозяек и безработных, учащихся – и в этом смысле достаточно разнообразен. Однако наполнения среднего, а тем более, верхних слоев почти не происходит за счет относительно низкой восходящей экономической и социальной мобильности.

Что касается осуществления функции *стабилизации* общества на основе восходящей экономической мобильности, то определенная мобильность наблюдается, но в ограниченном диапазоне. За период с 1995 по 2008 г. удельный вес *малообеспеченного* слоя уменьшился более чем в 6 раз, доля *нижнего* слоя уменьшилась за то же время в 2,5 раза. При этом произошло значительное возрастание доли среднего слоя (в 4 раза) и превращение его в *базовый* (основной) слой общества, составивший в 2008 г. 53,3 %, который, как мы покажем ниже, не представляется возможным отнести к среднему классу. Очевидно, что с наибольшей активностью перемещения происходят между базовым и нижними слоями, с меньшей – между базовым и верхними слоями, практически закрытыми для восходящей экономической мобильности. Получается, что бывший средний, а ныне базовый слой как бы «вбирает» в себя нижние слои и «консервирует» в диапазоне от 1 до 2 МПБ свыше половины населения республики, своеобразно выполняя функцию стабилизации белорусского общества. При этом средний класс, представленный высококвалифицированными специалистами, рабочими и наиболее успешными предпринимателями, пере-

местился в диапазон: от 2 до 3 МПБ – низший-средний класс, от 3 до 5 МПБ – средний-средний класс, свыше 5 МПБ – высший-средний класс.

В аспекте самоидентификации в 2008 г., как и в 2002 г. [11, с. 184–197], людьми «среднего достатка» (но не среднего класса) считают себя свыше 1/2 респондентов, т. е. практически все, кто обладает средним специальным и высшим образованием (табл. 4). Однако этих людей объединяют весьма скромные материальные возможности и соответствующие им потребности. Так, людьми «со средним достатком» называют себя те, кто располагает средствами на питание, одежду и текущие расходы, но не имеет возможности приобрести крупную бытовую технику (телевизор, холодильник, стиральную машину и др.). В перспективе каждая из социальных групп среднего класса может удвоиться именно за счет базового слоя, а удельный вес среднего класса значительно возрасти при создании благоприятных обстоятельств, так как стремление людей вернуться в состав среднего класса из базового слоя связывается прежде всего с наличием среднего специального и высшего образования и профессионального статуса (реального рабочего места).

Таблица 4. **Самоидентификация представителей разных социальных групп со слоями общества по уровню реальных располагаемых ресурсов, % (2008 г.)**

Распределение ответов на вопрос: «К каким людям по уровню материального достатка Вы себя относите?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Бедные	0,1	0,6	0,5	0,1	5,3	0,8	1,9	9,2
С достатком ниже среднего	5,9	4,5	4,5	0,7	9,0	2,1	3,0	29,7
Среднего достатка	15,8	13,4	0,8	2,3	13,4	5,5	0,1	51,3
С достатком выше среднего	0,9	0,3	0,1	1,1	0,1	0,3	0,4	3,2
Богатые	0,6	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,3	1,4
Затрудняюсь ответить	0,9	0,8	0,0	0,1	1,2	1,1	1,1	5,2
Итого	24,2	19,7	6,0	4,4	29,1	9,8	6,8	100,0

Для адекватного определения состояния среднего класса и оценки перспектив его развития как «живого организма общества» рассмотрим, в какой общественной среде он функционирует, какими общественными ценностями и идеями он обогащается и каковы, следовательно, возможности его качественного и количественного наполнения из других слоев общества. Для этого необходимо выяснить, что представляет собой базовый слой как социальная база общества и почему он не может быть отнесен к среднему классу по своим характеристикам и выполняемым функциям.

Характерно, что базовый слой выполняет, как уже упоминалось, функцию стабилизации, однако он объединяет разные социальные группы по другим признакам, нежели средний класс. А именно: в плане материальных ресурсов – по «уровню равенства в бедности», в аспекте нематериальных ресурсов – на основе сохранения нерыночных ценностей в экономике и социальной сфере. Так, оценивая разные пути развития общества, лишь 1/3 респондентов ратуют

за существенные перемены, 1/4 – высказали заинтересованность в сохранении существующего порядка вещей, а 2/5 затруднились в ответе (табл. 5). Отсутствие мнения по данному вопросу у 40 % респондентов говорит о том, что сами они не задавались подобным вопросом или относятся к нему безразлично. Более половины таких респондентов сконцентрированы в базовом слое.

Таблица 5. **Оценка представителями разных социальных групп путей развития общества, % (2008 г.)**

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в чем больше всего нуждается сегодня наше общество?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
В существенных переменах	11,1	8,8	1,2	1,2	4,8	4,3	3,7	35,1
В сохранении существующего порядка вещей, ситуации	7,2	3,5	1,2	0,4	9,2	1,9	1,4	24,8
Затрудняюсь ответить	11,4	9,3	2,1	0,8	9,4	4,0	3,0	40,1
Итого	29,7	21,6	4,5	2,4	23,4	10,2	8,1	100

При оценке собственных подходов к решению материальных проблем 18,7 % респондентов «повышают свой доход всеми возможными способами», 56,0 – «стараются жить по средствам», 20,8 – «снижают уровень своих запросов», 4,4 % «ничего не предпринимают» (табл. 6). Более глубокий анализ показывает, что 56,0 % тех, кто «старается жить по средствам», и составляют базовый слой с характерным для него пассивным типом экономического поведения, нацеленным на сохранение «status quo».

Таблица 6. **Оценка представителями разных социальных групп подходов к решению материальных проблем, % (2008 г.)**

Распределение ответов на вопрос: «Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Повышаю свой доход всеми возможными способами	6,8	4,6	1,3	1,1	0,8	2,6	1,6	18,7
Стараюсь жить по средствам	16,1	12,5	2,6	0,9	15,5	4,5	4,0	56,0
Снижаю уровень своих запросов и потребностей (в питании, одежде, отдыхе, лечении)	6,5	4,0	0,5	0,4	5,9	1,7	1,7	20,8
Ничего не предпринимаю (пытаюсь забыться, отвлечься от проблем)	0,7	0,7	0,0	0,0	1,3	1,1	0,7	4,4
Итого	30,0	21,7	4,5	2,4	23,5	9,9	8,0	100

Оценивая свои жизненные предпочтения, 62,8 % респондентов, на 3/4 представляющих базовый слой, выразили желание «жить пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска». Желание «жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой» выразили 27,8 % респондентов, обладающих профессиональным статусом и активно действующих, и 9,4 % респондентов, в силу

обстоятельств уже (или еще) не способных оказывать влияние на общественные процессы (табл. 7).

Таким образом, базовый слой общества, представляющий его социальную платформу, владеет достаточным образовательным потенциалом, но не обладает достаточными материальными ресурсами и находится в процессе простого воспроизводства своей рабочей силы. Моральное устаревание ценности полученного образования порождает экономическую и гражданскую инертность и затрудняет продвижение его обладателей в средний класс белорусского общества – наиболее восприимчивый к инновационным изменениям в экономической и социальной сферах. Поэтому в своей основной массе базовый слой малопригоден для выполнения функции *агента научно-технического* и *социального прогресса* и не может претендовать на положение среднего класса в белорусском обществе.

Таблица 7. **Оценка представителями разных социальных групп своих жизненных предпочтений, % (2009 г.)**

Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы предпочли?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой	10,8	13,5	1,6	1,9	1,3	6,3	1,8	37,2
Жить пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска	19,1	22,3	2,7	0,8	10,6	4,3	2,9	62,8
Итого	29,9	35,8	4,3	2,7	11,9	10,6	4,8	100,0

Примечание. В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2009 г., выборочная совокупность составила 1500 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95 %-ной вероятностью, составила ±3 %. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т. е. население республики.

Что же касается среднего класса, то его социально-профессиональная структура (1/3 высококвалифицированных служащих-специалистов, 1/5 рабочих высокой квалификации и 1/6 предпринимателей, предоставляющих рабочие места профессионалам) удовлетворяет международным стандартам и, казалось бы, позволяет достойным образом выполнять функцию агента научно-технического и социального прогресса. Однако недостаточный удельный вес и слабое интеллектуальное влияние в обществе, а также относительная закрытость верхней части среднего класса ограничивают деловую и творческую активность большинства его представителей и препятствуют расширенному воспроизводству интеллектуального потенциала. В целом можно сказать, что Беларусь пока тяготеет к общественному устройству со значительным базовым слоем с восходящей экономической мобильностью из нижних в базовый

слой и в меньшей мере – из базового в средний и верхние слои; со сравнительно небольшим средним классом, находящимся в эмбриональном состоянии по структурным характеристикам и выполняемым функциям. Для выполнения ролевых функций, присущих среднему классу, средний класс белорусского общества должен быть более многочисленным; приобрести экономическую самостоятельность; стать полноправным субъектом реформирования общества. Решение задачи формирования среднего класса носит комплексный и долгосрочный характер. Оно связано с разумной экономической политикой, обеспечивающей возможность достойной оплаты квалифицированного наемного труда, обучением и переобучением кадров. Это решение предполагает успешное проведение рыночных реформ, государственную поддержку среднего и малого бизнеса, государственную защиту частной собственности, продуманную и долгосрочную налоговую и кредитную политику. Во многом оно зависит от ясного и четкого законодательства и наличия механизмов реализации принятых законов. Успешное развитие среднего класса в Республике Беларусь невозможно без пересмотра государственной политики инвестирования в материальные и нематериальные ресурсы общества; именно здесь находится центральное звено, взявшись за которое, можно вытащить всю цепочку проблем, связанных с развитием среднего класса.

Литература

1. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002. – 568 с.

2. Рывкина, Р. В. Драма перемен / Р. В. Рывкина. – 2-е изд., перераб. и доп.– М. : Дело, 2001. – 472 с.

3. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е. М. Авраамова и др.; под ред. Т. Малеевой; Моск. Центр Карнеги. – М. : Гендальф,2003. – 506 с.

4. Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М. : Ин-т социологии РАН, 2008. – 320 с.

5. The Concise Oxford Dictionary of Sociology / ed. by G. Marshall. – New York : Oxford University Press, 1994. – P. 328.

6. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. – Т. 2: (П–Я). – М. : Вече, АСТ, 2001. – 528 с.

7. Сорокин, П. А. Система социологии. – Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов / П. А. Сорокин. – М. : Наука, 1993. – 688 с.

8. Соколова, Г. Н. Класс(ы) средний(е) / Г. Н. Соколова // Экономико-социологический словарь / Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк, О. В. Терещенко [и др.]; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : ФУАинформ, 2002. – С. 150–152.

9. Заславская, Т. И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса / Т. И. Заславская // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 2002. – № 4 – С. 7–13.

10. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 147–156.

11. Соколова, Г. Н. Формирование среднего класса в Республике Беларусь / Г. Н. Соколова // Общество и экономика. – 2003. – № 12. – С. 184–197.

G. N. SOKOLOVA

THE PLACE AND ROLE OF MIDDLE CLASS IN STRATIFICATION STRUCTURE OF BELARUSIAN SOCIETY

Summary

The middle class is considered by the author as «a living organism of society», that implies revealing social environment in which it functions, social values and ideas by which it is enriched and, hence, possibilities for its qualitative and quantitative filling by other social strata. It is proved, that the middle class is not a stabilizing factor of the Belarusian society. The base layer, which includes more than half of total population and unites different social strata on grounds of preserving the non-market values in economy and social sphere, acts as such stabilizing factor. It is resumed that in order to realize social role and functions associated with middle class, Belarusian middle class, which currently accounts for 1/5 of total population, has to increase in numbers, to acquire economic independence and to become a competent subject of innovative reforms.

УДК 008

И. Я. ЛЕВЯШ,
доктор философских наук, профессор,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО: ОТ ГРАНИЦЫ К ФРОНТИРУ

Изложена авторская интерпретация смыслоконцепта «открытое общество», инновационная трактовка понятия «фронтир» как хронотопа встречи и взаимопроникновения различных культурно-цивилизационных практик.

Культуры находятся в преемственной, функциональной, но прежде всего смысловой взаимосвязи и способны внести достойный вклад в универсум человека в мире и мира человека лишь в режиме *открытого* общества – по сути древнейшего и вместе с тем исторически развивающегося и динамичного феномена. «Открытое общество» как способ *свободной* коммуникации и общения между совокупными субъектами культуры(цивилизации) не отменяет их объективного расположения в собственном топосе и культурной идентичности. Понятие «открытое общество» стало одним из ключевых концептов *зрелости* народов и государств [1], их способности, сохраняя свою «самость», к плодотворному взаимодействию. Вместе с тем даже сторонники «открытого общества» не склонны к его идеализации, памятуя об издержках и даже западнях неограниченной свободы. «Открытое общество страдает от того, что можно назвать отсутствием цели. Каждый человек обязан искать и находить ее в себе и для себя. Те, кто не способен найти цель в себе, могут обратиться к догме, которая предлагает человеку готовый набор ценностей. Если свобода становится невыносимой ношей, то спасением может оказаться закрытое общество» [2, с. 12]. Крайности эволюции «открытого общества» постоянно колеблются между полюсами отката к жесткой герметизации «закрытого общества» и процессами, которые приводят не только к трансформации ее субъектов и ареала их жизнедеятельности, но и их *мутации*, вплоть до отказа от идентичности и ее смены. Известны и масштабные исторические прецеденты *принуждения* к открытости, каковы, например, доктрина и практика «открытых дверей» западных держав в отношении Китая и Японии, недавняя откровенная, а ныне прикровенная экспансия Запада на Балканах, а также повсюду – претендующих на экстерриторальность международных ТНК.

Объективная тенденция, обратная «открытому обществу», также продукт длительной эволюции. Она возникла вместе с завершением аморфного первобытно-кочевого образа жизни, с переходом к оседлости и ее кристаллизаци-

ей в государственно-территориальном политическом устройстве. Такое пространство всегда имело определенные пределы. Их архетип – *стена*, кроме очевидной защитной функции, символ перехода от хаоса к космосу, упорядоченности мира, ограждение места обитания тварных и сакральных существ. Стена Плача в Иерусалиме почитается иудеями как развалины Храма Ирода, но также как символ диаспоры и тех, кто остается отделенным от Израиля [3, с. 356]. Нынешняя стена, по идее призванная оградить Израиль от палестинских террористов, это уже не столько стена безопасности, сколько *страха*. Вообще стена сразу обрела функции механизма и символа не только надежной защиты и неприступности, но и разобщенности.

Древнейшей формой существования в режиме разобщенности является *изоляционизм* (лат. insula – изолироваться; географический прототип этого понятия isola – остров (итал.), Island (англ.)). Изоляционизм – это концепция, стратегия и практика экзистенциального одиночества и искусственного обособления цивилизаций или их подсистем. Символически «изолироваться» – значит представлять себя либо неприступной *крепостью* (Великая китайская стена как гарантия недоступности Поднебесной для «варваров»), либо *островом* («остров Россия», по В. Цымбурскому). Исходный античный смысл изоляционизма, казалось бы, противоречит этим гештальтам и представляет его в виде архипелага – не группы островов, а «моря», более того – «моря морей», иначе – Эгейского моря, в конкретно-историческом контексте – древнейшего arche-моря (греч. arche – начало). Аристотель ясно подразделял *полис* и *ойкос*, и «глухая» изоляция первого от последнего рассматривалась как жизненно необходимая предпосылка выживания и благополучия полиса. Однако Гегель, подчеркивая ограниченность греческих городов, отмечал, что здесь была «отвратительная обособленность, которая упорно и упрямо отстаивает себя и именно поэтому оказывается в полной зависимости от других и во враждебных отношениях с ними» [4, с. 229]. Менее однозначными могут быть оценки такой практики, которая обозначена в японской «политике закрытых дверей» XVI–XVIII вв. или «закрытости» Индии в течение двух десятилетий после Второй мировой войны. Такая более или менее жесткая ориентация получила название *автаркии* (греч. autarkeia – самоудовлетворение).

Поучителен в связи с этим опыт Соединенных Штатов Америки. Сегодня, когда они навязывают себя повсюду, где обозначают свои интересы, трудно представить, что их исторический старт имел *изоляционистский* характер. Исходные предпосылки были продиктованы совокупностью благоприятных обстоятельств. «География формировала непреходящее сознание континентальной целостности и обеспечивала поразительное сочетание безопасности и доступности» [5, с. 407–408]. Дух предпринимательства в течение долгого времени имел скорее «домашний», внутриамериканский, чем глобально-экспансионистский характер. В этом выявляется характерная черта американского изоляционистского мышления – *«нации-отшельницы»*. Ранее эта тенденция выступала как идея защиты американского «укрепленного лагеря» от его «вра-

гов», ныне все более – как решимость «действовать в одиночку» в мире инфантильных и «неблагодарных» союзников. Традиционная американская государственная политика была одновременно *изоляционизмом* по отношению к внеамериканскому миру и *континентализмом* по отношению к Америке как части света. Еще в начале XX в. Г. Форд писал, что «в Соединенных Штатах мы так заняты развитием нашей собственной страны, что долго еще сможем обойтись без внешней торговли» [6, с. 191]. Тенденция к самодостаточности не исчезла вовсе и в современной Америке. По оценкам экспертов, «корпорация USA даже после глобализации продает почти 9/10 своей продукции собственным рабочим и акционерам» [7, с. 163]. В начале XXI в. США демонстрируют *закон маятника* – одновременное действие импульсов экспансионизма и стремления к внутренней самодостаточности. «Верша свою историю и строя свою империю, – пишет Лернер, – Америка ощущает себя со всех сторон окруженной наступающими силами новых варваров и замыкается в кольце страхов перед враждебными и подрывными идеями». Вместе с тем для нее характерна неистребимая экспансионистская «жажда», и «было бы неразумно думать, что энергия, достаточно мощная, чтобы сдвигать границы, не распространится за океан» [5, с. 415].

Своеобразным остается российский маятник изоляционизма и экспансионизма. Колыбель будущей России – Киевская Русь была *открытым* пространством взаимодействия с миром, особенно с Европой, но в общем – по западному, северному и южному направлениям. Столетия золотоордынского засилия прервали этот в целом плодотворный диалог, но он – нередко в драматических формах – был возрожден. Здесь были подлинные и сомнительные триумфы: с одной стороны, санкт-петербургское «окно» в Европу, «догоняющая» модернизация России и мощное культурное воздействие на Европу великой российской культуры, с другой – роль императорской России как «жандарма Европы». Больше терниев, чем лавров, доставалось империи в контактах с азиатскими соседями. Крах попыток овладеть «Царьградом» – Константинополем в XIX в. – и позорное поражение под Цусимой в 1905 г. были следствием неизбывной «азиатчины» официальной России, ее стремления контролировать всю Азию и вместе с тем изолироваться от европейских преобразований.

Комплекс «изоляционизм – экспансия» в своем предельном выражении воспроизвела советско-коммунистическая империя. Идея «железного занавеса» (впрочем, впервые выдвинутая У. Черчиллем) была столь же охотно утилизована режимом, сколь и его идеологическая система, которая, подобно американской, претендовала не только на выживание, но и на глобальное «жизненное пространство» путем экспорта «революции». В начале XXI в. комбинация изоляционизма и интервенционизма *исчерпала* себя. Последнее свидетельство тому – одиозный талибский режим в Афганистане. Он обрек свой народ на самозаточение в средневековой архаике и фундаменталистски трактуемой исламской идеологии, пытается оградить его от влияния внешнего мира и одновременно объявляет войну другим культурам (апогей безумия – разрушение

статуй Будды) и цивилизациям (наркоэкспансия, террористическая атака на Вашингтон). Весь цивилизованный мир восстал против этого варварства. Такой длительный, многогранный и противоречивый опыт позволяет сделать заключение о преходящей и в целом *деструктивной* роли изоляционизма в судьбах народов и государств. Его не только материальное, но и ментально-политическое воплощение особенно заметно в государственных *границах*. Как правило, их принято рассматривать не как исторически сформировавшиеся, а соответствующие «природе вещей». Франкский император Карл Великий любил говорить о «естественных границах», но А. Камю называл границы «грубыми миражами истории» [8, с. 376]. Это означает, что роль границ как «стен» противоречива. «Человек перестал быть диким животным только тогда, когда он построил первую стену, – пишет Е. Замятин. – Человек перестал быть диким человеком, когда мы этой Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир – от неразумного, безобразного мира» [9, с. 368]. Более достоверно другое: с одной стороны, границы – это непременное условие суверенитета и безопасности государств («граница на замке»), с другой – под углом зрения культурно-цивилизационного взаимодействия государств и народов – о них можно сказать по Ф. Кафке: «То, что раньше представлялось разделяющей полосой, теперь стало стеной или горой – или, вернее, могилой» [10, с. 584]. С точки зрения Ф. Виттельса, эти «защитные сооружения имеют свои опасности: они закрывают горизонт» [11, с. 128]. Последний очевидный аргумент – жесткий *визовый* режим как один из камней преткновения между Россией и ЕС. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона требование визы определяется как способ одной страны показать другой нежелательность ее граждан.

В отличие от границы и во многом – в противоположность ей совершенно иную роль в истории играет такой культурно-цивилизационный феномен и выражаемый им емкий концепт, как *фронтир*. Этимологически он также означает границу (англ. frontier – буквально «рубеж», «граница»), но американский историк Ф. Тёрнер назвал ее – применительно к условиям освоения «дикого Запада» – «точкой встречи дикости и цивилизации». В современном же смысле фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория *встречи и контактов* различных культур и цивилизаций. Эволюция содержания термина «фронтир» в XX в. позволяет ввести его в научный дискурс как одну из смыслообразующих идей постижения генерализующей проблемы соотношения универсализма и партикуляризма и символически представить ее в виде Креста. На своем перекрестии – смыслообразующем *логосе* – фронтиры предстают прежде всего как универсальная, в терминах Фрейда, «любовь-ненависть» базовых ценностей/антиценностей *осевых смыслов* культурно-цивилизационных комплексов (КЦК). Горизонталь Креста, или *топос* фронтиров, в основном выявляется как результат двуединства устойчивого ценностно-смыслового *ядра* и динамичной *периферии* объективно различных КЦК

либо воспринимаемых как неоднотипные сущности. Наконец, *хронос* фронтиров – это процесс и результаты динамичной преемственнности и отрицания отмеченных противоречий в их конкретно-исторической эволюции. Фронтир – по-своему *маргинальное* состояние, и его смысл восходит к латинскому слову margo – край, каемка, обрамление, межа, граница и к названию пограничной древнеперсидской области Маргиана. По сути «фронтир – это зона неустойчивого равновесия, существует только по своим собственным зыбким, неписаным законам, иначе это уже не фронтир. У него своя логика, свои правила. Нельзя понять фронтир, основываясь на стереотипах жизни «большого» общества» [12, с. 82]. Однако фронтир и нечто большее. Еще не обозначаемый этим термином, он изначально был наделен огромным ценностно-символическим смыслом. В древнейшее время бытия человека в замкнутых пространственных локусах всякий выход за их пределы переживался как неведомый *перекресток* – выбор, судьба, сверхъестественные силы. В большинстве древних культур перекресткам дорог придавали огромное значение. В некоторых версиях мифа о царе Эдипе перекресток стал местом роковой встречи с незнакомым ему отцом и Сфинксом, и это место стало аллегорией судьбы [3, с. 271–272].

Появление и упрочение *больших* социально-политических пространств сопровождалось кристаллизацией государственных границ – не столько «естественных», сколько «сконструированных». Поскольку общая логика политической эволюции традиционного общества и Модерна вела к переходу от государств-локусов к имперскому структурированию мира, осваиваемые метрополиями «окраины» стали вполне типичным явлением. В процессе расширения империй на их периферии формировались типологически похожие друг на друга регионы порубежья – «ворота страны», или приграничные регионы. По сути это фронтир – территория, экономические и социокультурные условия которой определяются идущим на ней процессом *освоения*.

Российские культурологи, посвятившие этой малоизученной проблеме ряд работ (Замятина, Лурье), отмечают сочетание *экстенсивных* (территориальных) и *интенсивных* (деятельностно-пассионарных) факторов фронтира, единство происходящих в его пространстве процессов объективации и субъективации. «Пространство всегда воспринимается народом через действие в процессе деятельности по его *освоению.* Для того чтобы человеческая деятельность на какой-то территории была возможной, она должна стать объектом трансфера этнических констант и получить свое значение в рамках адаптационно-деятельностных моделей, принятых данным обществом. То, что является для народа «полем деятельности», – это пространство, в котором соблюдаются «условия деятельности». Поэтому части территории для народа имеют неодинаковую окраску, в зависимости от того, насколько они способны становиться «ареной действия». Образ конкретного региона не является застывшим. Пространство становится «действующим персонажем» во внутриэтнической драме. Степень его пригодности для освоения зачастую мало зави-

сит от объективных природных и даже политических условий». В ходе освоения «формируются определенные модели человеческой деятельности. Эти модели всегда в той или иной степени иррациональны, хотя часто получают якобы рациональное истолкование. Каждая культура формирует свой особый «адаптированный» образ реальности. Также формируется и образ осваиваемого пространства» [12, с. 61].

Характер фронтира – всегда исторически *переменная* величина, и об этом свидетельствует уже эволюция смыслов этого термина. С одной стороны, в имперской практике «рубежи потенциальной экспансии находятся в прямой зависимости от пределов трансляции имперского мифа – там, где кончается власть одних богов, начинается власть других» [13, с. 36]. С другой стороны, вновь возникающие цивилизации сами в известном смысле являются новыми фронтирами. Но по мере их становления политические границы перешагиваются и формируется уже – нередко принципиально иной – культурно-цивилизационный топос. Так было с раннефеодальной Европой как фронтиром Евразии. Шире говоря, историческая динамика фронтиров подтверждает правоту Гегеля: «Если дух нации требует чего-нибудь, то его не одолеет никакое насилие» [4, с. 426]. Фронтир – это прежде всего специфическое пространство свободной и триединой циркуляции людей, вещей и идей. Глобализация мира – во многом процесс перехода к «открытому обществу», и задача в том, чтобы триединая свобода, на котором оно покоится, становилась не межцивилизационным ристалищем, а инструментом коммуникаций и диалога, направленных на культурный обмен и взаимообогащение «способных измениться людей».

Однако такова по-веберовски идеальная модель фронтира. Изначально он был наделен не только огромным ценностно-символическим смыслом *рубикона*, который необходимо пройти, но и вероятной *пропасти*, в которую можно обрушиться. С нарастанием масштабов и усложнением культурно-цивилизационных взаимодействий проблема фронтира обретает новые, глубоко противоречивые смыслы. В этом ракурсе в XVII–XIX вв. на Американском и Евразийском континентах произошли *прорывы*, которые во многом определили дальнейшие судьбы мира. Но эти же свершения были изначально чреваты семенем дальнейших великих катастроф и реструктуризации культурно-цивилизационной картины мира. Классической моделью такой траектории стал *американский* фронтир. Открытие и дальнейшее освоение Америки в географической системе координат рассматривалось как непрерывно отодвигаемый *горизонт*. Вслед за первопроходцами цивилизация энергично расширяла свою ойкумену как, по-видимому, безличную территорию. Territory – это название административной единицы с особым статусом *штата*. Чтобы его получить, «территория» должна была иметь определенную численность населения. Такова *поверхность* американской экспансии. В ее *глубине* заключались двуединые смыслы. С одной стороны, колонизация Америки и создание нового государства – США стали инструментом исхода из Старого Света, поиском

и обретением «новой земли и нового неба», с другой – «одной из стержневых и устоявшихся в процессе самосознания XIX века» стала идея фронтира как «открытой границы, расширяющихся от океана до океана «демократических» далей, democratic virtas» [7, с. 52]. На этом пути наследникам Колумба предстояло одолеть не только застарелые институциональные и ментальные недуги «старушки Европы», но и определить реальные *пределы* унаследованного от нее принципа: «Не может быть свободен народ, который эксплуатирует другие народы». В соперничестве либеральной (свобода) и демократической (равенство) составных этой формулы однозначно одержала верх первая, и судьба автохтонных жителей Америки – индейцев, с учетом соотношения сил, была однозначно и фатально предрешена.

Свободолюбие оказалось четко ограниченным границами европейской цивилизации. Даже Ч. Диккенс писал об американском индейце: «Я называю его дикарем, а дикарь – это тот, кого крайне желательно «цивилизовать» [14, с. 15]. Мотивация такой цивилизаторской миссии парадоксально фундировалась, казалось бы, «последним словом» европейского христианства в форме протестантизма. В период колонизации Америки «угроза, исходящая от индейца, приняла для пуританина природно-тотальный характер, и в образе врага слитными воедино оказались индеец-дикарь и породившая его дикая стихия природы. Пуританский образ индейца-врага наложил свой отпечаток на восприятие переселенцами пространства: оно для них активно, это пространство – «западня» [15, с. 69]. Отсюда пресловутая формула – «хороший индеец – мертвый индеец», которая затем мультиплицировалась во множестве вариантов. Более преуспели пионеры американского фронтира, по сути, в *изобретении* структуры, способной преодолеть характерные для Европы (и ныне – всего мира) этнонационалистические страсти и обеспечить выживание и, как оказалось, стабильность принципиально новой политико-государственной структуры. «По представлениям отцов-основателей, небольшие размеры государства обеспечивали условия для демократии, а большие – для международной безопасности. Так были созданы Соединенные Штаты, сильный союз небольших демократических Штатов, и новая форма государственного устройства – федерация условия фронтира с его свободой, индивидуализмом, равенством, идеалы нового государства совпали с реалиями жизни фронтира. Так фронтир стал американским национальным символом» [15, с. 83]. Если в этой оценке отвлечься от апологии «свободы, индивидуализма и равенства», в «сухом остатке» следует признать поучительность такого политического феномена.

Во многом иначе формировался *британский* фронтир. Это вопрос не столько о его африканских ветвях, традиционно решаемый в духе Тёрнера (цивилизация против «варварства»), сколько о «жемчужине британской короны» – Индии. Здесь произошел уникальный *симбиоз* передовой цивилизации западного Модерна и одной из великих традиционных цивилизаций Востока. Сомнительно утверждение русского геополитика конца XIX в. Г. Вернадского, что «по своему внутреннему устройству и характеру своего народа эта

страна (Англия) может легко обойтись без той или иной колонии», и не вполне определенно его замечание, что «ни одна не сплочена с ней в одно целое, это скорее агрегат» [16, с. 115]. Это верно для до сих пор мозаичной полуплеменной Африки, но не для Индии, ее издавна консолидированной и прочной идентичности. Англичане не пытались «объять необъятное». У них хватило здравого смысла не посягать на глубинные ментальные основания индийского образа жизни. Для английской колонизации характерны две основные черты. Во-первых, первоначальный стихийно-народный характер колонизации и, во-вторых, минимальность связей с «туземцами». Англичане стремились поставить между собой и «ими» барьер. А. Лурье отмечает, что основным субъектом действия в английской модели колонизации является некое «сообщество» (религиозное или торговое). А в британской идеологеме понятия «сообщество» и «империя» синонимичны. Этот барьер (невидимая «стена») во многом обусловил изредка нарушаемый симбиоз почти самодостаточного британского «сообщества» в Индостане с выживанием и консервацией многообразных местных традиционных структур.

Своеобразным был *российский* маятник изоляционизма и экспансионизма. Здесь прослеживается аналогия с американским фронтиром как «чистой доской», и эта геополитическая метафора чем-то близка образу «дикого поля» в сознании русских. Но было и одно существенное отличие. Своеобразие российского фронтира заключается в цивилизационно-политической природе российской государственности. Государственно-активная позиция в отношении к пространству в США – одновременно и массовая. «Те же самые понятия – свобода, индивидуализм, равенство – традиционно признавались в монархической России катастрофически опасными. История порубежья и судьбы его открывателей представлялись в русской культуре сюжетами скорее трагическими, чем героическими. В то время как реформирующаяся Европа, ценившая частную инициативу и генерировавшая идеи естественного права, задавала свои координаты для восприятия Америки, российская действительность навязывала свою систему координат для восприятия российской территории. Одна из ценностей отечественного исторического сознания – централизация страны. Образ российского пространства «центростремительный». «Центростремительное» отношение к пространству и колонизации имеет две составляющие: взгляд на пространство с государственных позиций – взгляд «сверху» и взгляд его жителей – «снизу» [12, с. 83–84]. Цели, структура и ценностные мотивации *переселенческих* движений в России – огромная самостоятельная тема. Однако, отмечает С. Лурье, «в каких бы формах они ни выражались, они имели характер *бегства* от государства (вызванного в конечном счете постоянным конфликтом между крестьянским миром и государственными структурами) для русских вне зависимости от того, какие цели ими движут и каковы их ценностные доминанты, арена действия – это «дикое поле», пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами.

Освоение территории происходит посредством выбрасывания в «дикое поле» определенного излишка населения. Этот излишек на любом новом месте организуется в самодостаточный и автономный «мир». «Мир» и является субъектом действия, в частности, субъектом, осваивающим территорию. На более высоком уровне этот образ, осознаваемый как «мы», переносится на весь народ, так что сам народ начинает восприниматься как большой «мир», «дикое поле» осваивается, интериоризируется, приобретает «мирскую» структуру. Земля занимается для того, чтобы попасть под механизм общинных переделов, ибо это есть должное, по мнению всех крестьян, состояние земли в качестве «дикого поля». Народом воспринималась любая территория. Ее прежняя структурированность, будь то племенное деление территории или границы государственных образований, игнорировались. Признавались в какой-то степени лишь права туземной общины (если таковая имелась), т. е. воспринималась лишь «мирская» модель организации территории.

Ментальная способность русских к ассимиляции обычно преувеличивалась и ими самими, и внешними наблюдателями. Причина этого заблуждения в том, что «на многих территориях империи ассимиляция происходила быстро и почти безболезненно русские колонисты были чрезвычайно интровертны, замкнуты в себе и вообще не склонны обращать особое внимание на инородческое население. Русский человек неуютно чувствовал себя там, где сталкивался с туземными народами, обладавшими развитой культурой и национальным чувством, как это было, например, в Приамурье, где китайцы жили в демонстративной изоляции от русских. В конечном счете, русские осваивали «дикое поле», вбирая его в себя, не стремясь ни ограничить, ни устранить встречающиеся в нем препятствия. Русские как бы игнорировали конфликтогенные факторы, они рассматривались как внутренние» [15, с. 62–70].

Если для взгляда «снизу» – с позиций стихийной народной колонизации – было характерно подчеркивание внутреннего *разнообразия* страны, то оно было препятствием для сверхцентрализованного государства, которое требовало преодоления. Традиционная российская великодержавная идея – имперская миссионерская функция государства в этом пространстве, незыблемый и идущий от миссионерства «Третьего Рима» принцип, согласно которому в России активно только государство, ее граждане ощущают гнетущее однообразие, щемящую «тоску бесконечных равнин» (Есенин). С точки зрения Н. Бердяева, душа русского человека «ушиблена ширью». Для современной России, волею судеб наследницы двух империй, крайне значима проблема освоенного и дважды утраченного фронтира на европейском направлении. В период становления императорской России идентичность обширной территории в ареале Киевской Руси не случайно называлась *Украиной*. По В. Ключевскому, до начала XVI в. было две «Украины» – русско-литовская и московская. Этим именем – «Украина» – назывались все степные пространства, находившиеся на южной окраине литовско-русских и московских владе-

ний, между Днестром и Доном [17, с. 67]. После распада СССР традиционное «*на* Украине» – символ поверхностности и зависимости – встречает энергичную отповедь сторонников ее современной суверенности, и они настаивают на большей органичности формулы «*в* Украине». В таком состоянии историческое наследие России предстает как выражение всех противоречий, коллизий, смешения времен. По словам А. Бовина, одновременно это государство развитое, развивающееся и слаборазвитое. Россия – это одновременно Европа и Азия, Восток и Запад, Север и Юг, Христос и Магомет, бывшая империя и все еще империя.

Известный польский русист М. Брода «закрывает» вопрос Р. Киплинга: Россия – самая западная часть Востока или самая восточная часть Запада – утверждением, что и поныне «Россия понимает себя как территорию *пограничья* – в особенности как территорию, лежащую между Востоком и Западом: это Запад на Востоке и в то же время Восток на Западе» [18, с. 250]. Бескачественное, неопределенное положение «*между*» (нем. zwischen) – это совершенно иное, нежели положение «Запада *на* Востоке и Востока *на* Западе». Последнее – это качественно определенный статус России как *востока Европы*. Но, опираясь на маркировку России как межцивилизационного пограничья, Брода приходит к заключению, что «неуверенность в самой себе рождает усиленные механизмами проекции неуверенность и недоверие по отношению к другим, чувство опасности, окруженности миром, в котором она скорее видит врагов, чем находит друзей», и «в очерченной перспективе, охватывающей процессы объединения сил в рамках отдельных цивилизаций и укрепляющей синдром родственных стран, Россия остается *страной на распутье*, одной из важнейших в глобальном масштабе» [18].

Отмеченное положение – одна из наиболее значимых граней такого универсума, как фронтир. В глобальном культурно-цивилизационном взаимодействии возникли четыре варианта, четыре проекта «единого человеческого общежития», четыре способа подчинять племенное и национальное общечеловеческому. По Г. Померанцу, это четыре субэкумены, каждая из которых в принципе общечеловечна, суперэтнична, накладывается на различия народных культур, подчиняет их себе и в то же время по отношению к другим субэкуменам является индивидуальной структурой. К числу субэкумен относятся: христианский Запад, мир ислама, индо-буддистский мир Южной Азии и конфуцианско-буддистский мир Дальнего Востока. Вопреки своей «коллективной индивидуальности» взаимодействие всех субэкумен подчинено универсальному закону «любви-ненависти» – драмы *сопряжения* с другими культурно-цивилизационными комплексами. В широком смысле практически все они в глобальном мире играют роли взаимных фронтиров и «характеризуются сложнейшим переплетением трех качественно различных типов межкультурного контакта: *противостояния, симбиоза и синтеза.* В рамках каждого из них проблема конфликтов, в том числе межэтнических, решается по-

разному. Противостояние характеризуется полным отторжением «другого», если речь идет об этносах различной цивилизационной принадлежности». Наиболее жестко проявляет себя комплекс «мы – они», единственной формой противоречия служит антиномия. Если прямое противостояние культур ограничивает связи чисто внешними контактами, то происходит симбиоз – каждый остается собою и нового культурного качества не возникает. Универсальные ценности – основа разрешения конфликта. Сам факт признания универсальных ценностей есть условие необходимое, но недостаточное для разрешения межнациональных конфликтов. Дело в том, что представители различных культур вкладывают разное содержание в понятие «универсализм». На протяжении истории возникло несколько вариантов универсализма [19, с. 56–58]. В универсальном взаимопроникновении ценностей и практик в режиме фронтира, характерном для современного мира, отчетливо слышен «сновидческий голос» М. Цветаевой: «Восход навстречу Закату». Запад во многом предстает как Восток, Восток – как Запад, Север – как Юг и Юг – как Север [20; 21]. Идти по этой дороге вместе, без китайских, берлинских, а ныне – уже и израильских стен, во имя универсальной для всех зрелых народов «высшей мысли» (Достоевский) – таков императив времени.

Литература

1. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер – М. : Культурная инициатива, 1992.– Т. 2. – 446 с.
2. Независимая газета. – М. : Мысль, 1998. – №3. – С. 7.
3. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер – М. : Гранд Фаир пресс, 2001. – 444 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель – СПб. : Наука, 1993. – 471 с.
5. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке: в 2 т. / М. Лернер. – М. : Радуга, 2003. – Т. 2. – 575 с.
6. Форд, Г. Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. – М. : Экономика, 1989. – 397 с.
7. Мировая экономика и международные отношения. – М. : РАН, МЭиМО, 2000. – № 5. – С. 57–64.
8. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М .: Изд-во политич. лит., 1990. – 415 с.
9. Замятин, Е. Избранное / Е. Замятин. – М. : Логос, 1989. – 391 с.
10. Кафка, Ф. Америка. Процесс. Из дневников / Ф. Кафка – М. : Изд-во политич. лит., 1991. – 605 с.
11. Виттельс, Ф. Фрейд, его личность, учение и школа / Ф. Виттельс. – Л.: Эго, 1991. – 196 с.
12. Общественные науки и современность. – М. : Наука, 1998. – № 5. – 297 с.
13. Полис. – М. : Polis, 1997. – № 5. – 317 с.
14. Стивенсон, Д. Америка: народ и страна / Д. Стивенсон. – М. : Радуга, 1993. – 213 с.
15. Лурье, С. В. Российская и Британская империи: культурологический подход / С. В. Лурье // Общественные науки и современность. – М. : Наука, 1996. – № 4. – С. 63–72.
16. Вернадский, Г. Политическое равновесие и Англия / Г. Вернадский – СПб. : Лотос, 1877. – 319 с.
17. Острогорский, Д. Россия: империя и цивилизация / Д. Острогорский. – М. : Радуга, 1992. – 284 с.
18. Брода, М. Русские вопросы о России / М. Брода. – М. : Макс пресс, 2005. – 301 с.
19. Общественные науки и современность. – М. : Наука,1998. – № 4. – С. 53–62.

20. Левяш, И. Я. Культурология. Курс лекций / И. Я. Левяш. – Минск : ТетраСистемс, 1998. – 540 с.

21. Левяш, И. Я. Беларусь между Европой и Евразией: геософское измерение / И. Я. Левяш // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир. – Минск : Право и экономика, 2008. – С. 469–475.

I. J. LEVYASH

OPEN SOCIETY: FROM BORDER TO FRONTIER

Summary

Author's interpretation of sense of conception an open society, innovative treatment of conception frontier as chronotop of meetings and interosculations various cultural-civilized practics.

УДК 316.1/316.7

В. Л. АБУШЕНКО,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ (ПОСТ)НЕКЛАССИКИ

В статье рассмотрено развитие проблематики культуры в истории социологии. Показано, что введение культуры в предмет изучения классических социологических проектов позволяет выявить их неклассические (несциентистское и гуманитарное) основания.

Проект социальной науки (социологии) исходно предлагался О. Контом как противостоящий философской европейской классике и призванный преодолеть кризисные явления в просвещенческой программе. В этом смысле социология «неклассична» уже по своим основаниям. Речь шла не просто о переносе научного метода на новую предметную область – общество, а о выработке новой методологии и переформатировании познания под идею «позитивного знания», сменяющего метафизическую стадию познания (как та в свое время сменила стадию теологическую).

«Позитивное (социальное) знание» реалий нового типа социальности, конституируемой индустриальным обществом (обществом модерна) должно было стать и инструментом, позволяющим эффективно решать встающие перед субъектами деятельности проблемы, снимать ограничения в поступательном, прогрессивном общественном развитии. Еще эксплицитнее эта интенция была выражена в идее «критического (социального) знания» К. Маркса, исходившего из критики капитализма как преходящей общественно-экономической формации, заменяемой в революционных практиках новым бесклассовым типом общества. Основой преобразовательных практик призвано стать социальное знание как инструмент изменения существующего мира.

«Неклассичным» оказался и сам предмет социальной науки, хотя осознание этого растянулось в социологии на долгие десятилетия и породило целый ряд дихотомий внутри нее. В лице общества научное знание (не обладавшее на тот момент адекватными концептуальными и понятийными средствами) столкнулось с необходимостью описания самоорганизующихся, саморазвивающихся, рефлексивных (если угодно – синергетических) систем, не схватываемых адекватно традиционным набором методов и средств.

Таким образом, и в плане предметности, и в плане понимания природы (по)знания социологический проект был предъявлен как «неклассический»,

что начало более-менее эксплицироваться уже начиная с работ М. Вебера, связанных с обоснованием концепции формальной рациональности. Однако эта «неклассичность» (по)знания была далеко не очевидна и исходно не артикулирована. Более того, при всей своей потенциальной «неклассичности» первоначально социология отстраивалась по принципам классической науки. Потребовалось достаточно длительное развитие дисциплины, соотнесение ее проблематики и подходов к ее изучению со знанием, накопленным в иных дисциплинах, чтобы обнаружить ее «неклассические» основания.

Однако до настоящего времени вопросы о характере социального (социологического) знания остаются предметом дискуссии. Адекватность наложения на него «трехэтапной» схемы дисциплинарного развития (классическое – постклассическое – постнеклассическое (по)знание, в иной версии: классическое – неклассическое – постнеклассическое (по)знание) по сути специально не обсуждалась (что не мешает ее использованию). Гипотеза об изначальной «неклассичности» социологического дискурса остается слабо проработанной и крайне уязвимой для критики. Возможно, некоторые положения, изложенные ниже, будут работать на ее подтверждение.

Итак, предположение об исходной интенциональной «неклассичности» социологии пока можно принять лишь «на веру». Тем не менее в социологии есть и своя «классика», и своя «постклассика» (включая «неоклассику»), и своя «постнеклассика» (хотя их выделение также остается весьма проблематичным и дискуссионным). В данном случае речь идет об достаточно специфицируемых этапах развития самой дисциплины, связанных с изменением исходного социологического проекта, переопределением предметной области, уточнением возможностей социологии как определенным образом организованной познавательной практики, а также критической рефлексией тех ограничений, которые накладываются на ее притязания как изнутри ее самой, так и из междисциплинарного пространства.

Модернизирующая (строящаяся под рассматриваемую задачу) реконструкция истории социологии как самостоятельной научной дисциплины позволяет зафиксировать как минимум два этапных «рубежа», локализируемых (при всей условности любых дат) в конце 20-х и конце 60-х годов XX в. К 30-м годам в социологии и была оформлена своя «классика» – выдвинут и обоснован сам проект, созданы основные и маргинализированы иные версии его реализации, в целом произошла институционализация дисциплины. К 70-м годам в целом завершился постклассический период, включающий в себя и попытку неоклассического синтеза в структурно-функциональном анализе. За это время были конституированы основные направления социологического анализа, создан целый ряд специальных социологических дисциплин, произведена рефлексия методологических оснований дисциплины, артикулирована установка на междисциплинарный синтез. Соответственно с 70-х годов можно говорить о постнеклассическом этапе, на котором происходит синхронизация развития социологии с другими философскими и научными дисциплинами.

Таким образом, помня о различном наполнении понятий «классика», «постклассика» и «постнеклассика» в двух рассмотренных случаях (если принимается гипотеза об исходной «неклассичности» социологии), уточним исследовательскую задачу.

Речь будет идти о специфике социологического подхода к изучению культуры в социологической «классике» и «(пост)неклассике». Тем самым постулируется, что, во-первых, такие различия есть и они носят существенный характер, во-вторых – признается (по умолчанию), что эти различия имеют прямое отношение к различению этапов в развитии социологического знания, в-третьих, предполагается, что анализ специфики изучения культуры в социологии может работать на подтверждение гипотезы о «неклассичности» социологии как таковой. Наконец, можно выказать надежду и на то, что предлагаемая конструкция будет способствовать уточнению места социологического дискурса культуры в ряду иных дисциплинарных дискурсов.

Как минимум со времен П. Сорокина принято считать, что социальная наука, как бы она ни конфигурировала свой предмет, так или иначе, эксплицитно или имплицитно, разрабатывает три основных концепта и отношения между ними. Это концепты социума (общество в узком смысле слова), человека (чаще – личность, индивид) и культуры. Если огрубить и упростить ситуацию, то можно сказать, что антропологический тип дискурсов, например, будет и про «социум», и про «культуру», и про «человека», но прежде всего и главным образом – про «человека» в социальных и культурных системах. Отсюда и варианты: социальная антропология и культурная антропология (если отвлекаться при этом еще и от учета конкретной специфики их становления в конкретных странах и в конкретных исторических условиях). Соответственно культурология (так и не реализовавшийся проект) – прежде всего про «культуру», но и про «социум», и про «человека».

В итоге на долю (классической) социологии выпадает социоцентричность. Она прежде всего – про «социум». С современных позиций более корректно говорить: про «социальность». Но и про «человека» (в данном случае корректнее – «личность»), и про «культуру», хотя бы просто потому, что вне них можно говорить, и то с большой натяжкой, став на позиции социобиологии, только о «социальности муравейника». Дальше, с учетом разночтений, фиксируемых через обозначения «социальный реализм» и «социальный номинализм»,– акцент на «социальности» и акцентирование связки «социум – личность». Наиболее завершенное (и совершенное) выражение позиции – принцип социологизма Э. Дюркгейма. Социальное объясняется социальным, недопустима редукция к географическому, биологическому, психологическому, культурному (?) и т. д., социальное не редуцируется к индивидуальному (скорее, имеет место обратная редукция). Возможны оспаривание и(или) корректировка этой методологической установки как с номиналистических позиций, так и с позиции «социологического психологизма» (того же современника Дюркгейма Г. Тарда). И тем не менее социологическая «классика», особенно для

представителей иных социальных дисциплин, презентируется прежде всего «фактуалистической» социологией Дюркгейма и его последователей, а следовательно, неразрывно связана и с принципом социологизма.

Далее можно было бы обратить внимание на то, как последовательно в классических социологических дискурсах, включая номиналистические (и «психологизированные») варианты, проводилась редукция человека(личности) к индивиду как «атомарному» носителю социальности, что стимулировало антропологическое «контрнаступление» на позиции классической социологии (первое, пожалуй, сопротивление этим трактовкам в социологии – символический интеракционизм и феноменологическая социология – лежит уже за пределами «классики», особенно если учесть время их признания – 60-е годы XX в.). Однако в свете заявленной темы обратим внимание на другое – где в классике идет речь про «культуру»? Даже терминологически она практически не присутствует ни у Конта, ни у Маркса, ни у Дюркгейма. Можно согласиться с обсуждаемыми в современной литературе аргументами, касающимися специфики франкоязычной традиции и контекстов становления социального знания во Франции, но Маркс-то принадлежал немецкоязычной традиции, в которой концепт «культура» был легитимирован еще во времена раннего Просвещения. К тому же – парадокс: ученики и последователи Дюркгейма «вдруг» обращаются к проблематике культуры, не говоря уже о том, что западный неомарксизм так или иначе чуть ли не весь – сплошной дискурс культуры.

Можно предположить, что при учете всех сопутствующих объяснений дело во многом в самом классическом социологическом проекте. Он исходно не полагал культуру в качестве проблемного и тематического исследовательского поля. Фокус интереса был в другом – как, имея определенную массу разрозненных индивидов, образуется социальная связность, социальность, социум, общество (в широком смысле слова); как (вне божественного и(или) космического промысла) возможно задание социальных порядков и их совершенствование (в конечном итоге подразумевающее благо того же индивида(личности)). «Присутствие» же «культуры» при этом можно зафиксировать таким образом.

Во-первых, речь может идти об интенции, отлитой затем в «бронзу» большевистской идеологии. В каждом обществе присутствует две культуры: культура эксплуататоров и культура эксплуатируемых. Если еще больше заострить постановку вопроса, то «культура» – не более чем аппарат, создаваемый для обслуживания определенных социальных (классовых) интересов. А если ее еще и огрубить, то культура, являясь своего рода фоном любой социальной жизни, «привлекается» лишь постольку, поскольку способна и необходима для организации этой самой социальной жизни.

Во-вторых, можно привести и более корректный пример из первого периода становления американской социологии (изучения специфики адаптационного поведения польских эмигрантов-крестьян в Америке). Речь идет о концептуализации понятия «ценностная ориентация» как инкорпорирован-

ной индивидом определенной (внешней) по отношению к его социальному поведению ценности, так или иначе влияющей на это поведение. Таким образом, можно говорить о том, что «культурный определитель» (ценность) становится регулятором социальной жизни, лишь будучи вписанным в саму эту социальную жизнь. В нашем случае важна сама «мерцающая» здесь достаточно распространенная модель схватывания определенного культурного содержания в классическом социологическом дискурсе.

В-третьих, следует внимательнее присмотреться к самому понятию социального факта в классической социологии Дюркгейма. И тогда обнаружится, что вроде бы привычные, прописанные в учебниках положения могут быть поняты и проинтерпретированы несколько иначе. Так, достаточно тривиально положение о том, что основной тип социальных фактов – это коллективные (социальные) представления, разделяемые всеми или частью членов сообщества, действующие на каждого из представителей сообщества внешним и принудительным образом. Важно другое – что именно схватывается с помощью этого понятия. И здесь обнаруживается, что речь идет об идеях, верованиях и т. д., т. е. о том, что (при определенной расширительной экстраполяции) может быть понято как попадающее в зону действия концепта «культура». Затем эти внешние детерминанты институционально нормируются (!) и уже в этом новом (институционализированном) качестве задают определенные порядки конкретных практик.

Конечно, это три достаточно разные трактовки и понимания, с разными следствиями для разворачивающихся на их основе теоретических построений. Каждая из них нуждается в самостоятельном методологическом прописывании. Однако в предлагаемом контексте важнее зафиксировать то, что их объединяет. Представляется, что в данном случае можно говорить прежде всего о том, что, не будучи специально артикулированным, «культурное» все же присутствует в классических дискурсах социальности, которую поэтому корректнее понимать как социокультурность. Упрощая, можно, с достаточным на то основанием, утверждать, что для социологической классики социальное = социокультурное. Гораздо менее обоснованное утверждение – именно присутствие «культуры» в социологических дискурсах проблематизировало описание социальности по классическому «естественнонаучному» образцу. Здесь, наверное, будет уместно сослаться на спор о методе «наук о культуре», начатый немецким неокантианством.

Эта линия освоения культуры социологией имела продолжение в постклассический период ее развития, а именно в так называемой неоклассике, связанной прежде всего с нацеленной на дисциплинарный синтез (включающий выпадающее из рассматриваемых трактовок веберианство) методологией структурно-функционального анализа. Так, Т. Парсонс сконструировал особую культурную подсистему общества, закрепив за ней ряд функций интеграционистского характера, необходимых для (вос)производства целостности общественной жизни. В контексте предложенного рассмотрения здесь

важно обратить внимание на два момента. Во-первых, Парсонс предложил тезис об автономности культуры, хотя и сузил затем его понимание, рассматривая культуру почти исключительно в рамках подсистемы общества (а не как его «тотальную» самостоятельную характеристику). Отсюда, во-вторых, появилась возможность социологического исследования культуры (в рамках подсистемы) как самостоятельного, относительно локализованного проблемного и тематического поля.

Ход же к окончательной «предметизации» культуры в социологических исследованиях можно связать с некоторыми методологическими разработками Р. К. Мертона. Речь идет прежде всего о его конструкции «теории среднего ранга (уровня)». В ее рамках решалась задача полагания пределов возможной степени общности утверждениям (через соответствие заданным эпистемологическим и методологическим критериям), являющимся правомерными для данного конкретного знания и адекватными исследуемой в нем предметной области (проблематике, тематике). В контексте нашего рассмотрения важна не столько возникающая в этой конструкции перспектива связывания в единое целое концептов, конструктов, высказываний теоретического и эмпирического характера, сколько перспектива локализации применимости этих концептов, конструктов, высказываний в рамках «радиуса действия» теории, к которой они относятся.

Акцентирование второго аспекта привело, фактически, к «схлопыванию» теорий среднего уровня и специальных социологических теорий, сделав их слабо различимыми между собой, по крайней мере, в отечественной социологической традиции. В последней и была конституирована так называемая социология культуры как специальная социологическая (суб)дисциплина. Однако проблема оказалась именно в границах предметной локализации. Любые предлагавшиеся версии оказывались узкими для концепта «культуры». В них или схватывалась определенная институциональная область, или некоторое содержание, которое вполне можно было бы локализовать в рамках того, что можно было бы конституировать как, например, социологию искусства, социологию религии и т. д.

Очень вероятно, что социологическое видение культуры именно сквозь призму «социологии культуры» и(или) трактовка культуры как общественной подсистемы и привели к достаточно осторожному и критическому отношению представителей других социогуманитарных дисциплин к эвристическим возможностям социологии в области адекватного изучения культуры и ее феноменов, связываемых прежде всего со смысловым содержанием последних. В случае «социологии культуры» речь идет о произвольности конфигурирования предметной области, в случае парсоновской традиции – о «скольжении по поверхности» культурных феноменов (изучении их объективаций и репрезентаций).

Однако была и другая линия «втягивания» культуры в поле социологического анализа. Исходно она была связана с именами Г. Зиммеля (радикальная

версия) и М. Вебера (более умеренная версия) и методологической перспективой понимающей, а затем интерпретативной социологии (хотя последняя по своему происхождению и наполнению не сводилась к первой, прописывание чего является самостоятельной исследовательской задачей). Здесь важно заметить, что хотя наследие этих авторов (несомненно, «классиков» социологии) вполне вписывается во временные рамки классической социологии, сам тип их дискурса носит явно выраженный постклассический характер, а через ряд переинтерпретаций, имевших место в истории дисциплины, и в социологическую постнеклассику.

Не имея возможности развернуть здесь эту линию анализа, ограничимся лишь несколькими принципиальными замечаниями, фиксирующими лишь исходные методологические установки, воплощенные затем в целый веер социологических теорий.

Так, для Зиммеля задача социологии виделась в выявлении, классификации, описании и анализе «чистых форм социации», организующих социальную жизнь и образующихся через наложение на «поток жизни» «культурных форм». Поэтому в фокусе ее внимания – «формальное» начало («грамматика») организации и структурации общественной жизни. При этом исследователь (социолог) исходит из определенного априорно заданного способа видения. Формы видения организуют различные возможные «миры» культуры (религия, искусство, философия, наука и др.) со своей внутренней уникальной «логикой». В свою очередь сами эти формы видения организуются в соответствии с «логикой» культуры и ее «миров». Сверхцель социологии – изучение форм бытия-обществом (а не общества как объемлющей формы), поиск ответа на вопрос: «Как возможно общество?» и есть цель социологии. Люди же в обществе объединены общей культурой. Таким образом исходно задается определенная культуро-, а не социоцентричность социологии.

Согласно Веберу, социальное и историческое познание в отличие от естественных наук предполагает предшествование объяснению понимания как схватывания субъективно подразумеваемого и переживаемого (на основе определенных ценностей) действующими субъектами смысла («принцип отнесения к ценности» при одновременном следовании «принципу свободы от оценочных суждений»). Дух времени и дух культуры предопределяют познание. В разработанном им понятии идеального типа (как средства социального познания) фиксируется «культурный смысл» того или иного явления. Материал при этом систематизируется согласно представлениям о его близости-далекости идеально-типическому образцу (идеальному типу, репрезентирующему ценность), задаваемому и изменяющемуся в соответствии с духом времени и духом культуры. Тем самым ценностные абсолюты культуры оказываются исторически преходящими, как и репрезентирующие их идеальные типы, но задающими предельные ориентиры как самой социальной жизни, так и ее познанию. Таким образом, и этой версии анализа исходно присущ определенный культуроцентризм.

Отметим, что в обеих версиях социологического анализа «культура» присутствует уже вполне эксплицитно. На наш взгляд, именно это развертываемое в дальнейших экспликациях «присутствие» и предопределило во многом как инаковость этой линии социологии, так и все усиливающуюся по мере развития дисциплины ее (пост)неклассичность.

Скоро уже станет «общим местом» утверждение о том, что одним из мейнстримных направлений развития современной социологии является «ориентированное на культуру теоретизирование». Принципиально удерживать установку этого теоретизирования – культура перестает рассматриваться как один из возможных объектов социологического анализа (что было характерно для социологической неоклассики, но продолжает иметь место и сегодня в так называемой социологии культуры), а понимается прежде всего как определяющая (и «тотальная») характеристика социальности и задает вполне определенное исследовательское видение современных обществ (что в своих истоках восходит к интенциям веберовских и зиммелевских построений, достаточно эксплицитно присутствуя затем в феноменологически ориентированной социологии, не говоря уже о методологических установках социального конструктивизма).

Однако принципиально важно в современной теоретической социологии даже не это. Принципиально наметившееся в «нулевые годы» стремление к новому социологическому синтезу. В этом отношении и в рассматриваемом контексте речь может идти о том, что в русскоязычных переводах подается как «культуральная» социология или просто как «культурсоциология» (cultural sociology) Дж. Александера и его последователей. Имея неофункционалистские истоки, т. е. формально отталкиваясь от неоклассических построений парсоновского типа, это направление принимает методологические установки интерпретативной линии в развитии социологии, т. е. трактует «культуру» не объектно, а именно как универсальную характеристику и социальной жизни, и социологического анализа, как организующий этот анализ принцип, задающий соответствующее видение и определяющий способ формулировки проблем и постановки исследовательских задач. В фокус (пост)неклассической социологии выдвигается смысловая природа социальной жизни.

V. L. ABUSHENKO

CLASSICAL APPROACH TO THE STUDY OF CULTURE IN PERSPECTIVE OF THE (POST)NONCLASSICAL SOCIOLOGY

Summary

The development of the issue «culture» in the course of history of sociology is considered in the article. The author shows that the introduction of subject «culture» into the classical projects of sociology reveals their nonclassical (nonscientical and humanitarian) grounds.

УДК 316.422:37.54](73+71+415)

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИННОВАЦИИ: ПОДХОД СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ АВТОРОВ

В статье рассматривается подход современных западных авторов к инновации. Анализируются работы, опубликованные в журнале «Tertiary education and management» («Высшее образование и менеджмент») авторами из Ирландии, США и Канады. Показано, что подход западных авторов является прагматическим и утилитарным и концептуально связан с понятием «знаниевая экономика» (a knowledge-based economy). Проанализирован ключевой пункт механизма обеспечения инновационного развития: исследовательская работа в высших учебных заведениях, дающая прирост нового знания.

Инновация как процесс: извлечение выгоды из знания. Прочтем, как определяют термин «инновация» современные канадские исследователи. Для этого обратимся к статье «Кластеры, инновация и высшее образование», опубликованной в 2005 г. в журнале «Tertiary education and management» («Высшее образование и менеджмент»). Авторы статьи Поль Мэджит, Чарльз Белангер, Джоан Мунт пишут: «Инновация в общем определяется как процесс, посредством которого такая ценность, как новые экономические и социальные выгоды (пользы), извлекается из умений и знаний через порождение, развитие и выполнение (реализацию) идей для производства новых или улучшенных продуктов, процессов и сервисов» [2, с. 337]. Данное определение не представляет собой авторский вариант, а является определением, выработанным в процессе консенсуса на заседании совета (правления) конференций в 2003 г.

Итак, в контексте проблематики инновации знание рассматривается как прагматическая и утилитарная вещь: извлекать экономические и социальные выгоды, производить новые или улучшенные продукты и услуги, а инновации связываются с новыми технологиями и экономической и социальной выгодой. Еще одна цитата из статьи канадских авторов: «Холбрук и Клеймэн (2003) считают, что высшее образование играет важную роль в порождении инновационных умений и исследований, которые питают предприятия в конкретном регионе. Часто цитируются такие примеры, как центральный вклад Стэнфордского университета (Stanford University) и Массачусетского технологического института (MIT) в успех Силиконовой долины и маршрута 128 соответственно (the Silicon Valley and route 128)» [2, с. 337]. Канадские исследователи привели в качестве примера американские вузы и американские центры

инновационных технологий. В США два главных центра высоких технологий: Силиконовая долина (Калифорния) и маршрут 128 (Бостонский регион). Силиконовая долина, классический пример центра инновационных технологий, которому многие страны стараются подражать.

Прагматический и утилитарный подход к инновации и инновационной деятельности, демонстрируемый канадскими исследователями, не является специфически канадским. Данный подход широко используется в западной научной литературе и фактически является доминирующим. Что же является следствием данного подхода? Канадские исследователи пишут: «Вольф утверждает: «…ожидается, что университеты теперь будут генерировать более прикладное знание, которое более соответствует индустрии распространять это знание и обеспечивать техническую поддержку индустрии; ожидание, усиленное политическим давлением, чтобы исследовательские находки были привязаны к более широким общественно-политическим целям содействия национальной инновационной мощности, растущей конкурентоспособности и все более локальному и региональному экономическому развитию» [2, с. 338]. Как видим, основным результатом прагматического подхода к инновациям является рост ценности прикладного знания.

Обратимся к статье «Экономическое воздействие восьми исследовательских университетов на Бостонский регион», автором которой является Роберт Симха, представитель Массачусетского технологического института. Он пишет: «Бостонский регион – дом для примерно 60 высших учебных заведений. Восемь из них – это широко известные исследовательские университеты, которые присуждают докторские степени (doctoral degrees) и тратят по меньшей мере 10 миллионов долларов в год на исследования. В эту восьмерку входят: Бостонский колледж, Бостонский университет, Брэндейс университет, Гарвардский университет, Массачусетский технологический институт, Северо-восточный университет, Тафтс университет и университет Массачусетса в Бостоне.

Перечисленные вузы обеспечили основу для экономического роста и развития Бостонского региона с конца Второй мировой войны» [3, с. 269]. И далее: «За последние 15 лет были проведены три исследования, которые изучали экономическое воздействие на Бостонский регион некоторых или всех из указанных исследовательских вузов. Самое последнее исследование по экономическому воздействию было проведено в Бостонском регионе в 2003 г. Оно описало их роль в усилении экономической жизнеспособности Бостонского региона и указало на ряд беспокойств и факторов, которые будут воздействовать на их способность сохранять свою позицию в качестве экономического мотора региона» [3, с. 270]. Подчеркнем, университеты рассматриваются как экономические моторы региона.

Ярко выраженный прагматический подход к инновации приводит к тому, что на университеты смотрят не как на «башню из слоновой кости, где культивируется поиск истины ради самой истины», а как на производственный цех, который должен выпускать новые технологии, причем все больше и больше.

Итак, прагматический подход к инновации определяет рост ценности прикладного знания и экономической результативности университетов. Однако в статье американского автора речь идет об исследовательских университетах, поскольку именно исследовательские университеты являются основным поставщиком инновационных разработок.

Что лежит в основе прагматического подхода? Глубоко укорененное в западном мире и менталитете идеологическое убеждение, что знание – это сила и, следовательно, знание может быть рассмотрено как источник экономического роста. В настоящее время широко распространен термин «знаниевая экономика» (a knowledge-based economy), который определяет направление экономического развития западных стран, когда признается, что знание – это более мощная сила, чем природные ресурсы, большие фабрики и крупные денежные средства, и необходимо именно прирост знания положить в основу развития экономики. У Роберта Симха читаем: «Природа конкурентного преимущества изменилась за последние годы от материальных ценностей (активов) к интеллектуальным ценностям (активам). Как написал Томас Стьюэт в 1997 г., «информация и знания – конкурентные оружия нашего времени. Знание является более мощной силой, чем природные ресурсы, большие фабрики или большие денежные средства. В промышленности успех приходит к компаниям, которые имеют лучшую информацию или владеют ею очень эффективно» [3, с. 270].

Сделав ставку на прирост знания в контексте прагматического подхода, западные страны развивают исследовательские университеты в роли ключевых игроков в создании новых технологий и в создании инфраструктуры, поддерживающей инновационную деятельность. Исследователи создают инновации, но нужна целая инфраструктура, которая бы помогала внедрить эти инновации. Именно инфраструктура обеспечивает механизм запуска инноваций в производство. Речь идет о венчурных фондах (venture funds), инвестирующих банкирах, юридических фирмах, специализирующихся на интеллектуальной собственности, – все это группируется в сети вокруг исследовательских университетов.

Прочтем, как определяет миссию исследовательских университетов Роберт Симха: «Миссия этих университетов состоит в том, чтобы поддерживать бодрое (энергичное) интеллектуальное сообщество (intellectual community) и через свои исследовательские программы поддерживать здоровую и полную жизни региональную экономику» [3, с. 272]. Следуя данной миссии, неудивительно, что исследовательские университеты Бостонского региона имеют в своем составе так называемые офисы лицензирования технологий – это, наряду с внешней инфраструктурой, еще один вспомогательный механизм запуска инноваций в производство. Роберт Симха пишет: «Эти университеты через их офисы лицензирования технологий (technology licensing offices) обеспечивают административную и консультационную помощь, чтобы содействовать передаче технологий (technology transfer). Эти офисы предлагают

услуги, которые ранжируются от подготовки документов на патентование до установления связей между авторами исследования и источниками венчурного капитала (venture capital)» [3, с. 273]. Нужно признать, это разумное разделение труда, когда университеты в своей структуре имеют не только исследовательские лаборатории, создающие инновации, но и специальные офисы (службы), которые обеспечивают передачу технологий бизнесу.

Роберт Симха пишет об исследовательских вузах типа Массачусетского технологического института: «Многие из этих восьми вузов сами обеспечивают стартовые фонды и инкубаторные услуги для новых предприятий, которые возникли из их лабораторий» [3, с. 273]. Как видим, исследовательская лаборатория превращается в предприятие. Далее читаем: «Эти университеты обеспечивают предпринимателей из числа их студентов и преподавателей начальным капиталом, планом развития бизнеса, менеджментом, помещением и программами стимулирования и награждения, которые поощряют предпринимательское чувство солидарности. Приз Массачусетского технологического института и награды Deshpande (MIT's prize and the Deshpande awards) – только два таких стимула, которые помогают новым идеям передвигаться из лабораторий в производство» [3, с. 273]. Таким образом, исследовательские университеты можно признать локомотивами инновационного прогресса, поскольку они не только обеспечивают производство новых идей в своих исследовательских лабораториях, но и помогают через свои специальные службы обеспечивать передачу новых технологий бизнесу и, более того, сами способствуют созданию новых производств на базе своих исследовательских лабораторий. Разумеется, это изменяет роль преподавателя, который в такого рода университетах имеет возможность расширить диапазон своих функций. Например, преподаватель в Массачусетском технологическом институте, помимо преподавательской и исследовательской работы, может входить в состав руководства (в истэблишмент новых предприятий), что является результатом его исследовательской деятельности. Особая роль исследовательских университетов в создании мощных инновационных центров типа Силиконовой долины и маршрута 128 обеспечила им успех и высокий статус. Как правило, именно ведущие исследовательские вузы занимают первые места в международных рейтингах.

Итак, современные западные страны имеют четкий и целенаправленный подход к инновациям и инновационной деятельности, который обусловлен их одержимостью к созданию и сохранению своего лидерства и конкурентоспособности. Соответственно западные исследователи сконцентрировались на исследовании инновации в контексте технологического развития, экономической выгоды (пользы) и исследовательской мощи.

Чтобы понять, есть ли существенное различие в исследовательских подходах отечественных и зарубежных ученых, обратимся к диссертации С. Н. Кройтор «Инновации в образовании: социологический анализ», в которой автор через анализ определений дает обзор основных подходов отечественных ученых

к исследованию инновации. С. Н. Кройтор пишет: «Г. Герасимов и Л. Илюхина называют инновацию «целенаправленным изменением, вносящим в среду внедрения новые стабильные элементы (новшества), вызывающие переход системы из одного состояния в другое», при этом «новшество заключает в себе то содержание (сущность), которое предполагает возможность качественного изменения, а нововведение – обеспечивает технологию имплантации или выращивание содержания новшества в условиях конкретного объекта, изменение которого и составляет предмет инновации». Итак, уже первые авторы, приведенные С. Н. Кройтор, показывают совершенно отличный от западного подход к инновациям. Продолжим цитату: «В. Александров определяет инновации как целенаправленный процесс эффективной реализации прогрессивного новшества, ориентированный на конечный результат – интенсификацию функционирования той сферы человеческой деятельности, в которой это новшество используется».

Инновация – процесс реализации прогрессивного новшества? Инновация приводит к результату: интенсификации функционирования сферы человеческой деятельности? Повторим еще раз подход канадских исследователей. Инновация – это процесс извлечения экономической и социальной выгоды из умений и знаний и инновация нужна для производства новых или улучшенных продуктов, процессов и сервисов. Видимо, следует признать, что подход А. Александрова значительно отличается от подхода канадских авторов.

Далее С. Н. Кройтор пишет: «О. Хомерики, М. Поташник, А. Лоренсов считают, что «новшество – это именно средство (новый метод, методика, технология, программа и т. п.), а инновация – это процесс освоения этого средства». И. Бестужев-Лада определяет нововведение как «такую разновидность управленческого решения, в результате которого происходит существенное изменение того или иного процесса, явления – технического, экономического, политического, социального или иного». Управленческое решение? Приводит к изменению процессов и явлений? Читаем дальше: «Определение Ю. Карповой выглядит следующим образом. Инновация – это «прогрессивный результат творческой деятельности, который находит широкое применение и приводит к значительным изменениям в жизнедеятельности человека, общества, природы». Результат творческой деятельности? Приводит к изменениям в жизнедеятельности человека, общества, природы? Далее: «Т. Бурнышева утверждает, что инновация представляет собой «конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта». Результат внедрения новшества? Чтобы получить изменение объекта управления и эффект (экономический, социальный, экологический, научно-технический)? С. Н. Крайтор продолжает: «По определению Н. Лапина, инновация предстает как «комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой (или для лучшего удовлетворения уже известной) общественной потребности». Про-

цесс создания нового практического средства? Для новой общественной потребности (или для лучшего удовлетворения уже известной)? Возможно, в этом подходе есть прагматическое отношение к инновации, и можно сказать, что данный автор приближается к позиции западных исследователей.

С. А. Шавель дает определение социальной инновации, которая представляет собой «процесс легитимных управляемых изменений, направленных на системное, целостное обновление общества, его отдельных сфер и институтов через преобразование и рационализацию сложившихся повседневных практик и схем отношений между людьми (группами, классами, общностями)». В данном определении речь идет о социальной инновации, которая есть процесс легитимного управляемого изменения общества.

Еще одно определение: «По мнению Е. Кучко, нововведение следует понимать как «комплексный, целенаправленный, логически стройный процесс создания, использования и распространения новшества, целью которого является удовлетворение потребностей и интересов людей в новых средствах, что ведет к определенным новым качественным изменениям системы (или области, где реализуется новшество) и способствует возрастанию ее эффективности, стабильности и жизнеспособности». Инновация как процесс создания новшества? Для удовлетворения потребностей и интересов людей? С. Н. Кройтор заключает: «На основе анализа приведенных определений видим, что исследователи понятия «инновация» сходятся в том, что инновация представляет собой создание и усвоение нового, ранее не применявшегося в социальных практиках (новых моделей, образцов, объектов, процессов и т. д.), т. е. специфическое содержание инновации составляют изменения».

В определении инновации канадских исследователей ключевыми словами являются «процесс», «выгода», «знания» и «производство». Итак, инновация – это процесс извлечения выгоды из знания для производства новых и улучшенных продуктов и услуг. Следует признать, что подобный подход совершенно не характерен для отечественных авторов. Если определение инновации канадских исследователей стремится быть прагматическим и конкретным, то определения отечественных авторов стремятся к предельной абстрактности. Итак, инновация – это процесс извлечения выгоды из знания для обеспечения технологической (а стало быть, экономической и политической) конкурентоспособности и лидерства. Отметим, что в данном подходе знания являются важнейшим элементом, на который, кстати, отечественные авторы не обращают внимание, а между тем именно знание – это и есть то, что порождает инновацию.

Механизм обеспечения инновации: наращивание объема исследований в высших учебных заведениях. Следуя своему прагматическому подходу, западные авторы четко выстраивают механизм обеспечения инноваций: исследовательская работа в университетах (производить новое знание и извлекать из него выгоду, т. е. находить практическое применение) и внешняя и внутренняя инфраструктура (для передачи технологий в производство). Не затрагивая

вопроса об инфраструктуре, рассмотрим первую составляющую – исследовательскую работу в вузах.

Понимание важности исследовательской работы для производства нового знания и, в частности, все более ценимого прикладного знания, из которого можно извлекать выгоду, привело к ситуации, когда в западных странах происходит интенсификация и расширение исследовательской работы в университетах. Обратимся к статье «Мотивирование индивидов: рост исследований из «хрупкой базы», опубликованной в 2008 г. в журнале «Высшее образование и менеджмент», автором которой является Элен Хазелкорн из Дублинского института технологии (Ирландия). Она пишет: «Интенсификация битвы за мировое превосходство имеет глубокое воздействие на высшее образование, на высшие учебные заведения и их преподавательский состав. Призыв Лиссабонской повестки сделать экономику Европы к 2010 г. самой знаниево-емкой, основанной на интенсивном использовании знаний был повторен правительствами по всему миру, делая академическое исследование или производство нового знания определительной характеристикой высшего образования» [1, с. 151]. Итак, производство нового знания, т. е. исследования, ставится во главу угла и в самих вузах, и на повестке дня у правительств.

Элен Хазелкорн констатирует, что национальные и мировые рейтинги «считают отдачу от исследований ключевым показателем. В связи с этим многие правительства выбирают для использования методы финансирования, основанные на отдаче от исследований. Из-за высоких финансовых издержек достижения мирового превосходства многие правительства также стремятся к большей вертикальной дифференциации, спрашивая, должно ли исследование быть сконцентрировано в некоторых высших учебных заведениях или в кластерах вузов. В других случаях вузы сами берут инициативу, объединяясь в конкурентоспособные союзы с целью создания большей критической массы (например, Лондонский Метрополитен университет и Манчестерский университет) и формируя глобальные сети исследовательских университетов» [1, с. 152].

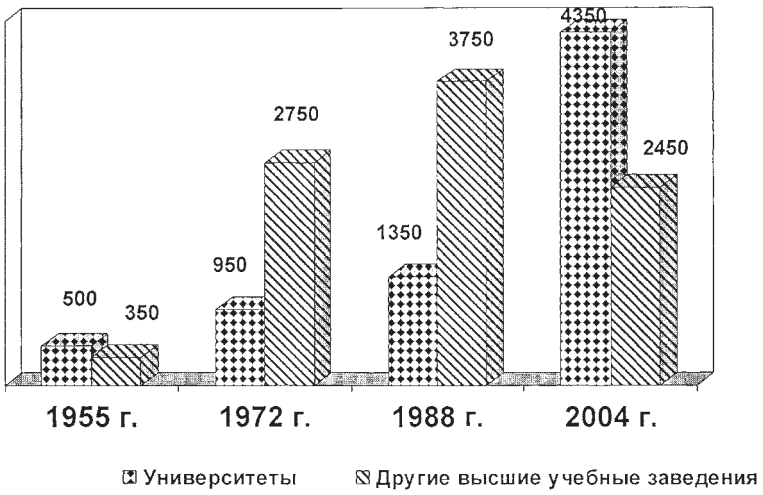
Итак, исследования – 1) ключевой показатель в рейтингах, 2) ключевой фактор в финансировании (правительства финансируют вузы на основе отдачи от исследований), 3) ключевой фактор объединения вузов в ассоциации и группы (кластеры). Битва за мировое превосходство невозможна без интенсификации исследовательской работы в вузе (производство нового знания), но поскольку проводить исследования мирового уровня дорого, то правительства предпочитают концентрировать финансовые средства в некоторых вузах (или кластерах вузов). И сами вузы стремятся к объединению, чтобы объединить, а значит, и усилить свой исследовательский потенциал.

Отметим, что есть исследовательские университеты, которые берут на себя основную нагрузку по производству нового знания, обеспечивая, таким образом, базу для инновационного движения. И именно исследовательские университеты занимают первые места во всевозможных рейтингах, а также

получают львиную долю денег, которые дают правительства и частные корпорации на проведение исследований. Именно исследовательские университеты были предметом анализа в уже упоминавшейся статье Роберта Симха «Экономическое воздействие восьми исследовательских университетов на Бостонский регион».

Сделав ставку на интенсификацию и расширение исследовательской работы, западные страны сегодня обязывают проводить все больше и больше исследований не только исследовательские университеты, но и требуют того же от других вузов. Это, в свою очередь, заставляет вузы существенным образом перестраиваться, поскольку прежде их преподавательский состав был занят главным образом только преподаванием. Чтобы понять, почему некоторые высшие учебные заведения в западных странах не имеют традиции исследовательской работы, вспомним тот факт, что западные страны значительно увеличили число своих университетов и других высших учебных заведений во второй половине XX в. (см. рисунок) [1, с. 153].

На рисунке показано, что за период с 1955 по 2004 г. число университетов в странах OECD увеличилось примерно в 9 раз (не считая при этом, что сектор высшего образования был значительно расширен не только за счет университетов, но и вузов, имеющих неуниверситетский статус). Итак, сектор высшего образования в западных странах был очень существенно расширен во второй половине XX в. «Многие вузы были учреждены в конце 70-х годов в качестве университетов или в качестве политехнических вузов, а также в качестве fachhochschulen, hogescholen, продвинутых колледжей образования, технологических институтов, университетских колледжей и т. д., хотя эта дата скрывает тот факт, что для многих новых вузов их предыстория восходит к XVIII в., когда они были основаны как технические, ремесленные или машиностроительные



Рост высших учебных заведений в странах OECD (Организация экономического сотрудничества и развития) за 1955–2004 гг., количество единиц

школы. Новые вузы были обязаны отвечать социально-экономическим требованиям массового образования и новым возможностям занятости (трудоустройства), быть «регионально уместными» и «создавать инновационное преподавание и обучение» через новые дисциплины и методологии» [1, с. 152]. Сектор высшего образования был пополнен за счет бывших технических и ремесленных школ.

Здесь следует пояснить, что традиционно техническое и ремесленное (профессиональное) образование на Западе не было включено в сектор высшего образования. Созданием новых и перепрофилированием старых ремесленных и технических школ, которым дали новый статус, чтобы включить их в сферу высшего образования, западные страны резко расширили сектор своего высшего образования. «Со временем резкие границы между элитным и массовым образованием, профессиональным и академическим, технологическим и традиционным стали размываться, и сегодня все более эти границы или сломаны или в процессе ломки, в результате чего происходит изменение миссии работы вуза, изменение, которое принимается и (старыми) университетами, и этими новыми вузами» [1, с. 152].

Итак, элитное (академическое, традиционное, классическое) образование составляло сектор высшего образования, а профессионально-техническое выходило за его рамки. Теперь же оно включено в сектор высшего образования, и в рамках данного сектора границы между старыми университетами и новыми вузами все более размываются (они начинают следовать одной миссии). Что это означает для преподавателей новых вузов? От них ожидают, что они будут не только преподавать, но и проводить исследования. Особенно это касается преподавателей тех вузов, которые получили статус университета, поскольку неотъемлемой характеристикой университета как типа учебного заведения является соединение (союз) преподавательской и исследовательской работы (teaching + research).

«Поскольку вузы стараются отвечать на новые экономические, политические и финансовые приоритеты, они находятся под большим давлением. Содержание академической работы, роль преподавателей и баланс между преподаванием, исследованием и сервисом (teaching, research and service) бесспорно реструктурируются и переопределяются» [1, с. 152]. Продолжая, Элен Хазелкорн пишет, что в балансе «преподавание–исследование–сервис» исследовательская работа выступает на передний план и становится приоритетом даже для тех вузов, которые прежде не делали акцента на исследованиях. В результате преподавательский состав данного рода вузов вынужден претерпевать существенные перемены. Сравнивая преподавателей традиционных (т. е. старых и ориентированных на проведение исследований) университетов и преподавателей новых вузов, Элен Хазелкорн пишет: «На преподавательский состав в традиционных университетах оказывается давление с тем, чтобы отдача от исследований была все более своевременной и масштабной,

а также преподавательский состав заставляют быть все более подотчетным и проводить именно те исследования, которые заказывают правительство и бизнес. Это вызывает реакцию преподавателей, направленную на защиту их автономии и академической свободы. Что касается преподавателей во многих более новых вузах, то они испытывают другие давления. Многие из них рассматривают себя в основном как учителей, однако теперь они сталкиваются с растущим требованием тратить больше времени на проведение исследований» [1, с. 152].

Итак, те давления, которые оказывают на преподавательский состав в традиционных (т. е. старых) университетах: давать все более растущую и своевременную отдачу от исследований, быть подотчетными и социально уместными (т. е. проводить те исследования, которых хотят правительство и бизнес, а не лично интересные для сотрудника), сталкиваются с желанием преподавательского состава защитить их автономию (академическую свободу). Но в новых вузах, где преподаватели рассматривают себя только как учителей (а не исследователей), преподавательский состав испытывает еще одно давление: их заставляют проводить исследования и тратить все больше и больше времени на них.

Почему Западные страны изменили традиции разрыва академического (университетского) и профессионально-технического образования (этот разрыв – отличительная черта англосаксонской традиции) и включили профессионально-техническое образование в сектор высшего образования? Элен Хазелкорн считает, что основной причиной этого является массовизация высшего образования: «Новые вузы были обязаны отвечать социально-экономическим требованиям массового образования и новым возможностям занятости (трудоустройства), быть «регионально уместными» и «создавать инновационное преподавание и обучение» через новые дисциплины и методологии» [1, с. 152]. Однако, пожалуй, это только одна из причин, хотя, возможно, ее можно считать основной. Вспомним, резкий рост числа вузов произошел в западных странах после успехов Советского Союза в области освоения космоса, что обусловило пристальное внимание западных исследователей и политиков к советскому высшему образованию. Именно тогда зародился миф о том, что советское высшее образование является одним из лучших в мире, миф, который, безусловно, имеет под собой объективную почву. Таким образом, если рассматривать резкое расширение сектора высшего образования на Западе в контексте идеологической («холодной») войны с СССР, то логично предположить, что причиной данного явления было не только требование массового образования и научно-технического прогресса (требующего роста исследований), но и конкуренция, которая существовала между коалицией западных стран и СССР. Советский Союз активно развивал профессионально-техническое образование в рамках высшего образования, хотя советские технические вузы назывались при этом не университетами, а институтами. Поскольку СССР имел большие достижения именно в технической сфере, это подтолкнуло западные

страны к преодолению традиционного для них разрыва между высшим (университетским) и профессионально-техническим образованием.

Элен Хазелкорн пишет: «Для многих новых вузов исследование является относительно новой миссией. Как следствие у многих преподавателей отсутствовал необходимый исследовательский опыт и знания, что ограничивало их возможность конкурировать за финансирование и производить требуемые исследовательские результаты» [1, с. 158]. И далее: «Важно отметить, что есть (между старыми и новыми вузами) также различные восприятия академической работы. Преподаватели в исследовательских или традиционных университетах воспринимают себя как исполнителей нескольких задач: преподавания, исследования и сервиса. Баланс между этими деятельностями, возможно, меняется с течением времени, но преподавание и исследование – всегда взаимосвязаны и являются неотъемлемой частью преподавательской работы, есть ролевая ясность. Преподаватели в новых вузах, напротив, не всегда разделяют эту точку зрения. Они, фактически, часто оспаривают основные установки, касающиеся академической работы и академических ценностей, то же делает и менеджмент новых вузов, хотя и по другим причинам. Например, преподаватели в новых вузах часто принимают «тред-юнионистскую ориентацию в отношении их карьер и рабочей нагрузки». Некоторым новым вузам нравятся относительно длинные летние каникулы, которые часто защищены тред-юнионистскими соглашениями. В сравнении с коллегами в исследовательских университетах преподаватели и менеджмент в новых вузах или мало, или вообще, возможно, не поддержат то, что летний (не преподавательский период) следует использовать для проведения исследований» [1, с. 159].

Как видим, стремление западных стран обязать новые вузы проводить исследования, стремление, которое вытекает из тезиса, что «традиционные университеты и академическое исследование больше не являются единственно способными отвечать на все геополитические требования по конкурентоспособности для научно-исследовательских показателей» [1, с. 154], сталкивается с сопротивлением преподавательского состава данных вузов, которое может объясняться или неготовностью и неумением проводить исследования, или же нежеланием делать это. Разные ценности, разное представление об академической работе, разный профессиональный и педагогический опыт, и если еще при этом можно спрятаться за сильные профсоюзы – становится понятным, какую напряженную трансформацию еще предстоит пережить новым вузам, чтобы отвечать тем требованиям, которые предъявляют к ним современные западные правительства, озабоченные наращиванием объема исследований.

Элен Хазелкорн выделяет еще одну проблему: «Предпочтение исследования над преподаванием обострено почти повсеместным рассоединением финансирования для исследования и для преподавания. Поскольку схемы финансирования вбивают клин между этими двумя видами деятельности, становится легче централизовать или сфокусировать деньги, направленные на про-

ведение исследований, в отдельных вузах (а не распылять их по множеству учебных заведений) для того, чтобы получить исследовательские результаты более высокого уровня. Финансовый аргумент (централизовать исследовательские деньги в отдельных вузах, так как это более эффективно) часто дополняется философскими дебатами о действительной и идеализированной связи, которая существует между исследованием и преподаванием. Задаются вопросом – «Эти два вида деятельности различны и требуют различных определений или же есть симбиотическая связь между ними?» [1, с. 156]. Суть проблемы в том, что вузов стало чрезвычайно много, а денег на исследования выделяется немного. Это означает, во-первых, что ожесточилась конкуренция за исследовательские фонды и, во-вторых, стал актуальным вопрос: выделять ли исследовательские деньги всем вузам или же концентрировать их в отдельных, наиболее сильных в исследовательской деятельности, университетах?

Конечно, при наличии недостатка финансовых средств исследовательские деньги разумно сконцентрировать в некоторой части вузов, как это на практике уже делают западные страны, но тогда как быть с тем, что другой части вузов (а соответственно и их преподавателям) мы отказываем в проведении исследований, разрывая тем самым связь преподавания и исследования, которая является неотъемлемым атрибутом университетского образования. Западные правительства, оставив проблему связи преподавания и исследования для продолжающихся дискуссий в научной среде, на практике придерживаются политики концентрации исследовательских фондов в отдельных университетах или группах университетов.

Если включиться в дискуссию о связи преподавания и исследования, то следует однозначно признать, что фундаментальное правило университетского образования – это неразрывная связь преподавания и исследования, поскольку и история университетов в Европе, и логика их развития свидетельствуют об этом. Но прежде в Европе не было такого большого количества университетов, в результате европейские страны не в состоянии финансировать все исследовательские заявки.

Итак, часть университетских преподавателей не будут иметь возможности заниматься исследовательской работой, даже если они этого очень хотят. Но, может быть, суть не в том, чтобы каждый преподаватель университета был занят в исследовательской работе, как это принято в традиционном (классическом) варианте. Возможно, будет вполне достаточно, чтобы только некоторая часть преподавателей были заняты в исследовательской работе. Как уже отмечалось выше, данный вопрос пока еще не имеет окончательного (общепринятого) решения и активно дискутируется в научной литературе.

В итоге получается следующее: западные страны хотят наращивать объем исследований, но при этом сталкиваются с двумя серьезными трудностями. Во-первых, новые вузы не имеют пока возможности отвечать на требования правительств своих стран должным образом в силу специфики своей истории

и опыта и, во-вторых, финансовых ресурсов для проведения исследований постоянно не хватает. В этой ситуации предпочтительна политика концентрации исследовательских денег в успешных по исследовательским показателям учебных заведениях и выделение финансовых средств на основе конкуренции. Например, Роберт Симха пишет о том, что в современной ситуации успешные исследовательские университеты Бостонского региона не могут требовать денег на проведение исследований столько, сколько хотят, и вынуждены конкурировать за ресурсы с другими вузами: «Финансовая поддержка, требуемая этими университетами, чтобы подкреплять свой успех, не может быть принята как должное (как то, что им просто обязаны давать). Университетские и политические лидеры должны постоянно представлять их программы и позиции публично на политической арене и конкурируя за ресурсы с другими» [3, с. 277]. В ситуации конкуренции особенно трудно приходится новым вузам, для которых исследования являются относительно новой миссией. Им трудно выдерживать конкуренцию за исследовательские фонды. Элен Хазелкорн пишет: «Как следствие в вузах, которые менее активны в исследовательской деятельности, исследовательская работа, вероятно, будет изнурять такие вузы до их остановки из-за отсутствия финансирования и неспособности конкурировать за национальные фонды. Эти процессы воздействуют на все аспекты вуза и, в частности, на его преподавательский состав. Сегодня от преподавателей не только требуют проводить исследования, публиковаться и выигрывать финансирование, но также чтобы они делали все это в условиях, когда нет фундаментальной трансформации вуза и его культуры. И ставки высоки. В этом контексте чрезмерно упрощенно предполагать гомогенный преподавательский опыт по велению университетских менеджеров, которые создали среду, поощряющую, даже требующую, чтобы преподаватели действовали как предприниматели, собирая деньги для финансирования своих структурных подразделений и департаментов» [1, с. 168].

Итак, современные западные страны сделали проведение исследований ключевым звеном в инновационной деятельности. Их опыт по эксплуатации высших учебных заведений, и в первую очередь так называемых исследовательских университетов, может быть полезен для тех, кто также озабочен обеспечением конкурентоспособности в области технологий, а также обеспечением лидерства в экономической и социальной сферах.

Литература

1. Hazelkorn, E. Motivating Individuals: Growing research from a «fragile base» / E. Hazelkorn // Tertiary Education and Management. – 2008. – № 2. – P. 151–171.

2. Madgett, Paul. Clusters, Innovation and Tertiary Education / Paul Madgett, Charles H.Belanger, Joan Mount // Tertiary Education and Management. – 2005. – № 4. – P. 337–354.

3. Simha, O. Robert. The economic impact of eight research universities on the Boston region / O. Robert Simha // Tertiary Education and Management. – 2005. – № 3. – P. 269–278.

4. Кройтор, С. Н. Инновации в образовании: Социологический анализ (на примере системы высшего образования в Республике Беларусь): автореф. дис. … канд. социолог. наук / С. Н. Кройтор. – Минск, 2009. – 115 с.

S. V. KOSTJUKEVICH

INNOVATION: MODERN WESTERN AUTHORS' POSITION

Summary

The aim of the present paper was to analyse how innovation is defined by modern western authors and what approach to the subject of innovations is preferable among them. The analysis is based upon some papers written by authors from Ireland, Canada and the USA and published in the journal «Tertiary education and management». Looking at these papers, one can conclude that the western authors' approach is pragmatic and utilitarian and, conceptually, it's connected with the term «a knowledge-based economy». One of the key items necessary to ensure an innovative development was also analysed , namely research and scientific development within higher education institutions.

УДК 316.422

С. Н. КРОЙТОР,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ: ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И УРОВНИ АНАЛИЗА

В статье изложена авторская концепция исследования инноваций на трех уровнях: социетальном, институциональном и личностном.

Термин «инновация» впервые появился в научных исследованиях в области культурологии и культурной антропологии в XIX в. и означал введение элементов одной культуры в другую. В контексте этих разработок инновация противопоставлялась традиционным формам действия, мышления и поведения. В начале XX в. возникла инноватика – наука о нововведениях, в рамках которой стали изучаться закономерности технических нововведений в сфере материального производства. Инновации были объектом изучения экономических наук и исследовались как способ увеличения экономических прибылей достаточно долго. Главными свойствами инновации считались научно-техническая новизна, производственная применимость и коммерческая реализуемость [9]. В предметной области социальных наук, в частности социологии, инновация появилась достаточно давно, однако исследования, посвященные данной проблематике, имели отрывочный и несистематический характер, так как были направлены на анализ иных социальных феноменов. Социология инноватики как научная дисциплина и специальная социологическая теория возникла совсем недавно – в конце XX в. Предметом ее исследования стало изучение социальной составляющей инновационных процессов.

Проблематика инноваций нашла свое отражение в работах классиков зарубежной социологической науки Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Тарда, Т. Парсонса, Р. Мертона, Т. Куна, Н. Лумана, П. Штомпки, в ряде работ советских и российских исследователей – И. В. Бестужева-Лады, В. И. Кондратьева, А. И. Пригожина, Н. И. Лапина и др., а также разрабатывалась (и в настоящее время продолжает разрабатываться) отечественными исследователями – С. А. Шавелем, Г. Н. Соколовой, Е. Е. Кучко, Е. М. Бабосовым. Разработки этих и других исследователей были направлены на выявление сущностных черт инноваций как социального феномена; анализ факторов, способствующих возникновению инновационных изменений; выработку критериев классификации и типологизации инноваций; описание алгоритма протекания и стадий

и жизненного цикла инновационного процесса; поиск типов и форм инновационного поведения; осмысление проблем инновационной восприимчивости, инновационного потенциала, инновационной готовности индивидов и групп к инновационным преобразованиям в различных социальных подсистемах и т. д. В настоящее время растет число работ, направленных на выработку путей инновационного развития современных обществ, а также эффективного управления инновациями в различных сферах жизни социума.

Несмотря на очевидный прогресс, достигнутый в исследовании инноваций, в данной области остается ряд нерешенных проблем. Одной из основных методологических проблем в области исследования инноваций (в рамках наук социогуманитарного цикла и, в частности, социологии), на наш взгляд, сегодня является то, что имеющиеся концепции инноваций часто носят фрагментарный характер. Как правило, они направлены на исследование одного или нескольких аспектов данного феномена и при этом недостаточно внимания уделяют инновации как целостной системе. Мы полагаем, что этому есть несколько причин. С одной стороны, большинство разработок, имеющих отношение к инновационным преобразованиям, было сделано в ходе анализа иных социальных проблем, и многие сведения об инновациях были получены не в ходе целенаправленного анализа именно этого феномена, а, скорее, были обнаружены косвенно, опосредованно. С другой стороны, инновация является настолько комплексным, многомерным феноменом, что существующие определения и подходы к ее изучению не просто расходятся в определении предмета исследования, постановке задач и выборе методов, но зачастую даже противоречат друг другу. Поэтому построение некоей системной, интегральной концепции инновации является очень непростой задачей.

Итак, на сегодняшний момент в социологической науке не существует такой концепции инноваций, которая бы четко и всесторонне описывала полный набор ее сущностных характеристик, свойств и признаков, раскрывала ее природу, исследовала условия, факторы и механизмы возникновения и закрепления инноваций в социальных практиках, а также препятствия их усвоения и т. д. В связи с этим, на наш взгляд, существует актуальная научная и социальная потребность в выработке комплексного, интегративного подхода к исследованию инноваций в обществе. Научная потребность заключается в приращении и систематизации накопленного научного знания в данной области, социальная – в повышении эффективности менеджмента инноваций и социального управления в целом, что приобретает особую актуальность в условиях инновационной экономики, основанной на знаниях. Как нам представляется, такой подход мог бы стать результатом аналитического синтеза идей, ранее разработанных в данной области, и новых разработок. В рамках данной статьи мы изложим некоторые идеи, которые, не претендуя на решение проблемы (подобные задачи требуют больших временных затрат и координации усилий множества специалистов), все же могли бы внести определенный вклад в построение такой универсальной концепции, послужив инструментом

систематизации имеющихся в социологической науке знаний об инновациях. Итак, в данной работе мы попытаемся изложить суть авторского подхода к исследованию инноваций. Для достижения поставленной цели нам потребовалось провести анализ предшествующих определений и концепций инноваций, а также подходов к их классификации. С результатами можно ознакомиться в других публикациях автора.

Авторский подход к исследованию инноваций основан на идее о том, что инновационные изменения следует рассматривать на трех уровнях: с точки зрения системы в целом (социетальный уровень), социальных подсистем – институтов (институциональный уровень) и индивида как носителя как личностных, так и социальных свойств (индивидуально-личностный). Такой многомерный подход будет способствовать получению более полной информации об изучаемом явлении, поскольку позволит учесть при исследовании инноваций не только особенности конкретной социальной отрасли, но и широкий социальный контекст, а также интересы и ожидания отдельных индивидов. Кроме того, нам представляется важной методологической задачей разграничение понятий «инновация», «нововведение», «новшество» и «новация», которые в социогуманитарных дисциплинах часто трактуются неоднозначно и расплывчато. Перейдем к определению основных понятий и построению системы категорий (см. рисунок).

Уровень I: инновации с точки зрения социальной системы в целом. На данном уровне исследования понятийный ряд будет развернут через понятия традиции, инновации, нормы, ценности и др. Прежде всего отметим, что социальная система есть развивающееся сложноорганизованное целое, характеризующееся двумя процессами: традиционализацией и инноватизацией. Традиционализация направлена на сохранение и воспроизводство существующего в обществе ценностно-нормативного порядка. *Традиция* – «универсальная форма и механизм упорядочивания и структурирования имеющих значение для живущих поколений людей содержаний любой культуры и ее подсистем» [1, с. 1135]. Традиция направлена на упорядочение социальных практик, на поддержание и воспроизводство существующих в обществе форм деятельности, поведения и коммуникации.

Норма – «понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение, сохраняют свои качества и функции, задающие их внутреннюю соразмерность (упорядоченность)» [2, с. 643]. Норма стабилизирует протекание социальных процессов, придает им регулярный и устойчивый характер, очерчивает границы, в которые они должны вписываться, чтобы не утратить статуса «социальных», т. е. задает пределы вариабельности социальных практик, выполняет структурирующую функцию. Итак, традиция представляет собой форму и способ упорядочения социальных практик, а понятие нормы обозначает конкретные границы, пределы, в которых позволяет действовать традиция. Иначе говоря, традиция воспроизводится через норму,

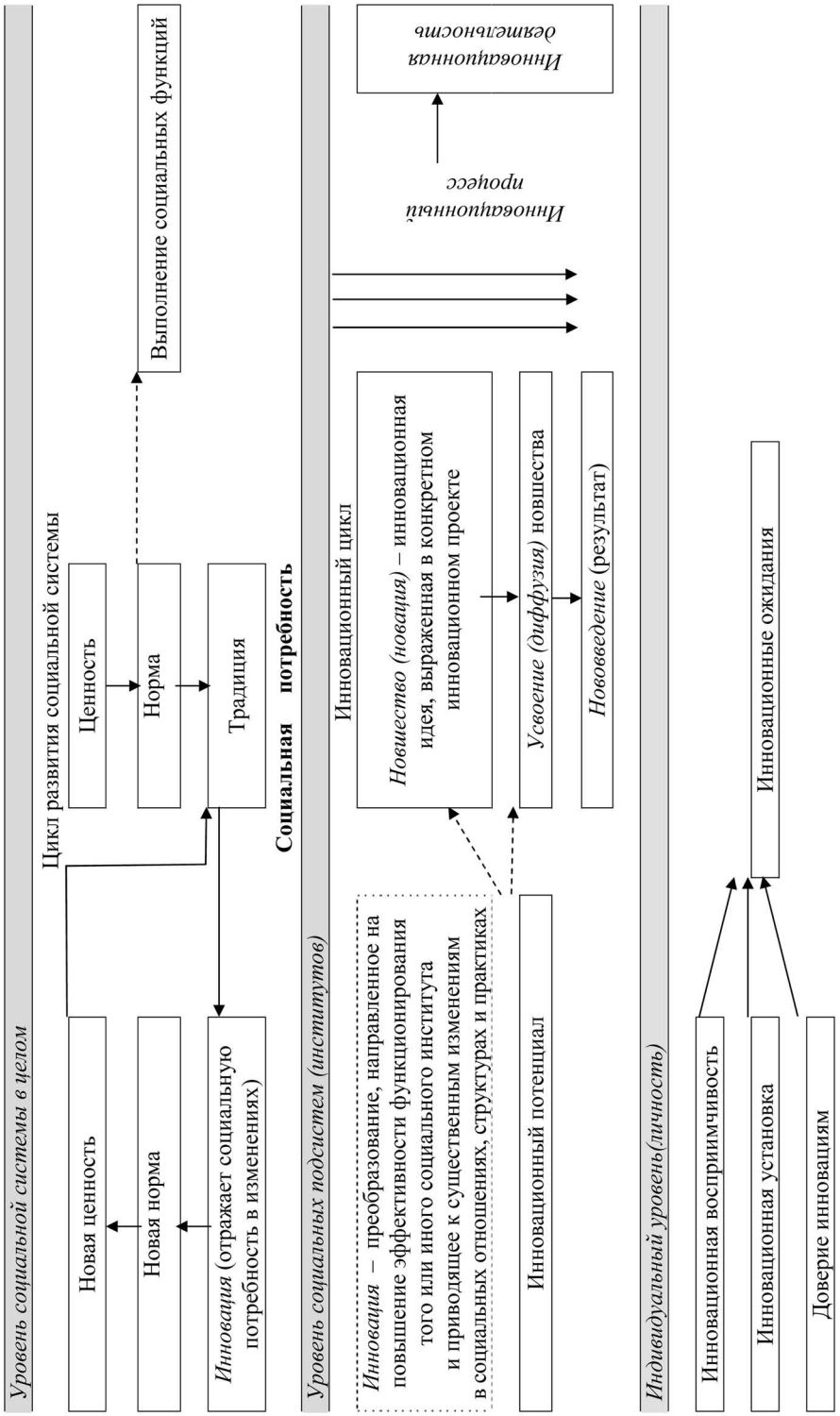


Схема основных понятий, используемых при исследовании инноваций

полагающую диапазон приемлемых моделей поведения. Традиция выступает основой для конструирования норм и через них реализуется. Социальные нормы, в свою очередь, базируются на наборе ценностей данного общества. *Ценность* – «термин, используемый в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту» [3, с. 1216].

Инноватизация – процесс возникновения и усвоения инноваций – новых форм и типов социальных отношений, структур и практик, направленный на преодоление границ, задаваемых традицией, через введение принципиально новых смыслов, образцов, правил деятельности и взаимодействия, которые призваны трансформировать либо утилизировать прежние социальные практики, частично или полностью заменив их новыми. Это значит, что инновация всегда тяготеет к тому, чтобы занять место традиции и в конечном итоге перейти в разряд привычного и традиционного, принятого и санкционированного в обществе. Инновационные изменения предполагают перестройку социального порядка и, следовательно, деформацию старых ценностей и базирующихся на них норм либо их замену новыми, более актуальными на данном этапе бытия социума. Инновационный процесс носит циклический характер. Социальное развитие есть непрерывное выдвижение инноваций взамен закрепленных традицией образцов, с их последующей институциализацией (либо отвержением), и в дальнейшем – смене другими инновациями, востребованными социальной системой на новом этапе. Противостояние традиций и инноваций, преодоление традиций инновациями является необходимым условием социального развития. Функционирование системы может быть представлено последовательностью таких циклов – от зарождения инновации в недрах традиции через ее постепенное усвоение к окончательному принятию в качестве традиционного, ортодоксального элемента системы.

В рамках социетального уровня социальная инновация предстает как элемент механизма развития социума, обеспечивающий обновление ценностно-нормативной структуры общества в связи с изменением потребностей и условий его существования и способствующий повышению устойчивости социальной системы.

Уровень II: инновации в социальных подсистемах (институтах). В данном случае речь пойдет об инновационных изменениях в различных социальных институтах – образовании, экономике, политике, науке и т. д. Говоря об инновации в этом контексте, мы прежде всего будем иметь в виду организованное изменение (стихийные инновации, в принципе, возможны и на этом уровне, но в рамках данной статьи они не будут являться предметом нашего исследования). Эту группу инноваций отличает системность, т. е. их целенаправленная разработка и внедрение для достижения определенных целей на практике, адресность управленческих воздействий, контролируемость и управляемость инновационного процесса. Задача управления инновациями, или инно-

вационного менеджмента, – на основе изучения имеющейся ситуации выработать меры по созданию оптимальных условий для инновационной деятельности, обеспечив нормальное течение инновационного процесса. Здесь важно максимально точно и полно описать текущее состояние изучаемой социальной подсистемы и на основе полученных данных построить прогноз ее будущего состояния, которого предполагается достигнуть в результате управленческих операций. Проблема прединновационного анализа заключается в высокой сложности описания социальных феноменов в силу их динамичности и многосторонности, а также включенности каждой из социальных подсистем в более широкий социальный контекст, поэтому именно этой стадии разработки новшества необходимо уделять повышенное внимание. Такое изучение должно опираться в первую очередь на анализ и оценку инновационного потенциала отрасли, так как эта характеристика отражает условие, необходимое для адекватного усвоения инновационной идеи.

Инновационный потенциал – совокупность условий социальной среды (ресурсов (материальных, интеллектуальных, информационных, человеческих), инфраструктуры, условий (социальных, политических, религиозных, этнических) и т. д.), обеспечивающих техническое, технологическое и организационное обслуживание инновационного процесса. Этот показатель является обобщенной характеристикой всей совокупности внешних условий, ситуации реализации инновационной идеи.

Новизна представляет собой один из важнейших признаков инноваций. Но что есть новое? Мы разделяем точку зрения Л. Илюхиной и Г. Герасимова о том, что «новое в инновации – это та востребованная временем и обстоятельствами (потребностями развития) сущность, вокруг которой формируется содержание новшества, принципиально отличное от всех ранее применявшихся в данной системе по степени воздействия на характерологические признаки системы таким образом, что она переходит в заданно ожидаемое (гипотетически прогнозируемое) состояние, фиксируя тем самым содержательный результат инновационного воздействия» [8, с. 21].

По нашему мнению, термины «инновация», «нововведение» и «новшество» не являются синонимичными. *Новшество* мы будем рассматривать как некую идею по повышению эффективности функционирования той или иной социальной подсистемы. Новшества могут быть выражены в виде открытий, изобретений, результатов социологических или других исследований и выработанного на их основе набора рекомендаций по преобразованию объекта (процесса, системы), предложений по совершенствованию управленческих воздействий на объект (процесс, систему), научных подходов или принципов и т. д. Новшество предшествует непосредственному введению в систему новых элементов (либо преобразованию существующих) и дает необходимую для этого информацию. *Новшество* – идея изменения, выраженная в инновационном проекте и подлежащая внедрению в социальную практику. В рамках данного диссертационного исследования понятия «новшество» и «новация» будут исполь-

зоваться как синонимы. Вслед за разработкой новшества начинается процесс его введения в социальную практику, т. е. *усвоение, социализация, диффузия* новшества. *Нововведения*, по нашему мнению, представляют собой результат усвоения, распространения и использования новшеств, т. е. видимый социальный эффект инновационных изменений и финальную стадию инновационного цикла. Целью нововведений является удовлетворение социальных потребностей в объектах, процессах, моделях более высокого качественного уровня, чем применявшиеся ранее.

Нововведение может касаться *условий деятельности* (например, изменение условий функционирования системы образования путем привлечения в него инвестиций); *способа деятельности* (смена образовательных технологий, например методик преподавания, способов оценки знаний учащихся); *любых сторон ее протекания*; *конечного результата деятельности* (например, представление о том, каким набором знаний и умений должен обладать специалист).

Инновационный процесс представляет собой процесс разработки и внедрения новшества, реализуемый в ходе инновационной деятельности. *Инновационная деятельность* – совокупность операций по разработке и реализации инновационной идеи. Инновационный процесс имеет циклический характер и реализуется на нескольких стадиях. *Инновационный цикл* – последовательность стадий разработки и усвоения новшества. В данной работе инновационный цикл будет рассматриваться с точки зрения следующих стадий инновационного процесса:

1. *Новшество (новация)* – инновационная идея, выраженная в конкретном и инновационном проекте. На данном этапе осуществляются следующие операции:

анализ состояния системы (объекта, отрасли) с точки зрения ее внутренней специфики, особенностей развития и наличия ресурсов и включенности в более широкий контекст социального развития;

выявление проблемных полей, требующих преобразующего воздействия с целью их оптимизации;

выработка инновационных идей, способных разрешить обнаруженные проблемы;

перевод идеи в цель, конкретизированную в системе задач, определяющих возможность управляемого воздействия на необходимые свойства объекта или системы;

составление прогноза будущего состояния отрасли на основе проведенного предварительного анализа внешних и внутренних факторов развития системы, построение модели нововведения, выработка конкретных мер и алгоритмов воздействия на объект с целью повышения эффективности его работы или улучшению его качеств, оценка возможных препятствий усвоения инновационной идеи.

2. *Диффузия, социализация новшества* – процесс усвоения новшества, практическая реализация инновационного проекта. На этом этапе инновации-

онная идея получает свое реальное воплощение через процедуры внедрения в социальную практику. Введение новшества вносит в систему элемент нестабильности, на некоторое время нарушая ее устойчивое равновесное состояние. В этот период система является особенно хрупкой и уязвимой, и существует повышенная опасность ее разбалансировки. Поэтому процесс усвоения новшества должен тщательно и постоянно наблюдаться и контролироваться, чтобы быть оперативно скорректированным и направленным в нужное русло в случае внезапных отклонений от намеченного в проекте хода развития.

3. *Нововведение* – результат инновационной деятельности, выраженный в виде новых или качественно преобразованных моделей, образцов, процессов, объектов и т. д. На данной стадии осуществляется окончательное усвоение, стабилизация, институциализация новшества (И. В. Бестужев-Лада называет этот процесс «инновационным гомеостазом»), осуществляется постинновационный анализ, цель которого – выявление ошибок, допущенных на этапах проектирования и реализации нового, анализ сложностей, возникших в ходе инновационного процесса, во избежание аналогичных проблем в дальнейшем.

Инновация в контексте проблематики социальных институтов понимается нами как преобразование, направленное на повышение эффективности функционирования того или иного социального института и приводящее к существенным изменениям в социальных отношениях, структурах и практиках. На это определение мы и будем опираться в рамках данной работы.

Уровень III: инновации и личность. Проблематика инноваций на уровне личности в работе раскрывалась посредством категории «социальные ожидания». При конструировании системы понятий на данном уровне автор основывался на концепции социальных ожиданий С. А. Шавеля, которая была творчески переработана в контексте целей и задач исследования и с учетом авторских наработок по данной теме. Мы опираемся на следующие положения концепции ожиданий С. А. Шавеля: 1) социальные ожидания связаны с высшими ценностями (справедливость, социальный порядок, достоинство, истина и др.); 2) они не только ситуативны, но и процессуальны, возобновляемы и устойчивы; 3) они определяют «не просто желательное, но и «должное» в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей и укрепления целостности и стабильности социума» [15, с. 64]. Иначе говоря, в социальных ожиданиях представлена наиболее значимая социальная информация об оптимальных направлениях развития общества; о «болевых точках», угрожающих как социальному порядку и стабильности, так и благополучию и самочувствию отдельных людей; о потребностях общества, например потребности в реформировании социальных структур и т. д. Примерами такой информации могут быть обеспокоенность населения качеством образования и осознание необходимости его повышения, низкая удовлетворенность уровнем социального обеспечения, доступностью медицинских услуг и т. д. Социальные ожидания противопоставляются личностным ожиданиям, которые затрагивают только условия и обстоятельства жизни отдельного че-

ловека и потому более изменчивы. Свой подход к исследованию социальных ожиданий мы будем также основывать на положении С. А. Шавеля о том, что «согласованность ожиданий есть основной закон сохранения системного взаимодействия» [15, с. 64], а основным условием согласованности ожиданий является доверие, включающее установку на уважение и готовность к эмпатии (в данном контексте мы будем иметь в виду доверие индивидов социальным институтам).

Обозначим основные позиции более четко. Носителями социальных ожиданий являются индивиды. *Социальные ожидания* представляют собой относительно устойчивые компоненты общественного сознания, связанные с фундаментальными социальными ценностями, вытекающими из социальной потребности, и определяющие «должное» в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей укрепления целостности и стабильности социума. В таком случае *инновационные социальные ожидания* можно определить как вид социальных ожиданий, отражающий осознанную отдельными индивидами общественную потребность в реформировании социальных отношений и структур и собственного поведения и предполагающий определенную степень их личной готовности включаться в инновационный поиск.

Какова структура социальных ожиданий? С нашей точки зрения, их основными компонентами являются *восприятие* социально значимой ситуации (наличие мнения, отношения, оценки по поводу той или иной социальной ситуации), *социальная установка* (состояние предрасположенности и готовности действовать в социально значимой ситуации) и *доверие* социальным институтам. Тогда логичным будет предположить, что инновационные социальные ожидания складываются из инновационной восприимчивости, инновационной установки и доверия проводимым инновациям. Под *инновационной восприимчивостью* понимается отношение индивида к новшеству, сформированное на базе оценки его содержания и возможных/наблюдаемых последствий и выражающееся в «принятии/непринятии, поддержке/сопротивлении, понимании значимости и императивности поиска и необходимости своего посильного участия в нем» [16, с. 7]. Под *доверием* будет иметься в виду некий кредит доверия, пред-доверие с ориентацией на перспективу, оказываемое людьми по отношению к социальным подсистемам. *Инновационная установка* – состояние предрасположенности к позитивному восприятию инноваций и готовности к участию в инновационном поиске. Это определение сконструировано нами на основе подхода С. А. Шавеля к социальным установкам (аттитюдам), согласно которому социальные установки – «коллективные по своей природе, отражающие социальные ценности конкретной общности и индивида как представителя, члена данной общности», характеризующие состояние «предрасположенности, готовности, настроенности к определенному способу восприятия, реагирования и действования в сходных ситуациях» [16, с. 8]. Под *доверием инновациям* будет пониматься некий кредит доверия, оказываемого людьми инновации, которая уже реализуется или будет реализована в будущем.

Итак, в данной статье в самом общем плане были продемонстрированы познавательные возможности авторской концептуальной схемы социологического исследования инноваций. Данная схема представляет собой попытку систематизации накопленных в социологической науке знаний об инновациях и будет более подробно описана в следующих публикациях автора.

Литература

1. Абушенко, В. Л. Традиция / В. Л. Абушенко // Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 1134–1135.

2. Абушенко, В. Л. Норма / В. Л. Абушенко // Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 643–644.

3. Абушенко, В. Л. Ценность / В. Л. Абушенко // Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 1216.

4. Бестужев-Лада И. В. «Алгоритм» социального нововведения / И. В. Бестужев-Лада // Социологические исследования. – 1991. – № 9. – С. 23–28.

5. Бестужев-Лада, И. В. К школе XXI века: Размышления социолога / И. В. Бестужев-Лада. – М. : Педагогика, 1988. – 254 с.

6. Бестужев-Лада, И. В. Прогнозное обоснование социальных нововведений / И. В. Бестужев-Лада. – М.: Наука, 1993. – 233 с.

7. Бурнышева, Т. Инновационный менеджмент (обзор литературных источников) / Т. Бурнышева // Управление инновациями и модернизация постсоветской промышленности. – Новокузнецк, 1999. – 56 с.

8. Герасимов, Г. И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы (социологический аспект) / Г. И. Герасимов, Л. В. Илюхина. – Ростов н/д: НМД «Логос», 1999. – 136 с.

9. Инновационный менеджмент: концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития: учеб. пособие по спец. «Менеджмент организации» / В. М. Аньшин [и др.]; под ред. В. М. Аньшина, А. А. Дагаева. –3-е изд., перераб. и доп. – М. : Дело, 2007. – 583 с.

10. Косалс, Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов / Л. Я. Косалс. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние РАН, 1989. – 285 с.

11. Кучко, Е. Е. Систематизация подходов к классификации инноваций / Е. Е. Кучко // Социология. – 2008. – № 4. – С. 611–70.

12. Кучко, Е. Е. Социология нововведений как специальная социологическая теория / Е. Е. Кучко // Социология. – 2007. – № 4. – С. 91–101.

13. Мешков, А. А. Основные направления исследования инновации в американской социологии // Социологические исследования. – 1996. – №5. – С. 117–128.

14. Соколова, Г. Н. Белорусская модель инновационного развития в социальном измерении / Г. Н. Соколова // Социология. – 2007. – № 3. – С. 57–69.

15. Шавель, С. А. Социальные ожидания населения как исходная социологическая категория / С. А. Шавель // Социология. – 2006. – № 3. – С. 63–72.

16. Шавель, С. А. Инновационные установки населения: предпроектный анализ / С. А. Шавель // Социология. – 2008. – № 3. – С. 3–14.

17. Consensus // Internet-linked dictionary of sociology. – 3-rd edition. – Glasgow, 2000. – P. 109.

18. Norm // Internet-linked dictionary of sociology. – 3-rd edition. – Glasgow, 2000. – P. 424–425.

19. Social integration and system integration // Internet-linked dictionary of sociology. – 3-rd edition. – Glasgow, 2000. – P. 570–571.

S. N. KROITOR

SOCIOLOGICAL STUDY OF INNOVATIONS: THE KEY (BASIC) CATEGORIES AND LEVELS OF ANALYSIS

Summary

The author's strategy of studying innovations at three levels: societal, institutional and individual is presented in the article.

УДК 316: 519.876.5

Н. Н. ЛЕОНОВ,
кандидат физико-математических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Р. А. СМИРНОВА,
доктор философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТЕОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматривается применение теорий нечетких и грубых множеств в социологических исследованиях.

В социологических исследованиях часто приходится сталкиваться с различными видами неопределенности, неясности, размытости. Например, как определить, кого можно считать представителем данной социальной группы? Какой фактор является определяющим для отнесения человека к той или иной группе? Можно ли считать этот фактор группообразующим? Где пролегает граница между группами? На такие и многие другие вопросы исследователю сплошь и рядом невозможно дать однозначный ответ. Причин тому как минимум две. Во-первых, неопределенность объективно присуща многим социальным явлениям. Во-вторых, в ходе эмпирических исследований мы часто не можем извлечь исчерпывающую, достоверную информацию в силу несовершенства фиксирующих и измерительных процедур. Поскольку анализ данных в эмпирических исследованиях и разработка моделей в социологии невозможны без математики, то естественным образом возникает проблема математического описания неопределенности. Долгое время фактически единственным аппаратом для этой цели служила теория вероятностей, которая занимается исследованием феномена случайности. Со временем было понято, однако, что не всякая неопределенность есть случайность и необходимы способы описания неопределенности, отличные от вероятностного. По существу, первой удачной попыткой продвинуться в этом направлении явилась теория нечетких (размытых) множеств (fuzzy sets), основы которой были заложены американским математиком азербайджанского происхождении Лотфи Заде. Здесь и далее, следуя набирающей силу и, на наш взгляд, разумной тенденции, мы не указываем конкретных литературных источников по используемым математическим теориям, а отсылаем читателей к поиску в Интернете, где в свобод-

ном доступе имеется масса источников даже на русском языке, не говоря уже об английском. Развитие теории нечетких множеств позволило описывать и исследовать не только нечеткие множества, но и нечеткие связи, отношения, зависимости и так далее. Затем появилась теория грубых множеств (rough sets), созданная польским математиком З. Павляком, теория мягких множеств русского математика Д. А. Молодцова, теория свидетельств Демпстера – Шеффера, теория гранулярных вычислений, теория возможностей – список можно продолжить. Важно отметить, что, хотя общей теории неопределенности к настоящему времени не создано, обнаружены многочисленные связи между отдельными подходами. Авторы данной статьи использовали нечеткую классификацию для исследования некоторых проблем социологии села [1, 2]. Статья посвящена связям между нечеткими и грубыми множествами и их применениям в социологии.

Избегая строгого математического формализма, поясним некоторые необходимые понятия. Если задано «хорошее», «четкое» множество, то в принципе о каждом объекте можно сказать, принадлежит он этому множеству или нет. У нечетких множеств это не так, т. е. о некоторых объектах невозможно сказать, принадлежит он данному множеству или нет. В качестве примера можно привести множество религиозных людей. Если человек регулярно посещает храм, соблюдает посты, отмечает религиозные праздники, молится и так далее, то его можно признать полностью религиозным. Если человеку не присущи никакие из перечисленных признаков, то мы будем считать его нерелигиозным, а если ему присуща лишь часть этих признаков, то его можно назвать не вполне, частично религиозным. Другими словами, есть объекты, принадлежащие данному множеству в полной, стопроцентной, единичной степени (мере), есть объекты, не принадлежащие множеству, о которых можно сказать, что они принадлежат ему в нулевой степени, и, наконец, имеются объекты, которые принадлежат данному множеству в некоторой степени, промежуточной между нулем и единицей. Переходя к более формальному изложению, отметим предварительно, что в рамках математической теории удобнее говорить о нечетких подмножествах. Таким образом, пусть есть некоторое множество (универсум) X. Если задано некоторое обычное, четкое подмножество A множества X, $A \subset X$, то о каждом элементе X можно сказать, принадлежит он A или нет. Для любого подмножества A множества X введем понятие *индикатора*, или характеристической функции. Эта функция обозначается χ_A и определяется следующим образом:

$$\chi_A(x) = \begin{cases} 1, \text{ если } x \in A, \\ 0, \text{ если } x \notin A. \end{cases}$$

Очевидно, индикатор вполне определен. Наоборот, если на множестве X задана функция χ, которая может принимать лишь два значения – 1 и 0, то такая функция однозначно определяет множество A следующим образом:

$$A = \{x \in X \mid \chi(x) = 1\}.$$

Следовательно, множество и его индикатор можно отождествить. Теперь мы в состоянии объяснить идею нечеткого множества. Она очень проста и заключается в том, чтобы «разрешить» индикатору принимать не только значения 1 и 0, но и любые промежуточные значения. Итак, пусть задана функция μ_A (индекс A пока ничего не означает), которая принимает значения в отрезке [0, 1]. *Нечетким множеством A* называется множество пар $(x, \mu_A(x))$, где x – элемент (точка) множества X, а $\mu_A(x)$ – значение функции μ_A на этом элементе (в этой точке). Это значение называется *степенью принадлежности* элемента x множеству A. Функция μ_A называется *функцией принадлежности* нечеткого множества A (использование для индикатора и функции принадлежности разных обозначений – χ и μ соответственно – является прочной традицией, хотя функция принадлежности представляет собой прямое обобщение индикатора и использование одного обозначения было бы логично). Для иллюстрации вернемся к упомянутому примеру. Пусть A – множество религиозных людей. Будем описывать каждого человека совокупностью присущих ему признаков религиозности. Тогда естественно считать, что

$$\mu_A(\{\text{ходит в храм}\}) < \mu_A(\{\text{ходит в храм, соблюдает пост}\}) <$$
$$\mu_A(\{\text{ходит в храм, соблюдает пост, молится}\}),$$

т. е. человек, который ходит в храм и соблюдает пост, более религиозен (в большей степени принадлежит множеству религиозных людей), нежели человек, который только ходит в храм, но менее религиозен, чем тот, кто ходит в храм, соблюдает пост и молится. Здесь возникает естественный и весьма важный для практических приложений вопрос: а как задать функцию принадлежности, т. е. определить ее значения для каждого объекта (элемента универсума)? Вопрос этот нетривиален, и единого «объективного» способа задания функций принадлежности, в отличие от вероятности, нет. Можно, например, в духе изложенного выше примера составить исчерпывающий перечень признаков, обладание которыми позволяет считать объект полностью, в единичной мере, принадлежащим данному множеству и соответственно значение функции принадлежности для такого объекта считать равным единице, а для любого другого объекта значение этой функции положить равным той доле (проценту) признаков, которыми этот объект обладает. Именно так поступали авторы в упомянутых выше исследованиях.

Приведем необходимые сведения из теории грубых множеств. В этой теории изначально предполагается, что между элементами рассматриваемого универсума задано некоторое *отношение эквивалентности R*. Главным характеристическим свойством такого отношения является так называемая *транзитивность*. Смысл этого понятия следующий. Предположим, что элементы x и y находятся в отношении R, что обозначается xRy, и что элементы y и z также находятся в этом отношении, т. е. yRz. Тогда и xRz. Понятно, что, напри-

мер, отношение дружбы не является отношением эквивалентности. Самый популярный способ задания отношения эквивалентности – как раз тот, который мы использовали и к описанию которого мы переходим. Пусть X – некоторое множество людей. На этом множестве заданы переменные (признаки) $u_1, u_2, ..., u_m$, которые могут принимать различные значения; можно считать, что это – вопросы анкеты социологического опроса, на которые могут быть даны, естественно, различные ответы. С содержательной точки зрения полезно иметь в виду, что $u_1, u_2, ..., u_m$ – это, как правило, не все вопросы анкеты; в противном случае ситуация становится практически неинтересной. Зададим на множестве X отношение эквивалентности R следующим способом. Будем считать, что человек x и человек y эквивалентны, и писать xRy, если значения переменных $u_1, u_2, ..., u_m$ для них одинаковы, т. е.

$$u_1(x) = u_1(y), u_2(x) = u_2(y), ..., u_m(x) = u_m(y).$$

В случае с анкетой это означает, что на все вопросы $u_1, u_2, ..., u_m$ эти два человека дали одинаковые ответы. По заданному отношению эквивалентности R для каждого множества A некоторым специальным образом строятся два других множества, которые мы назовем *внешним* и *внутренним*. Внешнее множество охватывает множество A, внутреннее – целиком содержится в нем. Если внешнее и внутреннее множества совпадают, то множество A называется *точным* относительно R, а в противном случае – *грубым* (*неточным*). Теоретико-множественная разность между внешним и внутренним множеством называется *граничным* множеством или просто *границей* множества A относительно R. Внешнее множество A^* и внутреннее множество A_* описываются следующим образом. Ко внешнему множеству относятся все те люди, для каждого из которых найдется хотя бы один эквивалентный из множества A, а ко внутреннему – всех таких людей, что для каждого из них все эквивалентные ему принадлежат A. Поясним это на совсем конкретном примере исследования адаптационного поведения сельских жителей. Пусть X – множество опрошенных сельских жителей. $u_1, u_2, ..., u_m$ – некоторые вопросы, ответы на которые характеризуют адаптационное поведение, а A – подмножество X, состоящее из молодых людей – скажем, не старше 30 лет. Тогда ко внешнему множеству A^* множества молодых сельских жителей каждый такой житель села, для которого найдется хотя бы один молодой сельчанин, который демонстрирует то же адаптационное поведение (в терминах вопросов $u_1, u_2, ..., u_m$), т. е. в указанном смысле «адаптационно молодой». Ко внутреннему же множеству A_* множества молодых сельчан относится лишь такой молодой человек, что все люди, давшие одинаковые с ним ответы на «адаптационные» вопросы, молоды. Как было сказано, множество A называется точным, если его внешнее и внутреннее множества совпадают. В данном случае точность множества молодых сельских жителей можно охарактеризовать следующим образом. Пусть a_1 – некоторый вариант ответа на вопрос u_1, a_2 – вариант ответа на вопрос u_2 и так далее. Совокупность (вектор) значений $a_1, a_2, ..., a_m$ назовем набо-

ром ответов на вопросы $u_1, u_2, ..., u_m$. Тогда множество молодых сельчан будет точным относительно выбранной совокупности вопросов, характеризующих адаптационное поведение, если существуют такие несколько наборов ответов на эти вопросы, что, с одной стороны, каждый молодой человек дает на вопросы совокупность ответов из этого набора, а с другой – всякий, кто дает ответы из этого набора, молод. Проще говоря, множество людей является точным относительно совокупности вопросов, если его можно точно описать в терминах ответов на эти вопросы. Отметим, что множество объектов, описываемых набором значений некоторого фиксированного переменных (в случае анкетного опроса набором ответов на вопросы из фиксированного набора) Л. Заде назвал *гранулой*; в [3] такое множество названо элементарным формальным *типом*.

С содержательной точки зрения, однако, нетрудно понять, что в социологии такое точное описание – вещь практически нереальная, если, разумеется, исключить патологический случай, когда в совокупность вопросов $u_1, u_2, ..., u_m$ включается вопрос, напрямую описывающий исследуемое множество людей, т. е. в нашем примере – вопрос о возрасте. Вследствие этого имеет смысл говорить не о самом факте совпадения внешнего и внутреннего множеств, а о количественной мере их совпадения (или несовпадения). В качестве такой меры можно взять, например, количество людей, принадлежащих граничному множеству, либо долю этого количества во всем множестве опрошенных, либо, наконец, отношение этого количества к числу людей во множестве *A*. Любая такая мера характеризует погрешность описания множества *A* в терминах вопросов $u_1, u_2, ..., u_m$, причем последняя характеристика – аналог хорошо известной в теории измерений относительной погрешности.

Интересно, однако, что можно определить внешнее, внутреннее и граничное множества не только для обычных множеств, но и для нечетких! Именно это мы и сделаем далее (математические выкладки ввиду их сложности опущены). Приведем совсем конкретный простой пример. В [1, 2] исследовались стратегии адаптации сельских жителей к новым социально-экономическим условиям. Были выделены три стратегии адаптации – развития, защиты и ухода от сложностей. Для каждой из них определялся «идеальный» представитель, т. е. такой воображаемый субъект, который на определенные вопросы дает определенные ответы. Наборы вопросов для стратегий отличались. Множество людей, придерживающихся той или иной стратегии, рассматривалось как нечеткое, где степень принадлежности произвольного реального человека определялась в простейшем случае как доля вопросов, ответы на которые у этого человека совпали с ответами идеального представителя. В общем случае для лучшего выявления качественных эффектов бралась не сама эта доля, а некоторая функция от нее. Среди вопросов, характеризующих стратегию развития, была серия вопросов о готовности пойти на определенные изменения в жизни ради увеличения своего дохода:

Согласитесь ли Вы для повышения своего дохода с:

1) переобучением, дополнительным обучением;
2) необходимостью работать более интенсивно, иногда сверхурочно;

3) усилением трудовой дисциплины на предприятии;
4) увеличением личной ответственности;
5) переходом на работу, не связанную с сельским хозяйством;
6) переездом в другое село, агрогородок;
7) переездом в районный центр.

Для нашего примера мы ограничились только этими семью вопросами. «Идеальным» приверженцем стратегии развития считается человек, утвердительно ответивший на каждый из них. Затем мы провели описанные выше построения для следующих случаев:

$m = 1$, u_1 соответствует первому вопросу;

$m = 1$, u_1 соответствует второму вопросу;

$m = 2$, u_1 соответствует первому вопросу, u_2 соответствует второму вопросу.

Если принять погрешность описания нечеткого множества приверженцев стратегии развития в терминах второго вопроса за 100 %, то для первого вопроса эта погрешность составила 85 %, а для совокупности первого и второго вопросов – 55 %. Таким образом, для описания людей, придерживающихся данной стратегии адаптации, первый вопрос более информативен, чем второй, но, естественно, менее информативен, чем оба они в совокупности.

В общем случае выделение наиболее информативных признаков (вопросов) и их совокупностей требует большого объема вычислений и соответственно специальных программных средств, более сложных, нежели те, которые были разработаны для представленных примеров. Авторы планируют продолжить работу как по развитию математических и программных средств в области анализа и моделирования неопределенных социальных явлений, так и по применению их в эмпирических исследованиях и развитию соответствующей методики и методологии.

Таким образом, с использованием представленной методики можно более тонко подойти к задачам группировки, типологии и классификации, адекватно отражая отсутствие однозначной принадлежности индивидов и других объектов изучения к различным группам, типам и классам.

Литература

1. Леонов, Н. Н. Методы нечеткой классификации в социологических исследованиях / Н. Н. Леонов // Социологический альманах. Вып. 1. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 147–155.

2. Смирнова, Р. А., Леонов, Н. Н. Типология поведения белорусских крестьян в условиях социально-экономических реформ / Р. А. Смирнова, Н. Н. Леонов// Гуманитарный вестник. – 2010. – № 2. – С. 31–43.

3. Леонов, Н. Н. Математическая социология: структурно-аппроксимационный подход / Н. Н. Леонов. – Минск: ФУА Информ, 2002. – 220 с.

N. N. LEONOV, R. A. SMIRNOVA

THE APPLICATION OF UNCERTAINTY THEORIES IN SOCIOLOGICAL STUDIES

Summary

The application of fuzzy and rough sets in sociological studies is considered.

УДК 316.624

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭТИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

На основе междисциплинарного социолого-антропологического подхода и системной социально-детерминационной методологии рассматриваются социологические закономерности и особенности этиологии социальных девиаций в контексте теории деструктивной личностно-социальной интеракции.

Современное белорусское общество переживает период значительных экономических, политических, социальных и культурных трансформаций, формирования нового социального порядка и уклада жизни. Большое беспокойство в обществе вызывает сохраняющийся высокий уровень преступности и других социальных девиаций (пьянство, потребление наркотиков, коррупция, проституция, бродяжничество, суицид и др.), которые причиняют социуму значительный экономический, социальный и моральный ущерб, препятствуя его развитию. Период новейшей истории нашей страны можно разделить на два этапа: 90-е годы – время системного социального кризиса, постсоветских перемен и выбора пути исторического развития; первое десятилетие нового столетия – период относительной экономической и социальной стабильности и цивилизационного застоя. В русле данных исторических тенденций во всех сферах общественных отношений наблюдаются различные социальные изменения как позитивного, так и негативного характера. Преступность и другие социальные девиации особенно большими темпами увеличивались в кризисные и социально-противоречивые 90-е годы прошлого столетия. Количественные изменения сопровождались значительным ухудшением качественных показателей социальных девиаций и ростом объема причиненного материального, социального и морального вреда. В частности, по данным уголовной статистики, в стране за период с 1990 по 2000 г. зарегистрированная преступность увеличилась в 1,8 раза (с 75 699 до 135 540 преступлений), уровень потребления спиртных напитков на душу населения увеличился в 1,8 раза (с 5,7 до 10,0 л), количество лиц, находящихся на наркологическом учете в связи с потреблением наркотиков, увеличилось в 7,8 раза (с 682 до 5343 чел.). В последующем десятилетии в условиях относительной экономической и социальной стабильности в стране начиная с 2006 г. наметилась

устойчивая тенденция к сокращению количественных показателей социальных девиаций. Однако позитивные результаты касаются главным образом снижения объема и темпов увеличения различных социальных девиаций, но и они не достигают показателей 1990 г. (в 2009 г. количество зарегистрированных преступлений превышает показатель 1990 г. в 2 раза; потребление алкоголя на душу населения – в 2,1 раза; количество потребителей наркотиков и токсикоманов, находящихся на наркологическом учете, – в 17,6 раза). При этом практически не изменились качественные показатели преступности и других социальных девиаций, такие как структура, характер и масштабы причиняемого экономического, социального и морального вреда.

В современной социологии девиантного поведения (девиантологии) разработано множество теорий этиологии социальных девиаций, которые можно классифицировать по следующим научным направлениям: социально-нормативному, антропологическому, социологическому, междисциплинарному. Во времена Античности древнегреческие философы Платон, Аристотель, Цицерон и другие рассматривали преступления как результат неправильного воспитания людей, их незнания, неразумных и жадных страстей в сочетании с влиянием внешних условий и обстоятельств. Наказание призвано было восстановить справедливость и вызывать чувство страха перед ним. В Средние века в правоведении господствовало теологическое мировоззрение и преступность трактовалась как происки Дьявола, который вселяется в человека и побуждает его к совершению преступлений. Наказание – Божья кара и искупление греха перед Богом. В XVIII в. известные юристы Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях», 1764 г.) и И. Бентам («Основные начала уголовного кодекса», 1780 г.) заложили основы *нормативно-правового* подхода к исследованию сущности преступности и ее причин *(«уголовно-правовая девиантология»).* Согласно их трактовке, человек – разумный индивид, обладающий способностью осознавать характер своих деяний, предвидеть их последствия и наделенный свободой воли. Преступление – результат сознательного выбора, критерием которого является польза и выгода от поведения в сравнении с возможными издержками, включая уголовное и другое наказание. Они сформулировали принципы, которые лежат в основе современной уголовной и криминологической политики, например: «Лучше предупреждать преступления, чем наказывать», «Должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями», «Чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее», «Главное не жестокость и суровость наказания, а его неотвратимость», «Цель наказания – не в истязании и мучении человека…, а в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения того же», «Хотите предупредить преступление? Сделайте так, чтобы законы были ясными, простыми, чтобы вся сила нации была сосредоточена на их защите», и др.

В это же время в девиантологии получило развитие и другое научное направление – *антропологическое («антропологическая девиантология).* Его

главный постулат: первопричины преступлений лежат в самом человеке, в его биогенетических, антропологических, психологических и других особенностях. Основателями *биоконституционального подхода* являются Йозеф Галль, который полагал, что в мозгу человека заложено 27 человеческих способностей, в том числе имеются и сферы, побуждающие к убийству, кражам и т. п., а также Э. Кречмер, который в работе «Строение тела и характер» обосновал взаимосвязь между типом строения тела, темпераментом, характером и поведением, в том числе и преступным. Самый знаменитый среди этих исследователей – Ч. Ломброзо («Преступный человек», 1863 г.) утверждал, что преступное поведение – естественное биологическое явление, обусловленное физическими и психическими особенностями лица, его совершившего. Преступниками люди не становятся, а рождаются. Преступники – особый антропологический тип. Примерно 40 % всех преступников – это «прирожденные преступники» (остальные – «привычные», «по страсти» и «случайные»). Преступный человек – «это индивид, который сохранил атавистические черты доисторических людей, свойственную им жестокость и отсутствие моральных чувств». Несмотря на эти категорические суждения, он все же признавал некоторое влияние на преступность также социальных и культурных факторов. В XX в. в рамках антропологического направления появились *генетические концепции*: умственной отсталости (дебильности) преступников; хромосомная теория – наличие дополнительной хромосомы типа Y; наследуемого «гена преступности» и т. д. В последнее время получила развитие *социобиология,* которая исходит из приоритета в системе детерминации поведения человека генетической предрасположенности в сочетании с влиянием факторов культурной и социальной среды. Среди представителей этого направления можно назвать К. Лоренца («Агрессия, так называемое Зло», 1963 г.). По его мнению, эмоции и поступки человека, в том числе и агрессивное поведение, в значительной степени обусловлены генетической программой, унаследованной от высших приматов. Истоки генезиса агрессивного поведения – в конфликте витальных потребностей со стремлением доминировать в обществе и возникающей в связи с этим психической напряженностью. *Теория социального характера и человеческой деструктивности* Э. Фромма также имеет социобиологический характер («Анатомия человеческой деструктивности», 1975 г.). Социальный характер личности, по его мнению, формируется на базе природных задатков и потребностей человека во взаимодействии с окружающей социальной и культурной средой. Типы социального характера и человеческой деструктивности (агрессивный, корыстный, потребительский, индивидуалистический, конформистский, мазохистский, психопатический и др.) обусловливают различные формы поведения и образа жизни, включая и совершение преступлений. Существует множество *психологических теорий* преступности. Источники преступного поведения психологи видят в состоянии стресса и фрустрации, обусловленном внешними обстоятельствами или внутренними психическими процессами, либо в психических аномалиях. Основной психо-

логической концепцией является *теория социопсихогенетического конфликта* З. Фрейда. Он полагал, что в основе поведения лежат врожденные инстинкты и потребности человека. Ведущее место среди них занимают потребности в любви (либидо) и в смерти (разрушении). Свободному удовлетворению природных потребностей человека препятствуют культурные традиции, обычаи и нормы, интериоризируемые индивидом в надсознании. В связи с этим человек находится в состоянии внутриличностного конфликта и противостояния с обществом и поэтому совершает преступления. Английский криминолог Э. Гловер утверждал, что «преступность – цена приручения обществом дикого от природы зверя – один из результатов конфликта между примитивными инстинктами человека и альтруистическим кодексом, установленным обществом». Американский криминолог Д. Абрахамсон вывел формулу преступления: преступление = преступные устремления, заложенные в подсознании + криминогенная ситуация: контролирующие способности «сверх-Я» (надсознания).

В центре внимания *социально-психологического подхода* к исследованию преступности лежат межличностные и межгрупповые социальные отношения и взаимодействия, процессы адаптации и социализации личности, привычки и социальные стереотипы поведения. Примером может служить *теория дифференцированной связи и культурной трансмиссии* Э. Сазерленда. По его мнению, основной причиной преступности является социальная стратификация, которая ведет к формированию различных субкультур, конфликту ценностей и норм. Личность, взаимодействуя с другими людьми, представляющими различные культуры, в том числе и преступную субкультуру, усваивает их ценности, стандарты и модели поведения. При этом чем более часты, интенсивны и устойчивы эти связи, тем больше вероятность того, что индивид станет преступником. Таким образом, преступному поведению учатся, взаимодействуя и общаясь с другими людьми в малых социальных группах, в которых доминируют антисоциальные ценности и образ жизни. К этому же криминологическому научному направлению относится и *теория преступной карьеры,* согласно которой индивид постепенно эволюционирует в сторону аморального и затем преступного поведения, начиная, как правило, с антисоциальных девиаций в семье, школе, в компаниях на улице и, наконец, в преступных группах и сообществах. Большой известностью также пользуется *теория стигматизации* (концепция «драматизации зла» Ф. Таненбаума, социальной идентичности И. Гофмана, вторичной девиации Э. Лемерта, «этикетирования» Г. Беккера). Согласно этой теории, преступность – в значительной степени результат негативной социальной оценки личности, которой общественным мнением посредством системы уголовной юстиции присваивается статус преступника. Под влиянием этого фактора личность идентифицирует себя с образом преступника и реализует данный социально-психологический стереотип в своем поведении и образе жизни.

Впервые преступность стала предметом *социологического анализа* в начале XIX в. в работах А. Кетле (*«социологическая девиантология»*). На основе

изучения демографической и уголовной статистики он сделал вывод о том, что преступность – это социальное явление, которое подчиняется статистическим закономерностям и ее существование обусловлено различными социальными, индивидуальными и природными явлениями и процессами. «Общество, – писал он, – заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются и условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие» («Социальная система», 1848 г.). Французский социолог Э. Дюркгейм («Самоубийство», 1898 г.) считал, что причину поведения нужно искать не в состояниях индивидуального сознания, а в природе общественной психической индивидуальности (ее сознании и психике), закрепленной в культурных ценностях и нормах (культурной структуре), которые в свою очередь производны от социальных условий жизни (социальной структуры). Дезорганизация социальной жизни порождает культурную аномию (культурный хаос и конфликты), которые обусловливают деформацию личности, нарушение единства и связей с социальной и культурной средой и приводят к преступному поведению. В последующем американский социолог Р. Мертон конкретизировал процесс формирования криминогенной социокультурной аномии путем установления в социуме значительного расхождения между культурными ценностями, жизненными целями и легальными социальными средствами их достижения, которое негативно влияет на социализацию и социальное поведение личности.

В XX в. появились теории *комплексного социологического, антропологического и правового характера («междисциплинарная социо-антрополого-правовая девиантология»).* По мнению итальянского криминолога Э. Ферри, уголовная социология – синтезированная наука, опирающаяся на антропологию, психологию, уголовную статистику, уголовное право и тюрьмоведение. Преступление – результат комплексного влияния антропологических, физических и социальных факторов. При этом главная роль принадлежит социальным факторам (условиям семейной и общественной жизни) («Уголовная социология», 1925 г.).

На основе междисциплинарного социолого-антропологического подхода и системной социально-детерминационной методологии разработана теория этиологии социальных девиаций – *теория деструктивной личностно-социальной интеракции (взаимодействия)* (см. рисунок). Личностно-социальная интеракция (взаимодействие), которая существует в конкретном социально-историческом времени и пространстве, имеет место во всех сферах социальной жизни: экономике, политике, социальной сфере и культуре. Личностно-социальное взаимодействие реализуется на различных уровнях: макросоциальном, мезосоциальном, микросоциальном, социально-ситуативном, личностно-групповом и межличностном. Макросоциальный уровень составляют характер и особенности цивилизации, тип общества, уровень экономического, политического, социального и культурного развития, а также качество жизни на-

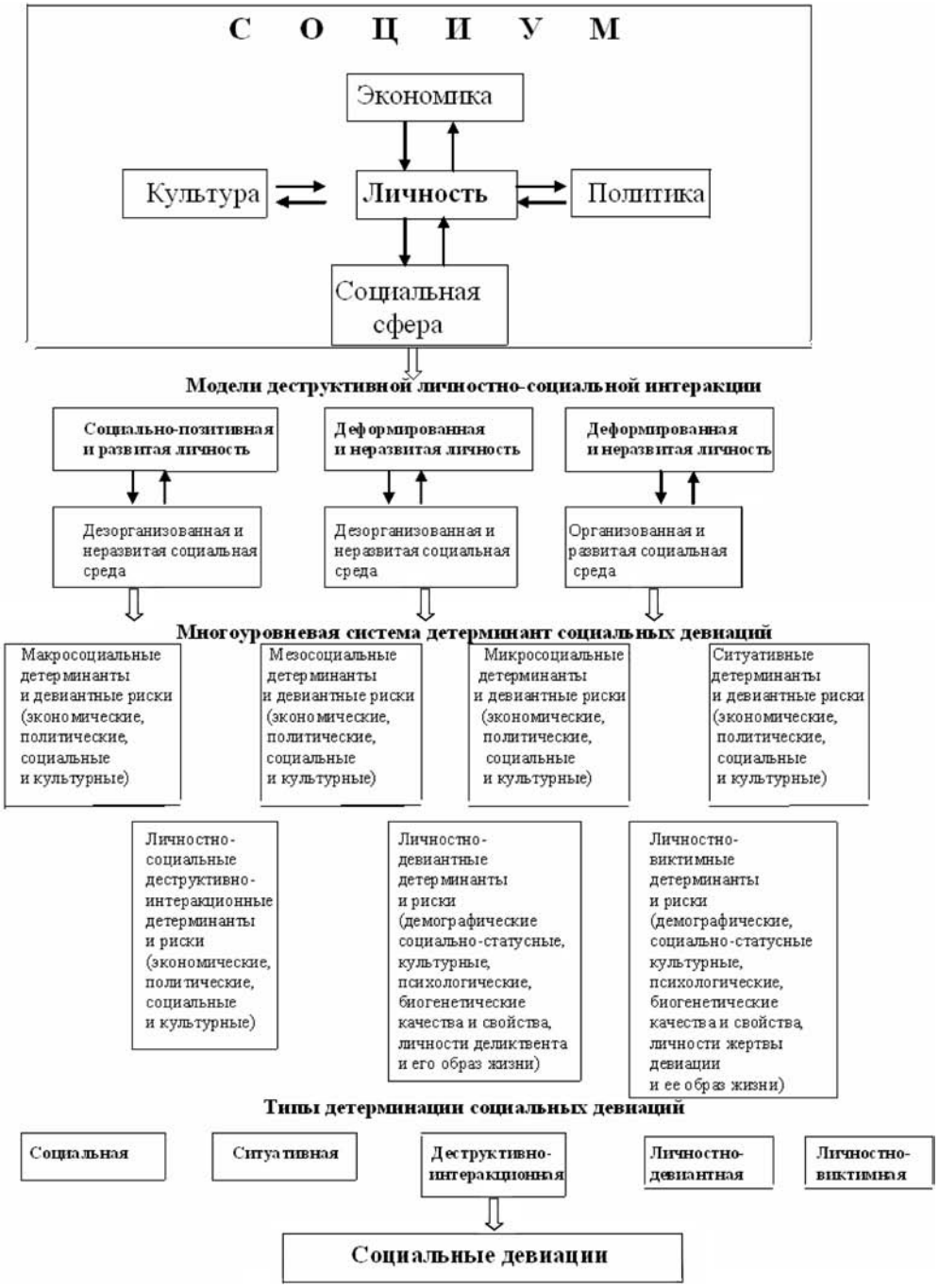
селения. Мезосоциальный уровень – социально-классовая структура и другая социальная стратификация, социальные институты (государство, гражданское общество, культура, мораль, право, религия, нации и др.) и соответствующие социальные процессы. Микросоциальный уровень – социальные общности и институты (семья, школа и другие институты образования, трудовые коллективы, поселенческие и субкультурные общности и группы). Таким образом, изучение личностно-социальных взаимодействий не должно ограничиваться только уровнем межличностных и личностно-групповых отношений (как делают многие социологи, исследующие личностно-социальные интеракции и девиантное поведение), а рассматриваться на всех уровнях общества и во всех сферах социальной жизни.

В контексте детерминации социальных девиаций особенно значимы следующие *характеристики социума*: в сфере экономики – уровень экономического развития, преобладающие формы собственности, социально-классовая структура и социальная стратификация, степень экономического неравенства, уровень жизни и др.; в сфере политики – тип государственного управления, уровень развития демократии и гражданского общества, авторитет и доверие населения к органам государственной власти, уровень бюрократизации и коррупции в системе государственной власти и правосудия и др.

В *социальной сфере* – уровень материальной обеспеченности и дифференциации, качество жизни, развитие системы образования, здравоохранения и социальной защиты, жилищно-бытовые условия, состояние здоровья, уровень бедности, пьянства, наркомании, преступности и др.; *в сфере культуры* – уровень образования, нравственно-правовой и общей культуры, степень культурного единства и различий, досуговые интересы и культура образа жизни, наличие антисоциальных субкультур и др.

Наиболее значимыми в системе детерминации социальных девиаций *характеристиками личности* являются: демографические особенности (пол, возраст, состояние здоровья и др.), социальный, профессиональный и культурно-образовательный статус, культурные потребности, интересы, ценности и мировоззрение, психологические и биогенетические особенности, поведение и образ жизни. Личностно-социальная интеракция по своему характеру и соответствию интересам личности и общества, а также социальным нормам может быть двух типов: а) *гармоничная и социально-позитивная* (оптимальная и соответствующая уровню развития и основным потребностям и интересам личности и социума, а также нормам морали и права); б) *социально-деструктивная* (дисгармоничная, противоречивая и конфликтная, препятствующая развитию личности и общества, а также не соответствующая нормам морали и права).

В зависимости от характеристики: а) *личности* – ее структурированности и уровня социального и культурно-нравственного развития; б) *общества* – его организованности и уровня экономического, социального и культурного развития; в) *личностно-социальной интеракции (взаимодействия)* – ее деструктивности и соответствия интересам личности и общества, нормам морали



Система детерминации социальных девиаций

и права – возможны ***три модели деструктивной личностно-социальной интеракции.*** *Во-первых,* когда деформированная и неразвитая личность деструктивно взаимодействует с дезорганизованной и неразвитой социальной средой. *Во-вторых*, когда деформированная и неразвитая личность деструктивно взаимодействует с организованной и развитой социальной средой. *В-третьих,* когда социально-положительная и развитая личность деструктивно взаимодействует с дезорганизованной и неразвитой социальной средой. Таким образом, во всех моделях детерминации социальных девиаций имеет место деструктивная личностно-социальная интеракция (взаимодействие), которая является главным структурным элементом их системы детерминации.

Процесс детерминации социальных девиаций объективируется в форме ***многоуровневой системы конкретных детерминант (факторов, причин и условий) и девиантных рисков.*** Все многочисленные и разнородные детерминанты и риски социальных девиаций в научных и социально-практических целях можно дифференцировать по следующим группам: макросоциальные детерминанты и девиантные риски экономического, политического, социального и культурного характера; мезосоциальные детерминанты и девиантные риски экономического, политического, социального и культурного характера; микросоциальные детерминанты и девиантные риски экономического, политического, социального и культурного характера; социально-ситуативные детерминанты и девиантные риски экономического, политического, социального и культурного характера; личностно-социальные деструктивно-интеракционные детерминанты и девиантные риски экономического, политического, социального и культурного характера; личностно-девиантные детерминанты и девиантные риски; личностно-виктимные детерминанты и девиантные риски. Таким образом, конкретные детерминанты и риски социальных девиаций могут находиться: а) в структурах и процессах дезорганизованного и неразвитого общества, на разных уровнях (макро-, мезо-, микро-) и в различных сферах социальной жизни; б) в обстоятельствах конкретных социальных ситуаций в различных сферах социальной жизни; в) в деформированной и неразвитой личности деликтвентов, их поведении и образе жизни; г) в деформированной и неразвитой личности жертв девиантного поведения, их поведении и образе жизни; д) в деструктивной личностно-социальной интеракции (взаимодействии) деликтвента и социума на разных уровнях (макро-, мезо-, микро-) и в различных сферах социальной жизни.

В зависимости от доминирования в системе детерминации социальных девиаций какой-либо группы детерминант различаются ***пять типов детерминации***: 1) *социальная* (когда преобладает влияние социальных явлений и процессов макро-, мезо- и микроуровней в различных сферах социальной жизни; 2) *ситуативная* (когда доминирует влияние обстоятельств конкретной ситуации в различных сферах социальной жизни); 3) *деструктивно-интеракционная* (когда доминирует влияние деструктивной интеракции личности деликтвента и социальной среды); 4) *личностно-девиантная* (когда пре-

обладает влияние деформированной и неразвитой личности деликтвента, его антисоциального поведения и образа жизни); 5) *личностно-виктимная* (когда преобладает влияние деформированной и неразвитой личности жертвы девиантного поведения, ее поведения и образа жизни).

Знание закономерностей и особенностей этиологии социальных девиаций позволяет на научной основе осуществлять деятельность по эффективному предупреждению и снижению уровня распространенности различных форм социальных девиаций в современном обществе. Социально-обусловленный и полидетерминированный характер этиологии социальных девиаций требует реализации комплексного подхода к предупреждению и борьбе с преступностью и другими социальными девиациями как сложной системе деятельности правоохранительных и других государственных органов, которая должна быть направлена не только на пресечение правонарушений и наказание правонарушителей, но также обеспечивать выявление и устранение всего комплекса социальных, личностных и деструктивно-интеракционных факторов, причин и условий, которые во взаимодействии обусловливают их генезис и развитие. Без этой социальной по своей сущности профилактической деятельности, которая должна быть приоритетным направлением государственной антидевиантной политики, социальные девиации будут воспроизводиться, причинять материальный и другой ущерб и тем самым препятствовать развитию общества.

N. A. BARANOVSKI

THE ETIOLGY OF SOCIAL DEVIATIONS IN THE LIGHT OF THE THEORY OF DESTRUCTIVE PERSONAL AND SOCIAL INTERACTION

Summary

Sociological peculiarities of the etiology of social deviations in the light of the theory of destructive personal and social interaction are examined on the basis of the interdisciplinary sociological and anthropological approach and system social and determination methodology.

УДК 316.16+316.334.2:37

А. К. МАМЕДОВ,
доктор социологических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. Ломоносова, г. Москва

Т. П. ЛИПАЙ,
кандидат социологических наук, доцент,
Минский областной институт развития образования, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ СТИГМАТИЗАЦИЯ: ГЕНЕЗИС И ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ

В статье раскрывается суть понятия «стигматизация», дается представление о проявлениях этого социального феномена в общностях, обосновываются значимость и масштабность его влияния на жизненные перспективы индивида, предлагается тезис о необходимости рассмотрения стигматизации как объекта социального управления.

Стигматизация – это процесс выделения или «клеймения» индивидов, навешивание социальных «ярлыков» в виде таких определений, как «преступный», «неисправимый», «интернатный» и др., на основании некоторых обозначенных внешних символически выраженных признаков. В качестве последних могут выступать как приемлемые, выдающиеся природные или социальные качества, так и неприемлемые (невоспринимаемые) обществом отклонения от нормы, маргинальность в том или ином ее аспекте. Результатом стигматизации обычно становится социальное маркирование, выделение индивида из сообщества и противопоставление другим его членам, отторжение от него. Если индивид принимает предложенную общностью стигму как данность, то она становится фактором, предопределяющим программирование и самопрограммирование поведения индивида на ее основе.

При исследовании феномена стигматизации возникают два основных вопроса: причины этого явления (есть ли в нем какая-то социальная необходимость) и возможность предвидения или хотя бы регулирования данного процесса. Для того чтобы ответить на эти вопросы, предстоит выстроить в теоретическом плане основные закономерности становления личности как единства всеобщего (общечеловеческого), особенного, конкретной социально-культурной принадлежности индивида, единичного или индивидуального. Стигматизация имеет непосредственное отношение к первому – общечеловеческому началу. Она выявляет специфику как индивидуальности, так и социальной идентичности. При этом не принимается в расчет, носят ли эти отличия характер особенного (национального, этнического, профессионального, культурного) или

индивидуального (особенность физического, психического, социально-культурного развития индивида). В этом плане избежать стигматизации невозможно, даже если быть конформистом, солидарным во всем с группой. Скорее всего, можно лишь слегка ослабить данное явление, сделав индивида устойчивым, мало восприимчивым к стигматизации, устранив основные ее причины. Это возможно лишь по мере формирования нравственного самосознания личности, в ходе которого как раз и разрешается конфликт всеобщего и единичного, ибо быть нравственно-воспитанным человеком значит придерживаться в своем поведении общечеловеческих ценностей и норм, входить в ту или иную систему ценностей.

В основе морального выбора человека лежит его самоопределение, процесс циклический, постоянно повторяющийся, непрерывный. Поиск ответа на вопрос: «Кто Я?», в новой ситуации начинается заново, так же как и актуализация своего «Я». Символическое выделение индивида из общности и противопоставление его другим значимым для него лицам наряду с собственной самооценкой играет существенную роль в самоопределении личности. Данный подход, разумеется, не носит универсальный характер, поскольку отдельные сообщества рассматривают данную проблематику с других позиций.

Так, сложившаяся на базе христианства европейская мораль в качестве безальтернативного пути достижения справедливости предполагает некую моральную систему, а именно: коллективное признание общей вины и общего покаяния, что должно примирить обиженного и обидчика. Основной принцип действия христианского героя – это непротивление злу насилием: сила порождает, а не побеждает зло. Христианская этика, в силу особенностей ее становления, не признает также логики доказательств, она систематизирована в виде заповедей, зафиксированных в Священном Писании, причем эти постулаты отвлечены, отвергнуты от его носителей. Как заметил в свое время Никколо Макиавелли, сами по себе заповеди могут быть воплощены в жизнь лишь благодаря наличию религиозного поля. Как только эта вера (базовый системообразующий элемент) ослабевает, социальные связи между людьми разрушаются [1]. В известной степени на социальном феномене веры основывается и стигматизация. Вначале стигматизационные представления были латентно вплетены в сам общинный образ жизни людей и касались не столько индивидуального, сколько коллективного поведения. Всякое выделение из общины воспринималось как аномальное явление (маргинализация) и подвергалось стигматизации в виде обожествления либо социального унижения. При этом сам процесс стигматизации обретал форму межличностных отношений, характеризующих мир повседневности человека. Символическое выделение индивида из общности, противопоставление его другим значимым для него лицам наряду с собственной самооценкой играют существенную роль в самоопределении личности. И, как правило, чем ниже собственная самооценка, принципиальность, убежденность в отсутствии собственного достоинства, тем выше вероятность стигматизации. По существу, речь идет о том, в какой

мере отдельный индивид выступает в качестве объекта культуры, характеризующегося высокой степенью включенности в нее и адаптированности к ее требованиям и нормам, и в качестве ее субъекта, субъекта нормотворчества, осознающего себя в виде индивидуальности и в виде представителя социальной общности.

По сути, стигматизация характеризует системный межличностный мир культуры, межличностный он потому, что люди живут в нем среди других людей и связаны общим социальным пространством, взаимоотношениями (в том числе и в процессе труда), воспринимают других и самих себя как объект понимания другими. Это мир культуры, ибо изначально жизненный мир для нас есть мир символов, значений, структурированных в процессе нашей жизнедеятельности. Включенность в мир культуры предполагает, что каждый этап развития человека историчен и жестко детерминирован традициями и обычаями. Только его социальная связь с другими людьми создает фундамент для формирования нравственного отношения. Связь индивида с общностью обеспечивается с помощью ее идеологии, которая имплицитно связана с социальной практикой и выражает ее имманентную логику, а язык укоренен в культуру, быт, коммуникации, он определяет и отражает характер морали, нравственных норм. От эпохи к эпохе идеология видоизменяет свои формы и обогащает свое содержание в виде совокупности идей, понятий, представлений, убеждений и устремлений, придает морали осмысленный, ориентированный характер. Идейные основы морали были хорошо проиллюстрированы немецким социологом и экономистом Максом Вебером на примере протестантской этики в известной работе «Протестантская этика и дух капитализма». В ней он впервые продемонстрировал воздействие культурных ценностей Реформации, ее идей на изменение нравственного самосознания населения Западной Европы, а затем и на формирование новой цивилизации. М. Вебер показал, что наряду с уже декларируемой религиозной матрицей этика имеет и свои национальные особенности. Постижение человеком своего призвания и предназначения, а значит, целей и смысла своего существования происходит на основе усвоения модели идеального, должного поведения и осознания своего призвания, способности свободно выбирать и следовать заключенным в них ценностям. Личностные качества и черты внутреннего мира индивида (его добродетели) включают наличие определенных установок и ценностной ориентации, потребностей в духовных ценностях, предполагающих внутренний пиетет и готовность им следовать. Эти установки проявляются как на сознательном, так и бессознательном уровне в виде соответствующих настроений, чувств, привычек, традиций, обычаев, верований, которые имеют как естественную, так и социально-культурную природу. Именно культура, по мнению М. Вебера, выступает тем фактором, который позволяет человеку преодолевать страх смерти, совершать героические поступки, выражать чувства патриотизма, фанатической преданности своей общине, чувства хозяина своей жизни и собственности, осуществлять самопожертвование вопреки природ-

ному инстинкту самосохранения [2]. Потребности и чувства, возникающие на основе религиозной веры и других форм идеологии, существенно отличаются от потребностей и чувств, формируемых на основе физиологической необходимости или витальных (естественных) потребностей.

Стигматизация теряет свою актуальность по мере возрастания нравственного самосознания общности и личности, т. е. по мере перехода от внешней социально детерминированной регуляции к внутренней саморегуляции. Она утрачивает свое регулирующее значение и, как правило, широко не используется, если индивид или общность руководствуются соображениями долга, совести, чести, достоинства, сострадания и т. д. Появление стигматизации служит, по сути, своеобразным социальным индикатором, маркером низкого нравственного самосознания как социальной общности в целом, так и отдельно взятого индивида. Отношение человека к миру определяется не только познанными значениями объективной действительности, но и соответствующими идеологическими смыслами. Смысл выступает посредником в отношениях человека с окружающим миром и самим собой, позволяет ему осознать, чего он хочет от мира и что ищет в нем. Национальные и другие социальные системы морали, как правило, оформляют всеобщие нравственные представления в виде соответствующих запретов, обычаев, традиций, нравов народа и т. д. Идеология в данном случае выступает как основа духовного единства, интегрирующего в себе мышление, чувства и волю. Она видоизменяет существующие формы морали и обогащает их содержание, наполняет их новыми смыслами, формирует новые приоритеты в устремлениях народа и других социальных общностей с учетом достигнутых результатов его развития и произошедших изменений в процессе жизнедеятельности. При этом в содержании морали и идеологии социальной общности сохраняются их генетическая основа, базовые идеи, постулаты и ценности, отражающие смысл исторического существования, душевный склад и характер данного сообщества.

Будучи аксиологическим выражением конкретного социального взаимодействия, стигматизация относится к числу так называемого обыденного или ненаучного, стихийно складывающегося повседневного сознания. С момента своего рождения человек поневоле попадает в социально-культурную среду, социальное пространство и время, определяемые системой ценностей и норм, исторически сложившихся на данной территории. Где и как можно и нужно вести себя, как выражать свои эмоции и чувства, как поступать в том или ином случае, что считается добродетелью, а что злом, приличным и неприличным, прекрасным и безобразным, определяется соответствующими образцами или национальными, региональными, поселенческими и другими образами мира. Все это закрепляется в том числе и в языке того или иного народа [3].

Язык выступает основной символической системой выражения главных смыслов и ценностей жизни, которые образуют свою художественную логику, склад мышления. Постичь эту логику лишь на уровне индивидуального сознания невозможно, ибо при этом важно не просто отразить то, что явствует,

но и понять те смыслы, которые вложены в то или иное слово. Смысл же выражает не какие-то объективные закономерности, а субъективное отношение к тем или иным ценностям, которыми располагает общество, и на основе которого осуществляется индивидуальный их выбор. Если бы «навешиваемые» на индивида ярлыки не имели для него никакого личного смысла, то они не затрагивали бы его сознание и не влияли бы на его поведение. Однако каждый индивид, как в зеркало, смотрится в другого, и ему небезразлично, как воспринимают и оценивают его другие. «Я» – явление не физического, а социального и психологического порядка. Саморегуляция поведения предполагает также наличие у индивида определенной информации о самом себе. Как заметил Иммануил Кант, сознание самого себя уже заключает в себе двоякое «Я». Во-первых, «Я» как *субъект* мышления (в логике), а во-вторых, «Я» как *объект* восприятия внутреннего чувства, которое содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний *опыт* [4]. Индивид осознает себя в качестве субъекта деятельности, а его представления о самом себе складываются в определенный образ «Я», воспринимаемый как совокупность психических процессов, называемых самосознанием.

И. С. Кон отмечал, что образ «Я» каждого человека включает в себя три основных аспекта. «Все три аспекта проблемы «Я» – идентичность (самость), «Эго» (субъективность) и «образ Я» взаимосвязаны и предполагают друг друга. Идентичность психики и поведения индивида невозможна без какого-то единого регулятивного начала, которое, в свою очередь, требует самосознания. «Эго» как регулятивный механизм предполагает преемственность психической деятельности и наличие информации о самом себе. «Образ Я» достраивает идентичность и субъектность личности, одновременно корректирует ее поведение» [5]. Хотя собственное «Я» кажется человеку первичной и самоочевидной реальностью, оно всегда осознается в контексте какого-то отношения («Я – Другой», «Я – Мы», «Я – Мое», «Я – Я») и зависит от природы этого отношения. Человек, по мнению З. Фрейда и его учеников, при стремлении удовлетворить природные инстинкты сталкивается с правовыми, моральными, социальными запретами, часто с последующей дискриминацией и как следствие со стигматизацией. Основной причиной процесса социальной стигматизации чаще всего становится столкновение и интеграция ценностей и норм различных субкультур (например, учащегося, педагога и родителя). Степень социальной стигматизации, как уже говорилось, зависит от уровня духовности социальной общности, ее духовной культуры и от уровня культуры самой личности и, в частности, от ее нравственного самосознания. В зависимости от реакции индивида на стигму за ним закрепляются соответствующие социальные роли обиженного, агрессора, шута и т. д.

Согласно «индивидуальной психологии» австрийского психиатра Альфреда Адлера, человек наделен от рождения двумя базовыми чувствами: чувством неполноценности и стремлением к совершенству как компенсации этого чувства; социальным чувством общности [6]. Стремление индивида к совершен-

ству способствует осознанию им собственной значимости и ценности для других («компенсации на полезной стороне жизни»). Если эти значимые для индивида ценности не признаются другими («компенсация на бесполезной стороне жизни»), то чувство неполноценности сохраняется и трансформируется в комплекс неполноценности. Происходит процесс, называемый «самореализующееся пророчество».

«Непохожесть» на других, своеобразие поведения, мышления и воображения являются доминирующим признаком, который формирует стигму. Балансирование между нормальностью и уникальностью является, по сути дела, напряженным отношением между двумя иллюзиями, которые касаются мира самого человека и других людей. И проблема соотнесения двух таких противоречивых элементов, как индивидуальность и солидарность, – вечная проблема социального воспитания приобретает специфическую актуальность применительно к воспитанию самоохранительного поведения человека, в том числе учащейся молодежи, в обществе формирующегося постмодерна. Применительно к современным условиям, к сожалению, она не решена ни концептуально, ни на уровне воспитательных технологий, в том числе технологий профилактики девиантного поведения молодых людей.

Все это делает проблему стигматизации особенно актуальной в системе образования, изначально ориентированной на освоение соответствующих культурных образов, включение в культуру и процесс становления личности, ее самосознания. Первоначально это формирование осуществлялось в лоне религиозной педагогики по образу и подобию Божьему. В центре находилось нравственное воспитание личности, приобщение к соответствующим ценностям. Стигматизации подвергались прежде всего лица, нарушающие заповеди. Их действия ассоциировались с проявлением сил зла: безбожник, еретик, богохульник были, пожалуй, самыми суровыми стигмами, влекущими за собой необходимые социальные санкции, вплоть до отлучения от церкви. Само же образование представляло собой процесс непосредственного социокультурного взаимодействия учителя и ученика, сопоставления их духовных позиций, передачи старшим младшему своего жизненного опыта и знаний. В силу этого сам процесс стигматизации был контролируемым и направлялся руководством образовательных учреждений и священнослужителями.

Положение дел начало резко меняться по мере ориентации образования на основы наук. Главным становятся познание и психолого-педагогические способности учителя и учеников. Внимание акцентируется на развитии памяти, воображения, мышления, особенностях нервной системы. Практика духовно-практического освоения мира сменяется рациональными, научно-теоретическими и экспериментально-психологическими методами. Типовые педагогические методики постепенно вытесняют индивидуальное наставничество, что, правда, вовсе не означает, что стигматизация безвозвратно уходит из педагогической практики. Просто теперь она никем не изучается и не контролируется. В общеобразовательной школе сегодня никто не скажет, насколь-

ко массовый характер она носит и что является ее современной питательной почвой, каковы ее социальные последствия. Проблема стигматизации оказывается непознаваемой, так как выходит за рамки теории познания в область онтологии (учения о бытии) и аксиологии (учения о ценностях). Вне соответствующей шкалы ценностей не может быть ни представлений о норме и нормальном, ни представлений об аморальном, девиантном (отклоняющемся) и деликвентном (преступном) поведении.

Образование изначально, по своей природе, имеет ценностно-нормативное содержание, т. е. ориентировано на идеальный образ, педагогический идеал как некую виртуальную реальность, которую надлежит воплотить в жизнь, сделать подлинной реальностью. Основная проблема, с которой сталкивается педагог, это проблема целеполагания как ориентации на духовное возвышение человека над действительностью, на формирование тех или иных качеств личности. Однако по мере развития цивилизации это содержание образования постепенно утрачивается. Из важнейшего условия культурного развития человека и человечества в целом оно превращается в основной фактор научно-технического прогресса или решения насущных прагматических, прежде всего экономических, проблем. Духовное его начало отодвигается на задний план, а затем постепенно вытесняется основами наук, наступает эпоха панэпистемизма.

Разрешить проблему стигматизации невозможно без разрешения проблемы ценностей как основного источника социальных норм, и прежде всего ценностей в образовании как культурного феномена. По мере развития научно-технического прогресса в сознании современного человека укоренились стереотипы мышления, согласно которым любая социальная норма есть результат познания объективных закономерностей, по мере открытия которых эти нормы и устанавливаются. Однако наука как форма общественного сознания появилась гораздо позже, чем социальные нормы запрета, регуляции, санкции и т. д. Ценности в системе образования служат связующим звеном между онтологическими и аксиологическими ее основаниями. В отличие от гносеологических или сугубо познавательных когнитивных принципов, на которых основывается постсоветская система образования, ценностный подход отражает не объективные закономерности ее развития, а соответствующее субъективное отношение к образованию как важнейшей составляющей или характеристике бытия современного человека, личности и социума в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В них отражаются особенности самого общества, вся история его становления и развития.

Эти ценности во многом зависят от того, в какой мере в той или иной стране сформировано гражданское общество, каково в нем соотношение сугубо природных родовых и социальных связей, какая роль в осуществлении этих связей принадлежит государству, какой идеологии оно (государство) придерживается и как все это преломляется в организации системы образования.

Другими словами, ценностные основания и ориентиры определяют саму сущность образовательной системы государства, наиболее отчетливо выра-

жают ее направленность, специфику и эффективность, ее целеполагание. Именно ценностные основания и ориентиры образовательной деятельности составляют основу образовательной политики государства, хотя это далеко не всегда является очевидным и учитывается на осознанном уровне.

Таким образом, какой бы ни была палитра проявлений стигмы, она в своей основе есть результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и в сознании человека. Она отражает жизненно-практический процесс социального формирования и развития личности человека, его общечеловеческое и общинное начало, выделяет и закрепляет любые отклонения от всеобщего, родового, общинного, общечеловеческого (нравственной, правовой, социальной, трудовой и тому подобной нормы).

Степень распространенности феномена стигматизации напрямую зависит от степени развития нравственного и правового самосознания социальной общности, от степени социальной зрелости личности. Чем последняя выше, тем ниже восприимчивость индивида к стигматизации. Будучи символической формой выделения индивида из общности, стигматизация выступает важнейшей формой нравственно-психологического самоопределения личности и закрепления за ней соответствующих социальных ролей (и ярлыков).

Будучи сложным социально-культурным феноменом, стигматизация возможна лишь в том случае, когда индивид рассматривает себя лишь как составную часть единого социального целого, а не как самостоятельную личность, которой нет дела до общественного мнения. Стигматизация выступает в качестве символической формы определения социального статуса индивида в группе (сообществе) на основе тех или иных его отклонений от общепринятой нормы и может иметь как позитивное, так и негативное содержание, т. е. позиционировать его как изгоя общества или как богоизбранную или выдающуюся личность. В этом плане она служит предпосылкой выражения властных полномочий харизматического лидера либо последующей социальной дискриминации и социального насилия по отношению к инакомыслящим и другим неординарным личностям.

Стигматизированный в социальной группе является «чужим» среди «своих» или «отвергнутым» социальным сообществом. Применительно к нему вырабатываются особые специфические правила социального взаимодействия и общения, которые зачастую оказывают обратное воздействие на его сознание и поведение, т. е. в известном смысле программируют его, становясь внутренней его неотъемлемой характеристикой, его самостью или определенностью его бытия (по Гегелю).

Относительная неизученность феномена стигматизации в социологической науке во многом определяется тем, что в расчет не принимался тот факт, что социальное взаимодействие как социологическая категория выражает не столько закономерные отношения, сколько формальные, социально-нормативные. Внимание акцентировалось в основном на социально-психологическом

и функционально ролевом содержании данного процесса, а не на ценностно-нормативном его содержании, его субъективном смысле. При этом не учитывалось, что в зависимости от смысла одно и то же взаимодействие может обретать совершенно различные качества, т. е. быть ценностно-значимым и незначимым. Поэтому навешиваемый ярлык в символической форме лишь выражает значимость того или иного явления для социальной общности.

Вместе с тем действие феномена стигматизации всегда ограничено процессом идеализированных, символических форм культуры. Он во многом определяется менталитетом и социально-культурной обусловленностью типа мышления социальной общности и группы, их идеологией в виде убеждений, устремлений, верований и даже заблуждений. В то же время вера в те или иные ценности способна заставить человека занять позицию их охраны (в качестве одного из средств, выражением которого и выступает стигматизация). Сдерживая себя, человек исходит из существующих в обществе нравственных, правовых и других норм, которые становятся и нормами его собственного поведения.

Основой стигматизации могут служить лишь общезначимые и ясные ценности. Однако этот процесс всегда имеет относительный характер и определяется не только ценностями той культуры, в которую включен индивид, но и тем социальным временем и пространством, в рамках которых протекает его жизнедеятельность. Именно поэтому понять основы существовавшей в прошлом или в отдельных регионах и поселениях стигматизации, исходя из современных общечеловеческих ценностей, не всегда возможно. Что же касается ее познания, то оно возможно благодаря моделированию конкретных ситуаций и времени ее проявления в конкретных социальных институтах и сообществах.

В качестве основных элементов культуры выступают отношения, ценности, правила и нормы, язык. Основным субъектом культуры выступает человек. Он же, по определению, и основной носитель культуры. И именно закрепленные в культуре матрицы мышления и социального взаимодействия определяют формы отклонений в конкретном обществе (в том числе образовательной и высшей школе) как институте социализации.

Литература

1. Макиавелли, Н. Избранное / Н. Макиавелли. – М. : РИПОЛ классик, 1999. – 795 с.

2. Вебер, М. Избранное / М. Вебер; пер. с нем. М. И. Левиной и др.; прим. Л. Т. Мильской, В. В. Сапова. – М. : Юристь, 1994. – 702 с.

3. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 333 с.

4. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М. : Наука, 1966. – Т. 6. – 365 с.

5. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 185 с.

6. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер; пер. Е. А. Цыпина. – СПб. : Акад. проект, 1997. – 251 с.

7. Мамедов, А. К. Социальная стигматизация / А. К. Мамедов, Т. П. Липай. – М. : ИД «АТИСО», 2008. – 168 с.

8. Липай, Т. П. Социальная стигматизация: социокультурные аспекты / Т. П. Липай, А. К. Мамедов // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 11. – С. 43–52.

9. Липай, Т. П. Стигматизация в практике образовательных школ / Т. П. Липай // Социологические исследования. – 2009. – № 11. – С. 142–145.

A. K. MAMEDOV, T. P. LIPAI

SOCIAL STIGMATIZATION: GENESIS AND FORMATION DETERMINANTS

Summary

In the article the concept «stigmatization» is revealed. It is about this social phenomenon in commonalities, the importance and scale of its influence on vital prospects of the individual. The thesis about necessity of consideration of stigmatization as object of social management is offered.

УДК 316

Ю. М. БУБНОВ,
доктор социологических наук, доцент,
Могилёвский государственный университет продовольствия, г. Могилёв

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

В статье на материале социологических опросов рассматривается социальная проблематика коррупции в форме взяточничества. Представлена статистическая и социологическая фактура коррупционной активности служащих различных государственных учреждений и социальных институтов. Исследуются факторы, способствующие воспроизводству и распространению коррупционной практики в современном белорусском обществе.

С правовой точки зрения коррупция включает в себя довольно широкий спектр должностных преступлений. В данной статье она рассматривается как синоним взяточничества. На наш взгляд, именно эта разновидность коррупции представляет наибольшую опасность для общественного организма. Коррупция в форме взяточничества считается одной из самых опасных для современного общества социальных болезней, поскольку разрушает его основные «несущие конструкции» – экономику, власть и дух народа. Взяточничество чрезвычайно вредит эффективному функционированию государственного механизма, искажая управляющие импульсы руководящего центра и препятствуя их адекватной реализации на местах. Поэтому помимо непосредственного вреда, который коррупция наносит обществу, она еще и дискредитирует власть как таковую, в особенности высшее политическое руководство страны, ибо именно на него народ в конечном счете возлагает ответственность за все негативные процессы, происходящие в государстве. Неудивительно, что политическая оппозиция всегда старалась использовать тему коррупции в борьбе против властвующей элиты. Поэтому в противодействии мздоимству заинтересована прежде всего правящая элита, если она заботится о стабильности своего будущего.

Экономический ущерб от коррупции чрезвычайно трудно определить из-за скрытого характера этого вида преступности. На наш взгляд, показательным в этом смысле является тот факт, что между степенью коррумпированности общества и материальным благосостоянием его граждан существует весьма жесткая обратная зависимость. Связь эта выглядит предельно просто: чем больше то или иное государство поражено коррупцией, тем хуже живет его народ. Причина такой зависимости также очевидна. Относительно «чистые» от взяточничества бюрократические структуры функционируют в интересах общества и народа, избирающего высшее руководство страны и ре-

гионов, а коррумпированные чиновники набивают карманы себе и помогают обогащаться тем немногим, которые сумели их купить или запугать. Поэтому коррумпированные страны отличаются еще одним малоприятным свойством: они значительно в большей степени социально расслоены на очень богатых и очень бедных. Социальная контрастность, выражающаяся в десятикратном превышении богатства 10 % наиболее состоятельных граждан над 10 % наименее обеспеченных, является зловещим предвестником бунтов и революций. В коррумпированной стране экстремистский исход событий более вероятен еще и потому, что в таком обществе трудно ожидать уважения к собственности, а богатства, нажитые нечестным путем, намного чаще возбуждают экспроприационные настроения нищих и обманутых масс.

Духовная деградация народа довершает картину разлагающего воздействия коррупции на общество. Не может жить спокойно и счастливо отдельный человек или целый народ, если совесть его поражена обманом и бесчестьем. Не случайно наиболее успешными в своем цивилизационном развитии оказались те народы, у которых честь и долг ценятся выше коварством обретенной власти и воровством нажитого богатства. Даже современный рационально организованный капитализм, тот самый, который составляет предмет вожделенной зависти многих народов мира, обязан своим появлением на свет не столько материально-техническому прогрессу (он и причина, и следствие развития капитализма), сколько особой этике первых капиталистов-протестантов, основанной на понятиях торговой чести и профессионального долга. Это открытие М. Вебера со временем только подтверждается новыми фактами. С такой точки зрения менталитет славянского народа отягощен неблагоприятным духовным наследством. В детстве детям рассказывают сказку про Иванушку-дурачка, которому счастье улыбается гораздо чаще, чем его трудолюбивым братьям. А в исторических опусах похождениям беспримерного вора Александра Меньшикова уделяется внимания больше, чем, например, реформатору Бирону, который, будучи в одно время, по сути, правителем России, не присвоил ни единой копейки из казны фактически чужого для него государства. Соответствующую поведенческую ориентацию задают и следующие «перлы» народной мудрости, получившие статус поговорок: «Не обманешь – не проживешь», «Не подмажешь – не поедешь», «Хочешь жить – умей вертеться», «Закон что дышло, куда повернешь – туда и вышло». Явно выраженная коррупционная составляющая этих социокультурных установок не вызывает сомнения. Понимая причины появления и закрепления в общественном сознании этих поговорок, не стоит сбрасывать со счетов и их обратное программирующее воздействие на мораль и социальное поведение новых поколений наших соотечественников. Не в этом ли кроется одна из главных причин неудач в попытках российских реформаторов 90-х годов прошлого столетия «привить» русскому народу принципы рационального капитализма? Тлетворная заразительность взяточничества тем более опасна для нравственного здоровья нации, потому что она в первую очередь поражает властную

элиту общества, которая всем остальным населением чаще всего воспринимается как эталон и социальный ориентир для подражания.

Одним словом, взяточничество во всех его разновидностях действительно представляет собой чрезвычайно опасную социальную болезнь, без излечения которой нельзя и думать о каких бы то ни было реформах в обществе. Однако коррупция принадлежит к тем болезням, которые трудно лечатся по той причине, что плохо диагностируются, а заболевший орган сложно локализовать и почти невозможно удалить. Дело в том, что взяточничество – это специфическое преступление, оба участника которого – взяткодатель и взяткополучатель – заинтересованы в обеспечении глубочайшей тайны происходящего между ними сговора, жертвой которого чаще всего является не конкретное физическое лицо, а отчужденное государство и абстрактное общество. По этой причине раскрываемость фактов коррупции не может быть высокой, ибо ущерб потерпевшей стороны, как правило, обезличен и опосредован во времени. Уголовно наказуемой оказывается лишь мизерная часть подобных преступлений, да и то лишь в том случае, если одна из сторон нарушила договоренность или превысила нормы допустимых притязаний.

Первое приближение к коррупционной фактологии мы сделаем с помощью статистики. Статистический ракурс коррупционной проблематики, несмотря на спорную репутацию статистики как таковой, вряд ли стоит недооценивать. Да, конечно, статистика фиксирует только те проявления коррупционной деятельности наших сограждан, которые зарегистрированы органами внутренних дел и другими силовыми ведомствами, по статусу ведущими борьбу с преступниками. Уже по этой причине статистические данные могут вызывать определенный скепсис, поскольку отражают, скорее, эффективность работы правоохранительных структур, нежели социальную практику мздоимства. Но, пусть и косвенно, статистика все же способна продемонстрировать определенный срез коррупционной проблематики, приблизительный эскиз данного вида преступности, отраженный в отчетах силовых структур, функционально противодействующих коррупции. Этот набросок будет еще очень неточным, поскольку в состоянии отобразить лишь видимую часть айсберга коррупции в целом и еще в меньшей степени – мздоимство. Но это очень важная часть информации, которую невозможно проигнорировать.

Итак, каким же образом отечественная статистика отображает социальную практику взяточничества в современном белорусском обществе? Делается это при помощи, регистрации выявленных органами правопорядка преступлений соответствующей квалификации. Для наглядности представим ретроспективную динамику взяточничества (рис. 1) на основе абсолютных цифр, характеризующих зарегистрированные органами внутренних дел преступления по статьям УК Республики Беларусь № 430 (получение взятки), № 431 (дача взятки) и № 432 (посредничество во взяточничестве) [1].

Ретроспективный анализ позволяет понять, каково было отношение в разные периоды жизни страны к проблеме взяточничества со стороны высшего

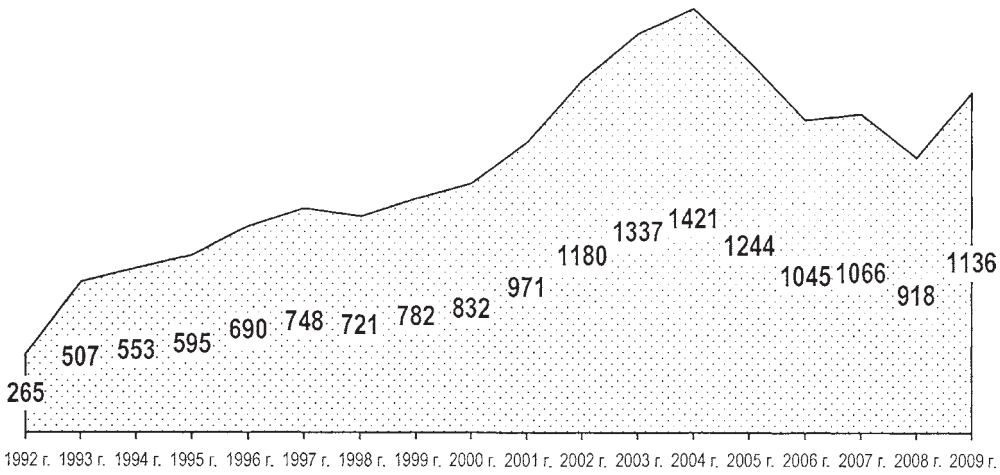


Рис. 1. Динамика зарегистрированных в Беларуси преступлений по статьям УК Республики Беларусь 169-170/430-432, связанных со взяточничеством (в абсолютных цифрах)

руководства, какова была, так сказать, политическая воля белорусского государства по отношению к этому виду преступности. Высшие точки графика на рис. 1 легко можно соотнести с предвыборными президентскими кампаниями. Этому не следует удивляться, поскольку борьба со взяточничеством всегда и везде поддерживалась избирателями. Как следствие политического антикоррупционного импульса «сверху» следует рассматривать соответствующее общее повышение эффективности правоохранительных органов в деле выявления и наказания взяточников. В итоге к 2010 г. количество регистрируемых правоохранительными органами Беларуси уголовных дел о взятках увеличилось по сравнению с 1992 г. в 4,3 раза.

Статистика доведенных до суда коррупционных дел по статьям о взятках представляет очень большую ценность для исследователя этого социального зла. Однако сами правоохранители и статистики говорят о том, что их данные являются лишь малой видимой частью огромного айсберга бытового мздоимства. Статистическое описание коррупционной болезни необходимо дополнить социологическим диагнозом, основанным на использовании метода массового анонимного опроса населения.

Итак, попытаемся социологически идентифицировать общественную значимость проблемы коррупции. Для начала определим ее место в ряду других проблем, отягощающих повседневную жизнь наших сограждан. Для этого у нас нет более простого и адекватного способа, кроме как спросить у самих граждан о том, что же вызывает у них наибольшую тревогу. Обширный банк первичных социологических данных на этот счёт наработали социологи Могилёвского института региональных социально-политических исследований. Согласно опросам этого авторитетного научно-исследовательского центра, проблема коррупции вызывает тревогу у каждого шестого (16,4 %) соотече-

ственника. В рейтинге всех общественных забот она не занимает первых строк, по итогам опроса 2009 г. оказавшись лишь на 11-м месте. И тем не менее ее значимость соответствует степени болезненности, к примеру, безработицы, экологической проблематики, имущественного расслоения на богатых и бедных, даже превышая значимость преступности. Это позволяет сделать заключение, что белорусские граждане в достаточной мере осознают общественную опасность коррупции. Причем в разные периоды современной истории Беларуси социальное ощущение населением коррупционных рисков было различным по интенсивности. Это можно увидеть, дополнив социологическую статику временным вектором семнадцатилетней ретроспективы. Тенденция и динамика изменения отношения белорусского общества к проблеме взяточничества показана на рис. 2, где представлены итоги опросов репрезентативной выборки населения Могилевщины начиная с 1993 г. Все опросы проведены Могилевским институтом региональных социально-политических исследований с участием автора.

В начале 90-х годов коррупционная опасность ощущалась белорусским обществом в 3 раза более остро, чем в настоящее время. Это обусловлено социокультурной аномией, охватившей страны бывшего СССР, которая на общей волне социальной девиантности спровоцировала и всплеск должностной преступности. Коррупция распоясавшейся бюрократии тогда стала одним из проявлений болезненного разложения советской административно-командной системы, над которой более не довлел тотальный партийный контроль. Этот кратковременный период, когда система партийного диктата была разрушена, а общественный демократический контроль над чиновничеством еще только зарождался, стал «золотым веком» для отечественной бюрократии. В это время, как грибы после дождя, выросли целые пригороды шикарных коттеджей, создавался первоначальный капитал современных олигархов, приватизировались за бесценок государственные предприятия, еще вчера считавшиеся общенародными. Советская номенклатура моментально трансформировалась в класс собственников средств производства возникших на обломках СССР новых государств, вставших на путь капитализма. В Беларуси в отличие от России или, к примеру, Украины этот период коррупционного рецидива был

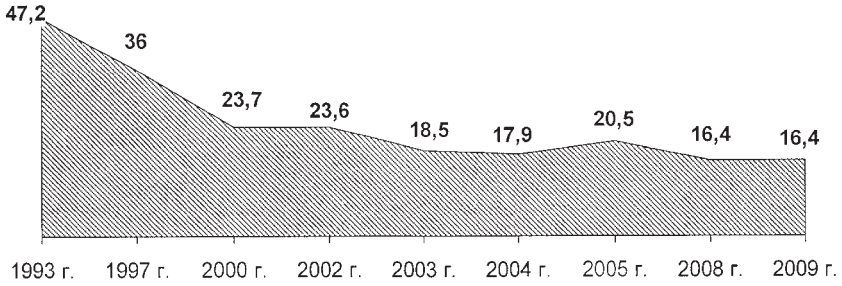


Рис. 2. Ретроспектива распределения граждан, у которых коррупция вызывает наибольшую тревогу, %

относительно кратковременным. В 1994 г. был избран первый Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В предвыборной борьбе он очень активно использовал и продолжает использовать тему искоренения коррупции в органах власти, в чем находит горячую поддержку со стороны большинства белорусского народа. Будучи депутатом, А. Г. Лукашенко возглавлял комиссию белорусского парламента по противодействию коррупции, что в значительной степени способствовало его победе на президентских выборах. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко идейно вдохновляет и организационно контролирует противодействие коррупции на государственном уровне. Важнейшим результатом деятельности Президента по снижению коррупционных рисков в Беларуси можно считать то, что в белорусском обществе с 1993 по 2009 год почти в 3 раза снизился уровень тревожности населения по поводу взяточничества. И тем не менее недовольство людей коррупцией остается достаточно высоким для того, чтобы сигнализировать властям о наличии серьезной социальной болезни. Уровень тревожности населения можно считать своеобразной сигнальной системой, аналогичной высокой температуре при наличии воспаления в биологическом организме. Коррупционный воспалительный процесс заметно снизился, однако все еще остается болезненной социальной проблемой. Представим социологическое измерение мздоимства в двух его проекциях: как вымогательство взяток со стороны государственных служащих из различных ведомств и социальных институтов, а также как готовность самих граждан к коррупционному взаимодействию с мздолюбивыми должностными лицами. Будем оперировать социологическими фактами, свидетельствующими об уровне взяточничества на основании анонимных анкетных опросов больших групп населения. Социологические данные в наименьшей степени подвержены манипуляции со стороны оппозиционных или властвующих политиков, их труднее всего фальсифицировать и скрывать. Речь идет об общественном мнении относительно коррупционной активности представителей различных государственных структур, а также в недрах основных социальных институтов.

Итак, каков же уровень коррумпированности нашего общества в глазах общественного мнения? Напомним, что речь в данном случае пойдет об активном вымогательстве взяток со стороны работников различных властных, контрольно-правовых и иных госбюджетных структур. В приведенном ниже материале использованы результаты опросов, осуществленных Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 1997 г. (433 респондента), в 1999 г. (513 респондентов) и в 2003 г. (1558 респондентов). В 2009 г. опрос репрезентативной выборки взрослого населения Могилевщины в составе 684 респондентов был осуществлен сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия. Во всех случаях мы задали респондентам один и тот же вопрос о том, сталкивались ли они лично со случаями вымогательства взяток со стороны представителей различных госструктур. Результаты этих четырех исследований представлены в таблице в ранговом порядке по итогам опроса 2009 г.

Распределение ответов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с вымогательством взяток со стороны работников государственных структур?», %

Государственная структура	1997 г.	1999 г.	2003 г.	2009 г.
Госавтоинспекция	–	25,5	23,0	19,6
Медицинские учреждения	–	23,6	19,4	19,2
Средние школы	–	–	–	15,5
Высшие учебные заведения	–	17,0	15,4	14,9
Милиция	21,0	18,7	12,6	10,2
Таможенная служба	18,0	15,0	8,9	7,7
Санэпидемстанции	–	3,9	5,1	6,0
Военные комиссариаты	–	5,5	4,8	5,8
Налоговые инспекции	10,6	9,0	7,8	4,8
Суды	9,9	7,4	6,0	4,2
Городские и районные исполкомы	8,1	4,9	3,7	3,5
Прокуратура	5,3	4,5	3,5	2,8
Облисполкомы	–	3,7	2,9	1,8
Службы госконтроля	3,5	3,3	3,7	2,3
Пожарная служба		1,8	1,8	1,8
Не сталкивались с вымогательством взяток	–	28,1	40,4	49,7
Не ответили	–	27,1	15,7	2,0

Примечание. Респонденты могли отметить несколько вариантов ответа, поэтому сумма процентов по столбцам превышает 100. Прочерк – позиции, по которым опрос не проводился.

С фактами вымогательства взяток по личному опыту знаком каждый второй из числа опрошенных нами соотечественников. Это – плохая новость, поскольку данный факт является убедительным свидетельством широкой распространенности бытовой коррупции в нашем обществе. Но ретроспективный взгляд на эту проблему дает весомые основания и для весьма оптимистического вывода. За 13 последних лет заметно сократилось количество наших земляков, упрекающих в мздоимстве работников целого ряда государственных служб и социальных институтов. Соответственно с 28,1 % в 1999 г. до 49,7 % в 2009 г. увеличилась доля граждан, твердо заявивших, что они не сталкивались с вымогательством взяток. Столь явные и высокие темпы проявления в массовом сознании признаков очищения белорусского общества от коррупции можно считать впечатляющими. При этом следует учитывать известную консервативность отечественного общественного сознания, что обычно приводит к заторможенной реакции на быстро изменяющуюся социальную ситуацию. «Лакмусовая бумажка» общественного мнения отображает происходящие в стране структурные изменения в «отсроченном» режиме, с определенным временным лагом. Это означает, что положительные последствия от антикоррупционных мер, предпринятых белорусскими властями в середине 90-х годов прошлого столетия, будут и впредь какое-то время проявляться в общественном сознании тенденцией снижения коррупционных фобий. Од-

нако эти положительные результаты, достигнутые в период «взнуздания» первым белорусским Президентом старой советской бюрократии, могут свестись «к нулю» окрепшей новой национальной номенклатурой, обладающей огромными контрольными полномочиями, особенно в сфере бизнеса. Как показали наши исследования, именно здесь, в сфере малого и среднего предпринимательства, общественное мнение отражает не снижение, а рост коррупционной опасности. А это может означать трансформацию коррупционной активности отечественного чиновничества из сферы межличностных неформальных отношений, сопровождающихся непритязательными сувенирами и съестными наборами, в область устойчивых коррупционных связей с представителями бизнес-сообщества. Мутация бытового мздоимства в высокоорганизованные коррупционные сети будет означать переход этой социальной болезни в стадию рецидива, когда симбиоз бюрократов и бизнесменов образует олигархию, способную подчинить себе все общество и паразитировать на нем до тех пор, пока не доведет до полного истощения силы народа.

Коррупционную активность должностных лиц дополняет моральная готовность самих граждан использовать оплаченный административный ресурс. В этом, как известно, и состоит главная особенность коррупционных преступлений, отличающая их от всех прочих проявлений деструктивной девиантности. Взяточничество представляет собой симбиоз интересов двух основных действующих лиц: взяткополучателя и взяткодателя, которые именно поэтому оба привлекаются к уголовной ответственности, правда, по разным статьям УК Республики Беларусь. В предыдущем сюжете мы рассмотрели лишь одну сторону этого взаимодействия – отраженное в общественном мнении вымогательство взяток государственными служащими. Теперь внимательно изучим социологическое отражение второго персонажа – потенциального взяткодателя.

Воспользуемся материалами социологического исследования, проведенного в рамках Государственной комплексной программы научных исследований «Теоретико-методологические основы устойчивого инновационного развития социально-ориентированной экономики Республики Беларусь» (ГКПНИ «Экономика и общество») в 2009 г. силами творческого коллектива кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия под руководством автора. Участниками анонимного анкетного опроса стали 687 жителей Могилевской области старше 16 лет, представляющие все основные социально-демографические группы населения. Помимо этого, мы использовали результаты наших предыдущих исследований, проведенных в 1997 и 1999 гг., когда были опрошены соответственно 1095 и 802 жителя Беларуси в возрасте от 16 до 30 лет. Участники анкетирования, похоже, не понимают смысла фразы: «предложить (принять) дорогой подарок за незаконную услугу» уголовно наказуемого состава преступления «получение взятки» и «дача взятки». 42,7 % респондентов не считают зазорным предложить взятку, а каждый третий (32,6 %) готов принять ее. Если, конечно, будет такая возможность. Молодые оказались морально более «раскрепощенными» по срав-

нению со своими старшими товарищами. Это хорошо видно на графиках рис. 3 и рис. 4, на которых отображены потенциальные подсудимые по статьям 431 (дача взятки; наказывается лишением свободы до 10 лет) и 430 (получение взятки с риском лишения свободы до 15 лет).

Мы намеренно свели вместе ответы тех граждан, которые морально готовы дать взятку, и тех, кто не прочь взять ее. Как правило, потенциальные взяткодатели одновременно являются и потенциальными взяткополучателями, поэтому с моральной точки зрения они в равной степени виновны. Социально-профессиональное положение граждан довольно сильно отражается на их склонности к мздоимству. Так, потенциальной коррупционной активностью в наибольшей степени отличаются предприниматели и безработные (по 62 %), а также учащиеся (53 %), в наименьшей – работники правоохранительных органов (8 %) и домохозяйки (17 %). На этом примере можно лишний раз убедиться в том, что профессиональная деятельность человека довольно сильно

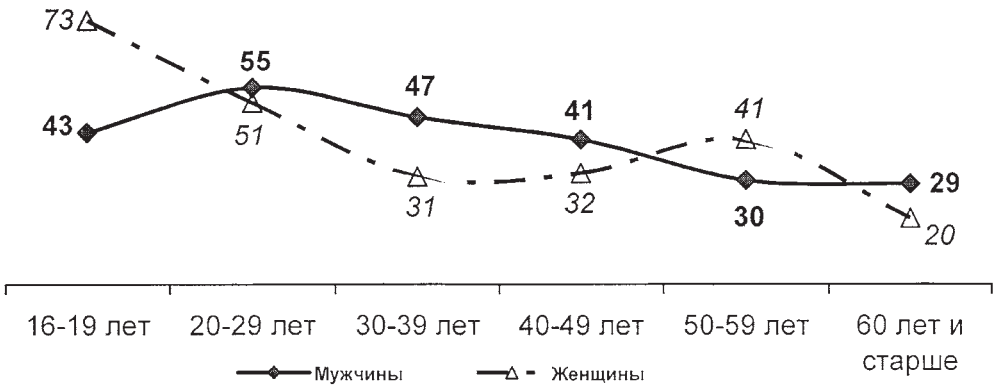


Рис. 3. Распределение мужчин и женщин разного возраста, считающих возможным предложить взятку за незаконную услугу, %

Рис. 4. Распределение мужчин и женщин разного возраста, считающих возможным принять взятку за незаконную услугу, %

связана с его мировоззрением и правовым сознанием, составляя важную часть его образа жизни и стандартов поведения.

Вернемся к проблеме мздоимства и посмотрим, как изменилось отношение наших, в данном случае молодых, соотечественников к взяткам в течение последнего десятилетия. На рис. 5 и рис. 6 легко увидеть тренд изменений в отношении мужчин и женщин к взяточничеству.

Исходя из приведенных данных, можно сделать два вывода. Первый вывод касается констатации практически полного гендерного равенства мужского и женского уровней потенциального мздоимства в молодом поколении граждан Беларуси. Этот вывод вряд ли кого-то обрадует. Но второй вывод будет вполне оптимистичным. Он следует из наблюдаемого даже визуально существенного (на четверть) снижения за последние 12 лет удельного веса потенциальных взяткодателей и взяткополучателей. Если судить по нашим данным, то те усилия, которые белорусское государство прилагает для снижения уровня коррупции, не проходят даром. Люди постепенно привыкают к тому, что брать и давать взятки – это плохо. И по мере укрепления этого убеждения будет осуществляться постепенный переход от общества кумовства и криминальных связей к обществу гражданской общности на основе общепринятых моральных правил и юридических законов. В связи с этим можно предпо-

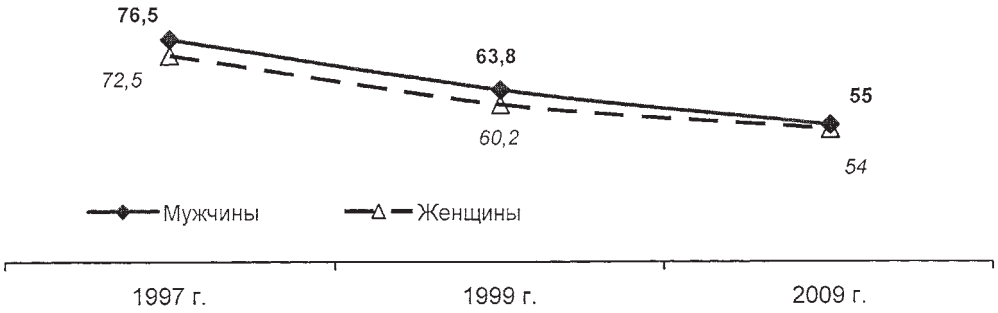


Рис. 5. Ретроспективное распределение юношей и девушек в возрасте 16–30 лет, считающих возможным предложить взятку за незаконную услугу, %

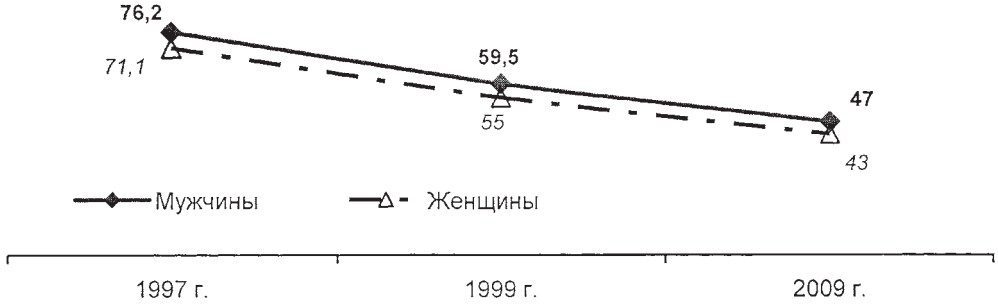


Рис. 6. Ретроспективное распределение юношей и девушек в возрасте 16–30 лет, считающих возможным принять взятку за незаконную услугу, %

ложить, что возможности для безнаказанных подношений людям, отправляющим государственные функции, довольно быстро сужаются. Во всяком случае, такой вывод справедлив для обществ с преобладанием европоцентристской культуры. Это всего лишь тенденция, которая, впрочем, достаточно четко проявилась и на столь коротком временном отрезке, на котором нам удалось измерить готовность молодых жителей Беларуси давать и брать взятки.

Однако ситуация с мздоимством в Беларуси еще очень далека от благополучной. На это указывают случающиеся время от времени рецидивы коррупционной болезни, когда во взяточничестве оказываются замешанными высокопоставленные чиновники, в том числе и те, кто по долгу службы обязан бороться с мздоимством. О наличии глубоких коррупционных метастазов в белорусском обществе свидетельствуют и факты социологических опросов, фиксирующие широкую практику бытового взяточничества. Социальная болезнь коррупции еще не искоренена. Более того, она, на наш взгляд, перешла в латентную фазу, присущую периодам стабильного развития общества. Белорусская бюрократия постепенно адаптировалась к новым для нее условиям существования. Важнейшей новой характеристикой современного белорусского бюрократического аппарата стала его дальнейшая монополизация. В этом отношении в Беларуси сделан шаг вперед даже по сравнению с советской административной системой, в которой все-таки наличествовало разделение государственных управленческих функций между чиновниками и идеологами. В лице первых выступала советская администрация и хозяйственный менеджмент, которые на профессиональной основе осуществляли оперативное руководство территориями и предприятиями. Однако доминировал все же идеологический гегемон в лице коммунистической партии. Это позволяло партийной номенклатуре сохранять хотя бы видимость приоритета общенародных ценностей в ситуациях конфликта интересов общества и бюрократии.

Другим новым по сравнению с советским опытом обстоятельством, определившим современную коррупционную активность белорусского чиновничества, стало появление класса собственников средств производства, – новых капиталистов. Этот социальный слой, в особенности малое и среднее предпринимательство, стал настоящей «золотой жилой» для белорусского чиновничества. Сложилась чрезвычайно благоприятствующая должностной коррупции ситуация. С одной стороны выступает чиновник с монопольно безраздельными полномочиями, так как любая, даже самая незначительная функция огромного государственного механизма, персонифицированная в должностном лице, – уникальна. Найти простому гражданину управу на мздолюбивого государственного служащего очень трудно, поскольку он зависит только от такого же чиновника, но стоящего выше. А с другой стороны оказался фактически бесправный бизнесмен, обладающий определенными материальными благами. В итоге многочисленная бюрократия рассматривает бизнес-сообщество в качестве стада овец, которое можно стричь сколько угодно раз, даже не утруждая себя заботой о нем, поскольку оно пасется самостоятельно.

Нельзя не сказать также о рудиментах национального общественного сознания, возрождающих в массовом поведении наших сограждан шаблоны взаимодействия просителей и должностных лиц через посредство мзды. Как показывает опыт и результаты многочисленных социологических опросов, социальные традиции мздоимства благополучно здравствуют и поныне, управляя повседневной жизнью масс.

Все эти обстоятельства чрезвычайно затрудняют процесс излечения нашего общества от рецидивов коррупционной болезни. Однако белорусское общество в лице лучших его представителей, под руководством главного борца с коррупцией – Президента – уверенно движется по пути выздоровления от рецидивов коррупции вообще и мздоимства в частности.

Литература

1. Сведения Информационно-аналитического Управления МВД о регистрации и предварительном расследовании коррупционных преступлений (на основании сведений, предоставленных органами уголовного преследования для помещения в единый государственный банк данных о правонарушениях) по Республике Беларусь.

Y. M. BUBNOU

CORRUPTION AS A SOCIAL ILLNESS

Summary

In article on a material of sociological interrogations the social problematic of corruption in the form of bribery is considered. The statistical and sociological invoice of corruption activity of serving various official bodies and social colleges is presented. The factors assisting reproduction and propagation of corruption practice in a modern Belarus society are investigated.

УДК 321+316.42+338.2

В. С. ТАРАСОВ,
кандидат философских наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ И ДРУГИМИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются проблемы предупреждения и борьбы с девиантным поведением и негативными общественными явлениями среди населения Беларуси. Важным средством предупреждения и уменьшения уровня антиобщественных явлений, правонарушений, преступности и других преступных действий является социальная политика, направленная на повышение уровня жизни, культуры и формирование в обществе здорового образа жизни.

В переходный период среди населения Беларуси широкое распространение получили такие антиобщественные явления, как пьянство, алкоголизм, наркомания, токсикомания и другие, возросло количество правонарушений и преступлений. Растущее потребление спиртных напитков, натуральных и синтетических наркотических веществ, табачных изделий и др. было вызвано резким изменением системы социально-экономических отношений и лежащих в ее основе социальных ценностей. Экономические реформы, при проведении которых не учитывались масштабы и глубина социальных последствий перехода к рыночным отношениям (рост безработицы, потеря личных сбережений, сильное падение размеров заработной платы, деградация социальных механизмов помощи малообеспеченным и нуждающимся людям и др.), негативно отразились на условиях труда и быта, социальных ожиданиях и перспективах основной массы населения.

При переходе к рыночным отношениям Беларусь, как и другие государства СНГ, пошла по пути либерализации цен, свертывания важнейших социальных гарантий и льгот населению (в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении и др.). Услуги образовательных, лечебно-оздоровительных, культурных, спортивных и других учреждений стали малодоступными для основной массы населения, и особенно для молодежи. Экономия на социальной сфере обернулась для республики катастрофическим падением уровня жизни, обострением социально-демографических проблем, снижением образовательного и культурного уровня населения, ростом антиобщественных явлений и преступности и др.

Формирование тонкого слоя экономически состоятельных людей из структур государственного и хозяйственного управления сопровождалось увеличением количества малообеспеченного населения, среди которого оказались ранее привилегированные и высокообразованные социальные группы. Система общественных ценностей, мораль, нравственные принципы и нормы поведения постепенно утрачивали важнейшую функцию регуляторов общественной жизни. Особенно сильно изменения в экономике и социальной сфере повлияли на поведение социальных групп и индивидов, оказавшихся в сложном социально-экономическом положении (потеря денежных вкладов, работы и возможности трудоустройства и др.). Глубокий системный кризис способствовал росту антиобщественных явлений, девиантного поведения и преступности в различных слоях и социальных группах населения, усилил социально-экономическую нестабильность и привел к ослаблению важнейших институтов государства, в том числе правоохранительной системы.

Формирование рыночных структур при сохранении модели государственной системы экономики и управления обернулось для общества резким снижением уровня жизни населения. Социальная неустроенность, отсутствие у населения надежды на улучшение в ближайшей перспективе материального положения, деградация механизмов социальной защиты населения, сильное социальное расслоение и другие факторы способствовали ухудшению общественных нравов, уменьшению влияния семьи как важнейшего института социальной стабильности. Снижение воспитательной роли семьи и школы в процессе формирования личности способствовало распространению антиобщественных явлений, девиантного поведения, правонарушений среди подростков и молодежи. На ухудшение криминогенной ситуации в республике оказали немаловажное влияние такие факторы, как: а) низкий авторитет старшего поколения, воспринимаемого молодежью как «неудачники», б) распад семей вследствие алкоголизма и асоциального поведения родителей, в) изменение этических и нравственных стандартов семьи в условиях деградации системы социальных ценностей.

Социальная неустроенность, невысокие возможности получения образования, трудоустройства, решения социально-бытовых проблем, организации отдыха и культурного досуга стали оказывать растущее влияние на образ жизни молодежи, ее мораль и социальное поведение. Уменьшение финансирования учреждений образования привело к ограничению доступа молодежи из малообеспеченных семей и провинции к высшему и среднетехническому образованию. Для многих молодых людей стало характерным употребление легких и крепких спиртных напитков, курение и фривольное поведение в общественных местах. Средства массовой информации вместо пропаганды здорового образа жизни и культурного проведения досуга обеспечили широкую рекламу различных сортов водки, пива и табачных изделий, связывая их потребление с признаком хорошего вкуса и материального благополучия. Появились молодежные субкультурные группы с особым сленгом и модой, для которых были

характерны употребление спиртных напитков и наркотиков. Среди молодежи получили распространение девиантные формы поведения, чреватые риском заболевания ВИЧ-инфекцией, СПИДом, гепатитом В. Провал социальной политики на стадии перехода к рыночной экономике был основной причиной падения уровня жизни, формирования заниженных материальных и культурных потребностей населения, что негативно отразилось на духовно-нравственном климате и общественных отношениях. Молодежь как специфическая социальная группа с ее социальными проблемами и интересами оказалась обойденной вниманием в социальной политике.

В экономически развитых странах мира социальная политика является важнейшим фактором социально-экономического роста и повышения уровня жизни населения. Основным субъектом социальной политики является государство, которое определяет ее задачи и цели, финансирует и контролирует выполнение социальных обязательств и программ. Социальная политика включает в себя широкий комплекс проблем: от улучшения условий труда и быта, развития здравоохранения, образования, науки и культуры, морали и нравственности, поддержания правопорядка до развития социальной инфраструктуры, транспорта, связи, торговли, коммунального и бытового обслуживания и др. Она оказывает сильное влияние на образ жизни общества, духовно-нравственную культуру, ценностные ориентации, динамику социально-демографических процессов, состояние правопорядка и др. Ее суть заключается в обеспечении общественно приемлемого уровня материального благосостояния и социальной защиты населения на основе относительно справедливого распределения ресурсов между высшими и низшими слоями населения.

Социальная политика является средством предупреждения социальных конфликтов и поддержания политической и социально-экономической стабильности. Ее цель заключается в обеспечении баланса интересов различных социальных групп на основе высокой степени согласия между ними с системой распределения социальных благ, а также создании экономических и социальные условий для осуществления населением и отдельными индивидами своих жизненных целей. Состояние социальной сферы, уровень и качество жизни населения, условия развития человеческого потенциала (образование, культура, здравоохранение и др.), демографическая ситуация (продолжительность жизни, рождаемость), межличностные отношения, состояние преступности и другие факторы являются важными показателями эффективности государственной социальной политики. Чем эффективнее экономика, тем больше у государства средств для инвестиций в социальную сферу (на развитие здравоохранения, образования, культуры и спорта, социального обеспечения, профилактику и борьбу с антиобщественными явлениями и преступлениями и др.).

Серьезные просчеты в социальной политике привели к тому, что в Беларуси, как и в других государствах СНГ, с начала 90-х годов растет преступность. Согласно статистическим данным, наиболее высокий уровень преступности был зарегистрирован в 2005 г. и составил 192 506 случаев. По сравнению с 1990 г.

количество преступлений увеличилось более чем 2 раза. В той же пропорции возросло количество преступлений среди мужчин и женщин. Более 314 преступлений приходится на долю социально-демографических групп в возрасте 18–29 лет и от 30 лет и старше. В 2005 г. их количество в группе от 18 до 29 лет составило 38,9 тыс. чел. против 17,8 тыс. чел. в 1990 г. Соответственно количество преступлений в группе от 30 лет и старше возросло с 18 тыс. чел. в 1990 г. до 41,1 тыс. чел. в 2005 г. Было зафиксировано увеличение преступности среди подростков 14–15 лет с 1,6 тыс. чел. в 1990 г. до 2,1 тыс. чел. в 2007 г., а также в группе 16–17-летних с 5,0 тыс. чел. до 5,6 тыс. чел. Подавляющее большинство преступлений было совершено нигде не работавшими и не учившимися индивидами. Если в 1990 г. на их долю приходилось 7,6 тыс. преступлений, то в последующие годы наблюдается устойчивая тенденция роста преступности, которая достигла своего пика в 2005 г. – 55,9 тыс. преступлений. Второй криминогенной группой является группа рабочих. В 2005 г. на ее долю приходилось 15,4 тыс. преступлений. Более чем на 50 % увеличилось число преступлений в группе учащихся.

Большинство осужденных за различные преступления относятся к категории активного трудоспособного населения в возрасте от 18 до 49 лет. На их долю приходится более 314 преступлений, тогда как на группы 14–17-летних и от 50 лет и старше – менее 1/4. Причем большинство осужденных составляют ранее судимые, нигде не работающие и не учащиеся лица [1, с. 267–273]. Социально-экономическая ситуация и материальный уровень жизни являются важнейшими факторами влияния на криминогенную обстановку в республике, состояние преступности и др. В течение многих лет экономическая ситуация в Беларуси характеризуется крайне ограниченными условиями для реализации населением, и особенно молодежью, своих жизненных стратегий, скрытой безработицей, невысоким уровнем оплаты труда, растущим разрывом в уровне жизни и социальном обеспечении привилегированных и остальных социальных групп.

В республике прогрессирует рост подростковой преступности, на которую оказывают все более сильное влияние структуры организованной преступности. Правоохранительные органы и криминологи отмечают высокую степень сплоченности подростковых антиобщественных групп, их высокие навыки самоорганизации, конспирации, а также готовность при необходимости использовать холодное или огнестрельное оружие. Все чаще насильственные действия со стороны подростков квалифицируются правоохранительными органами не как хулиганское поведение, а как целенаправленные уголовные действия с целью извлечения личной выгоды. Причем подобные действия начинают распространяться и среди подростков из вполне благополучных семей, учащихся или работающих. Основными видами подростковой преступности являются кражи, грабежи, мошенничество, разбои, вымогательство. В структуре преступности несовершеннолетних более 3/4 преступлений составляют преступления против собственности. Пик подростковой преступно-

сти в республике был зафиксирован в 2005 г. и составил 9096 преступлений. В 2006 г. количество преступлений уменьшилось до 8333, однако возросло количество преступлений, связанных с наркотиками – 138 [2, с. 82–83]. По темпам роста краж, грабежей, преступлений на почве злоупотребления алкоголем и наркотиками Беларусь входит в число лидеров среди стран СНГ.

В предкризисные годы произошло улучшение экономической ситуации в республике, о чем свидетельствовали рост доходов, потребления и уменьшение количества малоимущих людей. Однако эти изменения не оказали существенного влияния на структуру потребления, возможности и формы проведения культурного досуга. Глобальный финансово-экономический кризис и растущие цены на российские энергоносители и сырье серьезно осложнили экономическую и финансовую ситуацию в республике. Многие предприятия были вынуждены перейти на неполную рабочую неделю, сократить производственный персонал и др., что повлекло за собой увеличение потребления населением спиртных напитков. Так, за период с января по апрель 2009 г. на 4,1 % увеличилась продажа водки, доля которой в общем объеме производства составила 49,4 % против 47,1 % в прошлом году; было реализовано на 14,3 % больше ликероводочных изделий. Несмотря на некоторое сокращение производства низкокачественных вин, в республике растет производство и потребление спиртных напитков. По официальным данным, на каждого гражданина республики приходится 8,9 л чистого алкоголя. Объем продажи спиртных напитков за 1995–2009 гг. увеличился с 6,7 до 12 л на душу населения [3]. Алкоголизация населения грозит республике не только серьезными демографическими и социально-экономическими проблемами, но и увеличением количества правонарушений, преступлений и других антиобщественных явлений.

Не менее остро стоит в республике проблема наркопотребления. Так, весной 2010 г. в наркологических учреждениях республики на учете состояли более 181 тыс. чел. Причем 25 % находящихся под наблюдением пациентов являются молодыми людьми в возрасте до 21 года. Потребление молодежью спиртных напитков и наркотиков является одной из основных причин роста молодежной преступности. Если в 1990 г. в Беларуси было зарегистрировано 372 преступления, связанных с употреблением наркотиков, то в 2007 г. – 4459 преступлений. Подавляющее большинство потребителей наркотиков составляют молодые люди в возрасте до 30 лет, среди них особенно высок риск заболевания смертельно опасными инфекционными болезнями. По данным Республиканского центра гигиены, эпидемиологии и общего здоровья на 1 августа 2009 г. в республике был зарегистрирован 10 201 случай ВИЧ-инфекции (показатель на 100 тыс. населения составляет 105,5). Только за 7 месяцев 2009 г. были выявлены 583 ВИЧ-инфицированных пациента [4, с. 129].

В течение переходного периода государство последовательно уменьшало социальные гарантии населению, перекладывая на них решение социальных проблем. Негативными чертами социальной политики последних лет стали ограничение бюджетной формы обучения, введение контрактной системы тру-

дового найма, отмена льгот пенсионерам и студентам на проезд в общественном транспорте, сокращение продолжительности отпусков и др. Одновременно возросло финансирование аппарата государственного управления и силовых ведомств, что способствует усилению социальной дифференциации и росту среди населения настроений социальной несправедливости.

Политика государства по отношению к высокообразованным слоям населения, которая характеризуется недооценкой их важности в духовной жизни общества и формировании подрастающего поколения, наносит непоправимый вред общественным отношениям, способствует снижению уровня культуры и нравственности, распространению в обществе различных социальных девиаций и антиобщественных явлений. Высокий удельный вес государственного сектора экономики, низкий уровень модернизации предприятий, спрос на малоквалифицированную рабочую силу и другие экономические факторы оказывают негативное влияние на состояние рынка труда, размеры заработной платы, покупательную способность, семейное потребление и др. При сохранении прежних приоритетов в социальной политике государство едва ли может рассчитывать на прогресс в образовании, науке и культурном уровне населения.

Основными направлениями в экономической политике должны стать структурные изменения в экономике, увеличение доли частного сектора, развитие малого и среднего бизнеса, защита прав и интересов собственников, стимулирование доходов и потребления, повышение уровня жизни населения и т. д. Структурные реформы позволят расширить возможности выбора населением сферы экономической деятельности, стимулировать экономическую активность и способствовать становлению новых социальных отношений. Модернизация экономики может вызвать изменения в организации производства, культуре труда, производственной дисциплине и стимулировать спрос на высококвалифицированных специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Это приведет к повышению престижа образования как основного условия успешной жизненной карьеры и восстановлению высокого социального статуса интеллектуальной и творческой элиты общества (врачей, учителей, работников культуры, науки и др.).

Несмотря на экономический рост, белорусская модель экономики нуждается в глубоких структурных реформах, сокращении размеров государственной собственности, развитии рыночных механизмов управления и ценообразования, сведении к минимуму вмешательства государственных структур в хозяйственную деятельность. Государству необходимо решить проблемы обеспечения занятости, создать механизмы социальной защиты и помощи нуждающимся слоям населения, реформировать систему заработной платы, пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования и др. Острота криминогенной ситуации, распространение антиобщественных явлений, правонарушений и преступности зависят от состояния социальной сферы, социально-бытовых, материальных и культурных условий жизни населения. Внимание

государства к проблемам молодежи, облегчение ей доступа к бесплатному образованию, создание условий для реализации молодежью своих жизненных стратегий могут существенным образом повлиять на ценностные ориентации и поведение молодежи. Особое внимание следует уделять группам риска (малообеспеченным и неполным семьям, подросткам, вступающей в трудовую жизнь молодежи), условия жизни и социальное окружение которых способствуют развитию отклоняющегося поведения, правонарушений и других антиобщественных явлений.

Инвестиции в социальную сферу позволят улучшить материально-техническую базу учебных заведений, обеспечить доступность для молодежи кружков художественного творчества, объектов спортивного и культурного назначения, спортивных секций, привлечь к работе с молодыми людьми высококвалифицированных педагогов, психологов, тренеров и др. Совместными усилиями государства и общества в лице семьи, школы, социальных педагогов, психологов, средств массовой информации, государственных и общественных организаций можно добиться утверждения среди молодежи норм культурного поведения и тем самым предупредить распространение антиобщественных явлений и девиантных форм поведения.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2009. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. – 600 с.

2. Максименя, С. А. Преступность несовершеннолетних в Республике Беларусь / С. А. Максименя. – Минск: Амалфея, 2008. – 117 с.

3. Усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//www. mvd-gov. by/modules. php?name=News&file=article&sid. – Дата доступа: 17.06.2010.

4. Левицкая, И. В. Ценностное сдерживание девиантизации современного белорусского общества: Социологический анализ / И. В. Левицкая // Социология. – 2009. – № 3. – С. 120–134.

V. S. TARASOV

SOCIAL POLICY AS MEANS OF PREVENTION AND FIGHT AGAINST DEVIANT BEHAVIOR AND ANTISOCIAL PHENOMENA OF PEOPLE IN BELARUS

Summary

The article deals with problems of prevention and fight against deviant behaviour and negative social phenomena among the people of Belarus. The important means of prevention and reducing of antisocial phenomena, delinquencies, crimes and other criminal activities is the social policy that enables to raise standard of life, culture and form healthy way of life.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ

УДК 306.3

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается экологически ориентированный образ жизни как основа высокого качества жизни населения в условиях глобальных экологических угроз и стратегического выбора обществом пути устойчивого развития. На материалах эмпирического исследования, проведенного в 2010 г., автор анализирует уровень информированности жителей г. Минска, степень их понимания актуальности проблем экологии и степень реализации элементов экологического образа жизни в повседневном быту.

В современном обществе глобализация означает не только экономику, она включает в себя социальные, экологические, политические «вызовы», которые требуют глобального подхода [1]. Не случайно на состоявшемся в 2010 г. в Швеции 17-м Международном социологическом конгрессе раздавались призывы ученых к созданию мирового правительства, полномочного для решения задач, от которых в прямом смысле слова зависит существование человечества. В первую очередь это относится к проблемам загрязнения окружающей среды, изменения климата, нехватки природных ресурсов (наряду с их варварским разграблением), загрязнения среды. Со всей определенностью можно сказать, что человечество никогда не сможет обеспечить уровень и качество жизни всему населению мира на уровне тех, что были достигнуты в США и других высокоразвитых странах Запада. Наоборот, учеными разного профиля (от экологов и биологов до социологов и культурологов) даются рекомендации о переходе к менее расточительному образу жизни, характерному для так называемого низкоуглеродного общества (т. е. такого, которое не зависит напрямую от потребления углеводородов, а ориентировано на природные возобновляемые источники энергии) [3].

На глобальном уровне результатом научных разработок в процессе поиска оптимального соотношения развития и сохранения окружающей среды стала Концепция устойчивого развития. Согласно этой концепции, устойчивое развитие – это не отказ от экономического развития; это процесс изменений, в котором вся жизнедеятельность в глобальном мире осуществляется согласованно и во имя укрепления имеющегося потенциала для удовлетворения

разумных потребностей людей. Использование природных ресурсов, развитие науки и техники, вложение инвестиций в разных странах должны быть направлены на гармонизацию отношений общества и природы, а не варварское расхищение природных богатств. Для реализации концепции устойчивого развития необходимы усилия всех международных организаций, однако на национальном уровне каждое государство само должно претворять в жизнь эту концепцию. На локальном уровне каждый человек обязан активно внедрять идеи устойчивого развития в повседневный образ жизни, менять свои привычки, уклад жизни на более экологический. Тем самым будут сделаны шаги по улучшению качества жизни – того интегрального показателя, повышение которого представляет важную государственную задачу. Качество жизни немыслимо вне гармонии с природой, отказа от бездумного потребительства и расточительства. Сегодня, когда изменения климата и другие экологические проблемы стали первостепенным «вызовом» современности, ни одна страна не может оставаться в стороне от осмысления происходящих перемен. Поэтому и в Беларуси, где проблемы не столь очевидны, как в странах, уже находящихся в состоянии экологической катастрофы, актуальным является радикальный пересмотр расточительной стратегии по отношению к природе и повседневной практике человека.

Изменения в отношениях человека с природой должны начаться с локального уровня, с повседневной жизни. На Западе активно действуют экологические группы и движения, требующие перемен в экологической политике государств; сами люди предпринимают конкретные действия, чтобы сделать свой образ жизни проинвайроменталистским, т. е. «дружественным», щадящим по отношению к окружающей среде. Экологически ориентированный образ жизни входит в норму повседневности, что предполагает сбалансированный подход к потреблению человеком природных ресурсов, заботу о сохранении чистоты окружающей среды, отказ от собственного расточительства. На постсоветском пространстве все еще преобладает антропоцентристский образ жизни и мысли, ставящий человека не только в центр Вселенной, но и неправомерно возвышающий его над природой. В погоне за более высоким уровнем потребления население эксплуатирует окружающую среду, не задумываясь о неотвратимых последствиях. Для белорусов, переживших чернобыльскую трагедию, такой образ мышления и стиль жизни достаточно типичен. Однако и глобальный кризис, и острая нехватка энергоресурсов заставляют страну все больше задуматься о «смене парадигмы»: отказе от признания «человеческой исключительности», переориентации на «зеленые» доминанты образа жизни. Сделаны шаги по пути формирования нового типа экологического сознания и экологически ориентированного образа жизни населения.

В 2009–2010 гг. под руководством автора в Минске было проведено разведывательное исследование, посвященное изучению отношения горожан к актуальным проблемам экологии и установок на изменение своего образа жизни на более дружественный по отношению к окружающей среде. Рабочая гипоте-

за состояла в том, что если экологически ориентированный образ жизни осознается населением как важная компонента высокого качества жизни, то это стимулирует внедрение его элементов в повседневную жизнь. Непосредственным предметом исследования стала информированность столичных жителей об экологически ориентированном образе жизни и готовность следовать ему на практике. В качестве респондентов были отобраны представители разных поколений, что дало возможность проследить различия в уровне экологических знаний и типах поведения разных возрастных групп населения. Параллельно был проведен опрос экспертов, который позволил профессионально оценить результаты массового опроса. Исследование позволило выявить самооценку населением своих знаний по экологическим проблемам и осознания их актуальности, уровень экологической ориентации поведения горожан, их понимания зависимости качества жизни от его экологической составляющей. В методике исследования были использованы индикаторы, разработанные в «Зеленом барометре» Евросоюза, что позволяет использовать результаты для последующего сравнительного анализа со странами ЕС [5].

В основе изменения отношения к экологии лежат знания, поэтому население должно обладать достаточным уровнем информированности по проблеме. Как показало наше исследование, молодежь более высоко оценивает свои знания по проблемам окружающей среды: средний показатель самооценки по десятибалльной шкале составил 6,3. Более взрослое население в среднем оценило свои знания в 5,9. Данное различие в уровне знаний по проблемам экологии является статистически значимым. Для старшего поколения была выявлена взаимосвязь между знаниями о проблемах окружающей среды и общим уровнем их тревожности: чем выше знания респондента, тем более высокий уровень тревожности он демонстрирует. У молодого поколения общий уровень тревожности не зависит от имеющихся знаний.

Оказалось, что большинство опрошенных считают свой уровень знаний недостаточным для перестройки собственного образа жизни на экологический лад. Им недостает практических знаний и навыков. Главными препятствиями, однако, были названы не знания, а нехватка собственной инициативы (70 %) и недостаточная поддержка изменений в экологизации образа жизни населения со стороны государства (45 %). Лишь менее 30 % сказали, что у них «нет условий для реализации желаний на практике», и столько же – недостаток научных знаний. При этом 3/4 опрошенных высказали желание изменить свой образ жизни на более дружественный по отношению к окружающей среде. Как свидетельствуют эти данные, население видит препятствия на пути экологизации своего образа жизни не столько в объективных условиях, сколько в нехватке личных усилий для реализации экологических знаний на практике. Столь же очевиден патерналистский настрой респондентов: почти половине опрошенных необходимы указания и стимулы государства, чтобы изменить свой собственный образ жизни.

Слабая личностная мотивация, выявленная в опросе, заставляет задуматься, насколько глубоки знания населения о проблемах экологии и каковы их

источники. Как правило, научные знания лежат в основе формирования убеждений, а поверхностные знания создают видимость информированности, не меняя структуры знаний в целом. Опрос показал, что молодежь и старшие поколения пользуются разными базовыми источниками знаний о проблемах экологии. 61 % молодежи получает основные знания в институтах образования (школе, вузе), где изучаются специальные дисциплины. Поскольку это, как правило, небольшие курсы, знания у молодежи есть, а убежденности в необходимости радикальных перемен в сторону экологизации жизни недостает. Для старшего поколения основным источником получения знаний являются СМИ (70 % отметили ТВ, 50 % – газеты), которые, скорее, используют экологические сюжеты для сенсаций, новостей либо как фон для других тем, нежели для научного просвещения аудитории. Вероятно, в этом одна из причин, почему большинство населения оценивает свои знания как недостаточные для переориентации на экологический образ жизни: почерпнутые пассивным образом знания не переросли в убеждения. Можно предположить, что наличие глубоких экологических знаний и убеждений не оставило бы пассивными ни молодежь, ни старшее поколение. Видимо, традиции потребительского по отношению к природе образа жизни у населения очень сильны, а наличных стимулов и мотивации к их изменению недостаточно: ведь подобные перемены требуют дополнительных усилий, материальных и временных затрат и не сулят материальных выгод. Если не осознавать ценности самого «инвайронменталистского» образа жизни, ценности сохранения природы для каждого человека и общества в целом, то переход к экологически ориентированному образу жизни навсегда может остаться в сфере мечтаний и желаний, а не реальности.

Индикатором мотивированности на реальные изменения в образе жизни населения может служить уровень осознания людьми актуальности экологических проблем. В целом этот уровень оказался не очень высоким (3,65 по пятибалльной шкале), что можно интерпретировать либо адаптацией людей к существующим экологическим проблемам, «привыканием» к ним, либо просто недооценкой их актуальности по причине незнания. В иерархии проблем, которые беспокоят старшее население, на первом месте находится радиационное загрязнение территории Беларуси; далее следует загрязнение воздуха выхлопными газами (в Минске оно, действительно, выше нормы) и чрезмерное использование пестицидов в сельском хозяйстве (т. е. забота о продуктах питания). Молодому поколению главными представляются проблемы изменения климата и распространения ГМО. Как видим, старшее поколение больше волнуют проблемы, связанные с конкретными реалиями белорусской жизни, тогда как молодежь обеспокоена «модными» проблемами, которые популярны на Западе и тиражируются в электронных СМИ. Вместе с тем уровень тревожности, связанный с экологическими проблемами, у поколений не отличается, зато он зависит от пола: у женщин он выше, чем у мужчин.

Приведенные результаты подтверждают, что одной из наиболее важных экологических (впрочем, не только экологических) проблем для Беларуси по-

прежнему остается Чернобыль. Если сравнить оценку проблемы разными поколениями, то оказывается, что она значительно более остро воспринимается теми, кто непосредственно пережил аварию, будучи уже взрослым. Именно эта группа респондентов указала на радиационное загрязнение как главную экологическую проблему страны. Современная же молодежь, выросшая в постчернобыльскую эпоху, относится к радиации как к привычному фактору риска и потому не проявляет такой высокой тревожности по ее поводу, как поколения «отцов и дедов». Вместе с тем все респонденты считают, что чернобыльская авария в той или иной мере оказала влияние на здоровье населения Беларуси (87 % старшего поколения и 77 % младшего). Лишь единицы сказали, что последствия аварии на ЧАЭС не оказали влияния на их здоровье или здоровье членов их семей.

Судя по самооценкам, свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным считают 75 % людей. Большинство отметили, что за последние пять лет их образ жизни изменился в этом отношении к лучшему. Молодежь проявляет несколько больше мобильности и открытости к переменам: изменения в образе жизни ей даются проще, чем старшему поколению, чьи жизненные позиции устоялись, а образ жизни давно сложился. Тем более что для старшего поколения изменить свой образ жизни – значит изменить образ жизни всей семьи, что намного сложнее.

Для оценки экологической составляющей поведения респондентам было предложено шесть пар высказываний, в каждой паре одно высказывание отражало экологически ориентированный образ жизни, а другое – неэкологический. Речь шла о раздельном сборе разных видов мусора, привычке использовать мусорные урны, покупке ГМО, использовании энергосберегающих лампочек и т. п.

Результаты замеров экологически ориентированного поведения разных возрастных групп оказались сходными. Общими для всех оказалась непопулярность энергосберегающих лампочек и нежелание задумываться, из чего сделан товар и его упаковка, а также ориентация на покупку местных продуктов питания. При этом старшее поколение мотивирует покупку этих продуктов прежде всего их высоким качеством, т. е. считает их компонентом высокого качества своей жизни. Молодежь больше ориентируется на цену, хотя мотив качества у нее тоже среди наиболее важных наряду с экологической чистотой продуктов. В целом по шести вопросам интегральный показатель экологического поведения составил 3,5: он означает, что респондент в среднем совершает 3,5 экологических действий из 6 возможных. Данный уровень экологической активности является средним. Позитивным моментом можно считать наличие у респондентов осознанной мотивации на потребление местных продуктов как экологически чистых и качественных, однако этого, конечно, недостаточно, чтобы считать их образ жизни экологически ориентированным. Была выявлена статистическая взаимосвязь между экологическим поведением и уровнем знаний о проблемах окружающей среды: чем выше уровень знаний

респондента, тем более экологичным является его поведение. Такая же прямая положительная связь существует между экологическим поведением и уровнем образования респондентов.

Изучение экологического поведения предполагало также выбор между защитой окружающей среды и развитием экономики. Выбирая экологически ориентированный образ жизни, человек сознательно жертвует какими-то привычными благами, удобствами ради более дружественного отношения к окружающей среде. Две трети респондентов выразили готовность жертвовать развитием экономики, чтобы защитить окружающую среду. В то же время почти четверть опрошенных не видит взаимосвязи между экономикой и состоянием экологии, а восьмая часть предпочитает развитие экономики качеству окружающей среды. Женщины демонстрируют ориентацию на более экологичное поведение по сравнению с мужчинами, а люди с высшим образованием – по сравнению с тем, кто имеет среднее и среднее специальное образование.

Поскольку в Беларуси в скором времени планируется постройка новой АЭС, был задан вопрос об отношении населения к этому факту. Несмотря на понимание, что АЭС необходима экономике страны, многие люди высказывают опасение, что новая станция резко увеличит уровень риска, а около трети респондентов в нашем опросе сказали, что АЭС представляет опасность для здоровья людей и окружающей среды. Статистически подтвердилось, что те молодые люди, которые положительно относятся к постройке новой АЭС, чаще склонны жертвовать качеством окружающей среды в пользу развития экономики или не обращать внимания на связь развития экономики и окружающей среды. Таким образом, между знаниями, осознанием актуальности проблем экологии и собственным поведением подтвердилось наличие связи.

Каким способом граждане проявляют свою активность по поводу тех или иных экологических проблем? В ответе на этот вопрос проявилась пассивность населения: самый популярный способ реагирования – обсуждение проблемы с друзьями (этот вариант ответа выбрали 2/3 представителей старшего поколения и 3/4 молодежи). «Поколение родителей» прибегает также к другим мерам: пишут жалобы в местные или республиканские органы власти (12 %), голосуют на выборах за тех кандидатов, которые обещают принять меры по защите окружающей среды (10 %). Менее 10 % сказали, что готовы принять участие в «зеленых» акциях, вступить в «зеленое» движение, вдвое больше готовы платить за улучшение качества окружающей среды, чистые продукты и пр.

На основании полученных данных можно выделить несколько типов респондентов, различающихся в своем образе жизни по критерию отношения к окружающей среде. Во-первых, «экологически активные» – небольшая (около 10 %) группа, мотивированная на активные действия экологического характера, со сформированными установками на высокое экологическое качество своего образа жизни. Во-вторых, самая большая (более половины респондентов) группа, имеющая базовые знания о проблемах окружающей среды, желающая сделать свой образ жизни более экологическим, но ничего практически

не делающая для этого. Третья группа (10–15 %) включает тех, кто не отличается качественными знаниями экологического характера, не интересуется этими проблемами и ничего не делает для изменения своего образа жизни. Наконец, четвертая группа – те, кто не выявил определенных оценок, не определился в целом в отношении экологизации образа жизни.

Если обратиться к экспертным оценкам, то легко заметить главное отличие: эксперты на порядок сильнее, чем все население, обеспокоены мировыми экологическими проблемами. Белорусские проблемы были оценены экспертами на том же уровне, что и населением. Так, серьезность глобальных экологических проблем была оценена на 7,9 (из 10), а экологических проблем Беларуси – 6,4. Видимо, эксперты склонны рассматривать Беларусь изолированно от мирового сообщества и не осознавать включенность страны в глобальные экосоциальные процессы. Поэтому и уровень беспокойства, проявленный экспертами по конкретным проблемам Беларуси, был выше, чем по глобальным экологическим проблемам, которые хоть и очень важны, но на нашу страну влияют мало. Такое положение в чем-то напоминает ситуацию, имевшую место несколькими годами раньше в оценке глобального экономического кризиса: тогда белорусские эксперты тоже не предвидели особых проблем для страны, поскольку она якобы не втянута в глобальную экономику. Тем не менее кризис больно ударил по экономике Беларуси, так как в современной миросистеме практически все страны подверглись его разрушительному действию. Экологические проблемы еще более глобальны: от необходимости реагирования на них не свободна ни одна страна мира. Этот факт еще раз подтверждает высокую рискологичность и рискогенность современного общества [2].

Оценивая, кто на сегодняшний день реально заботится о решении экологических проблем, эксперты отметили, что наибольшую активность проявляют международные организации (46,3 %), а менее всего принимают участие в этом процессе корпорации и предприятия (7,5 %).

В оценке основных препятствий на пути экологизации образа жизни эксперты отметили как нехватку научных знаний населения, так и недостаточную эффективность государственного вмешательства в решение экологических проблем. Однако в вопросе о том, от чего именно зависят изменения в образе жизни самих экспертов, наиболее популярными стали варианты ответа «от моей инициативы» (37 %) и «от государства» (37 %), что совпадает с данными, полученными в ходе массового опроса.

Проведенное исследование выявило недостаточно высокий уровень и экологических знаний, и понимания важности этих проблем в современном мире. Вместе с тем население выразило желание сделать свой образ жизни более экологичным. Эти результаты свидетельствуют о том, что постсоветское население (в данном случае – жители большого города) в массе до конца еще не осознало всей актуальности экологических вызовов современности и необходимости немедленного ответа на них. Выявленное противоречие между желаемым (экологизация образа жизни) и действительным (пассивность в реа-

лизации такого образа жизни) является ключевым результатом проведенного исследования.

Преодоление данного противоречия возможно посредством формирования мотивации и установок населения на более бережное отношение к окружающей среде. Ключевую роль в этом процессе, очевидно, должно сыграть государство: создавая стимулы, оно может помочь в превращении экологического образа жизни в доминирующий для всего населения. Тогда обществу будет дан шанс снизить накал проблем и уменьшить антропоморфное давление на окружающую среду, которое может привести человечество к гибели.

Литература

1. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 386 с.

2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 371 с.

3. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Медоуз. – М. : Akademkniga, 2007. – 342 с.

4. Giddens, A. Climate change and the everyday life [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/may/23/hay-festival-climate-change. – Дата доступа: 16.01.2010.

5. Economic change, quality of life and social cohesion [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.equalsoc.org. – Дата доступа: 16.01.2010.

6. 17th World Congress of Sociology[Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.isa-sociology.org/congress2010. – Дата доступа: 15.07.2010.

L. G. TITARENKO

ECOLOGICALLY ORIENTED WAY OF LIFE AS A COMPONENT OF HIGH QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A SOCIETY

Summary

The article deals with the ecologically oriented way of life as a basis of a high quality of life under conditions of the global ecological challenges and the strategical selection of the sustainable development. On the basis of empirical survey conducted in 2010 in Minsk the author analyzes the level of ecological awareness of the population, the citizen's knowledge about the global ecological problems, and the level of their practical everyday life orientation to the pro-environmentalist way of life.

УДК 141.132:502.3

Ф. МИХИНА,
доктор философских наук, профессор,
Университет г. Приштина, Словакия

ЭКОФИЗИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы экософии. Нормы мира человека доминируют над всем, они прежде всего учитывают нашу оценку действительности, мы становимся мерой всех вещей. Наш мир имеет антропологическое происхождение – мы его создали, мы в нем живем, мы придаем ему свои измерения и, к сожалению, также мы запускаем процессы его эрозии и упадка. Разумность, которая не предвосхищает, всегда превращается в неразумность. Точка опоры должна смещаться в сферу морали, духовности, рациональность – дополняться эмоциональностью, предвидение – космоцентризмом и биоцентризмом, уважение к жизни – приобрести статус основной категории.

Императивом современности является переоценка нашего присутствия в мире – не в Космосе, не во Вселенной, не в Большом Мире, границы которого нам не известны и формы которого, если мы таковые вообще когда-либо познаем, еще надолго останутся для нас тайной. Занавес над нашим миром опадает на длину рук, когда мы их к нему протягиваем. Это он является нашим домом, это в нем разыгрываются победы и трагедии наших судеб. «Ключом к истинному выражению действительности является ее оценка (человеком)» [3, с. 229]. Мир человека имеет свою космическую прихожую – им является мир, окружающий человека, и не важно, умеем ли мы со всей убежденностью ответить на вопрос, как и почему формируется мир человека. «Факт, что здесь находится мир человека, превращает также окружающий человека мир в назначение человека, он включает человека в него, делает человека его частью, которую можно оценить и познать лишь как часть (прихожая, прошлое) мира человека» [3, с. 226]. Нормы мира человека доминируют – мы считываем их и связываем их со своими действиями, которые прежде всего учитывают нашу оценку действительности, мы становимся мерой всех вещей. Наш мир имеет антропологическое происхождение – мы его создали, мы в нем живем, мы придаем ему свои измерения и, к сожалению, также мы запускаем процессы его эрозии и упадка.

Оптимистическая позиция в области оценки и действий, которую все же разделяют не все, является последствием убеждения в том, что возможно возвращение. В этом смысле будущее открыто для любых возможностей. Если же все возможно, то жизненной необходимостью и императивом современной науки должна стать попытка реализации того, что обеспечит дальнейшее суще-

ствование цивилизации. Предположением является способность людей вознестись над попытками обмануть самих же себя, а также предоставление первенства критическому мышлению, а не иллюзиям, мистификации, предрассудкам, демагогии и авторитаризму. История человечества может закончиться сегодня, завтра, через год или через сто лет, но отнюдь не обязательно, что она закончится. Этого никто не знает, напомнил нам К. Р. Поппер, но постараемся, чтобы конец света не был нашим деянием.

Мир человека, с точки зрения его кинетики, является внутренне красивым; он страдает отсутствием равновесия критериального типа: рациональность наших решений лишь изредка соответствует эмоциональности и оценкам нашего ожидания. «Рациональность за счет собственной динамики отдаляется от действительности» [4, с. 153]: правда, при реализации своих целей мы действуем разумно, однако наши цели в свою очередь не всегда разумны – в этом смысле мы используем, скорее, партикулярную рациональность, нежели чем рациональность, связанную с нашими предположениями. Человек является не только Homo sapiens, он является также эгоистом, жаждущим власти, он заботится прежде всего об индивидуальном будущем и лишь затем о будущем группы или вида. «Человеческая природа проявляет тенденцию к эгоизму и энтоцентризму» [5, с. 188], при этом, несмотря на то, что мы не осознаем этого, наша современная жизнь «представляет собой лишь мозаику из культурной гипертрофии и архаичных адаптаций поведения» [5, с. 187]. В некотором смысле мы остались теми же примитивными охотниками, которые получили в руки другие, гораздо более опасные инструменты.

Эволюция человека охватила также и рациональность, которая, особенно в рамках нашей цивилизационной модели, проявляется в форме ускорения techné и epistémé как показателя нашего отношения к материальному миру, в действительности же отдаляющего нас от действительности – мы используем разум однобоко, что является элементом нестабильности, свидетельством эрозии и упадка человека.

Формирование экософии или экофилософии представляет собой результат осознания вынужденной ситуации, к возникновению которой мы сами себя привели. Сегодня речь идет о том, чтобы мы, перефразируя слова Канта, вышли из состояния неполноправия по отношению к окружающей среде, в которой мы оказались по своей вине. Сущность этой вины интерпретируется слишком упрощенно. До сих пор в этом смысле нам не хватает ценностного и эффективного антропологического анализа.

В этом смысле благодатным для нас является вопрос Канта «Что делать?», чтобы сделать возможным дальнейший антропогенез. За этим вопросом следует еще один вопрос Канта: «Чем является человек?» По поводу ответа на него у нас вообще отсутствует какой-либо прогресс. Сам Кант не думал, что человек есть чистое разумное бытие и даже чистое разумное познание он не считал наивысшим и самым важным. В связи с этим на ум приходят слова нобелевского лауреата в области физики, языковеда, антрополога и философа

Мюррея Джель-Манна о том, что его всегда шокировала склонность стольких академических психологов, экономистов, а также антропологов к тому, чтобы считать человеческие существа почти или полностью рациональными.

Предположение о том, что люди рациональны, облегчает формирование теорий поведения, однако в большинстве своем эти теории не слишком рационалистичны. Так каков же человек в действительности? Американский гуманист Алексис Кэррел уже в 1935 г. сказал, что наше существование зависит от решения по поводу того, «исследовать ли человека, существо скандально неизведанное». Я также осознаю смысл императива антропологического гения Экхарта о том, что *люди должны так размышлять не над тем, что они делают, а лишь над тем, кем они являются*.

Марк Аврелий считал, что «ни один образованный человек не сомневается в том, что жизнь побуждает сны» [9, с. 65], и, казалось бы, мы не думаем так, как он, но антропоцентричный, рационалистичный, научный и технократичный сон о власти именно сейчас подходит к концу.

Современная парадигма заставляет науку, чтобы та во имя точности и управления предметами и людьми укладывала факты, которые важны, в своего рода квалифицирующее прокрустово ложе, не взирая на то, что самое важное, т. е. сам человек, остается до сих пор непознанным. Мы будто бы боимся ненаучной части нашего любопытного разума и того, что могло бы нам сказать о нас вновь установленное перед нами зеркало истины. Классическое греческое gnothi se auton или более позднее nosce te ipsum Цицерона – познай самого себя – в настоящее время столь же актуально, как и в древние времена. Экзистенциалисты, например Ж.-П. Сартр, говорили об антропологическом несовершенстве рациональности, преобладающей в нашей модели цивилизации. Тот же Сартр удивлялся, как человек может так заблуждаться в том, что «он сможет переманить разум на свою сторону».

Если мы действительно свободны в смысле нетривиального понимания свободы, то это не значит, что мы способны нести бремя ответственности за свои действия, особенно за те, которые у нас не получились. Афоризм Сенеки «Nemo nostrum sine culpa est» – «Никто из нас не является невиноватым» – является своего рода нравственным призывом к формированию новых исходных точек в наших размышлениях, в особенности над нами же самими. Процедура только лишь per negationem, путем сомнения по поводу того, что мы делали, недостаточна – мы должны попытаться узнать, почему мы так поступили, а в особенности, могли ли мы поступить иначе.

Частью переориентации взглядов на самих себя должен стать ответ на вопрос о способе функционирования цивилизационных моделей. Платона мы считали патриархом западной философии, однако его теорию о старении цивилизации, его представление о постепенной деградации форм цивилизации мы считаем вредными для нашего дальнейшего прогресса. Если ничто иное, то, по крайней мере, именно эта его попытка поиска и нахождения элементов, дестабилизирующих любую структуру социальных организаций, могла

бы стать для нас весьма благодатной. «Платон верил, что закон исторического развития, закон распада можно преодолеть с помощью моральной воли человека, основанной на силе его разума» [6, с. 29]. Сегодня мы озабоченно взираем на систему Платона – мы верим, что моральная воля человека и сила его разума смогут преодолеть современные тенденции к деградации, однако мы не знаем, как запустить механизм их стабильного действия.

Условие conditio humana никто за нас не выполнит, его сформировать и выполнить может только человек, однако он, как часто становится очевидным, является всего лишь animal rationale. Недостаточно лишь призывать к разумности, необходимо сформировать разумность нового типа. Человеческие поступки всегда в некотором смысле разумны, однако сама разумность противоречива. Она наталкивается на препятствие, заключающееся в природе человека, суть которой видится сквозь историческую призму, и она не является предметом гордости разумности. Напомним взгляды Ницше и его концепцию подчинения разума инстинктам, его убеждение в том, что мысли являются лишь тенями наших переживаний, что мы слышим лишь те вопросы, на которые мы способны ответить, а значение многих предметов необходимо определить заново [7, с. 14 и далее]. Недостаточно лишь обратиться к моральной воле человека – и мораль не выручает нас, когда у нее для этого достаточно поводов, а ее отсутствие входит в рамки принципа обязательного доказательства.

В этом смысле статус аналитического описания также имеет объяснение (без сомнения, имеющее первостепенное значение) Е. Гуссерля об основе нашего кризиса: легкомысленное игнорирование проблем, которые важны для современного человечества, упор на науки о точных фактах, которые формируют мышление человека так, что он видит лишь факты, результатом чего является наука, которой нечего сказать о наших житейских проблемах, такая разумность избегает наиболее важных вопросов, которые задает себе человек, подверженный ударам судьбы. Гуссерль говорит о необходимости предоставления человеку свободы решать, каким образом разумно формировать себя и свою жизненную среду. Однако он не является излишне оптимистичным: что может наука, а вместе с ней и мы, сказать о разуме и разумности, а что о нас, которые решают свободно и разумно?

Характер человека, о чем нам напоминают Хьюм и Дитли, легче всего мы можем познать в зеркале истории, путем прямого взгляда на его действия, поступки, которые он совершил. Почему мы боимся своего же образа, который предлагает нам история? «История не дает нам никаких разъяснений, кроме того, что все продукты духовного мира, все жизненные взаимосвязи, идеалы и нормы, которые когда-то были для людей опорой, образуются и снова распадаются, как мимолетные волны, так было всегда и так будет, снова и снова из разума сформируется неразум, а из доброго дела – проблемы и страдания» [1, с. 28]. Можем ли мы еще, – вопрошал Гуссерль, – жить в мире, «исторический процесс в котором представляет собой не что иное, как только непрерывную цепь напрасных порывов и неприятных решений?» [1, с. 28]. А ведь

Гуссерль призывал вновь внедрять, возрождать и кодифицировать разум и разумность. «Когда человек превратится в метафизическую проблему, проблему чисто философскую, речь будет идти о нем как о разумном существе, а когда проблематичной является его история, то дело в смысле, разуме в истории» [1, с. 31].

Разум, разумность в рамках какой бы то ни было системы сами не смогут осуществить переориентацию нашего цивилизационного развития. Необходим новый симбиоз предполагающей рациональности. Точка опоры смещается в сферу морали, духовности, рациональность дополняется эмоциональностью, предвидение – космоцентризмом и биоцентризмом, уважение к жизни приобретает статус основной категории. Однако призывы все же преобладают над конкретными действиями.

Экофизическая программа Э. Фромма также содержит больше призывов, чем фактов. В ней автор рассуждает об «условиях изменения человека» и «чертах нового человека» [8, с. 130 и далее]. Его слова *знаем, что страдаем по своей же вине* и *необходимо изменить современную жизненную практику* – это призывы, которые превратились в экофизические трюизмы. Однако и он не продвигается дальше, он лишь поднимает вверх палец и задает вопрос: из-за чего? Для кого? Он утверждает, что новый человек является «задачей нового общества» [8, с. 131], о чем знал уже Ницше, однако он не отвечает на вопрос о том, кто создаст это новое общество. Прорыв через современные формы существования вообще совершить совсем не просто, в сфере бытия наш прогресс ничтожен.

Также к нашим неудачам относится то, что «человек находится под бременем экзистенциальной дихотомии: он находится в рамках природы и за ее рамками благодаря тому, что осознает собственное Я и выбор; от этой дихотомии можно избавиться лишь путем продвижения вперед» [10, с. 67], невозможно вернуться к исходной точке, к миру природы. В начале его истории и свободы стоит разум, рациональность – он не может от них избавиться, лишь пробует их использовать по-новому, создавая себе новые цели.

Даже апелляционная экология не сможет избежать анализа разума как антропологического атрибутивного измерения. Парадокс разумности состоит как раз в том, что результатом ее использования может стать нечто совсем неразумное; что разумность целенаправленная, намеренная является инструментом, средством достижения целей, таким образом, в этом смысле она инструментальна. Каждый поступок человека требует его вмешательства в природу, а именно она при этом страдает. Эпоха разума вовсе не обязательно должна быть разумной, во имя разума можно поступать совсем неразумно. Разумно было бы не запускать лавину процессов деградации, сегодня же, когда мы являемся свидетелями ее все более быстрого движения, мы с большим трудом стараемся расставлять на ее пути лишь символические препятствия. Разумно предвосхищать последствия наших поступков, особенно находящихся от нас на расстоянии, которые вообще не обязаны соответствовать утили-

тарности с позиции сегодняшнего дня. Разумность, которая не предвосхищает, всегда превращается в неразумность. Критическая разумность стремится сама к себе. Разумность есть то, что соответствует разуму. С тем только, что, как сказал Кант, разумность идет рядом с собой же, она проявляется только в поступках, которые выполняет разумный человек, только в них ее можно раскрыть. Необходимо выйти за рамки самой разумности! Разум не всегда способен оценивать и корректировать самого себя. Сферой его оценки должен быть «неразум» или же объективизированный разум.

Если разумность предоставляется самой себе, то отсутствует гарантия того, что она не перейдет к стадии самоуничтожения; разумность функционирует по принципу окончательного доказательства, ее созидательность технична, технологична или организационна, она не холистическая, органическая или предвосхищающая, ее характерными чертами являются частичность, случайность и парадигматическая зависимость.

Евангелие жизни настойчиво требует изменения образа жизни. Нужен ли для этого исключительно внутренний импульс, форму которого мы даже сейчас не в состоянии понять? Касается ли энтропия биосферы? Является ли эволюция постоянным стремлением к высшим ступеням организации? Кажется, наши результаты перестройки мира являются слишком однобокими. Мы предчувствуем, что радикальные изменения необходимы в таких сферах, однако это предчувствие не означает самого изменения. Повторное пробуждение идеи не обязательно должно быть лишено видов на успех, если же время сильнее всего, то времени у нас не так много. Прежде всего потому, что когда речь идет о позиции в планетарном масштабе, неудача не является решением проблемы.

На заре истории люди верили, что они, разумные люди, приспособлены к миру, неразумные же люди приспосабливают мир под себя. Краеугольный камень современной эпохи опирался в том числе и на то, что мы способны к гуманизации мира в глобальном масштабе, что в переводе на язык современной экософии не предрекает появление нового мира, т. е., по сути, не сулит ничего хорошего. Можно ли отвергнуть или сгладить последствия повсеместного отождествления современного человека с мифом науки и техники, преобладающим в нашем мышлении о мире?

Новая проблема рациональности, актуальная в наше время, но корни которой лежат в прошлом, имеет в настоящее время форму экологии рациональности. Вопросы, которые она охватывает, отличаются от вопросов, которые были важны для традиционного рационализма. Вместо вопросов типа «Ты знаешь, как можно добыть то или это?» появятся и станут важными иные вопросы, например: «Как нам устроить свою жизнь и организации, чтобы наше поведение, действия, взгляды, цели, помыслы, структуры, образы жизни, политика, традиционность обычаев и т. д. соответствовали оптимальной верификации, чтобы можно было наиболее эффективно избегать ошибок?» [2, с. 213]. Все более острой становится необходимость в разработке общей программы,

развивающей методы и институты, содействующие развитию экофизической духовности. «Эти методы должны соответствовать науке, но не должны ограничиваться ею» [2, с. 213].

Познание, за которым мы наблюдаем сквозь призму экологии рациональности, было до сих пор формой адаптации среды к человеческим потребностям. Эволюционный процесс был в результате деятельности человека повернут вспять: мы не приспособили свои жизненные потребности к среде, а, наоборот, мы их изменили, мы приспособили не себя, а среду, в которой изменения достигли предельных масштабов. Результатом является деградация среды в глобальном масштабе. Именно в экофизической перспективе современная эволюционная гносеология изменяет точку опоры в выборе критериев теорий – рекомендуется принять прежде всего те теории, которые учитывают постоянный рост и исключают тенденции к деспотичному отношению к природе. Несмотря на очевидность того, что познание само по себе в экологическом смысле нейтрально или безразлично, манипуляция его результатами осуществляется в соответствии с совершенно иными критериями.

С экологической точки зрения формирующаяся логика познания принимает вместо внутренних и внутрисистемных точек зрения прежде всего внешние точки зрения, исходящие из требований экологии. Экофизическая рациональность принимает не любое познание, а отдает первенство тому, которое в состоянии использовать информацию об окружающей среде и добавлять ее к методам активного подхода к действительности. Хотя мифическое мышление в отличие от абстрактного не приводит к экологическим проблемам, но, по мнению современной, т. е. экологической, реальности, представляет собой не только исследование характера мышления. Если эволюция в рамках того или иного вида на первой стадии реализовалась при полном преимуществе эмоциональности над рациональностью (мифологическая стадия), то в евроамериканской культуре это соотношение изменилось – рациональность устраняет, вытесняет, отводит на второй план эмоциональность. В настоящее время уже не удастся вернуть преимущество эмоциональности, доминировавшей на ранних стадиях филогенеза и постоянно проявляющейся в бесчисленных случаях уже измененного онтогенеза. Можно предпринять попытку включить эмоциональность в качестве составного элемента в набор принципов экофизической парадигмы рациональности.

Экофизическая перспектива содержит в себе несколько трюизмов и, скорее всего, не один императив первостепенной важности: переоценка форм подходов к действительности, обогащение интеллектуального процесса давно забытыми холистическими и органическими аспектами и новым балансом соотношения эмоциональности и рациональности и внедрение критической рациональности как инструмента, «размягчающего» наши концепции. Недавно ушедший от нас К. Р. Поппер рассуждал о самостоятельном освобождении с помощью знания: «…идея самостоятельного освобождения с помощью знания не является тем же самым, что идея завоевания природы; она представ-

ляет собой гораздо в большей степени идею освобождения самого себя от ошибок, от веры, которую мы не используем». Она стремится к «поиску истины с помощью критики собственных ошибок», содержит мысль о том, что «мы должны учиться дистанцироваться от наших собственных идей вместо отождествления с ними», что означает, в частности, то, что путем познания духовной силы идеи мы должны приобрести способность «к освобождению от духовного безвластия ложных идей» [11, с. 8–9]. Таким образом, экософия остается прежде всего призывом, но представляет собой первый, несомненно, важный шаг к открытию перспектив дальнейшего течения истории человечества.

Литература

1. Husserl, E. Krize evropských věd a transcendentálna fenomenologie / E. Husserl. – Praha: Academia, 1972.– 317 p.
2. Bartley, W. W. Theories of Rationality III. W: Evolutionary Epistemology, Rationality and the Sociology of Knowledge. Ed. By G. Radnitzky and / W. W. Bartley. – Illinois: Open Court, La Salle, 1988. – 761 p.
3. Fiser, Z. Útěcha z ontology / Z. Fiser. – Praha: Academia, 1967. – 342 p.
4. Rollo, V. Emocionalita a racionalita / V. Rollo. – Praha: SLON, 1993. – 117 p.
5. Wilson, O. E. O lidské přirozenosti / O. E. Wilson. – Praha: NLN, 1993. – 243 p.
6. Popper, K. R. Otevřená společnost a jeji nepřátele / K. R. Popper. – Praha: Oikúmené, 1994. – 235 p.
7. Nietzsche, F. Radostná věda / F. Nietzsche. – Praha: Pražská imaginace, 1991. – 660 p.
8. Fromm, E. Mít nebo být? / E. Fromm. – Praha: Naše vojsko, 1994.– 339 p.
9. Giese, A. Marcus Aurelius / A. Giese. – Bratislava: Obzor, 1985. – 651 p.
10. Fromm, E. Budete jako bohove / E. Fromm. – Praha: NLN, 1993. – 367 p.
11. Popper, K. R. Sebaoslobodenie vedenim / K. R. Popper. – Warsawa: Literárný týždenník, 13 (IV). – 1995.

F. MIHINA

ECOPHYSICAL PROSPECT FOR RATIONALITY

Summary

The article touches upon the problems of ecosophy. Norms of person's world dominate over everything, first of all, they are oriented at our reality estimations, and we become a measure of all things. Our world has an anthropological origin – we have created it, we live in it, we give to it our measurements and, unfortunately, we also start processes of its erosion and decline. Reasonability that does not anticipate, always becomes unreasonableness. The point of a support should be shifted into the sphere of morals, spirituality; rationality should be supplemented with emotionality, a foreseeing should be complemented with cosmo- and biocentrism, respect to the life should get the status of the basic category.

УДК 338.46:614.2

А. А. ШАБУНОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЕГО ИЗМЕРЕНИЕ

Статья посвящена анализу методологических подходов к измерению. Охарактеризованы методы измерения здоровья на макро- и микроуровне. Обоснована необходимость применения комплексного инструментария в измерении здоровья.

Основа существования любого государства – наличие общества (населения), на развитие которого и направлена государственная деятельность. Качество народонаселения (уровень жизни, образования, здоровья и т. д.) является важным критерием функционирования и развития страны (государства). Качество народонаселения и отдельного человека связывается с такой категорией, как «здоровье». В настоящее время «максимально достижимый уровень здоровья» признается одним из неотъемлемых прав человека и народа, выступает как важнейшее условие и средство, как одна из конечных целей общественного развития. Наоборот, низкий уровень здоровья населения осознается как прямая угроза национальной безопасности любого государства, как препятствие его социально-экономическому прогрессу. В свою очередь здоровье населения оказывает значимое влияние на развитие экономики, науки и культуры, на все процессы, происходящие в обществе. Как отмечают специалисты, «здоровье – не просто благо, это один из экономических ресурсов общества» [1, с. 8], так как здоровье прямо или косвенно влияет на эффективность труда и развитие экономики в целом. Как правило, экономический рост государства и повышение индивидуального достатка населения, совершенствование социальной инфраструктуры и организации медицинской помощи сопровождаются снижением показателей смертности и увеличением ожидаемой продолжительности жизни населения.

Государства Европейского региона одобрили совместную Европейскую политику «Здоровье для всех» на 30-й сессии Регионального комитета в 1980 г., которая была подтверждена 51-й Всемирной ассамблеей здравоохранения. В принятой 16 мая 1998 г. «Всемирной декларации по здравоохранению» еще раз указано, что обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав каждого человека и что в отношении здоровья все имеют равные права, равные обязанности и равную ответственность.

В Декларации подтверждается, что улучшение здоровья и благосостояния людей является конечной целью социального и экономического развития об-

щества. Отмечается важность нивелирования социального и экономического неравенства для улучшения здоровья всего населения, а также необходимость соблюдения этических концепций равенства, солидарности и социальной справедливости; настоятельная необходимость осуществления политики достижения здоровья для всех через соответствующие региональные и национальные политики и стратегии. По уставу Всемирной организации здравоохранения здоровье – состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие физических дефектов и болезней. При этом «благополучие – динамическое состояние ума, характеризующееся некоторой психической гармонией между способностями, потребностями и ожиданиями работающего и теми требованиями и возможностями, которые предъявляет и предоставляет окружающая среда» [2]. Однако это определение не может быть использовано для оценки здоровья и на популяционном, и на индивидуальном уровне. По мнению ВОЗ, в медико-санитарной статистике под здоровьем на индивидуальном уровне понимается отсутствие выявленных расстройств и заболеваний, а на популяционном – процесс снижения уровня смертности, заболеваемости и инвалидности.

Общественное здоровье является характеристикой одного из важнейших свойств, качеств, аспектов общества как социального организма. Общественное здоровье нельзя сводить к совокупности показателей здоровья отдельных людей. О нем говорят как об общественном богатстве, т. е. факторе, без которого не может создаваться вся совокупность материальных и духовных ценностей. В современной литературе понятие «общественное здоровье» рассматривается по меньшей мере в двух аспектах. С одной стороны, общественное здоровье как система (public health as system) – это система научных и практических мер и обеспечивающих их структур медицинского и немедицинского характера, деятельность которой направлена на реализацию концепции охраны и укрепления здоровья населения, профилактику заболеваний и травм, увеличение продолжительности активной жизни и трудоспособности. С другой стороны, общественное здоровье как ресурс (public health as resource) – это медико-социальный ресурс и потенциал общества, способствующий обеспечению национальной безопасности страны [3, с. 7–9].

Ю. П. Лисицын, много лет изучавший общественное здоровье, определяет его как здоровье населения, обусловленное комплексным воздействием социальных и биологических факторов окружающей среды, оцениваемое социально-экономическими, демографическими показателями, характеристиками физического развития, заболеваемости и инвалидности, при определяющем значении экономического и политического строя и зависящем от условий общественной жизни. В целом, характеризуя общественное здоровье, можно сказать, что это такое состояние, качество общества, которое обеспечивает условия для образа жизни людей, не обремененных заболеваниями, физическими и психическими расстройствами, т. е. такое состояние, когда обеспечивается формирование здорового образа жизни [4, с. 71]. Здоровье населения находится

в тесной взаимосвязи с показателями демографического развития территории. В конечном итоге здоровье – это способность популяции к воспроизводству, непрерывному возобновлению поколений и реализации их жизненного и трудового потенциала на этапах развития: от зарождения жизни до ее завершения в возрасте естественной продолжительности жизни или преждевременно от болезней и травм [5, с. 14].

Переходя к вопросу об измерении общественного здоровья, отметим, что до сих пор не существует единого, общепризнанного «измерителя» здоровья, хотя имеется множество подходов к построению интегрального индекса здоровья [6, с. 57]. С точки зрения ВОЗ здоровье людей – качество социальное, в связи с этим для его оценки эксперты Всемирной организации здравоохранения рекомендуют использовать следующие критерии:

отчисления валового национального продукта (ВНП) на здравоохранение;
доступность первичной медико-социальной помощи;
уровень иммунизации населения;
степень обследования беременных квалифицированным персоналом;
состояние питания детей;
уровень детской смертности;
средняя продолжительность предстоящей жизни;
гигиеническая грамотность населения.

В отечественной науке при оценке здоровья населения чаще всего используют широко известные демографические показатели, показатели заболеваемости, инвалидности, физического развития и т. д. Величина перечисленных показателей не только определяет состояние здоровья населения, но и характеризует уровень социально-экономического развития страны в целом, степень медицинской грамотности населения, уровень и качество организации медицинской помощи населению. Знание и понимание сути показателей, характеризующих здоровье населения, определяет направление и качество проводимых исследований. Характеристика собственно здоровья популяции основывается на знаниях о его заболеваемости, инвалидности, а также величине и причинах смертности, вероятности дожития до определенного возраста, ожидаемой продолжительности жизни при рождении и т. д., при этом используются как общие, так и половозрастные показатели (см. таблицу).

Все большее число европейских стран и США одной из основных задач политики в области здравоохранения ставят увеличение числа лет здоровой жизни, откорректированных с учетом здоровья населения, и используют в качестве целевого показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни – ОПЗЖ (HALE). Этот сравнительно новый структурный показатель позволяет оценить, в какой степени ожидаемая продолжительность жизни сопровождается повышением уровня здоровья, сколько в среднем лет предстоит прожить человеку в состоянии хорошего здоровья и какую часть своей жизни люди живут с недостаточно хорошим здоровьем, измененным под воздействием социальных детерминант жизнедеятельности общества.

Показатели здоровья и смертности населения

Показатели смертности населения	
Абсолютное число умерших	Количество людей, умерших в данной популяции в данной возрастной группе за определенный период (обычно за год)
Общий коэффициент смертности	Отношение числа умерших от данной причины в течение определенного промежутка времени (как правило, года) в изучаемой популяции к численности данной популяции: $CDR = (D/P)\times 100\,000,$ где CDR – общий коэффициент смертности; D – число умерших (от англ. death – смерть); P – численность изучаемой популяции (англ. population – популяция). Обычно общий коэффициент смертности рассчитывается на 100 000 чел. населения
Преимуществом общего коэффициента смертности является простота расчета и доступность необходимой информации. Недостатком – то, что он не учитывает возрастной структуры населения. Уровень смертности значительно зависит от возраста и после 20 лет растет по мере старения в геометрической прогрессии. По этой причине общий коэффициент смертности неудобен при сравнении смертности в популяциях с различной возрастной структурой населения.	
Повозрастные коэффициенты смертности	Рассчитываются отдельно для каждой возрастной группы (обычно пятилетней): $Mi = Di/Pi,$ где Mi – коэффициент смертности (от англ. morality – смертность) в возрастной группе i; Di – число умерших в возрастной группе i; Pi – численность возрастной группы i в популяции
Повозрастные коэффициенты смертности можно с успехом использовать при анализе смертности в различных возрастных группах и сравнивать повозрастные коэффициенты смертности в различных популяциях. Однако большое количество таких коэффициентов (Росстат обычно использует 22 возрастные группы) делает анализ смертности громоздким и неудобным. Поэтому более желательным было бы использование одного агрегированного показателя смертности, который бы учитывал возрастную структуру населения. Таким показателем является стандартизованный по возрасту коэффициент смертности.	
Стандартизованный коэффициент смертности	За стандарт могут применяться различные возрастные структуры населения, в том числе разработанные ВОЗ европейский (обобщенная возрастная структура ряда европейских стран) и всемирный стандарты. Когда повозрастные коэффициенты смертности в изучаемой популяции применяются к стандартной популяции, мы получаем коэффициент смертности, стандартизованный с помощью прямого метода: $ADR = \sum i(PsiMui/Ps),$ где ADR – стандартизованный коэффициент смертности; Psi – численность возрастной группы и в стандартной популяции; Ps – общая численность стандартной популяции; Mui – коэффициент смертности в возрастной группе и изучаемой популяции.
Коэффициент младенческой смертности	Для расчета коэффициентов младенческой смертности применяют несколько методов. Наиболее распространенным является отношение числа детей, умерших в данном году в возрасте до 1 года, к числу родившихся живыми в том же календарном году, ‰: $\frac{\text{Число смертей в возрасте до года} \times 1000}{\text{Число живорожденных}}.$

Продолжение таблицы

Показатели смертности населения	
Коэффициент материнской смертности	Коэффициент материнской смертности рассчитывается по формуле: $\frac{\text{Число материнских смертей} \times 1000}{\text{Число живорожденных}}$.
Потерянные годы потенциальной жизни (potential years of life lost, PYLL)	Этот показатель рассчитывает число лет, недожитых популяцией до некоторого нормативного возраста, обычно равного 70 или 65 годам. Предполагается, что каждый индивидуум имеет 70 лет «продуктивной» жизни, и поэтому смерть в возрасте а приводит к потере 70–а лет жизни при а < 70. При использовании 5 или 10-летних возрастных интервалов предполагается, что все смерти происходят в середине интервала. В качестве первого шага рассчитываются так называемые недожитые годы: $ai = T–xi,$ где Т – верхний предельный возраст, до которого рассчитывается недожитие (обычно 70 или 65 лет); х – середина соответствующего возрастного интервала. Потерянные годы потенциальной жизни рассчитываются как сумма произведений числа умерших на недожитые годы в каждой возрастной группе: $PYLL = \sum Di \times ai.$ Коэффициент потерянных лет потенциальной жизни рассчитывается соответственно: $RatePYLL = PYLL/Pu,$ где Pu – численность изучаемого населения в возрасте от 1 до Т.
*Показатели на основе модели таблиц дожития (смертности)**	
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (ОПЖ)	Показатель таблиц смертности, означающий среднее число лет, которое предстоит прожить дожившему до возраста х лет, при условии, что на протяжении предстоящей ему жизни сохранится повозрастная смертность данного календарного периода $ex = Tx / Ix,$ где ω – начало последнего возрастного интервала; х = 0, 1,..., ω; Тх – для каждого возрастного интервала суммарное время жизни для всех членов когорты в возрасте х и старше; Ix – число доживших до возраста х в таблице смертности.
Показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в агрегированном виде характеризует, с одной стороны, сам уровень смертности, с другой – дает возможность адекватного сопоставления уровня смертности между любыми территориями. Ожидаемая продолжительность жизни рассматривается в качестве одного из базовых индикаторов социально-экономического благополучия населения.	
Прирост ожидаемой продолжительности жизни при устранении причины смерти	Показатель, который может быть рассчитан на основании таблиц смертности при устранении данной причины смерти. Расчет производится следующим образом: 1. Построить обычную таблицу смертности для всех причин смерти. 2. Рассчитать значения коэффициентов пропорциональности для смертности от всех причин, кроме устраняемой: $r(–k)x = 1–(Dx/Ds).$

Продолжение таблицы

*Показатели на основе модели таблиц дожития (смертности)**	
Прирост ожидаемой продолжительности жизни при устранении причины смерти	3. Рассчитать значения условных вероятностей дожития при устранении причины k путем возведения в степень r(–k) условных вероятностей дожития из обычной таблицы смертности: P–k = pr(–k). Далее следуют стандартные процедуры вычисления таблицы дожития. После того как мы рассчитали значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении, можно оценить прирост ожидаемой продолжительности жизни при устранении данной причины смерти: Δek = eo – e(–k).
Прирост ожидаемой продолжительности жизни при устранении причин смерти является разностью между средней продолжительностью жизни при устранении данной причины смерти и средней продолжительностью жизни. Он характеризует эффект устранения смертности от данной причины для всего населения [7].	
Показатели на основе таблиц (моделей) заболеваемости и инвалидности	
Первичная заболеваемость (incidence)	Показатель, определяющий совокупность заболеваний, впервые зарегистрированных за календарный год среди населения, проживающего на конкретной территории. Исчисляется количеством заболеваний на 1000 жителей; рассчитывается как отношение числа вновь возникших заболеваний (заболеваний с впервые установленным диагнозом) к средней численности населения, умноженное на 1000 (00).
Общая заболеваемость (болезненность)	Показатель, определяющий распространенность зарегистрированных заболеваний, как вновь возникших, так и ранее существовавших, по поводу которых были обращения в календарном году.
Частота первичной инвалидности по группам инвалидности	При статистическом изучении инвалидности определяются следующие показатели: Частота первичной инвалидности по группам инвалидности = Общее число лиц (лиц трудоспособного возраста) за год, впервые признанных инвалидами × 10 000 / Общая численность лиц (лиц трудоспособного возраста) административной территории.
Общая (накопленная) инвалидность	Общая (накопленная) инвалидность = Число лиц, получающих пенсии и пособия по инвалидности (контингенты инвалидов) × 10 000 / Общая численность рабочих и служащих административной территории (или отрасли промышленности). Показатели рассчитываются по отдельным половозрастным группам, причинам, группам и категориям инвалидности [8].
Возрастные показатели заболеваемости, госпитализации, инвалидности	При исследовании общей заболеваемости принято рассчитывать отдельно показатели для детей (0–14 лет), подростков (15–17 лет) и взрослых (18 лет и старше). При исследовании заболеваемости в отношении видов патологии, учитываемых особо, принята более детальная возрастная дифференциация, специфичная для каждого вида патологии. Так, при исследовании инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), акцент делается на группы подростков и молодежи, при исследовании онкологических заболеваний – на пожилые возраста, туберкулеза – трудоспособный период жизни. Аналогичным образом индивидуальная возрастная шкала для расчета возрастных показателей принята при анализе инвалидности и госпитализации. Кроме того, дифференциация традиционных показателей касается расчета показателей для отдельных причин, будь то заболевае-

Продолжение таблицы

Показатели на основе таблиц (моделей) заболеваемости и инвалидности	
Возрастные показатели заболеваемости, госпитализации, инвалидности	мость, инвалидность или госпитализация. Для выделения классов причин и отдельных заболеваний или состояний, для которых рассчитываются показатели, служит Международная классификация заболеваний, травм и причин смерти (МБК 10).
Показатель DALY – годы жизни с поправкой на здоровье (disability-adjusted life year)	Показатель DALY получают путем суммирования двух компонент – потерянных лет жизни (YLL) и лет, прожитых в состоянии инвалидности (YLD). Формула расчета YLL составляет: $YLL = \sum Dx \cdot ex,$ где Dx – число умерших в возрасте x; ex – ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x (обычно берется из модельных таблиц смертности). Таким образом, для расчета YLL необходимо иметь данные о повозрастных числах умерших за изучаемый период и подходящие модельные таблицы смертности. YLD рассчитывают по следующей формуле: $YLD = \sum nx \cdot ix \cdot Lx \cdot D,$ где n – численность населения в возрасте x; i – заболеваемость данной болезнью в возрасте x; L – среднее время пребывания в группе x; D – уровень инвалидности.
Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни – ОПЗЖ (HALE, Healthy life expectancy)	По определению ВОЗ ОПЗЖ – это «показатель демографической статистики, характеризующий ожидаемую продолжительность здоровой жизни человека на том отрезке его жизненного пути, который, согласно общепринятым нормам и представлениям, а также заключениям специалистов, ассоциируется со здоровьем и благополучием или с отсутствием каких-либо расстройств, болезней, инвалидности». Расчет производится на основе данных демографической статистики о смертности и данных выборочных обследований о доле лиц, испытывающих определенные ограничения в своей повседневной жизни из-за определенных проблем с физическим или психическим здоровьем, заболеванием или инвалидностью (по самооценке). В расчете HALE, проводимом ВОЗ, были учтены сведения о распространенности 135 заболеваний или видов несчастных случаев и о смертности от них. Для расчета были привлечены сведения из исследования 2000 Global Burden of Disease (Глобальное бремя болезней), которое ставило целью оценить распространенность упомянутых 135 заболеваний по регионам и странам. Эти 135 болезней были разбиты на 5 групп, для каждой группы был разработан свой метод расчета потери лет здоровой жизни, связанной с этой болезнью или видом несчастных случаев [9].
Используемый в качестве меры здоровья показатель в виде среднего ожидаемого числа лет здоровой жизни в конкретных возрастах для различных групп населения, включающий в себя информацию о смертности, заболеваемости и потере трудоспособности (инвалидности), является естественным сводным показателем здоровья населения и начинает применяться в качестве целевого, поскольку более конкретно описывает эффективность системы здравоохранения в различных странах [10, с. 79–84].	

* Таблица смертности содержит важную информацию, которую невозможно получить из других источников. Значения таблицы смертности не зависят от возрастной структуры сравниваемых популяций, поэтому они выступают в качестве инструмента для проведения международных сравнений, а также для проведения исторических сопоставлений смертности в изучаемой популяции. Таблица смертности не является свободной от недостатков и ее показатели зависят от точности оценок повозрастной численности населения, точности указания возраста и полноты регистрации смерти. Проблема точности указания возраста особенно остра в старших возрастных группах, где возможна соответствующая аккумуляция значений вокруг круглых цифр.

Методы и подходы к изучению и оценке общественного здоровья. Изучение общественного здоровья как социальной ценности и показателя социального прогресса позволяет определить приоритеты социальной политики государства. Здесь сходятся интересы целого ряда наук: философии, социологии, политологии, экономики, психологии, медицины [11]. В настоящее время предложено много показателей, стандартов и других характеристик для оценки здоровья населения. Условно источники информации можно разделить на объективные (данные официальной статистики) и субъективные (идущие от субъекта информации, социологические). *Объективно* состояние здоровья оценивается на основании анализа демографических показателей, таких как коэффициенты смертности по возрастам и причинам смерти, ожидаемая продолжительность жизни и т. д.; медицинской документации и показателей, например заболеваемости острыми и хроническими болезнями, обращаемости в медицинские учреждения, сведений о проведенных профосмотрах и диспансеризациях и т. д. Но медицинская статистика дает сведения скорее о случаях нездоровья человека, чем о его общем самочувствии, не учитывает тех граждан, которые не обращаются за медицинской помощью в государственные учреждения (частные и платные приемы слабо подвержены статистическому учету). *Субъективная* оценка здоровья отражает физическое и психическое состояние индивидуума, выявленное на основании данных социологического исследования. С одной стороны, социологическая информация в контексте мониторинга здоровья может рассматриваться в качестве дополнительной к массиву медико-статистических данных, традиционно используемых в сфере здравоохранения. С другой стороны, эта информация уникальна, так как она отражает явления социальной реальности, которые имеют субъективную природу. Статистическая информация позволяет быстро охватить проблемную ситуацию и увидеть закономерности и противоречия того или иного явления, но в то же время она оценивает состояние здоровья населения лишь по фактическим уровням заболеваемости. При этом не учитывается латентная заболеваемость, по поводу которой население не обращается за медицинской помощью. Кроме того, при сугубо статистическом подходе за рамками учета оказывается множество социально значимых факторов, оказывающих существенное влияние на общественное здоровье. Следовательно, для полноценного и достоверного анализа общественного и индивидуального здоровья необходим консолидирующий принцип, объединяющий в себе как объективные, так и субъективные критерии оценки его состояния.

Изучение субъективных характеристик здоровья населения, полученных в ходе социологических обследований, все чаще применяется отечественными и зарубежными учеными. Несмотря на некоторые ограничения метода самооценок, он признан достаточно надежным и рекомендован ВОЗ для мониторинга здоровья и внутри отдельных стран, и для межстрановых сравнений. Поэтому использование социологической информации о состоянии здоровья населения вполне оправданно и полезно в качестве дополнительного инструмента

для оценки общественного здоровья и результативности политики здравоохранения. Таким образом, с учетом сложности и многогранности категории «общественное здоровье» изучать ее будет более правильным с использованием комплексных источников информации. Это статистические данные, позволяющие проводить сравнения, характеризовать здоровье на макроуровне (мира, страны, региона) и социологические данные, дающие возможность изучить «здоровье здоровых», понять закономерности формирования здоровья на микроуровне.

Литература

1. Щепин, О. П. Медицина и общество / О. П. Щепин, Г. И. Царегородцев, В. Г. Ерохин. – М. : Медицина, 1983. – 185 с.

2. Устав ВОЗ, 2005 [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – N. Y., 2010. – Режим доступа : http://apps. who. int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru. pdf. – Дата доступа : 03.03.2010.

3. Калинина, Т. В. Качество жизни населения как важнейшая составляющая общественного здоровья / Т. В. Калинина // Медицина. – 2008. – №4. – С. 7 – 9.

4. Лисицын, Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение / Ю. П. Лисицын. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 271 с.

5. Соломонов, А. Д. Научные основы мониторинга здоровья населения на региональном уровне (на примере Ставропольского края): автореф. дис. ... д-ра мед. наук / А. Д. Соломонов. – М., 1998. – 44 с.

6. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. – М. : Изд-во ИСЭПН, 2001. – 357 с.

7. Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М. : ЦСП, 2005. – 280 с.

8. Экономическое управление здравоохранением: учебник / Л. Ю. Трушкина [и др.]. – 5-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 501 с.

9. Развитие человеческих способностей [Электронный ресурс]. – Киев, 2009. – Режим доступа: http://www. humandev. org. ua/glava8/glava8z8. html. – Дата доступа : 27.11.2009.

10. Андрюшина, Е. В. Современные мониторинговые оценки динамики здоровья населения / Е. В. Андрюшина // Реформы российского здравоохранения в условиях глобального экономического кризиса: бремя решений: сб. мат. «кругл. стола», 19 февр. 2009 г. / под ред. А. Ю. Шевякова. – М.: ИСЭПН РАН, 2009. – С. 79–84.

11. Социальная гигиена (медицина) и организация здравоохранения: учеб. рук. / Ю. П. Лисицын [и др.]. – М. : Медицина, 1998. – 698 с.

A. A. SHABUNOVA

PUBLIC HEALTH AND ITS MEASUREMENT

Summary

The article is devoted to the analysis of methodological approaches to measurement. Methods of health measurement on macro- and micro level are characterized. The necessity of application of complex instruments for health measurement is proved.

УДК 314(476)+314(470+571)

Н. Н. СЕЧКО,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Е. В. ТАРАНОВА,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье осуществлен сравнительный анализ основных направлений демографической политики Беларуси и России, рассмотрены стратегии реформирования социально-демографической сферы в контексте повышения качества жизни населения.

Одним из основных приоритетов социально-экономической политики Республики Беларусь и Российской Федерации является повышение качества жизни населения. Качество жизни можно определить как социологическую категорию, выражающую, в самом общем виде, степень удовлетворенности населения условиями своей жизнедеятельности. Исследования скандинавских ученых (А. К. Сен, М. Нуссбаум) выявили, что при оценке качества жизни следует опираться на методы, находящиеся на стыке социальных и демографических дисциплин, так как основные демографические показатели (продолжительность жизни, состояние здоровья и т. д.) и демографическая политика государства во многом определяют качество жизни населения. Демографическая политика – целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения, призванная сохранять или изменять тенденции динамики его численности и структуры.

Демографическая ситуация в Республике Беларусь и Российской Федерации имеет ряд схожих тенденций и проблем, возникших в ходе трансформационных процессов после распада советского государства. Среди основных демографических проблем Беларуси и России можно выделить следующие (табл. 1) [1; 2; 3]:

1. Сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения).

2. Снижение показателей ожидаемой продолжительности жизни населения, особенно мужчин.

3. Высокая смертность граждан трудоспособного возраста.

4. Социально неблагоприятная структура смертности: от заболеваний сердечно-сосудистой системы, что составляет более 1/2 смертности от всех причин (это в 3–4 раза выше, чем в европейских странах), значительную долю составляют внешние причины (самоубийства, транспортные происшествия и т. д.).

5. Высокие показатели младенческой смертности в России. Показатель младенческой смертности в России, несмотря на его снижение с 18 на 1000 родившихся живыми в 1992 г. до 7,6 в 2010 г., выше, чем в развитых европейских странах. В Беларуси к 2010 г. эту проблему удалось разрешить, коэффициент младенческой смертности составляет 4,2 ребенка на 1000 родившихся живыми.

6. Наличие ряда социально-экономических факторов, неблагоприятно влияющих на демографическую ситуацию: низкий денежный доход домохозяйств, особенно имеющих 2 и более детей, отсутствие нормальных жилищных условий, современная структура семьи (ориентация на малодетность, увеличение числа неполных семей), условия труда, не отвечающие санитарно-гигиеническим нормам, низкий уровень репродуктивного здоровья, высокое число прерываний беременности (абортов).

Таблица 1. **Основные социально-демографические показатели Республики Беларусь и Российской Федерации по состоянию на июнь 2010 г.**

Показатель	Республика Беларусь	Российская Федерация
Численность населения, млн чел.	9,469	141,9
Общий коэффициент рождаемости и смертности		
Родившихся на 1000 чел.	11,3	12,4
Умерших на 1000 чел.	14,6	14,4
В том числе детей в возрасте до 1 года	4,2	7,6
Естественная убыль населения на 1000 чел.	–3,3	–2,0
Структура причин смертности населения на начало 2010 г., %		
Болезни системы кровообращения	54,1	56,9
Новообразования	13,5	14,2
Внешние причины	10,3	9,9
Болезни органов пищеварения	3,7	4,4
Болезни органов дыхания	3,0	3,7
Инфекционные болезни	0,9	1,6
Другие	14,5	9,3
Итого	100	100
Общий коэффициент брачности и разводимости		
Браки на 1000 чел. населения	6,1	6,6
Разводы на 1000 чел. населения	3,6	4,4

Сохранение описанных демографических тенденций и проблем, помимо демографических потерь, неблагоприятно скажется на основных показателях социально-экономического развития стран, прежде всего на темпах роста валового внутреннего продукта и обеспеченности трудовыми ресурсами, потре-

бует структурных и качественных изменений в системе оказания медицинской и социальной помощи с учетом увеличения доли граждан старшего возраста. Для разрешения данных демографических проблем и повышения качества жизни населения и в Беларуси, и в России реализуются концепции национальной демографической политики.

Приоритетным направлением демографической политики в Республике Беларусь на современном этапе являются: охрана здоровья, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни населения. В настоящее время реализуется «Национальная программа демографической безопасности на 2007–2010 гг.», целью которой определено создание условий, направленных на предотвращение ухудшения демографической ситуации, и формирование предпосылок улучшения воспроизводственных процессов в Республике Беларусь. Программа предусматривает решение следующих задач: реализацию целостной системы мер социально-экономического, правового, организационного характера, направленных на повышение качества жизни семей с детьми; реализацию комплекса мер по улучшению репродуктивного здоровья населения, охране здоровья матери и ребенка; снижение заболеваемости и смертности населения за счет мероприятий по формированию здорового образа жизни и устранению влияния неблагоприятных факторов внешней среды; ежегодное поэтапное снижение смертности населения от всех причин с выходом к 2011 г. на уровень 8 % в год в результате реализации мероприятий по повышению качества жизни населения, внедрения и реализации медико-организационных технологических и инновационных мероприятий, совершенствования информационно-образовательной системы в сфере охраны здоровья населения и улучшения социального обеспечения; оптимизацию внутренних и внешних миграционных потоков с учетом национальных демографических интересов [1, с. 5–15].

Координаторами по данной программе выступают Министерство труда и социальной защиты (осуществление контроля за реализацией программы) и Министерство здравоохранения. Одна из отличительных особенностей белорусской модели здравоохранения – сформированная система социальных стандартов, к которым в сфере здравоохранения относятся и выполняются: норматив обеспеченности врачами первичного звена (1 врач на 1223 жителей при плановом – 1300); норматив обеспеченности койками стационаров с круглосуточным пребыванием (10 коек на 1 тыс. жителей при плановом: 9 – для областей и 8 – для г. Минска); норматив обеспеченности аптеками (1 аптека на 5800 жителей, при плановом – на 8 тыс. жителей); норматив обеспеченности бригадами скорой медицинской помощи (1 бригада на 11 360 жителей при нормативе – одна бригада скорой медицинской помощи на 12 000 жителей в областях и на 12 500 жителей г. Минска, согласно данным на начало 2009 г.). По инициативе Министерства здравоохранения Республики Беларусь в 2007 г. данный перечень был дополнен следующими нормативами: санитарно-технического обеспечения организаций здравоохранения, наличия медицинских тран-

спортных средств, наличия аптечной организации (для агрогородков). Одной из основных не разрешенных на сегодняшний день социальных проблем остается нехватка медицинских специалистов узкого профиля, и особенно в медицинских учреждениях сельской местности.

На втором этапе (2011–2020 гг.) предполагается обеспечить приближение Республики Беларусь по уровню и качеству жизни населения к экономически развитым странам. В целом в ходе реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь реализуется комплекс мероприятий, обеспечивающих социально-экономическую, административно-правовую и морально-психологическую поддержку семьи, укрепление здоровья населения, увеличение рождаемости и продолжительности жизни, снижение заболеваемости и смертности от социально значимых болезней, улучшение здоровья населения и формирование ценностей здорового образа жизни.

На решение поставленных в Беларуси задач направлены меры конкретных подпрограмм, реализация которых осуществляется государственными заказчиками (координаторами): «Стимулирование рождаемости и укрепление семьи», координатор – Министерство труда и социальной защиты населения; «Охрана здоровья матери и ребенка», «Формирование здорового образа жизни и создание благоприятной среды обитания», «Укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения», координатор – Министерство здравоохранения; «Оптимизация миграционных процессов», координатор – Министерство внутренних дел.

Демографическая политика Российской Федерации определяется «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» и направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. Основной упор в рамках первого этапа реализации Концепции сделан на разрешении остроты демографического кризиса посредством повышения показателей рождаемости и снижения смертности от заболеваний, лидирующих в структуре смертности.

В Беларуси в результате выполнения Программы (2007–2010 гг.) были достигнуты следующие цели: увеличение общего коэффициента рождаемости до 10–11 рождений на 1000 жителей; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,4–1,5 ребенка на одну женщину; снижение младенческой смертности до 6 на 1000 младенцев, родившихся живыми; снижение общего коэффициента смертности населения до 10–11 случаев смерти на 1000 жителей; повышение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 70–72 лет; обеспечение ежегодного миграционного прироста населения в объеме 5 тыс. чел. Согласно данным государственной статистики в Беларуси на 01.07.2010 г., общий коэффициент рождаемости составил 11,3‰, коэффициент младенческой смертности – 4,2‰, ожидаемая продолжительность жизни увеличилась до 70,5 лет. Миграционный прирост составил 12,24 тыс. чел. Из всех

целевых показателей *не достигнут только показатель* общего коэффициента смертности населения, который в 2010 г. составил 14,6‰, причем имеет тенденцию к увеличению (13,7‰ – в 2007 г., 13,8 – в 2008 г., 14,2‰ – в 2009 г.). Это объясняется особенностями сложившейся возрастной структуры населения в Беларуси [2, с. 1–3].

В России в результате реализации Концепции и ряда нацпроектов – «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Здоровье» – были снижены темпы естественной убыли населения и обеспечен миграционный прирост. За 5 месяцев 2010 г. по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. на 3 % снизилось число умерших, смертность от заболеваний сердечно-сосудистой системы уменьшилась на 2,3 %, от новообразований – на 0,7 %. Зафиксировано снижение смертности в результате ДТП – на 14 %. Снижаются показатели младенческой смертности – на 4,2 %. В частности, естественная убыль населения за первые пять месяцев сократилась на 18,2 % по сравнению с уровнем прошлого года. Младенческая смертность снизилась на 6,3 %, это больше, чем в 2009 г. Помимо снижения смертности наблюдается также положительная динамика в рождаемости. За пять месяцев 2010 г. в России родились 711 тыс. детей, что на 11,1 тыс. больше, чем за аналогичный период прошлого года. Следует отметить, что позитивные тенденции при реализации нацпроекта закрепились.

Увеличение количества родившихся в Беларуси в 2006–2009 гг. связано с увеличением интенсивности рождаемости в стране. Этому способствовали улучшение социально-экономической обстановки и рост благосостояния населения, в том числе семей с детьми, а также специально принятые меры в области улучшения работы здравоохранения. Однако, как отмечает ведущий белорусский демограф профессор Л. П. Шахотько, пока нет оснований говорить о повышении у населения репродуктивных установок. Наличие двух, а тем более трех и более детей в семье все еще остается в Беларуси серьезным фактором попадания этой семьи в категорию малообеспеченных. Согласно статистическим данным, среди семей с тремя и более детьми в возрасте до 18 лет доля малообеспеченных в 2009 г. возросла до 32,8 %.

Увеличению показателей рождаемости в России способствовало, помимо роста уровня жизни населения в 2006–2009 гг., улучшение медицинского обслуживания и увеличение перечня и размеров пособий в связи с рождением ребенка, а также введение материнского (семейного) капитала (табл. 2) [4, с. 167, 183; 6], снимающее для средне- и многодетных семей проблемы малообеспеченности и стимулирующее рождение второго и последующих детей. Материнский (семейный) капитал предоставляется при рождении (усыновлении) второго и последующих детей с 01.01.2007 по 31.12.2016. Распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объеме или по частям можно по следующим направлениям: улучшение жилищных условий; получение образования ребенком (детьми); формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин. В России впервые размер ежемесячного посо-

бия по уходу за ребенком увязывается с размером заработка матери, эта мера призвана стимулировать рождение детей женщинами с высоким уровнем образования и социально-профессиональной позицией и служить механизмом воспроизводства среднего класса.

Таблица 2. **Виды и размеры государственных пособий семьям, воспитывающим детей (2010 г.)**

Вид пособия	Размер пособия	
	Республика Беларусь, бел. руб.	Российская Федерация, рос. руб.
Родовой сертификат	–	11 000 /357,9 долл. США
Пособие в связи с рождением ребенка (единовременное): при рождении первого ребенка при рождении второго и последующих детей	1 331 150 (439,9 долл. США) 1 863 610 (615,8 долл. США)	9 989,9 (325,1 долл. США)
Пособие женщинам, ставшим на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности (единовременное)	266 230 (87,9 долл. США)	374,6 (12,2 долл. США)
Пособие по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет (ежемесячное) в РБ / в РФ до полутора лет	266 230 (87,9 долл. США) или 1 БПМ	Минимальное пособие по уходу за первым ребенком – 1873,1 (60,9 долл. США) или 40,7 % ВПМ. Минимальное пособие по уходу за вторым и последующими детьми – 3746,2 (121,9 долл. США) или 81,5 % ВПМ. В целом ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивается в размерах 40 % среднего заработка матери по месту работы за последние 12 календарных месяцев, предшествовавших месяцу наступления отпуска по уходу за ребенком. Максимальный размер пособия не может превышать за полный календарный месяц 13 833,33 руб. (450,1 долл. США) или 301,2 % ВПМ.
Государственный сертификат на материнский (семейный) капитал	–	343 378,8 (11 174,1 долл. США)

Примечание. В РБ бюджет прожиточного минимума (БПМ) в среднем на душу населения с 01.05.2010 по 31.07.2010 – 266 230 руб. В РФ величина прожиточного минимума (ВПМ) на начало 2009 г. составляла 4593 рос. руб.

Помимо перечисленных в табл. 2 федеральных выплат в Российской Федерации применяется ряд региональных и городских выплат и индексаций. Размеры государственных пособий гражданам, имеющим детей, в районах и местностях, где установлены районные коэффициенты к заработной плате,

определяются с применением этих коэффициентов, которые учитываются при исчислении указанных пособий в случае, если они не учтены в составе заработной платы. Районный коэффициент в большинстве областей составляет около 20 %. Наиболее часто применяются следующие пособия: «Пособия жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву», «Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву», «Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву», «Единовременная материальная помощь в связи с рождением ребенка (городские выплаты)», «Дополнительное единовременное пособие молодым семьям (одному из родителей меньше 30 лет) при рождении ребенка (областные выплаты)».

Несмотря на достижения планируемого уровня демографических показателей, для формирования простого типа воспроизводства населения Республики Беларусь и тем более расширенного, эффективность Национальной программы демографической безопасности не столь велика. Беларусь, как и раньше, не воспроизводит свое население, его численность продолжает уменьшаться. Несмотря на определенный рост в последние годы, показатели рождаемости в стране остаются на низком уровне. Они обеспечивают воспроизводство населения только на 65 %. Показатели продолжительности жизни, хотя и выросли за последнее время практически на два года, отстают от показателей в развитых странах мира на 10–15 лет. Они даже ниже, чем были в 1950–1980-е гг. Миграционный прирост населения последние 20 лет остается положительным, однако его объемы незначительны, чтобы в достаточной мере компенсировать естественную убыль населения страны.

Как показывают демографические исследования и гипотетические прогнозные сценарии, чтобы добиться положительной динамики демографических процессов в Республике Беларусь, необходимо формирование государственной социально-демографической стратегии, направленной на комплексное развитие всех компонентов воспроизводства населения – рождаемости, смертности и миграции. *Из социально-экономических факторов на демографические процессы существенное влияние оказывает уровень жизни населения, особенно материальное положение и жилищные условия, повышение и улучшение которых должно стать приоритетным направлением в области семейной и демографической политики.* В повышении престижа института семьи, родительства и других семейных ценностей, формирования более высоких установок на количество детей в семье, здорового образа жизни существенную роль может сыграть социальная реклама, направленная на повышение престижа полной семьи, семьи с детьми, здорового образа жизни. Демографическая безопасность в долгосрочной перспективе будет выступать одним из наиболее проблемных аспектов социальной безопасности. Несмотря на достаточно успешную реализацию «Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг.», демографическая ситуа-

ция в стране, по оценкам демографов, продолжает оставаться сложной и будет требовать повышенного внимания еще длительное время.

В Российской Федерации с помощью экономических мер было обеспечено увеличение коэффициентов рождаемости, при сохранении данных тенденций в ближайшие годы будут достигнуты показатели, близкие к простому воспроизводству, т. е. стабилизации населения. Анализ общих показателей рождаемости с учетом стандартизации выявил, что в России увеличение показателей рождаемости и прироста населения на 15 % объясняется фактором улучшения половозрастной структуры населения и на 85 % такими факторами, как здравоохранение и улучшение уровня жизни. Что касается долгосрочной демографической политики и ее главной цели (перехода к среднедетной семье), то наряду с экономическими мерами необходимо реализовать и другое направление пронаталистской политики государства – это возрождение и укрепление семьи как государственной ценности и социального института. Одной из наиболее острых демографических проблем России остается высокий коэффициент младенческой смертности, имеющий значительную региональную дифференциацию. В связи с этим основными мероприятиями по реализации демографической стратегии на период 2011–2015 гг. определены:

1. Внедрение современных технологий выхаживания детей первого года жизни посредством развития сети перинатальных центров. Продолжение программы «Родовой сертификат», позволяющей улучшить материально-техническую базу и качество услуг учреждений родовспоможения.

2. Улучшение непосредственно здоровья граждан, которые находятся в трудоспособном возрасте, и женщин, находящихся в репродуктивном возрасте. После 2010 г. в активный репродуктивный возраст (20–29 лет) начнут входить малочисленные контингенты родившихся в 1990-е годы. Доля 20–29-летних женщин в общей численности населения сократится с 8,6 % в 2009 г. до 4,8 % к 2025 г. В 2020 г. численность женщин репродуктивного возраста по сравнению с 2009 г. сократится на 4,1 млн чел. Предусмотрено увеличение объемов оказания высокотехнологичной помощи по лечению бесплодия в браке с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.

3. Снижение числа абортов. В 2008 г. количество абортов составило 1 млн 236,4 тыс. и это практически сопоставимо с показателями рождаемости в этот период – 1 млн 714 тыс. По сути, на сегодняшний день это один из ведущих факторов, приводящих к нарушению репродуктивной функции, к бесплодию и возникновению последующих гинекологических заболеваний у женщин. В России сокращен перечень медицинских показаний более чем на 70 заболеваний для искусственного прерывания беременности. В женских консультациях введены должности социальных работников и психологов для оказания медико-психологической и социально-правовой помощи женщинам, это позволило в ряде регионов снизить число абортов на 18–20 %.

4. Повышение профессионального уровня акушеров-гинекологов и неонатологов.

5. Укрепление репродуктивного здоровья населения. С 2011 г. будет осуществляться углубленная диспансеризация детей и подростков 14-летнего возраста с целью оценки их репродуктивной функции, что позволит разработать для них индивидуальные программы и обеспечит реализацию репродуктивных функций в последующем. Предполагается осмотреть 2 млн 603 тыс. подростков.

6. Развитие инфраструктуры, ориентированной на семью. Предполагается акцентировать внимание на следующих направлениях: создание условий для повышения доступности жилья для семей с детьми, в первую очередь для молодых семей, инфраструктуры дошкольных и школьных учреждений, а также системы питания и сохранения здоровья детей, находящихся в данных учреждениях.

Таким образом, сравнительный анализ основных направлений государственной социально-демографической политики в Беларуси и России и связанных с ними стратегий реформирования социально-демографической сферы выявил, что демографическая ситуация в Республике Беларусь и Российской Федерации имеет ряд схожих тенденций и проблем. Для разрешения демографического кризиса в Беларуси была принята и реализуется «Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг.», а в России – «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» и ряд нацпроектов. Стратегии реформирования социально-демографической сферы в обеих странах направлены на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране.

Улучшение половозрастной структуры населения и социально-экономической конъюнктуры в 2006–2009 гг. позволило обеспечить в Беларуси достижение планируемого уровня ряда демографических показателей. Однако для формирования простого типа воспроизводства населения Республики Беларусь, и тем более расширенного, эффективность Национальной программы демографической безопасности не столь велика. Беларусь, как и раньше, не воспроизводит свое население, его численность продолжает уменьшаться. В России на реализацию демографической политики были затрачены значительные финансовые средства («родовой сертификат», «материнский капитал», реформа системы здравоохранения и т. д.), что позволило существенно снизить остроту демографического кризиса и обеспечить тенденции улучшения демографических показателей, приблизив их к показателям простого воспроизводства. В целом следует отметить, что на сегодняшний день государственная социально-демографическая политика Российской Федерации является более комплексной, экономически обеспеченной и рассчитанной на долгосрочную перспективу повышения качества жизни населения с учетом имеющихся демографических рисков и проблем.

Литература

1. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы. Утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 года № 135 «Об утверждении национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы». – Минск, 2007. – 145 с.

2. Демографическая ситуация в Республике Беларусь / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа : http://www. mintrud. gov. by/ru/activity/new_url_1386472912. – Дата доступа : 20.10.2010.

3. Демография / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – М., 2010. – Режим доступа : http://www. gks. ru/bgd/free/b10_00/IssWWW. exe/Stg/d07/8-0. htm. – Дата доступа : 20.10.2010.

4. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2009. – С. 167–183.

5. Демографическая ситуация / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа : http://belstat. gov. by/homep/ru/indicators/doclad/2010_10/13. pdf. – Дата доступа : 20.10.2010.

6. Данные о размерах ежемесячных государственных пособий семьям, воспитывающим детей / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа : http://www.mintrud.gov.by/ru/activity/soc_zasch/dannye2. – Дата доступа : 20.10.2010.

N. N. SECHKO, E. V. TARANOVA

THE DEMOGRAPHIC POLICY OF BELARUS AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE IMPROVEMENT OF LIFE QUALITY OF THE POPULATION

Summary

In the article the comparative analysis of the basic tendencies of the demographic policy of Belarus and Russia is carried out, the strategies of reforming of the social demographic area in the context of the increase of life quality of the population are considered.

УДК 316.334.55

Р. А. СМИРНОВА,
доктор философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИННОВАЦИОННО-УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА: К МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье раскрываются основные методологические подходы к изучению инновационно-устойчивого развития села, основанные на теории развития как совокупности контингентных изменений, социально-территориальной и культурно-исторической обусловленности сознания и поведения людей, проживающих в сельской местности.

В республике ведется серьезная и последовательная работа по обеспечению инновационно-устойчивого развития села. Управленческими организациями принимаются решения, имеющие инновационный характер. Однако, говоря о социальных инновациях в аграрной сфере, мы имеем в виду два встречных процесса: разработку и внедрение новых форм экономических и социальных преобразований со стороны властных органов и руководства АПК (законы, директивы, постановления и др.), с одной стороны, и принятие, освоение сельским социумом, работниками АПК и руководством сельхозпредприятий, в частности, новых форм и способов деятельности и мышления, соответствующих управленческим решениям – с другой. Это значит, что реализация стратегии инновационно-устойчивого развития села должна предусматривать такую последовательность действий по ее реализации, которая учитывала бы тенденции и процессы в управлении, способах хозяйствования, сознании и поведении аграриев, препятствующие или способствующие успешному развитию агропромышленного комплекса и развитию сельских территорий.

Задача эта чрезвычайно трудная. Во многом трудности обусловлены широко распространенной парадигмой ведомственной логики, слишком прямолинейно увязывающей причины и следствия происходящих процессов, принятие решений и их реализацию. Так, в 70–80-х годах социально-политическими решениями было предпринято строительство в каждом колхозе клуба, школы, детского сада и других объектов социальной сферы. Однако оказалось, что то, что было востребовано в 50–60-е годы, стало неактуальным в 80–90-х годах. Многие колхозы пошли по пути укрупнения, молодежь начала мигрировать в города, что, соответственно, привело к снижению рождаемости в деревне. В результате огромные здания школ опустели, в клубах остались лишь библиотеки, а некоторые вообще закрылись, детские сады также стали свертывать

свою деятельность. Прямолинейная логика управленцев: «чем больше строить объектов социальной сферы, тем лучше сельчанам», не срабатывала. Такая же история повторяется и в настоящее время: в некоторых областях страны построенные в агрогородках коттеджи пустуют. Оказалось, что молодым специалистам не так важен коттедж на селе и даже неплохая зарплата, как реализация личностных планов: значительная часть выпускников аграрных учебных заведений имеют планы, не связанные с аграрным производством. Повторяемость управленческих ошибок свидетельствует, что среди тех, кто принимает решения, сохраняется установка к переустройству на основе сугубо экономических реформ, опирающаяся на принципы жесткого детерминизма. Сознательные, ментальные изменения последуют, согласно данной установке, автоматически за экономическими преобразованиями. Однако совершенно очевидно, что одна и та же экономическая ситуация в разные периоды и у различных социальных групп порождает разные социальные последствия и жизненные стратегии людей.

Все это говорит о том, что парадигма жесткой рациональности и детерминизма не всегда срабатывает в сфере экономической и социальной политики на селе. Такая ситуация наблюдается не только в Беларуси, но и в других развитых странах. Так, несмотря на рациональный, просчитанный подход, осуществляемый в агросфере развитых стран, оказались непредвиденными некоторые его последствия. Уже сейчас, в начале XXI века, во многих странах ощущается разочарование выбранным курсом национального агропроизводства. В Европейском союзе наблюдаются кризисные явления: дорожает производство сельхозпродукции, увеличиваются государственные субсидии, производство становится невыгодным; увеличивается безработица среди фермеров, рыбаков и других работников агросферы, учащаются забастовки, протестные движения. Стало невыгодно выращивать качественный продукт: ТНК монополизировали рынок сельхозпродукции и товаров, изготовленных из нее, сконцентрировавшись на удешевлении и, соответственно, ухудшении их качества.

На наш взгляд, одной из причин кризисных явлений в агросфере развитых стран являются, во-первых, самонадеянная уверенность в правильности раз и навсегда выбранного курса аграрной политики, основанная на успехах в прошлом, и, во-вторых, жесткодетерминационная экстраполяция его на настоящее и будущее. Линейное, детерминистское видение процессов развития в различных сферах социума, в частности в агросфере, привело аграрных политиков, а также правительства этих стран в тупик, сопровождающийся растерянностью и действиями по «залатыванию дыр».

Как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт реформирования аграрной экономики, при реализации стратегии развития следует учитывать многочисленные социальные тенденции, предшествующие любой реорганизации. В Беларуси к ним относится целый спектр состояний и тенденций, среди которых можно назвать следующие:

макроэкономические изменения, включающие возможность ухудшения конъюнктуры мировых цен на товары экспорта, сокращения реальных доходов населения и снижение спроса на продукцию АПК;

институциональные тенденции, заключающиеся в высоком уровне монополизации рынков покупателей продукции и поставщиков услуг для сельхозпроизводителей, что вызывает неоправданный рост цен на материально-технические ресурсы и услуги для сельскохозяйственных производителей, а также существенно ограничивает доходность и инвестиционную привлекательность сельского хозяйства;

социально-структурные изменения, возникающие как результат усиления непривлекательности сельской местности, оторванности и обособленности населенных пунктов, увеличения разрыва между уровнем жизни городских и сельских жителей;

ментальные процессы, характеризующиеся несоответствием сознания и поведения крестьян рыночным реалиям в АПК;

техногенные, экологические и природно-климатические тенденции, связанные с вероятностью масштабных катастроф и непредвиденными дополнительными расходами ресурсов от возможных потерь, ликвидация которых требует отвлечения средств и всех отраслей народного хозяйства, в том числе из аграрного сектора экономики;

тенденции, связанные с несовершенством законодательной базы по регулированию сельскохозяйственной деятельности и отсутствием достаточной практики реализации рыночных отношений, что лишает возможности сельскохозяйственным товаропроизводителям привлекать финансовые ресурсы на реальных рыночных условиях;

социально-политические проблемы, возникающие из-за принятия политико-управленческих решений, недостаточно учитывающих основные тенденции в социуме (макроэкономических, институциональных, социально-структурных, ментальных, техногенных, политико-правовых и др.), в конечном счете определяющие вектор изменений в АПК.

Учет сложного переплетения состояний, связей и тенденций в социуме требует нового способа объяснения и планирования инноваций в аграрной сфере. В основу анализа социальной базы инновационно-устойчивого развития села нами положены три основных методологических подхода: 1) социально-территориальной, 2) культурно-исторической обусловленности сознания и поведения людей, а также 3) развития как результата социальных изменений и контингентного сдвига.

Принцип социально-территориальной обусловленности сознания и поведения аграриев выражается в том, что сельские жители как объект социологического изучения специфичны не в том смысле, что они обладают какими-то таинственными свойствами («таинственный незнакомец» по Т. Шанину), особыми потребностями, отличными от горожан, а в том, что сам факт проживания в сельской местности предоставляет им неодинаковые возможности для

удовлетворения этих потребностей и соответственно определяет своеобразие экономического поведения и образа жизни сельчан.

Это различие возможностей и способностей удовлетворения потребностей обусловлено по меньшей мере тремя факторами: особым характером социального взаимодействия между людьми в целях использования сельскохозяйственных природных ресурсов; производственной деятельностью, обусловленной территорией и сельским ландшафтом; а также поведением, опосредованным рефлексией человека по отношению к сельской местности и сельскому образу жизни.

Именно различие возможностей получения средств для удовлетворения потребностей определяет специфику базовых жизненных стратегий: экономическое поведение, сельский труд, образ жизни, культуру, политическое сознание, отношение к традициям, адаптационные стратегии. В этом смысле можно сказать, что базовые стратегии поведения сельчан определяются нормативными системами, складывающимися в действиях по использованию природных ресурсов, в условиях крестьянского образа жизни и среды, а также в результате осмысления своего бытия в ней. При этом в условиях крестьянской социально-культурной среды данные нормативные системы закрепляются и воспроизводятся в процессе дальнейшей социализации. В основе базовых стратегий поведения сельчан лежит прежде всего экономическое поведение в целом, жизнь в крестьянском сообществе (общине).

Вторая идея, основанная на теории социальных изменений и контингентного сдвига, предполагает рассматривать инновационно-устойчивое развитие не только как однозначную предопределенность развития заранее выбранным курсом, а во взаимодействии и случайном взаимовлиянии уникальных ситуаций, характерных именно для Беларуси, проявляющихся в синергетическом эффекте, порождающем новые ситуации и тенденции. В отличие от парадигмы жестко детерминационного видения социальных процессов в основу представленной нами концепции инновационно-устойчивого развития села положена теория развития как совокупности контингентных (исторически и культурно уникальных, ситуативных) трансформаций. Авторы этой модели развития (Р. Нисбет, К. Поппер, Р. Будон, П. Штомпка и др.), критикуя концепции прогресса, эволюции, развития, в качестве альтернативы предложили теорию общественных изменений, концептуализирующую эмпирически фиксируемые тенденции в различных сферах общественной жизни. Совокупность тенденций, по их мнению, образует единое движение – трансформацию общества, при этом отдельные тенденции рассматриваются как взаимообусловливающие или как автономные, не связанные причинно-следственно друг с другом. Не отказываясь от теорий общественного развития, раскрывающих универсальные, перманентные и однозначно направленные трансформации общества, мы предлагаем в представленной концепции инновационно-устойчивого развития села учитывать специфический набор тенденций, возникающих в сельском сообществе и агропроизводстве, способных спровоцировать

контингентный сдвиг, т. е. такую совокупность событий, радикально и катастрофически быстро меняющих привычные структуры общественной жизни, которые превращают ранее периферийные сферы и вяло текущие тенденции в ключевые.

Понятие контингентности несет в себе два смысла: 1) контингентность как ситуативность, обусловленность специфическими обстоятельствами, и 2) как возможность иного хода событий. Период контингентного сдвига характеризуется «переломным» изменением трендов основных параметров: от медленного роста к остановке и даже снижению и далее бурному росту. В этом смысле концепция инновационно-устойчивого развития села предстает как категориальное осмысление соотношения поступательного развития и «разрывов», вызванных контингентным сдвигом, где превращение вяло текущих тенденций в интенсивные является моментом разрыва.

В качестве примера можно проследить развитие агросферы в Беларуси: в период социально-политических событий 90-х годов развитие АПК сохраняло по инерции устойчивый характер, однако последующие пять-семь лет наблюдались снижение темпов экономического роста, безработица и падение объемов производства. Становление нового экономического уклада на селе (и в стране в целом) создало общественные проблемы, перманентно вызывающие социальные конфликты. За этим кризисным этапом происходит «рождение» новой тенденции модернизации, характеризующейся сначала вялым экономическим ростом (1995–1996 гг.), затем скачкообразным ростом (1998–2009 гг.).

Каким образом происходят социальные изменения, иногда незапланированные и не всегда желанные, и какие тенденции они порождают, можно продемонстрировать на примере влияния колебаний роли заработной платы с основного места работы респондентов в семейном доходе на их социальные связи, экономическое поведение и образ жизни в целом. Как правило, объективной основой таких колебаний является экономическая политика государства. Анализ данных показывает, что позитивные тенденции в росте заработной платы аграриев во многом обусловлены редистрибутивной политикой государства, которая, однако, может привести не только к улучшению материального благосостояния и социального самочувствия, но и к изменениям, способным спровоцировать контингентный сдвиг в образе жизни сельчан. Анализируемый в данной статье пример характеризуется так называемой двойной контингентностью. Во-первых, эта контингентность обусловлена специфическими обстоятельствами и не следует из прямых причинно-следственных связей событий и процессов. Так, согласно статистике, реальные доходы с 1996 г. росли по экспоненте (1996 г. – 58,6 % к 1990 г.; 1998 г. – 79; 2000 г. – 95,0; 2002 г. – 132,8; 2004 г. – 160,8; 2006 г. – 210,6; 2008 г. – 266,5 % и только в 2009 г. – несколько замедленный рост – 276,1 %), однако восприятие роста денежных доходов развивалось по своим трендам, зависящим от иных, специфических особенностей социальной жизни сельчан. Так, восприятие респондентами уровня заработной платы колебалось следующим образом: высокий – до 2000 г.,

спад – в 2001–2003 гг., резкий рост – в 2004–2006 гг., спад – в 2007–2008 гг. и с 2009 г. – опять рост. Данные колебания породили второй контингентный сдвиг, приведший к иному ходу событий, резким изменениям как в экономическом поведении в целом, так и в трудовых усилиях в ЛПХ, в социальных и межсемейных связях. В частности, это выразилось в следующей зависимости: чем ниже восприятие роли заработной платы в семейном бюджете респондента, тем теснее его связи с родственниками, тем выше степень их взаимопомощи друг другу; чем ниже оценивали респонденты роль зарплаты в семейных доходах, тем большую роль в них играли доходы с ЛПХ и соответственно больше времени и усилий затрачивали респонденты на его поддержание. Так, почти половина (43,3 %) сельских жителей в 2000 г. опирались в решении материальных проблем на продукцию со своего приусадебного участка, а вот в 2004–2006 гг., характеризующихся, по их мнению, подъемом уровня заработной платы, доходы с приусадебного участка уменьшились уже только у 16 % респондентов. Восприятие как кратковременного и небольшого спада уровня реальной заработной платы на основном месте работы аграриев в 2007–2008 гг. опять привело к увеличению роли доходов с ЛПХ: они повысились у 28 % респондентов. В 2009 г. произошло повышение значимости зарплаты и сразу же резко упала опора на продукцию ЛПХ, соответственно снизились трудовые и временные затраты семьи; произошел спад в развитии ЛПХ и их роли в решении продовольственной безопасности страны. Как видно из этого примера, социальная политика, направленная на рост заработной платы с основного места работы, повлекла не только позитивные перемены, но и спровоцировала контингентный сдвиг в экономическом поведении сельчан, поскольку отказ от ведения личных подсобных хозяйств мы рассматриваем как путь к окончательному отчуждению сельского населения от крестьянского образа жизни.

Изменения в сознании аграриев также можно объяснить в терминах теории социальных изменений и контингентного сдвига. Однако их темпы и периодизация не соответствуют объективным трансформациям и характеризуются определенным запаздыванием и медлительностью. В частности, несмотря на влияние перемен в экономическом укладе, тенденции в сознании крестьянства, связанные с рыночными процессами, пока развиваются медленно и не приводят к контингентному сдвигу. Напротив, в России, где крестьяне оказались объектом шоковой терапии, наступивший период контингентного взрыва затянулся настолько, что не только не вызвал экономический подъем в агросфере, но и не привел к формированию новой социальной структуры сельского сообщества, способной изменить ситуацию, что стало угрозой для всего человеческого потенциала российской деревни. Ситуации в Беларуси и России, обусловленные собственными уникальными тенденциями в социуме, и в агросфере в частности, создают специфическое противостояние нового и прошлого состояний, порождающее, в свою очередь, новые тенденции, требующие иной парадигмы мышления, поведения и управленческих действий в агросфере.

И третий, методологический, подход, существенно меняющий парадигму исследования процессов, связанных с инновационно-устойчивым развитием села, – культурно-исторический – проливает свет на причину сложностей адаптации сельчан к рыночным отношениям на селе, дисбаланса между их сознанием и поведением. Возьмем, к примеру, отношение к собственности и, в частности, собственности на землю. Если анализировать данные опросов, то с точки зрения методологии рыночного экономического рационализма (социальная инновация АПК) крестьянин должен до пота работать в общественном производстве (СПК, ЧУП и др.), затем так же – на своем личном подсобном хозяйстве, стремиться больше заработать (подработать) на стороне, а также продавая продукцию с ЛПХ на рынке, пополнять и накапливать богатство для материального благополучия семьи и детей (внуков). Картина – соответствующая типичным описаниям крестьянина западного образца.

Однако современное отношение крестьян к собственности и труду настолько связано с их историческим прошлым, что, несмотря на двадцать лет переучивания, результаты в менталитете сельского населения существенно не изменились. Во все периоды существования белорусского крестьянства использование собственности в целях накопления, обогащения, эксплуатации неимущих осуждалось крестьянами. Проведенные социологические опросы (2007 г., 2009 г.) показали, что для крестьян собственность – не капитал, приносящий доход или прибыль, а средство пропитания и помощи детям. В русском языке есть понятие «достаток», т. е. то количество материальных средств, которых хватает на то, чтобы жить. По данным опроса около трети респондентов понимают под достатком в доме хорошее питание, большую дружную семью, наличие хозяйства и немногим более трети – деньги, богатство. При этом на первом месте стоит позиция «дружная семья» (52,7 %), на втором – «хорошее питание» (37,6 %), на третьем – деньги (36,5 %) и на четвертом – наличие хозяйства (22,5 %). В целом можно сказать, что в массовом сознании сельских жителей традиционно частная собственность ассоциируется главным образом с личным имуществом: домом, хозяйством, машиной и т. п. При этом имеется в виду, что эта частная собственность нажита личным трудом, поэтому в глазах респондентов она легитимна.

Данное понимание определяет отношение крестьян к частной собственности на земельные угодья. Нужно сказать, что вопрос о частной собственности на землю всегда занимал ключевое место в судьбе крестьян. По существу история жизни на земле и борьбы селян за землю сделала этот вопрос и само понятие частной собственности на землю знаковым. То есть исторически сложилось так, что оно стало означать одно: если земля находится в частной собственности, то это обязательно связано с капиталистическим способом производства, ориентированным на прибыль, эффективность, товарность, на рост капитала, независимо от того, что на этой земле выращивается и производится: лес, лен, торф, рапс, пшеница и т. п. Собственник земли – это всегда владелец

капитала, предприниматель, владелец и распорядитель сельхозпродукции и, как правило, работодатель. Такое понимание всегда носило идеологический характер, тем более что за годы советской власти крестьянство настолько привыкло к тому, что земли являются колхозными (равно государственными), т. е. общими, что всякие разговоры о введении частной собственности на землю встречают непонимание и путаницу в сознании людей. Особенно ярко они проявляются в настоящее время, когда законом объявляется частной земля личных подворий, дачных участков и других земельных наделов, в то время как земля, предназначенная для общественного сельхозпроизводства, по-прежнему остается государственной.

На наш взгляд, неточность в законе вносит путаницу в связи с неоднозначным использованием экономических понятий, имеющих важное социальное значение. В СССР было четко определено: земля находится в государственной собственности, а право пользования передается колхозам, совхозам, крестьянам в коллективное и личное пользование. В настоящее время то, что называлось в СССР личной собственностью, стало именоваться частной собственностью. Однако переименование такого типа социально и политически нагруженных явлений не так безобидно, как кажется. Проблема заключается в том, что если бы вопрос о собственности на землю не был таким идеологизированным и социально значимым, то ничего страшного в этом переименовании не было бы. В условиях борьбы интересов и противостояния социальных сил в отношении собственности на землю, постоянно поднимаемых в обществе и СМИ дискуссий о земле данное переименование, не учитывающее культурных традиций, чревато негативными последствиями. Тем более необходима точность в употреблении понятий и различного рода переименований в условиях нашей страны, когда важные для общества государственные решения принимаются, как правило, на референдумах, т. е. с учетом общественного мнения всего населения. Каково же на самом деле общественное мнение сельских жителей о собственности на землю?

Интерпретация учеными данных социологических опросов, не учитывающих историко-культурные традиции и неоднозначность понимания населением понятия «частная собственность» на землю, оперирование ответами на прямой вопрос респондентам «за» они или «против» введения частной собственности на землю как характеристикой их экономического сознания и поведения, на наш взгляд, дают неадекватную картину отношения людей к земле. Путаница в понятиях, слабая информированность о сути рыночных отношений и месте в них собственности на землю, доверие к СМИ, оставшееся у людей от советской системы, безграничная уверенность в правильности властных решений не только не приводят к выработке сельчанами ясного представления о проблеме, но и не побуждают их к рациональному осознанию этого явления.

Особенно ярко это проявилось в социологических опросах, ставящих целью изучение отношения сельских жителей к собственности на землю с уче-

том историко-культурного подхода*. В данных исследованиях основными показателями являются не только данные о том, высказался респондент «за» или «против» частной собственности на землю, а комплекс ответов на вопросы, выступающие индикаторами двух факторов: мнения по поводу собственности на землю и поведения, готовности взять земли сельскохозяйственного назначения в собственность.

На вопрос сельским жителям: «Какая форма владения сельскохозяйственными угодьями подходит для Беларуси в большей степени?» – «частная» ответили 18,9 % опрошенных; еще 12,5 % назвали аренду сельхозугодий и 24 % не согласны ни с одной из них, считая, что необходимо оставить государственную собственность на землю. При этом необходимо отметить, что 44,1 % затруднились с ответом, т. е. немногим меньше половины опрошенных сельчан не могут дать четкого ответа.

Но даже ответы тех, кто за частную собственность на землю, не подтверждаются поведенческим индикатором, т. е. ответами на вопрос о готовности взять земли сельскохозяйственного назначения себе в собственность. Готовы ее взять 13,8 % респондентов, не готовы – 68,8 % (16,8 % затруднились с ответом). Более того, когда респондентов спросили, сколько реально земли он готов взять в частную собственность, оказалось, что из числа респондентов, готовых взять землю в собственность, только 1,4 % хотели бы взять свыше 100 га, от 50 до 100 га – 0,9 %, от 10 до 50 га – 4 % и до 10 га – 6,7 %. То есть если реализовать желания и готовность респондентов, то по существу размещение земель сельскохозяйственного назначения в стране приобретет хуторской характер, наделы которых не превысят по масштабам земельной собственности среднего фермера. Респондентов, готовых возглавить крупное, технологически и технически оснащенное хозяйство на земле, очень мало (1,4 %). Если смотреть на отношение сельских жителей к частной собственности на землю в динамике, то по сравнению с 2004 г. желающих взять ее в собственность становится все меньше (см. таблицу).

Динамика ответов на вопрос: «Земля в стране должна находиться в частной собственности?», %

Земля в стране должна находиться в частной собственности?	2004 г.	2005/2006 гг.	2009 г.	2010 г.
Да	34,8	36,0	24,5	18,9
Нет	26,8	32,9	12,7	23,9

Необходимо еще раз подчеркнуть, что на этот вопрос во всех исследованиях выявлялось очень большое (более трети) число респондентов, затруднившихся с ответом и не ответивших: в 2004 г. – 38,4 %, в 2005/2006 гг. – 31,2, в 2009 г. – 62,7, а в 2010 г. – 44,5 %. Все это свидетельствует о непроясненности вопроса

* Опросы сельских жителей проводились в рамках мониторингов изучения общественного мнения населения в 2004, 2009 и 2010 гг.

о частной собственности на землю среди сельского населения, поверхностности их суждений, сформированных скорее всего под воздействием СМИ и пропаганды, доверия к государству и желанием идти в ногу со временем.

Эти данные говорят о том, что, несмотря на усиленную пропаганду рыночных отношений в агросфере и соответственно частной собственности как средства повышения благосостояния и интенсификации производства, крестьяне очень осторожно подходят к возможности приватизации земли сельскохозяйственного назначения. Здесь сказывается не только отсутствие больших денег для выкупа и обработки земли, не только недостаток физических сил и рабочих рук, но и извечная осторожность, воспитанная столетиями, в обращении и распоряжении землей. Данный пример как бы противоречит рыночным принципам, где труд, деньги, власть и свобода хозяйствования стоят во главе всех производственных начал и инноваций. Однако, на мой взгляд, он характеризует другой историко-культурный тип экономики – ее иногда называют нерыночной, редистрибутивной, централизованной, плановой. Суть ее в том, что она функционирует на основе общей собственности, а не частной. Как утверждают специалисты, общая (коммунитарная) собственность возникает там, где издержки по спецификации и защите частных прав собственности чрезвычайно высоки. Выгоды же от их установления равны нулю или меньше затрат, связанных с удовлетворением частной собственности. В разных странах существует как наиболее оптимальный свой, культурно, исторически и экономически сложившийся в специфических природно-географических и социальных условиях, тип экономики: где-то доказала свою эффективность рыночная экономика, где-то – редистрибутивная, нерыночная. По моему мнению, каждая из них имеет право на существование, исторически доказала свою жизнеспособность и в связи с этим должна сохранять тот позитивный потенциал, который обусловил ее выживание и историческую субъективность.

В результате можно сделать вывод, что учет и использование в исследовании крестьянской жизни этих трех методологических принципов позволит показать, что импульс инновационным переменам в агросфере и сельском сообществе зачастую дают не только факторы, инициированные управленческими решениями в АПК, но и вызванные всем прошлым и настоящим опытом хозяйствования на земле, сознательным или неосознанным участием в инновационном процессе различных участников, субъектов деятельности: разных групп сельского сообщества, молодежи, частных предпринимателей, фермеров, директорского корпуса АПК и др. Встреча и выстраивание отношений между ними, жизнь в новых условиях, самодеятельность и самоорганизация связей в сельском сообществе существенно влияют на характер и темпы инновационно-устойчивого развития села. В этом смысле инновационно-устойчивое развитие села предстает как симбиоз уникальных состояний, процессов, явлений: 1) существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных факторов, 2) реализующихся либо спонтанно,

либо в определенной последовательности и 3) направленных на восстановление нарушенного равновесия между сознанием людей и необходимостью действовать им в новых условиях.

Методология исследования инновационно-устойчивого развития села включает также несколько других направлений: социологические подходы к модернизации, социологию села и крестьянского образа жизни, социологические аспекты социального пространства, социологию адаптаций, социологию регионального развития и др. Все они способствуют рассмотрению реформирования белорусского села с акцентированием существующих в белорусском обществе специфических обстоятельств и условий, с учетом нормативно-ценностного комплекса и менталитета, возможностей и степени адаптированности сельского населения к реформам АПК, наличия активных и творческих индивидов, выступающих субъектами преобразований в агросфере и носителями социальных, экономических и культурных традиций в сельском социуме.

R. A. SMIRNOVA

**INNOVATIVELY-SUSTAINABLE RURAL DEVELOPMENT:
THE METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH**

Summary

The article describes the main methodological approaches to the study of innovatively-sustainable rural development – based on the theory of evolution as a set of contingent transformations and socio-territorial condition of consciousness and behavior of people living in rural areas.

УДК 316.334.2:631.115.1(476)

Т. В. КУЗЬМЕНКО,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛА

Анализируются состояние и основные тенденции развития личных подсобных хозяйств населения как важной составляющей аграрной экономики и образа жизни сельчан. Рассматриваются факторы снижения роли подсобных хозяйств на селе.

Реформирование агропромышленной сферы непосредственным образом отражается на всех сферах жизнедеятельности села. Особый интерес в условиях перехода к рыночным отношениям в сельском хозяйстве представляют устойчивые формы хозяйствования, которые способны в сложных экономических ситуациях сохранять и даже увеличивать объемы производства. К таким формам с полным основанием можно отнести личные подсобные хозяйства. Не обладая такими значительными ресурсами, как крупные хозяйства, и занимая лишь десятую часть сельскохозяйственных земель (в 2010 г. в землепользовании 756,7 тыс. личных подсобных хозяйств граждан находилось 11,2 % сельскохозяйственных земель) [1, с. 56], личные подсобные хозяйства вносят большой вклад в обеспечение баланса сельскохозяйственной продукции в стране, в решение продовольственной проблемы и производят около 30 % валовой продукции. Признание роли индивидуального сектора сельскохозяйственного производства в экономике обусловливает необходимость анализа основных тенденций его развития в изменяющихся условиях.

Для регулирования деятельности различных форм хозяйств населения в нашей стране принят целый ряд нормативных документов, таких как Закон Республики Беларусь «О личных подсобных хозяйствах граждан», Кодекс о земле Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О потребительской кооперации в Республике Беларусь». Комплекс мероприятий по поддержке личных подсобных хозяйств граждан содержится в Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 гг., принята и отдельная Программа развития и поддержки личных подсобных хозяйств граждан на 2006–2010 гг., основная цель которой – развитие и поддержка личных подсобных хозяйств, повышение занятости и доходов граждан, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции, улучшение демографической структуры населения страны.

В то же время данные статистических обследований свидетельствуют, что за период реализации указанных программ произошло сворачивание деятельности личных подсобных хозяйств практически по всем показателям. Снизилось число землепользователей, занятых ведением подсобных хозяйств (с 1031,1 тыс. в 2005 г. до 756,7 тыс. в 2009 г.), уменьшилась площадь сельскохозяйственных земель, занимаемых личными подсобными хозяйствами (с 908,8 тыс. га в 2005 г. до 754,6 тыс. га в 2009 г.). Значительно сократился и удельный вес хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции (с 37,6 % в 2005 г. до 29,6 % в 2009 г.), причем уменьшение производства наблюдалось практически по всем видам сельхозпродукции [1, с. 36, 54].

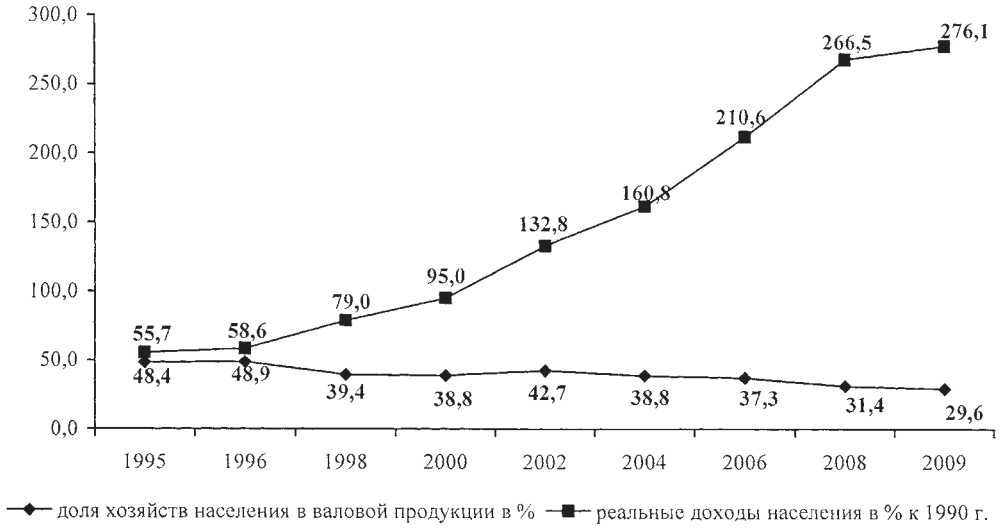
Такое снижение показателей деятельности индивидуального сектора сельскохозяйственного производства имеет под собой объективные основания и в этом плане представляет собой объективный и закономерный процесс. Одним из его факторов служит прежде всего продолжающееся сокращение численности сельского населения. За период с 2005 по 2009 г. число жителей села уменьшилось на 258,8 тыс. чел., или на 9,4 %, а число домохозяйств сократилось на 6 % [1, с. 24].

Среди других причин – развитие крупнотоварного агропромышленного сектора, стабилизация экономики и рост доходов населения. Уменьшение доли производимой продукции в личных подсобных хозяйствах происходит параллельно с устойчивым ростом объемов производства в сельскохозяйственных организациях (за период с 2005 по 2009 г. удельный вес сельскохозяйственных организаций в валовой продукции сельского хозяйства вырос на 8 %, причем увеличение производства наблюдалось по всем видам сельхозпродукции) [1, с. 36]. Рост объемов производства сельскохозяйственных организаций, повышение рентабельности и конкурентоспособности достигается за счет внедрения инновационных технологий, модернизации производства, в то время как производительность хозяйств населения, использующих преимущественно ручной труд и примитивные технологии, остается достаточно низкой. Кроме того, для большинства трудоспособных жителей белорусского села сегодня основным источником доходов является работа в общественном секторе. В ходе республиканского опроса трудоспособного сельского населения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2009 г. (опрошено 727 трудоспособных жителей агрогородков и сел), 86,5 % респондентов указали работу на сельхозпредприятии, в государственной организации в качестве источника своих доходов.

Социальная направленность экономических преобразований способствовала преодолению проблемы безработицы и росту реальных денежных доходов населения, которые по сравнению с 2005 г. выросли на 53,3 % [2, с. 14]. У работающих сельчан уже нет острой необходимости повышения доходов за счет подсобных хозяйств как, например, в середине 90-х годов, когда кризисные явления в экономике привели к большим сокращениям, росту безработицы, ухудшению условий жизни сельчан. Анализ статистических данных

показывает, что в 1995–1996 гг., когда уровень денежных доходов населения достигал самых низких значений, удельный вес личных подсобных хозяйств в валовой продукции сельского хозяйства составлял почти половину [3, с. 147, 390; 4]. В дальнейшем по мере повышения доходов доля хозяйств населения в производстве снижалась (см. рисунок).

Перемещение источников получения доходов жителей села из сферы неформальной экономики в сферу общественного производства, рост денежных доходов и увеличение трудовой нагрузки на рабочем месте приводят к снижению роли подсобных хозяйств в жизни сельчан и в конечном счете к значительным изменениям в сельском образе жизни. Улучшение социально-бытовых условий в сельской местности, строительство агрогородков постепенно приближают сельскую жизнь к городской. Расширяется сфера торгового обслуживания, у сельского населения появилась возможность приобретения всех необходимых продуктов в магазине. Так, согласно данным республиканского опроса сельских жителей, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2007 г. (опрошено 1005 человек взрослого сельского населения), качество и ассортимент товаров в торговых точках в сельской местности оцениваются в основном хорошо и удовлетворительно (44,0 % жителей агрогородков и 38,2 % жителей традиционных сел оценивают данный показатель работы торговли «хорошо», удовлетворительные оценки дают 43,6 и 42,6 % респондентов в агрогородках и деревнях соответственно). Как следствие обозначенных изменений – уменьшение удельного веса продукции собственного производства в потреблении сельских семей. По сравнению с 2005 г. данный показатель в 2010 г. снизился по таким продуктам, как молоко и молочные



Распределение реальных доходов населения (в % к 1990 г.) и доля хозяйств населения в валовой продукции сельского хозяйства (в %) в 1995–2009 гг.

продукты (с 41,2 до 20,7 %), мясная продукция (с 39,7 до 32,5 %), яйцо (с 71,9 до 64,5 %) [5, с. 184].

В целом потребление собственной сельхозпродукции является одним из источников доходов примерно для трети сельчан (по данным опроса 2007 г. – для 28,8 %). Продажа произведенных в своем хозяйстве продуктов – статья доходов для пятой части сельского населения, причем число респондентов, указывающих на данный источник своих доходов, за последние пять лет осталось практически неизменным: 21,6 % в 2004 г., 17,0 % в 2006 г. и 19,4 % в 2009 г. В ситуации нехватки денег к реализации продукции со своего подворья прибегают 9,3 % респондентов.

Можно предположить, что для эффективного производства сельхозпродукции в личных подсобных хозяйствах населения и перехода к товарному производству необходимы значительно большие их объемы. Как показывают результаты исследований, большинство владельцев ЛПХ не занимаются продажей произведенной сельхозпродукции по причине отсутствия излишков и дешевизны сельхозпродукции, произведенной в собственном подворье. Согласно результатам опроса работающего сельского населения, проведенного в 2008 г., основная часть респондентов (41,8 %) имела в своем личном подсобном хозяйстве участки от 10 до 50 соток земли, 11,4 % – до 10 соток, 8,7 % – более 50 соток. В то же время результаты опроса сельского населения (2007 г.) показывают, что для эффективного ведения подсобных хозяйств сельчанам необходимы значительно большие земельные наделы. По мнению 46,2 % респондентов, для успешного ведения подсобного хозяйства необходим участок более 5 га, 11,5 % – от 2 до 5 га и только 3,9 % ограничились бы площадью до 1 га земли.

Примерно пятая часть работающих жителей агрогородков и сел (18,4 %), по результатам опроса, проведенного в 2009 г., хотела бы расширить объем своего личного подсобного хозяйства, еще столько же – 19,8 % хотели бы, но не имеют возможностей для этого. Снижение роли личных подсобных хозяйств в жизни сельчан во многом обусловлено увеличением трудовой нагрузки на рабочем месте: для 44,1 % работающих жителей села, по результатам опроса 2009 г., стало труднее работать на сельхозпредприятии, что связано прежде всего с увеличением объема работы, необходимостью работать сверхурочно, повышением требований к качеству выполняемых работ. Желающие расширить ЛПХ в одинаковой степени представлены всеми категориями работников сельхозпредприятий. А вот среди тех, кто не хотел бы расширять масштабы своего подсобного хозяйства, значительно больше специалистов и руководителей по сравнению с остальными категориями работников (57,6 и 39,5 % соответственно). Это может быть вызвано, с одной стороны, более высоким уровнем доходов представителей административно-управленческого аппарата сельхозпредприятий, а с другой – отсутствием у них свободного времени (увеличение объема работы специалисты и руководители СПК отмечают в 1,5 раза чаще, чем остальные работники).

В связи с увеличением трудовой нагрузки возрастает роль свободного времени как условия увеличения масштабов личных подсобных хозяйств, причем более значим данный фактор для работающих сельчан. Так, в исследовании 2007 г., когда выборочная совокупность включала как работающее, так и не работающее сельское население республики (53,8 и 39,3 % соответственно), отсутствие свободного времени как препятствие для расширения ЛПХ было названо 12,8 % респондентов, а в ходе опроса работающих жителей села в 2009 г. – 53,5 % опрошенных.

За последние несколько лет возросла роль и таких факторов, влияющих на стремление жителей агрогородков и сел расширить личные подсобные хозяйства, как:

повышение цен на сельхозпродукцию (с 19,6 % в 2007 г. до 28,1 % в 2009 г.);

возможность покупки семян, кормов, удобрений по доступным ценам (с 19,8 % в 2007 г. до 28,1 % в 2009 г.);

увеличение рабочих рук в семье (с 13,3 % в 2007 г. до 27,5 % в 2009 г.);

наличие надежного покупателя (с 7,1 % в 2007 г. до 17,7 % в 2008 г.).

Не теряют своей актуальности и такие условия, как наличие здоровья (30,1 % в 2007 г. и 24,9 % в 2009 г.) и обеспеченность техникой (11,0 % в 2007 г. и 16,5 % в 2009 г.).

Повышение значимости перечисленных факторов является свидетельством назревания целого ряда проблем в индивидуальном секторе аграрной экономики – низких закупочных цен на продукцию хозяйств населения, роста стоимости кормов, семян, удобрений, отсутствия налаженной системы закупок, слабой технической оснащенности. Как результат – устойчивое уменьшение посевных площадей в хозяйствах населения: по данным статистики, они сократились на 23,8 % по отношению к 2005 г. [1, с. 68]. Значительно сократилось в хозяйствах населения за данный период (с 2005 по 2009 г.) и поголовье крупного рогатого скота (на 40,8 %), свиней (на 12,2 %) [1, с. 87].

О снижении роли личных подсобных хозяйств говорит и тот факт, что по сравнению с 2004 г. лишь незначительная часть сельчан хотела бы сделать ведение подсобного хозяйства своим основным занятием. Жители села не видят в собственном подворье источника решения материальных проблем своей семьи в случае потери работы или закрытия сельхозпредприятия. Оказавшись в подобной ситуации, в 2009 г. только 3,6 % сельчан могли бы ничего не предпринимать, жить доходами с личного подсобного хозяйства, а 4,6 % – расширить ЛПХ, завести крестьянское хозяйство для производства продукции на продажу, тогда как в 2004 г. 26,0 % респондентов рассматривали труд в ЛПХ как альтернативную форму занятости и получения дохода. По сравнению с 2004 г. снизилось и число тех, кто предпочел бы, потеряв работу, создать с другими сельчанами кооператив по производству сельхозпродукции: с 5,0 % в 2004 г. до 1,1 % в 2009 г., организовать фермерское хозяйство: с 10,3 до 2,4 % соответственно. Совсем незначительное число сельчан в ходе проведенных опросов (в 2004 г. – 7,6 %, в 2007 г. – 5,6 %) с уверенностью ответили, что смог-

ли бы жить только за счет продажи своей сельхозпродукции, примерно пятая часть опрошенных смогла бы, но при создании благоприятных условий.

В то же время с точки зрения доступности, близости к привычному образу жизни сельских жителей ведение личного подсобного хозяйства является наиболее приемлемым и испытанным способом замещения и компенсации материальных и денежных благ, поступающих из общественного производства. Поэтому наряду с поиском дополнительной работы (31,7 % респондентов) в качестве наиболее приемлемых способов улучшения своего материального благосостояния сельчане признают расширение личного подсобного хозяйства для потребления в семье (20,5 %), а также продажу собственной продукции (17,9 %).

Результаты республиканских опросов сельского населения показывают, что большинство жителей агрогородков и сел воспринимают личное подсобное хозяйство как необходимость, причем число сельчан, поддерживающих данную точку зрения за период реализации Программы развития личных подсобных хозяйств на 2006–2010 гг. не снизилось (в 2007 г. – 70,5 %, в 2009 г. – 72,1 %).

Многолетний опыт функционирования личных подсобных хозяйств свидетельствует о том, что даже в сложных экономических ситуациях они могут развиваться, увеличивать объемы производства и быть своего рода резервом развития сельского хозяйства [6, с. 356]. В связи с этим к экономическим функциям подсобных хозяйств населения можно отнести производство высококачественной, экологически чистой сельскохозяйственной продукции, повышение уровня продовольственной безопасности страны, участие в процессе воспроизводства рабочей силы, повышение и выравнивание уровня жизни сельского населения путем увеличения доходов сельчан, улучшение снабжения городского населения продуктами питания как путем продажи продукции, так и в виде помощи родственникам, живущим в городе.

Анализ социологических и статистических данных позволяет сделать вывод, что снижение роли личных подсобных хозяйств представляет собой объективный и закономерный процесс, обусловленный сокращением численности сельского населения, развитием крупнотоварного сектора аграрной экономики, ростом доходов и уровня жизни граждан, улучшением бытовых условий жизни сельчан. Проявления данной тенденции находят место в следующем:

сокращении численности ЛПХ и площади землепользования;

снижении удельного веса хозяйств населения в производстве валовой сельхозпродукции;

уменьшении посевных площадей и поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения;

сокращении удельного веса продукции собственного производства в потреблении сельских семей;

уменьшении числа сельчан, рассматривающих ЛПХ как источник решения материальных проблем своей семьи в случае потери работы или закрытия сельхозпредприятия;

повышении значения для жителей села факторов, препятствующих их стремлению расширить свое подсобное хозяйство (таких, как дефицит времени на ведение ЛПХ, низкие цены на сельхозпродукцию, дороговизна семян, кормов и удобрений, нехватка рабочих рук в семье, отсутствие надежного покупателя, слабая обеспеченность техникой, отсутствие сил и здоровья);

постепенном сближении элементов сельского и городского образа жизни.

Работающие жители села уже сейчас не видят острой необходимости в расширении ЛПХ и его переходе к мелкотоварному производству. Основным источником дохода для них остается работа в общественном производстве, а домашняя экономика ориентирована в основном на компенсацию недостающих благ, получаемых от сельхозпредприятия, и направлена в большей степени на потребление в семье, чем на продажу.

Исходя из опыта стран с развитой экономикой, для которых характерна эта тенденция, можно предположить, что по мере дальнейшего развития общественного производства доля ЛПХ в производстве сельхозпродукции будет снижаться и, следовательно, еще больше снизится их товарность. В то же время, учитывая, что личные подсобные хозяйства выполняют целый ряд социально значимых функций, служат дополнительным резервом экономики, являются неотъемлемым элементом образа жизни сельчан и воспринимаются сельским населением как необходимость, можно предположить, что в ближайшие годы роль и значение подсобных хозяйств населения будут оставаться высокими.

В связи с этим основные направления дальнейшего развития хозяйств населения должны быть связаны с повышением закупочных цен на продукцию ЛПХ и модернизацией системы сбыта произведенной ими сельхозпродукции, обеспечением кормами, семенами, удобрениями по доступным ценам, а также средствами малой механизации, предоставлением доступных кредитов на развитие ЛПХ. Важнейшим условием реализации этих мер является расширение и совершенствование интеграционных связей подсобных хозяйств с сельскохозяйственными и другими предприятиями агропромышленного комплекса, развитие добровольной крестьянской кооперации. Меры по поддержке и развитию личных подсобных хозяйств населения должны носить комплексный социально-экономический характер и взаимоувязываться с особенностями и перспективами развития сельских территорий каждого конкретного региона, его ресурсной, производственной и социальной базы.

Таким образом, в современных экономических и социальных условиях личные подсобные хозяйства выступают как один из факторов стабильности в обществе, как дополнительный резерв экономики, как механизм преемственности, трансляции традиций, крестьянских ценностей, менталитета, как гарантия психологической уверенности жителей села в своей способности адаптироваться к изменяющимся условиям. И в этом смысле развитие личных подсобных хозяйств выступает одним из условий устойчивого развития белорусского села.

Литература

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь (Стат. сб.) / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 269 с.

2. Беларусь в цифрах (Стат. справ.) / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 95 с.

3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2003 (Стат. сб.) / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2003. – 607 с.

4. Централизованная поддержка крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств / А. В. Казакевич [и др.]. – Минск : Ин-т экономики НАН Беларуси, 2008. – 88 с.

5. Социальное положение и уровень жизни Республики Беларусь (Стат. сб.) / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 357 с.

6. Смирнова, Р. А. Сохранение крестьянского уклада жизни как условие возрождения и развития села // Человеческий потенциал белорусской деревни / Р. А. Смирнова [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2009. – С. 350–366.

T. V. KUZMENKO

THE BASIC TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF PERSONAL PART-TIME FARMS IN THE CONDITIONS OF VILLAGE REFORMING

Summary

The condition and the basic tendencies of development of personal subsidiary plots as an important component of agrarian economy and lifestyle of villagers are analyzed. Factors of decrease in a role of personal subsidiary plots in village life are considered.

УДК 316.472.4+648.114

В. Н. САМОЙЛЮК,
СООО «Никольстиль», г. Брест

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОГО БИЗНЕСА

Социальные сети – не только канал межличностного общения, но и существенный фактор развития бизнеса, инструмент продвижения товаров. На примере компании «Никольстиль» показано, как в процессе сегментирования целевой аудитории и он-лайн общения с потребителем смещаются акценты в управлении предприятием, формируются социальная ответственность руководителей и корпоративная культура работников, предпосылки участия в реализации региональных программ.

Вне регионального аспекта, как известно, невозможно изучать развитие современного общества, его демографической, экономической, политической и других институциональных подсистем. Тем более выраженное территориальное измерение социальных процессов наблюдается в транзитивные и кризисные периоды. Это, в частности, подтверждается вниманием к региональным проблемам, проявленным белорусскими и российскими социологами на Международной научно-практической конференции «Социальное знание и белорусское общество», приуроченной к 20-летию институционализации социологии в Беларуси и 20-летию создания Института социологии НАН Беларуси, 3–4 декабря 2009 г. (имеются в виду тезисы выступлений К. А. Гулина, Г. Н. Соколовой, С. А. Шавеля, С. Т. Кавецкого, Е. В. Скакуна, В. В. Кириенко, Ю. М. Бубнова, И. Ф. Кононова, Л. И. Науменко, Н. Е. Лихачева, А. Г. Злотникова и др.).

Белорусская социально ориентированная экономическая модель, с которой страна вступила в XXI век, в целом создавала предпосылки для динамичного сочетания свободной частной инициативы с активной ролью государства, экономической эффективности, с высоким уровнем социальной защиты граждан. Однако мировой финансовый кризис разрушил многие позитивные достижения и, как отмечает И. В. Котляров, поставил новые теоретические и практические задачи в сфере экономики и социологии, связанные с изучением социальной реальности и формированием новой парадигмы управления, поддержкой заслуживающих внимания инноваций [1, с. 32–33].

Выход страны из экономической рецессии носит непростой характер и обусловлен необходимостью достижения определенных ориентиров и реализующих их стратегий [2]. Отметим те из стратегий, которые имеют особую актуальность и значимость для рассматриваемых в данной статье проблем. Это, во-

первых, технологическая стратегия (включая формирование рыночных стимулов для повышения инновационной активности всех субъектов хозяйствования); во-вторых, стратегия деловой активности (ее главный принцип – конкуренция на смену монополиям); в-третьих, стратегия всеобъемлющей информатизации (ориентирована на предоставление широкого спектра электронных услуг для граждан и бизнеса).

Социальные параметры предпринимательской деятельности задаются институтами власти. На фоне заявленной в Беларуси цели – войти в первую тридцатку стран с наиболее благоприятными условиями для предпринимательской деятельности – виден четкий тренд роста социальной ответственности предпринимателей перед государством, регионом («своей малой родиной»), собственными трудовыми коллективами.

Концептуальные подходы к корпоративной социальной ответственности содержатся в работах Питера Друкера, известного ученого в области менеджмента, автора многих книг по проблемам управления. В исследовании «Менеджмент: задачи, обязанности, методы осуществления» (1974) П. Друкер писал, что руководитель компании несет ответственность за: 1) обеспечение экономической эффективности; 2) продуктивность деятельности, так, чтобы эффективность достигалась наиболее простым способом; 3) управление социальными воздействиями, которые предприятие в качестве организации оказывает на внешнюю среду [3].

К объективным факторам социальной ответственности бизнеса относится оформление «общества риска» (У. Бек) и соответствующей ему общественной рефлексии. В своей совокупности они формируют осознание необходимости социальной ответственности субъектов крупного бизнеса, обладающих достаточно широкими властными полномочиями и влиянием на социальные и экологические процессы. Наглядный пример – крупнейшая экологическая катастрофа в Мексиканском заливе и жесткая критика в СМИ и социальных сетях, высказанная в адрес топ-менеджеров и инженеров британской нефтегазовой компании British Petroleum, что в конечном итоге привело к отставке ее генерального директора Тони Хейворда.

К субъективным факторам корпоративной социальной ответственности относятся действия государственных должностных лиц, руководителей регионов, бизнес-объединений и общественности, направленные на включение параметра социальной ответственности в предпринимательскую деятельность. Не секрет, что многие компании, предпринимательские круги в целом рассматривают «социальные поборы» как издержки, включают их в стоимость ведения бизнеса, называя именно такую практику «социальной ответственностью» [4, 162].

В связи с этим любопытна, хотя и не бесспорна, точка зрения руководителя творческой лаборатории социального предпринимательства «Грамин» Ханса Рейца, пытающегося, по его словам, запустить в России свой проект социального бизнеса: «Конечно, можно просто дать деньги на благотворитель-

ность и на этом успокоиться. А можно организовать социальный бизнес. Если вы посмотрите на богатейших людей планеты, например на Билла Гейтса, то увидите, что они не живут на все заработанные ими миллионы. Биллу Гейтсу и его детям достаточно только нескольких процентов от этих сумм. Остальное можно вложить не сиюминутно, а в будущее поколение – в этот самый социальный бизнес. И это будет приносить не разовую прибыль – это будет вложением в будущее» [5].

В целом, как показывает время, развитие способности и готовности бизнеса к социальной ответственности протекает достаточно противоречиво. Не секрет, что многие из социальных проектов малого и среднего предпринимательства носят преимущественно имиджевый и спорадический характер прежде всего в силу отсутствия его заинтересованности в продолжительности и системности такого рода участия. Имеет место сопротивление менеджмента, который стремится видеть в социальной ответственности угрозу прибыли. Кроме того, укоренившаяся практика принудительного характера социальной деятельности бизнеса, использование специфических методов привлечения его ресурсов для «дофинансирования» регионов в условиях ограниченности бюджетных средств медленно вытесняется такими существенными в данном случае предпосылками, как создание механизмов положительной мотивации и внешнего стимулирования со стороны властных структур. Присутствует и такая точка зрения: развитие социально ответственного бизнеса – эволюционный процесс. В условиях кризиса для бизнеса на первом плане стоит вопрос выживания, поэтому социальная ответственность станет его составляющей в будущем.

По мнению автора, одним из факторов формирования социально ответственного бизнеса являются социальные сети. Именно они, помимо правовых, организационных и финансовых предпосылок, участвуют в формировании предпосылок социокультурных, не менее важных. В числе таковых следующие: степень развитости предпринимательской культуры; оценка деятельности малого бизнеса в общественном сознании; социокультурная среда, сформировавшаяся в обществе и конкретном регионе по отношению к бизнесу.

Сегодня, наверное, мало кто вспомнит, что пятнадцать лет тому назад, в 1995 г., Билл Гейтс написал книгу «The Road AHEAD» («Дорога в будущее»), в которой глава корпорации Microsoft поделился своим видением удивительных возможностей и непростых перемен наступающего информационного века. А уже через год (!), когда корпорация Microsoft была переориентирована на интернет-технологии, Гейтсу пришлось внести в книгу значительные коррективы. Очень показательный пример.

В наши дни, в связи с чрезвычайно активным построением в Интернете сообществ, порталов и веб-сервисов, лавинообразным ростом их пользователей (по некоторым оценкам, количество пользователей социальных сетей увеличивается каждый год примерно на 50 %) сам термин «социальная сеть» приобретает более широкое значение. И если одна из глав упомянутой книги

Б. Гейтса уже тогда называлась «Последствия для бизнеса», то сегодня феномен социальных сетей всецело поставлен на службу бизнесу.

Популярность и доступность интернет-технологий способствует появлению новых возможностей и способов коммуникации, формирует новую сферу информационного и бизнес-взаимодействия, приводит к возникновению новых видов общественных отношений. По сути, Интернет из нового и более совершенного средства коммуникации превратился в Сеть – особую форму социальности, виртуальную социальность, которая принуждает современного человека встраиваться в модели жизни, труда и потребления, задаваемые социокоммуникативно.

Опубликованные материалы исследований современных пользователей Интернета показывают, что большинство из них уже стали полноправными акторами виртуального взаимодействия, успешно социализировавшись (усвоив сетевой язык, символику, сетикет, нормы и ценности конкретных сообществ и т. п.) в условиях виртуальной социальности.

Для бизнеса и рекламодателей социальные сети предоставляют уникальные возможности непосредственного контакта с потребителями: ежедневно (как правило, и еженощно!) миллионы пользователей ведут беседы о компаниях, их товарах и услугах, делясь своим мнением. Надо ли удивляться, что наибольший интерес к социальным сетям проявляют компании – производители потребительских товаров, спиртных напитков, автомобилей, а также индустрии всевозможных развлечений.

Как известно, структурной единицей потребительского поведения является потребительское решение, под которым подразумевается операция выбора потребителем варианта действия, способного удовлетворить имеющуюся у него потребность, т. е. приобрести или нет некий товар, услугу. Практически все потребительские решения, за исключением импульсивных покупок и покупок ради разнообразия, представляют собой процесс, состоящий из следующих этапов: осознание необходимости сделать покупку; поиск информации о товарах; оценка предлагаемых вариантов; решение приобрести товар; поведение после покупки.

Для осуществления выбора потребитель обращается к собственной памяти, анализируя имеющиеся знания о товарах и услугах. Если этих знаний оказывается недостаточно, он прибегает к внешним источникам информации, в данном случае – к Интернету. В связи с этим интересные сведения, оценки и выводы касательно поведения покупателей в сфере интернет-торговли можно найти в публикации белорусского ученого О. В. Кобяка [6, с. 120–123].

До появления социальных сетей результатов маркетинговых действий ждали месяцами и даже годами. Сейчас можно провести маркетинговую программу и получить отдачу в течение часов и дней. Социальные сети – это тот канал, который навсегда изменил правила игры и всю динамику коммуникаций. Все одновременно и каждый в отдельности могут вступить в открытый диалог, в котором так нуждается целевая аудитория компаний и брендов.

Личный опыт, полученный автором, подтверждает, что социальные сети позволяют детально сегментировать целевую аудиторию и общаться с ней в режиме он-лайн, выстроить взаимовыгодный диалог практически с каждым клиентом. При желании и должной настойчивости с помощью сбора данных в блогах, форумах, социальных сетях и тому подобных местах web 2.0-активности можно услышать голос потребителя (voice of the customer, VOC). С учетом этого можно вести страницы не только «от лица компании», но для каждого продукта или значимой маркетинговой кампании. Это подтверждается примерами, взятыми как из мира «высокой моды», так и за ее пределами.

В частности, владельцы московских модных бутиков и авторских работ имеют достаточно высокий уровень продаж через свои социальные сети. Дизайнер сумок Нутца Модебадзе говорит, что через свой блог в Живом Журнале (http://nutsa-moon. livejournal. com) ее коллекция продается активнее, чем в обычных бутиках. Поклонники Модебадзе, а их более 4000, пристально следят за коллекциями и объявлениями.

Например, в американской корпорации Dell, Inc., одной из крупнейших компаний в области производства компьютеров, еще в 2006 г. было принято решение взаимодействовать он-лайн с недовольными клиентами и решать их проблемы. Ежедневно в рамках различных порталов происходит от 5 до 10 тысяч обсуждений Dell и ее продукции, и каждое из них должно быть замечено и проанализировано. Для этих целей в компании создано специальное подразделение, которое занимается мониторингом блогов, форумов и социальных сетей.

Таким образом, с точки зрения корпоративного маркетинга Интернет является эффективным инструментом, направленным не только на продвижение продукции компании, но и на формирование ее ответственности перед потребителем за качество этой продукции.

Однако сетевая коммуникация выступает не только фактором корпоративной интеграции и социальной ответственности. Формирование сетевых структур, эффективно обеспечивающих движение финансовых, ресурсных, технологических, инновационных, информационных потоков, потоков распространения знаний, культурный обмен, формирование интеллектуального потенциала, выступающих в качестве кристаллизаторов социальных групп и слоев, является одной из наиболее актуальных проблемных сфер регионального развития.

Территориальное экономическое и социальное поведение хозяйствующих субъектов обусловлено коммуникациями, локализованными в пространстве. В эти периоды социальные сети продолжают играть ключевую роль в обеспечении процессов преодоления адаптивных барьеров в социуме, сохранении и поддержании социального порядка, социально-экономической и социально-психологической адаптации, взаимоподдержке индивидов, социальных групп, а также служат источником доверительной информации между ними.

Автор разделяет мнение М. Э. Гербера, утверждающего, что важным фактором, обусловливающим высокую социальную значимость малого бизнеса,

является то, что по своему характеру он основывается на учете местных потребностей, интересов, оказывается более гибким к изменяющимся экономическим условиям и в большей степени способен реагировать на колебания потребительского спроса [7, с. 39].

По состоянию на 1 августа 2010 г. в Брестской области на налоговом учете состояли 8132 частные коммерческие организации, 35 395 индивидуальных предпринимателей, 434 предприятия с иностранными инвестициями и 483 фермерских хозяйства. В сфере малого предпринимательства области работают 117,3 тыс. чел., или 18,6 % от числа занятых в экономике области [8].

Имидж бренда «белорусский трикотаж» поддерживают частные швейные фабрики Бреста, которые предлагают широкий ассортимент продукции – молодежные и свадебные коллекции, деловые костюмы с хорошей посадкой и идеальным кроем и модели в стиле «авангард». Около 300 предприятий занимаются здесь пошивом одежды.

Одним из таких предприятий является СООО «Никольстиль» – динамично развивающаяся компания по разработке, производству и продаже женской одежды собственной торговой марки. Основанный в 2000 г. бизнес сегодня занимает устойчивую конкурентную позицию и обладает собственными высокотехнологичными производственными мощностями, центром дизайна, разработки и исследований, подразделением оптовых продаж и развивающейся сетью фирменной розничной торговли. Основной рынок продаж продукции предприятия (до 80 %) – Российская Федерация. Предприятие ставит перед собой цель достичь лидерства на рынке верхней женской одежды Беларуси и России за счет уникальной комбинации, постоянной оптимизации и максимального согласования основных бизнес-процессов: исследований рынка и тенденций моды; закупки тканей и фурнитуры; дизайна и отделки тканей, дизайна и конструирования изделий; производства и инноваций в технологических процессах; продвижения бренда, дистрибуции и розничных продаж.

Предприятие стремится к посильному участию в проводимой в регионе органами власти при поддержке предпринимательских структур социальной политики, понимая под этим цель социального инвестирования для формирования благоприятной социальной среды для своих работников и территорий своей деятельности, создания условий для стабильности собственной прибыли, получения компанией в перспективе не только экономического, но и ощутимого социального эффекта. Приоритетными направлениями внутренней корпоративной социальной политики компании являются развитие персонала, повышение его профессионально-квалификационного уровня, формирование корпоративной культуры. Успешное достижение поставленных целей на предприятии связывается с эффективным управлением – инновационным и креативным. Пройдя непростой путь становления, решая самостоятельно все свои проблемы при ограниченных ресурсах, активно адаптируясь к социально-экономической среде, СООО «Никольстиль» может рассматриваться как малое инновационное предприятие.

Как отмечает академик Е. М. Бабосов, «одним из существенных признаков креативного управленческого действия является сдвиг от управления материальными ресурсами и активами к управлению главным образом использованием нематериальных активов организаций и предприятий: взаимоотношениями с клиентами и конкурентами, информационными технологиями, инновационными продуктами и услугами, способностями, умениями, навыками и мотивациями персонала» [9, с. 39]. Чтобы получить максимальную отдачу от социальных сетей, руководство предприятия стремится сделать их максимально прозрачными, мотивирует своих сотрудников на участие в принятии быстрых и эффективных решений, создает в коллективах атмосферу доверия и сотрудничества. Эффективное использование трудового потенциала предприятия осуществляется на путях внедрения мотивационных моделей управления, способствующих наиболее полной мобилизации физических и умственных способностей персонала, внедрением оценочных показателей его работы, стимулирующей и гибкой системы оплаты труда.

Изменяющаяся рыночная и информационная среда ставит сегодня перед предприятием несколько проблем: а) каким образом можно активизировать коммуникационные каналы для налаживания эффективного продвижения продукции; б) какими должны стать принципы взаимодействия с потребителем, с тем, чтобы была обеспечена устойчивая двухсторонняя коммуникация с потребителем, превращение его, по возможности, в партнера; в) как добиться адекватной реакции на рост неуправляемости общественных и бизнес-коммуникаций, осуществляемых посредством различных источников.

О том, что с этими проблемами сталкиваются и другие компании, работающие в легкой промышленности, свидетельствуют выступления в СМИ их руководителей, представителей концерна «Беллегпром», а также публикации российских исследователей [10]. СООО «Никольстиль» в качестве долгосрочной стратегии своего развития избрало инновационный путь. В значительной степени он опирается на описанные в данной статье подходы – согласованность стратегии компании с решением ближайших и среднесрочных производственных, маркетинговых и коммуникативных задач; интеграция продвижения продукции; креативная интеграция (фирменный стиль); согласованность действий персонала предприятия, клиентов и покупателей; финансовая и инвестиционная интеграция; интеграция, реализуемая связями с местными органами власти и общественностью региона; интеграция вокруг приоритета интересов потребителя и системы менеджмента качества.

Литература

1. Котляров, И. В. Социологический мониторинг в системе государственного управления / И. В. Котляров // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Социальное знание и белорусское общество». – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 32–38.

2. Лукашенко, А. Г. Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни: Послание Президента Республики Беларусь к белорусскому народу и Национальному

собранию Республики Беларусь: 20 апреля 2010 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Дата доступа : 08.09.2010.

3. HMR – Ведущий портал о кадровом менеджменте [Электронный ресурс] / HR-библиотека; Словарь терминов HR. – Режим доступа: http://www. hrm. ru/db/hrm/Peter_Ferdinand_Drucker/glossary. html. – Дата доступа: 25.08.2010.

4. Туркин, С. Как выгодно быть добрым / С. Туркин. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 381 с.

5. Vesti. ru. Телеканал «Россия 24» [Электронный ресурс]. – Ханс Рейц: в России можно развивать социальный бизнес. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=395822. – Дата доступа: 29.09.2010.

6. Кобяк, О. В. Потребительское поведение минчан в сфере интернет-торговли: условия формирования и основные направления развития / О. В. Кобяк // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Социальное знание и белорусское общество». – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 120–123.

7. Гербер, М. Э. Малый бизнес: от иллюзий к успеху: возвращение к мифу предпринимательства / М. Э. Гербер; пер. с англ. К. Негинский. – М.: Олимп-Бизнес, 2005. – 224 с.

8. Брестский облисполком [Электронный ресурс]. – Информация о деятельности субъектов малого предпринимательства в Брестской области. – Режим доступа: http://www. brest-region. by/topic. php?tid=4693. – Дата доступа: 25.08.2010.

9. Бабосов, Е. М. Антикризисный потенциал креативного управления / Е. М. Бабосов // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Социальное знание и белорусское общество». – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 38–43.

10. disserCat. Электронный каталог диссертаций [Электронный ресурс]. –Маслов, А. А. Социологический анализ системы маркетинговых коммуникаций в современном российском обществе: автореф. дис. … канд. социолог. наук. – Режим доступа: http://www. dissercat. com/content/sotsiologicheskii-analiz-sistemy-marketingovykh-kommunikatsii-v-sovremennom-rossiiskom-obshc. – Дата доступа: 15.08.2010.

V. N. SAMOYLUK

SOCIAL NETWORKS AND FORMING OF SOCIALLY-RESPONSIBLE BUSINESS

Summary

Social networks' web-sites are not only a channel of interpersonal communication, but also represent an essential factor for business development, a tool of promotion of the goods. For example, easy to see, that «Nicole style» company formats, during the process of segmentation of the target audience and on-line communication with the consumer. The key-points of managing of the enterprise are displaced, the head managers' social responsibility and workers' corporate culture are forming, as well as prerequisites for participating in regional programs' realization.

УДК 316.346.32-053.6

И. В. ЛАШУК,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье представлен анализ социокультурных особенностей современной белорусской молодежи. В данном случае под *культурой* мы понимаем «архив» норм, ценностей, идей, представлений и т. п. *Социальное* же в этом смысле – сфера реализации этих норм, ценностей, представлений.

Молодежная проблематика актуализировалась в науке в середине 50-х годов XX в. Поскольку традиционные общества развиваются постепенно, замедленными темпами, опираясь в основном на опыт старших поколений, постольку феномен молодежной культуры относится преимущественно к динамическим обществам и был замечен в связи с конституированием так называемой техногенной цивилизации. Если ранее культура не делилась так ярко выраженно на «взрослую» и «молодежную» (независимо от возраста все пели одни и те же песни, слушали одну и ту же музыку, танцевали одни и те же танцы и т. п.), то теперь у «отцов» и «детей» появились серьезные отличия и в ценностных ориентациях, и в моде, и в способах коммуникации, и даже в образе жизни в целом.

На протяжении долгого времени социологи изучали молодежь в основном в контексте «социальной проблемы». Внимание исследователей было обращено к тем группам молодежи, которые выпадали из общей «нормативности», чаще субкультурным и маргинальным. При таких подходах теряется «реальный молодой человек», его жизненные ситуации и их интерпретации. Более продуктивным, на наш взгляд, является учет полного комплекса взаимоотношений молодежи со средой, компаниями, со взрослыми и т. д. При этом новые социальные реалии, вызванные трансформацией (модернизацией, изменением) практически всех векторов ценностно-нормативного пространства, привели к нарушению, а иногда и к разрыву социальной коммуникации между старшим и молодым поколением, что также требует особого внимания ученых.

Попытаемся провести сравнительный анализ социокультурных характеристик молодежи и более старшего поколения. В данном случае под *культурой* мы понимаем «архив» норм, ценностей, идей, представлений и т. п. *Социальное* же в этом смысле – сфера реализации этих норм, ценностей, представ-

лений. При таком подходе мы имеем возможность уйти от традиционного дискурса «проблематизации» молодежной тематики, что, на наш взгляд, препятствует пониманию целостной природы этой социальной группы и выйти на уровень «молодежной повседневности», в которой выражаются и воспроизводятся доминирующие в обществе ценности.

Итак, центральными понятиями в данном контексте являются «ценности», «ценностные ориентации». В социологии проблема ценностей является одной из центральных. Разработкой данного понятия занимался еще Э. Дюркгейм. В работе «Ценностные и «реальные» суждения» Дюркгейм применил свой «социологический» подход и к объяснению ценностей [2]. Автор, с одной стороны, признает их (ценностей) трансцендентный характер. С другой стороны, само общество в его интерпретации выступает не только как эмпирическая, но и в значительной мере трансцендентная и сакральная реальность, источник и вместилище всех высших ценностей. Эти ценности Дюркгейм считал доступными и подлежащими научному описанию и объяснению. В конечном счете даже самые высокие ценности, с его точки зрения, основаны на реальности, проистекают из нее. Подчеркивая роль ценностного аспекта социальной регуляции, он приходит к выводу о том, что в нормальных условиях внешняя социальная детерминация осуществляется через ценностные ориентации индивидов. Должное и желаемое, нормы и ценности в таком истолковании оказываются двумя сторонами одной медали. Социальные нормы эффективны только в том случае, когда они опираются не на внешнее принуждение, а на нравственный авторитет общества.

Проблема ценностей стала одной из актуальных тем социологии благодаря М. Веберу, который вывел понятие ценности в разряд ключевых в этой области знания [1]. В социологической концепции М. Вебера ценностно-рациональное является одним из четырех типов социального действия и определяется осознанной верой в ценность определенного действия независимо от его успеха. Ценность, по М. Веберу, – это форма человеческого мышления, способ умозаключений. Ее нельзя охарактеризовать в категориях «положительная – отрицательная», «относительная – абсолютная», «объективная – субъективная» и т. п. Ценность, или значимость, есть также соотношение, соотнесенность человека с миром вещей, людей и духовных явлений. Она не связана напрямую с утилитарным назначением этих вещей и событий, практической пользой. Носителем ценностей является личность, постигающая их в опыте внутреннего принятия или отталкивания. Их место в мотивации действий гораздо глубже целей и интересов. Именно отнесение к ценности как к приданию смысла, на основе которого формулируется цель, указывает нам самое главное, что определяет поведение человека. В отличие от Э. Дюркгейма Макс Вебер считал, что ценности находятся по ту сторону эмпирической реальности, несводимы к ней и могут быть предметом лишь веры, но не научного познания.

Социальные ценности как элементы социальной системы наиболее полно рассмотрены в работах Т. Парсонса, который определяет свою теорию соци-

ального действия как «концептуальную схему для анализа поведения живых организмов», поведения, которое ориентировано на достижение цели и ценностно-нормативно регулируется. Действия акторов, по Парсонсу, объединены в системы действия (социальную, систему личности, культурную). «Социальные системы и личности рассматриваются как способы организации мотивированного действия. Культурные же системы – это системы символических эталонов. Эти эталоны создаются или демонстрируются индивидуальными акторами и передаются социальными системами, а также от личности к личности посредством обучения» [3, с. 460–461]. Парсонс делает акцент в своей теории на первичности ценностно-нормативной системы общества по отношению к индивиду, на приоритетности социального консенсуса, стабильности и недопущении конфликтов в обществе.

В рамках противоположной «конфликтной» парадигмы в социологии также присутствует интерес к ценностной проблематике, поскольку существует особый тип социального конфликта – ценностный конфликт. Он может протекать на разных уровнях: внутриличностном, межиндивидуальном, межгрупповом, межинституциональном, межкультурном и межцивилизационном. Ценностные конфликты протекают в условиях ограниченности социальных благ, отражают зачастую глубинные процессы в обществе.

Современные отечественные и зарубежные социологи также активно занимаются теоретическими и практическими разработками в области аксиологии, накоплен достаточно большой материал, посвященный различным подходам к изучению проблемы ценностей. Однако, несмотря на общепризнанность категории «ценность», отсутствует единство мнения в понимании ее сущности и роли в общественной жизни. Многогранность проблемы изучения ценностей и ценностных ориентаций определила существование множества подходов, теоретических и эмпирических оснований к их систематизации, операционализации, классификации и т. д. В зависимости от критерия, положенного в основание, выделяют абсолютные и относительные, объективные и субъективные, идеальные и реальные, индивидуальные и социальные, внутренние и внешние ценности. Достаточно распространенным является деление ценностей в соответствии со сферами жизнедеятельности человека на витальные (жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние, качество жизни и т. д.), социальные (социальное положение, трудолюбие, богатство, профессия, семья, патриотизм, терпимость, равенство, способность к достижениям, личная независимость и т. д.), политические (гражданские свободы, государственность, законность, порядок, конституция, гражданский мир и др.), моральные (добро, любовь, дружба, долг, честь, верность, взаимопомощь, справедливость, уважение к старшим и любовь к детям и др.), религиозные (Бог, Божий закон, вера, спасение и т. д.), эстетические (красота, идеал, гармония, следование традиции или новизна и т. д.).

На сегодняшний день большинство эмпирических исследований ценностей в той или иной степени основывается на методике М. Рокича, которая ба-

зируется на прямом ранжировании их списка. М. Рокич различает два класса ценностей:

1. Терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться (набор из 18 ценностей).

2. Инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации (набор из 18 ценностей).

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства. Достоинством методики является универсальность, удобство и экономичность в проведении обследования и обработке результатов, гибкость – возможность варьировать как диагностический материал (списки ценностей), так и инструкции. Существенным ее недостатком является влияние социальной желательности, возможность неискренности. В представляемом в данной статье исследовательском проекте (социологическое исследование, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси по общенациональной выборке весной 2010 г., выборочная совокупность составила 2238 человек, в том числе 682 респондента в возрасте до 30 лет включительно) изучались базовые ценности, которые представляют собой ядро личности, являются основным мотивом ее социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности, и инструментальные, понимаемые как социально значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

При исследовании инструментальных ценностей мы исходили из того, что «закрепление» ценностей в социальной практике происходит в различных жизненных ситуациях. Выбор в качестве единицы анализа понятия «жизненная ситуация» конкретного человека объясняется тем, что именно она (ситуация) оказывает непосредственное или опосредованное влияние на его (человека) мировосприятие и поведение в каждый конкретный период жизненного цикла. Из этих жизненных ситуаций вытекают социокультурные, а затем и конкретно-исторические ситуации.

Различают «устоявшиеся» и «проблемные» жизненные ситуации. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения.

Базовые (предельные) ценности. Для определения базовых ценностей респондентам предлагалось выбрать из списка 22 ценностей те, которые в наи-

большей степени отражают их смысложизненные ориентации (ответить на вопрос: «Ради чего Вы живете?»). В результате оказалось, что наиболее значимыми для белорусских жителей оказались семья, дети, здоровье, любовь. Соответственно ценностями-аутсайдерами выступили власть, общественное признание, репутация (табл. 1).

Таблица 1. **Базовые (предельные) ценности белорусов**

Базовая ценность	%	Ранг
Семья	71,7	1
Дети	69,6	2
Здоровье	54,7	3
Любовь	38,9	4
Материально обеспеченная жизнь	37,1	5
Душевный покой, комфорт	33,4	6
Дружба	24,6	7
Интересная работа, профессия	23,3	8
Знания, познание мира	22,3	9
Вера	22,3	10
Самореализация	20,3	11
Помощь людям	17,6	12
Самоуважение	14,5	13
Карьера, высокое положение в обществе	10,6	14
Свобода как независимость поступков	9,8	15
Возможность получать любые удовольствия	9,3	16
Долг перед Родиной	8,9	17
Богатство, большие деньги	8,6	18
Секс	7,7	19
Творчество	5,2	20
Общественное признание, известность, репутация	3,4	21
Власть	2	22

В процессе анализа эмпирических данных (с применением факторного анализа) выявлена структура смысложизненных ценностей населения Республики Беларусь в целом. Выделено 8 основных векторных ценностных ориентиров: 1) гедонистические – секс, любовь, возможность получать любые удовольствия, развлекаться, дружба; 2) семейные – семья, дети; 3) альтруистические – долг перед Родиной, помощь людям, вера; 4) творчески-образовательные – знания, познание мира, людей, образование, творчество; 5) властно-материальные – власть, богатство, большие деньги; 6) реализация себя как независимой личности – самоуважение, свобода как независимость поступков, суждений, самореализация; 7) индивидуальное благополучие – душевный покой, комфорт, здоровье; 8) достиженческие – общественное признание, известность, репутация; карьера, высокое положение в обществе, интересная работа, профессия, материально обеспеченная жизнь.

Далее попытаемся определить особенности белорусской молодежи по обозначенным ценностным направлениям. Для этого произведем сравнительный анализ молодежной группы с более старшей возрастной когортой. Сравнительный анализ возрастных групп до и после 30 лет (на основе критерия Манна–Уитни для двух независимых выборок) показал, что по большинству выделенных векторов существуют статистически значимые различия. Исключение составляет 6-й фактор, связанный со стремлением к самореализации. Данные ценности занимают в целом по выборке устойчивое серединное положение в ценностной иерархии. По остальным факторам зафиксированы статистически значимые различия между молодежной и более старшей когортой (рис. 1).

Гедонистические приоритеты в молодежной среде выражены значительно сильнее. Это касается всех ценностей, вошедших в этот фактор (табл. 2).

Таблица 2. **Значимость гедонистических ценностей для белорусов, %**

Гедонистический фактор	До 30 лет	31 и старше
Возможность получать любые удовольствия, развлекаться	18,2	5,4
Дружба	34,5	20,2
Любовь	58,4	30,2
Секс	12,8	5,5

Семейные ценности выражены в большей степени в старшей возрастной когорте. Наиболее значимые различия зафиксированы по такой смысложизненной ценности, как дети. Этот факт объясняется тем, что в возрастной когорте старше 30 лет 63 % опрошенных состоят в браке (среди молодых таких только 34 %) и имеют в среднем 1–2 ребенка, о которых необходимо заботиться.

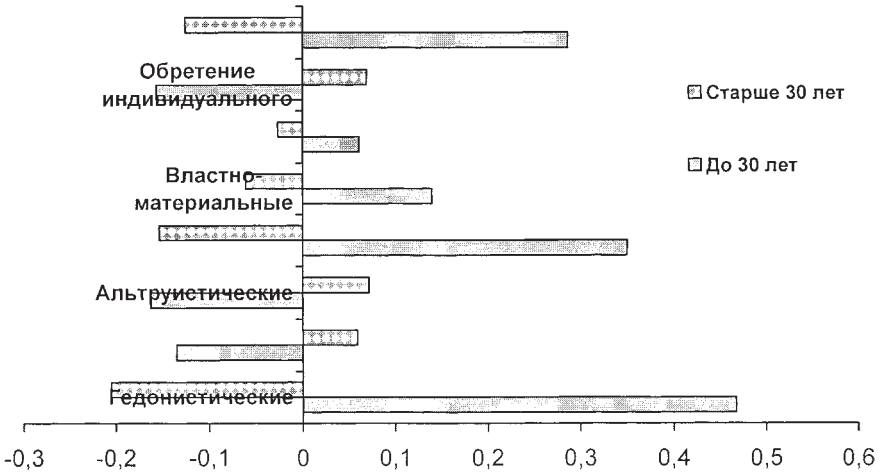


Рис. 1. Различия между молодежью и более старшей возрастной группой по базовым ценностным факторам (среднее значение)

Стремление к альтруизму присуще в большей степени старшей возрастной группе. Особенно это касается таких ценностей, как вера и помощь людям. Долг перед Родиной достаточно низко значим во всех возрастных группах (рис. 2).

Творчески-образовательные ценности более значимы для молодежи по сравнению с более старшей возрастной группой. Молодые белорусы значительно больше ориентированы на получение новых знаний, образовательного уровня, достижение творческих успехов. Этот факт свидетельствует о том, что сегодня юноши и девушки, проживающие в Беларуси, осознают важность получения образования и новых знаний как смысложизненной ценности «молодости».

Властно-материальные стремления также выражены в большей степени у молодой когорты по сравнению с более старшей. Особенно это касается достижения материального богатства. Власть в достаточно низкой степени важна для респондентов в целом по выборке. Белорусская молодежь сегодня стремится к достижению определенного, достаточно высокого уровня материального положения.

Относительно самореализационных ориентаций различий между молодежью и более старшей возрастной группой не обнаружено. Следует, однако, обратить внимание, что по данному фактору обнаружены некоторые особенности. Так, самореализация и независимость более значимы для молодого поколения, однако самоуважение оказалось даже несколько более значимым для старшей возрастной группы (табл. 3).

Таблица 3. **Значимость самореализационных ценностей для белорусов, %**

Самореализационный фактор	До 30 лет	31 и старше
Самореализация	29,6	16,2
Самоуважение	12,8	15,2
Свобода как независимость поступков, суждений	13,1	8,4

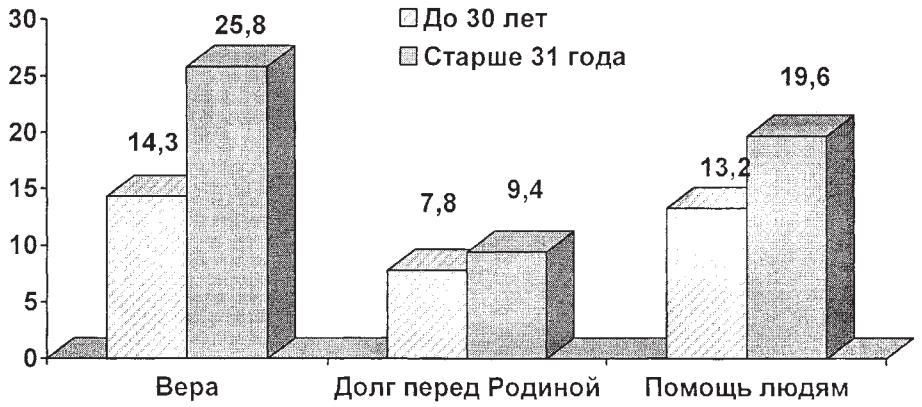


Рис. 2. Значимость альтруистических ценностей для белорусов, %

Для старшей возрастной группы по сравнению с молодежью более важны стабильность и здоровье, душевный покой и комфорт. Молодые белорусы индивидуальной стабильности предпочитают активную жизненную позицию, ориентированную на приобретение и достижение. Более старшие, достигшие определенного уровня жизни и уже «уставшие» от суеты, мечтают о комфорте и стабильности. Тем более что около половины (51,5 %) старшей возрастной когорты обеспокоены состоянием своего здоровья. Достиженческие приоритеты, связанные с общественным признанием, карьерным ростом, положением в обществе и т. д. в большей степени важны для молодежи. Это касается всех ценностей, входящих в данный фактор (табл. 4). Этот факт подтверждает утверждение, что молодые люди сегодня имеют достаточно активную жизненную позицию.

Таблица 4. **Значимость достиженческих ценностей для белорусов, %**

Достиженческий фактор	До 30 лет	31 и старше
Интересная работа, профессия	33,8	18,7
Карьера, высокое положение в обществе	23,1	5,1
Материально обеспеченная жизнь	42,1	34,8
Общественное признание, известность, репутация	5	2,7

Итак, сравнительный анализ молодежной когорты с более старшей возрастной группой по базовым ценностям позволил выделить несколько специфических для молодежи смысложизненных характеристик:

1. Для молодежи более важными по сравнению со старшими группами являются гедонистические, творчески-образовательные, властно-материальные и достиженческие ценности.

2. Менее значимыми по сравнению со старшей когортой оказались семейные ценности и приоритеты, связанные со стремлением к спокойствию и стабильности.

3. Относительно самореализационных ценностей значимых особенностей среди молодежи не обнаружено.

Инструментальные ценности. Эмпирическим индикатором инструментальных ценностей был список из 17 ценностей с формулировкой: «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?» Респондентам предлагалось оценить их значимость по шкале – «помогает во всех ситуациях», «помогает в большинстве ситуаций», «помогает только в некоторых ситуациях», «не помогает вообще». В результате оказалось, что наиболее «включенными» среди белорусов оказались следующие ценности: семья, деньги, жизненный опыт, друзья. Наименее значимыми являются политические и профессиональные ценности (табл. 5).

Таблица 5. **Иерархия инструментальных ценностей**

Инструментальная ценность	Индекс востребованности
Семья	3,10
Деньги	2,66
Жизненный опыт	2,59
Друзья	2,39
Вера в Бога	2,06
Деловые качества	1,98
Наличие нужных связей, знакомств	1,95
Профессиональные знания, умения, навыки	1,94
Нравственные качества	1,91
Информированность	1,74
Личный авторитет, известность, репутация	1,62
Наличие собственности	1,57
Хорошее образование	1,50
Обращение к закону	1,40
Занимаемая должность	1,36
Престиж профессии	1,25
Участие в политической жизни	0,79

Примечание. В таблице представлены порядковые индексы востребованности, находящиеся в пределах от 1 до 4, где 1 – не помогает вообще; 2 – помогает в некоторых ситуациях; 3 – помогает в большинстве ситуаций; 4 – помогает во всех ситуациях.

Статистический анализ позволил выделить (методом факторного анализа) 5 основных направлений «включенности» инструментальных ценностей в решение жизненных проблем: 1) профессионально-образовательные ценности: престиж профессии, хорошее образование, профессиональные знания, умения; занимаемая должность; 2) личностные качества, деловые качества, жизненный опыт, нравственные качества, информированность; личный авторитет, известность, репутация; 3) социально-сетевые ценности: семья, деньги, друзья, наличие нужных связей, знакомств; 4) корыстный вектор: личный авторитет, известность, репутация, наличие собственности, наличие нужных связей, знакомств; 5) нравственно-правовые ресурсы: нравственные качества, обращение к закону, вера в Бога. Далее попытаемся выявить специфику молодежи путем сравнения этой когорты с более старшей. Применение непараметрического статистического критерия Манна–Уитни дало возможность определить наличие значимых различий практически по всем выделенным факторам, за исключением второго вектора, связанного с личностными качествами (рис. 3).

Относительно профессионально-образовательных ценностей обнаружено, что они значительно больше используются именно молодежной социальной группой в отличие от более старшей (рис. 4).

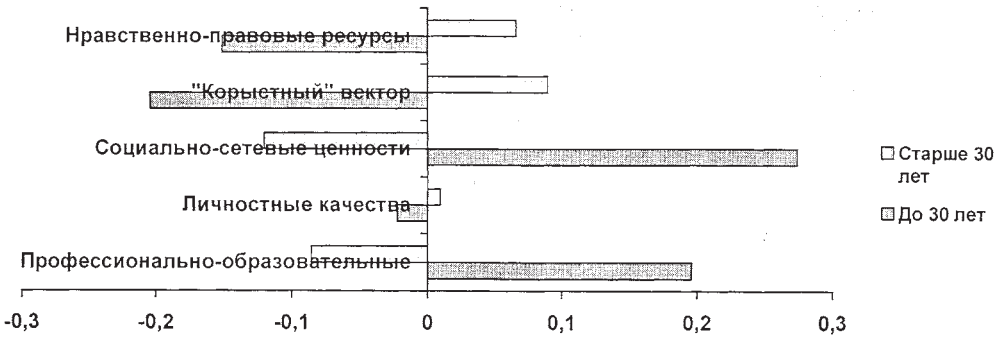


Рис. 3. Различия между молодежью и более старшей возрастной группой по инструментальным ценностным факторам (среднее значение)

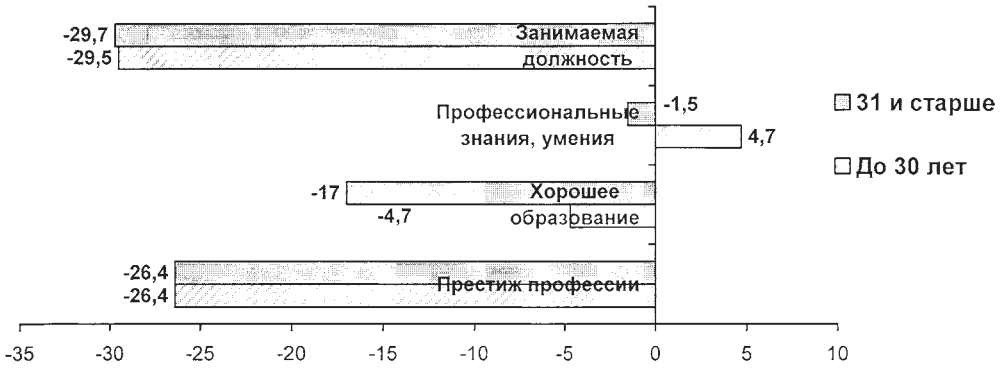


Рис. 4. Востребованность профессионально-образовательных инструментальных ценностей*

Данные, представленные на диаграмме, свидетельствуют о том, что среди профессионально-квалификационных наиболее значимые различия зафиксированы по таким средствам, как профессиональные знания, умения и хорошее образование. Эти ресурсы в большей степени помогают молодым в отличие от более старшей возрастной группы. Таким образом, оказалось, что профессия и образование являются для молодежи и смысложизненными, и инструментальными ценностями. Юные белорусы осознают, что без «хорошего» образования невозможны ни материальные, ни статусные достижения.

Относительно «включенности» личностных качеств как ценностей-средств, как уже было отмечено ранее, статистически достоверных различий между молодежью и старшей возрастной группой не зафиксировано. Наиболее значимыми по выборке в целом оказались социально-сетевые ценности-средства. Однако молодая когорта имеет свои особенности относительно использования данных ресурсов (табл. 6).

* На диаграмме представлены индексы контрастности, рассчитанные как разница между процентом тех, кому данный ресурс помогает во всех ситуациях, и тех, кому не помогает вообще.

Таблица 6. **Востребованность социально-сетевых инструментальных ценностей (индексы контрастности)**

Социально-сетевой фактор	До 30 лет	31 и старше
Семья	47,5	41,3
Деньги	28,6	20,1
Друзья	21,3	5,8
Наличие нужных связей, знакомств	0,6	–5,8

Данные, представленные в табл. 6, свидетельствуют о том, что ценности, входящие в социально-сетевой фактор, имеют большую значимость среди молодых по сравнению с более старшей возрастной группой. Особенно это касается дружеских связей, которые наиболее актуальны для юношей и девушек. Молодые люди имеют больше и временных, и ситуационных, и пространственных возможностей для общения и коммуникации, что помогает им в различных сложных жизненных ситуациях. При этом сам характер взаимоотношений со сверстниками также является для некоторой части молодежи проблемой: 20,7 % молодых белорусов считают налаживание благоприятных отношений затруднительным для себя. Так называемый корыстный вектор востребован в большей степени у старшего поколения по сравнению с молодежью. Наиболее значимые различия зафиксированы относительно «включенности» такой скорее материальной ценности, как наличие собственности. Нравственно-правовые ресурсы также актуальны в большей степени для более старших возрастов (табл. 7).

Таблица 7. **Востребованность социально-сетевых инструментальных ценностей (индексы контрастности)**

Социально-сетевой фактор	До 30 лет	31 и старше
Нравственные качества	3,6	3,1
Обращение к закону	–19,1	–15,2
Вера в Бога	–2,9	15,7

Особенно ярко эта тенденция выражена по отношению к такой ценности, как «вера в Бога». Для старшего поколения именно она в значительной степени помогает в различного рода проблемных жизненных ситуациях. Сравнительный анализ востребованности инструментальных ценностей выявил различия между молодежью и старшей возрастной группой:

1. Для молодежи более значимыми оказались профессионально-образовательные и социально-сетевые ресурсы.

2. Менее востребованными среди молодежи оказались нравственно-правовые ресурсы и «корыстный» вектор, связанный прежде всего с использованием материальных ценностей.

3. Относительно личностных качеств статистически значимых различий между молодежью и более старшей возрастной когортой не обнаружено.

Итак, в ходе анализа было выявлено, что ценностные приоритеты современной белорусской молодежи имеют свои специфические особенности. Зафиксированы статистически значимые различия в социокультурных характеристиках молодого и более старших поколений. Так, молодые белорусы больше ориентированы на приобретение и активное использование профессионально-квалификационных навыков; достижение достаточно высокого уровня материальных и статусных позиций в обществе, а также получение различного рода удовольствий. Менее значимыми по сравнению с более старшими группами являются семейные ценности и ориентации на спокойную и стабильную жизнь. Сегодня молодой белорус готов пожертвовать индивидуальным и семейным покоем ради достижения желаемых ценностей-целей, которые он перед собой ставит. В качестве инструментальных ресурсов востребованы прежде всего социально-сетевые ресурсы. В отличие от более старшего поколения молодые люди не имеют достаточного уровня материальных накоплений, которые они могли бы использовать в решении возникающих жизненных проблем. Что касается нравственно-правовых ценностей-средств, то молодые белорусы в меньшей степени по сравнению со старшими «втягивают» их в повседневную практику. Представленная методология исследования ценностных приоритетов современной молодежи позволила нам выявить характерные именно для этой социальной группы социокультурные особенности. Именно они формируют, с одной стороны, целостность молодежной когорты, с другой – являются показателем того, как будет развиваться общество в будущем.

Литература

1. Вебер, М. Избр. произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106 – 114.
3. Парсонс, Т. П. О структуре социального действия / Т. П. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

I. V. LASHUK

SOCIOCULTURAL PECULIARITIES OF BELARUSIAN YOUTH

Summary

Analysis of peculiarities of modern youth is represented in the article. Since culture is «archive» of regulations, values, ideas, representations and others, and social is the field of realization of this regulations, values, representations, so values and identities fixed in practices.

УДК 316.74:001-053.6

Е. С. БАБОСОВА,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В предлагаемой статье характеризуется мотивационная структура включенности молодежи в социально-политическую деятельность и влияние молодежной политики в качестве фактора устойчивого развития современного белорусского общества. На основе анализа результатов социологического исследования, проведенного Минским НИИ социально-экономических проблем, рассмотрен процесс адаптации молодежи к социально-экономической и политической жизни. Сформулированы выводы и рекомендации по активизации вовлечения молодежи в социально-политическую деятельность в условиях перехода экономики и других сфер жизнедеятельности Республики Беларусь на инновационный путь развития.

Молодежь составляет почти четверть населения республики, является существенной частью избирательного корпуса и трудового потенциала страны и представляет собой важнейший перспективный ресурс развития общества. Именно поэтому одним из важнейших направлений обеспечения устойчивости развития белорусского общества является целенаправленная деятельность по формированию эффективной молодежной политики, а также вовлечению молодых людей в сферу государственно-общественного управления. В связи с этим в условиях трансформации современного общества, оказывающей огромное влияние на все сферы общественной жизни, большую актуальность приобретает исследование отношения молодых людей к изменяющейся социально-экономической, социокультурной и политической среде, а также ценностных ориентаций молодежи в социально-политической сфере.

Государственная молодежная политика представляет собой систему государственных, общественно-политических, социально-экономических, организационных и правовых приоритетов и мер, направленных на поддержку молодежи и создание условий для ее успешной социализации и эффективной самореализации, развития ее потенциала в интересах страны, а также на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности. Трансформация современного общества невозможна без решения проблем молодежи, ее образования, профессиональной подготовки, повышения роли молодежных общественных объединений. Роль и значение молодежи и ее участия в формировании молодежной политики определяются спецификой положения этой

группы в обществе, так как она является одним из важнейших объектов государственных интересов и одним из главных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического и политического развития страны. Существенно актуализируется поиск новых подходов к разработке и осуществлению молодежной политики, в связи с чем возникает необходимость сбора достоверной информации о потребностях и интересах современной молодежи.

Политические убеждения и идеологические предпочтения формируются в процессе политической социализации. Политическая социализация представляет собой совокупность процессов становления политического сознания и поведения, принятия и исполнения политических ролей. Молодежь является наиболее динамичной частью общества, восприимчивой к новым знаниям и новым представлениям о мире. С другой стороны, именно молодежь в сложившейся социально-экономической обстановке является наиболее незащищенной социальной группой, которая легче всего поддается манипулированию, так как у нее еще не окончательно сформированы устойчивые представления и убеждения, политические взгляды и предпочтения. Именно поэтому одной из главных задач молодежной политики является воздействие на молодого человека с целью его физического и морально-нравственного формирования.

Государственная молодежная политика ориентирована на рост социальной и политической активности молодежи, на увеличение количества ее представителей в экономической и социально-политической жизни общества. Это очень широкая многофункциональная область, включающая большой перечень мер, которые затрагивают молодое поколение с момента рождения и до 25 лет (детские сады, поддержка семьи, образование, социальное обеспечение, занятость, жилье). Кроме того, под термином «молодежная политика» подразумевается деятельность специализированных центральных правительственных учреждений, комитетов, комиссий по делам молодежи. Цель молодежной политики заключается в создании благоприятных экономических и политических условий, правовых гарантий, способных улучшить качество жизни молодежи (не в ущерб жизнедеятельности других групп и слоев общества). Цель определяет несколько взаимосвязанных задач молодежной политики, в которые входят: выявление потребностей и интересов различных групп молодежи; создание благоприятных условий для реализации этих потребностей и интересов; создание условий для профессиональной ориентации, подготовки и переподготовки кадров; формирование политических взглядов и навыков политического участия молодежи в политической жизни общества; социальная, материальная, правовая и иная поддержка молодежи; участие молодых граждан в разработке и реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики.

В Республике Беларусь создана законодательная и нормативно-правовая база государственной молодежной политики, закрепленная в Конституции. Важнейшим документом, определяющим основы государственной молодежной

политики, является Закон «Об основах государственной молодежной политики в Республике Беларусь», принятый 7 декабря 2009 г. [1]. В соответствии с законом субъектами государственной молодежной политики являются молодежь, молодые семьи, молодежные общественные объединения, государственные органы и иные организации, участвующие в пределах своей компетенции в реализации государственной молодежной политики.

Разработка основных направлений молодежной политики, так же как и эффективность ее реализации, должна базироваться на четком знании тех проблем, которые в наибольшей степени волнуют современную молодежь. С учетом этих факторов Минским НИИ социально-экономических проблем в 2009 г. был выполнен научно-исследовательский проект по исследованию перспективных вопросов в области государственной молодежной политики среди учащейся, студенческой и работающей молодежи. Цель данного проекта заключалась во всестороннем исследовании проблем минской молодежи и определении наиболее перспективных путей развития молодежной политики [2].

Исследование носило комплексный характер и включало в себя несколько блоков вопросов, ориентированных на выявление эффективности реализации основных направлений государственной молодежной политики. Один из блоков вопросов был направлен на выявление оценок респондентами своего материального положения, жилищных условий. Ряд вопросов затрагивал отношение молодежи к основным социальным институтам, степень и формы участия молодежи в общественной жизни, а также их отношение к общественным объединениям. Отдельный блок вопросов был посвящен выявлению степени религиозности минской молодежи; исследованию их ценностных ориентаций и жизненных планов, отношения к браку и семье, к стандартам здорового образа жизни, к вопросам экологии. Эмпирическую базу исследования составил опрос 1199 респондентов из числа учащейся, студенческой и работающей молодежи в возрасте от 16 до 30 лет.

В ходе исследования было выяснено, что одним из основных факторов, препятствующих активному включению молодежи в общественно-политическую деятельность, является неудовлетворенность различными социально-экономическими проблемами. В соответствии с целью исследования участникам опроса предлагалось из перечня таких проблем выбрать те, которые вызывают у них наибольшее беспокойство. Анализ эмпирических данных показывает, что среди факторов тревожности первое место занимает уровень оплаты труда. Эту проблему в качестве основной указали 68,5 % опрошенных. Второе место в ряду рейтинга тревожности отводится такому фактору, как жилищная проблема – 60,2 %. На третьем – обеспокоенность молодых людей ростом цен на продукты первой необходимости – 48,5 %. Далее следует проблема состояния здоровья (40,4 %). Каждого четвертого опрошенного беспокоит уровень профессионализма и компетентности властей (26,8 %), а также качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств (25,1 %).

Каждый пятый из числа опрошенных обеспокоен размером стипендий и государственных пособий, а также проблемой личной безопасности и безопасности членов семьи (22,2 и 20,7 % соответственно). Распределение ответов респондентов на данный вопрос отражено в табл. 1.

Таблица 1. **Проблемы, вызывающие наибольшую обеспокоенность респондентов (в % от числа опрошенных)***

Проблема	ВУЗ	ПТУ	Работающая молодежь	До 24 лет	Старше 24 лет	Всего
Уровень оплаты труда	71,1	72,0	65,4	69,1	66,5	68,5
Рост цен на продукты первой необходимости	46,9	52,7	49,2	47,8	51,9	48,5
Состояние здоровья	51,6	45,2	30,4	43,1	27,7	40,4
Размер стипендий, государственных пособий	35,6	20,4	10,7	26,0	3,9	22,2
Жилищные проблемы	53,3	59,1	66,4	57,3	74,3	60,2
Качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств	26,0	30,1	23,8	27,8	12,1	25,1
Угроза потери работы	9,1	16,1	17,7	13,6	15,5	13,9
Личная безопасность, безопасность членов семьи	22,2	21,5	19,5	21,8	15,5	20,7
Уровень профессионализма и компетентности властей	29,5	21,5	25,3	28,6	18,0	26,8
Экологическая ситуация в городе	16,9	24,7	15,1	18,1	9,7	16,7
Характер взаимоотношений в семье	22,0	14,0	14,4	18,6	13,6	17,7

* Сумма процентов больше 100, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Как видно из приведенных данных, существует определенная зависимость рейтинга тревожности от социально-демографического статуса респондента. Например, проблемы состояния здоровья и качества медицинского обслуживания в большей степени актуальны для студенческой и учащейся молодежи; жилищная проблема − для работающих молодых людей. Также вполне объяснимым представляется тот факт, что размер стипендий и государственных пособий вызывает наибольшее беспокойство в студенческой среде, а угроза потери работы – в среде работающей молодежи.

Иерархия проблем, наиболее актуальных для современной столичной молодежи, нашла свое отражение и в ответах респондентов на вопрос, какие разделы программы «Молодежь Беларуси» требуют наиболее пристального внимания со стороны органов власти и управления (табл. 2). С 1996 г. основные мероприятия по реализации молодежной политики осуществляются в соответствии с республиканскими программами. В настоящее время действует программа «Молодежь Беларуси» на 2006–2010 гг. Основными направлениями этой программы являются повышение престижа и возможности получения качественного образования, поддержка творческой и научной молодежи, развитие системы трудоустройства молодежи на постоянной основе, пропаганда здорового образа жизни, помощь молодым семьям, развитие молодежного

туризма, принятие упреждающих мер по предотвращению распространения в молодежной среде криминала, пьянства, наркомании. Ожидается, что в результате реализации программы повысится качество жизни сельской молодежи, снизится уровень миграции молодых граждан, в том числе молодых специалистов, работающих в сельских населенных пунктах, уменьшится число безработных среди молодежи, будет развита система временной и сезонной занятости молодежи. Наиболее актуальные направления реализации молодежной политики, по оценкам респондентов, отражены в табл. 2.

Таблица 2. **Наиболее актуальные направления реализации молодежной политики, по оценкам респондентов (в % от числа опрошенных)***

Направление	ВУЗ	ПТУ	Работающая молодежь	До 24 лет	Старше 24 лет	Всего
Развитие трудовой активности молодежи	34,3	26,6	26,1	31,3	22,3	29,7
Социальная поддержка молодых специалистов	51,8	61,7	48,3	52,5	42,2	50,7
Пропаганда здорового образа жизни	38,1	55,3	33,3	38,3	31,1	37,0
Патриотическое воспитание молодежи	8,7	9,6	22,0	14,0	21,8	15,4
Социальная поддержка молодых семей	42,5	61,7	42,1	43,3	46,1	43,8
Формирование нравственно-правовой культуры	30,2	27,7	22,0	27,9	16,0	25,8
Формирование экологической культуры и ответственного отношения к природе	20,4	22,3	13,1	18,5	9,2	16,7
Поддержка детских и молодежных общественных объединений	21,8	18,1	12,7	18,1	12,1	17,0

* Сумма процентов больше 100, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Как видно из приведенных данных, в наибольшей степени молодые минчане ожидают от властей действенных мер по социальной поддержке молодых специалистов (50,7 %) и молодых семей (43,8 %). Значимыми направлениями молодежной политики респонденты считают также пропаганду здорового образа жизни (37,0 %), развитие трудовой активности молодежи (29,7 %) и формирование нравственно-правовой культуры (25,8 %). Кроме того, анализ эмпирической социологической информации убедительно свидетельствует, что существует прямая зависимость между социально-демографическим статусом респондента и его представлениями о наиболее актуальных направлениях государственной молодежной политики. Например, поддержка молодых специалистов, развитие трудовой активности молодежи в большей степени беспокоят возрастную группу молодежи до 24 лет. Старшая возрастная группа (после 24 лет) акцент делает на необходимости патриотического воспитания.

Все это свидетельствует о том, что при разработке конкретных направлений молодежной политики нельзя ограничиваться только лишь одной возрастной группой, определяемой как «молодежь». Возрастные границы социальной градации условны и относительны. Более правильно распространять ее на все подрастающее поколение − молодежь, подростков и детей. Это возможно при

условном разделении массива молодежи на группы (например, от 14 до 18 лет, от 19 до 24 лет, от 25 до 31 года), что позволит более точно адресовать мероприятия в зависимости от возраста.

Существенное влияние на формирование мнений респондентов об эффективности проводимой в стране молодежной политики оказывает то обстоятельство, как складываются отношения молодых людей с органами власти и управления, а также с администрациями предприятий и учебных заведений.

Как показывают данные проведенного исследования, в органы власти обращались менее 1/5 респондентов – 18,9 % (из них 10,5 % обращались неоднократно, 8,4 % − обращались 1 раз). Не обращались в органы власти и управления 61,7 % молодых людей. Еще 1/5 респондентов (19,4 %) заявили, что не обращаются в соответствующие инстанции, поскольку не видят в этом смысла.

В целом мнения столичной молодежи об эффективности проводимой государственной молодежной политики распределились примерно одинаково: приблизительно половина респондентов характеризует ее как эффективную (5,0 %) или как «скорее эффективную» (45,3 %). Чуть меньшее число опрошенных придерживаются противоположного мнения, полагая, что молодежная политика является неэффективной (11,8 %) или «скорее неэффективной» (37,9 %). Причем опять-таки молодые люди из старшей возрастной группы, равно как и работающая молодежь (а зачастую эти характеристики будут совпадать), несколько выше оценивают эффективность молодежной политики, чем учащиеся и студенты, а также молодежь в возрасте до 24 лет.

Изложенные выше данные, основанные на анализе эмпирической социологической информации, позволяют сформулировать вывод о том, что в процессе достижения устойчивости развития белорусского общества большое значение приобретает исследование включенности молодых людей в сферу государственно-общественного управления и их участия в сфере политики. Значительная часть юношей и девушек проявляет интерес к общественно-политической жизни страны, причем большинство из них склоняются к позитивной оценке происходящих в стране социально-экономических и политических преобразований. Анализ данных показывает, что при формировании принципов государственной молодежной политики необходимо учитывать мнения и молодых людей о важности решения социально-экономических проблем. Тогда эффективность молодежной политики будет оценена более высоко, а также увеличится интенсивность включенности молодежи в активную общественно-политическую деятельность. Кроме того, необходимо оказывать поддержку молодежным организациям и обеспечивать возможность участия молодежи в деятельности органов самоуправления.

Литература

1. Об основах государственной молодежной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2009. – Режим доступа: http://www. pravo. by/WEBNPA/text. asp?RN=H10900065. – Дата доступа: 24.09.2010.

2. Социологическое исследование по перспективным вопросам в области государственной молодежной политики среди учащейся, студенческой и работающей молодежи г. Минска [Электронный ресурс] / Минский НИИ социально-экономических проблем. – Минск, 2009. – Режим доступа: http://minsk. gov. by/ru/org/8733/attach/d85c81a/. – Дата доступа: 24.09.2010.

E. S. BABOSOVA

INFLUENCE OF YOUTH POLICY ON STABILITY OF MODERN BELARUS SOCIETY DEVELOPMENT

Summary

Motivational structure of an inclusiveness of youth in sociopolitical activity and influence of youth policy as the factor of modern Belarus society sustainable development is characterized in offered article. Author analyzed process of adaptation of youth to the social, economic and political life on the basis of analysis of results of the sociological research that was conducted by The Minsk Scientific Research Institute of Social and Economic Problems. Also article includes conclusions and recommendations about activization of involving of youth in sociopolitical activity in the conditions of transition of economy and other spheres of living ability of Belarus to innovative way of development.

УДК 316.325

А. Л. ПУШКИН,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ

В статье указаны основные предпосылки социально-экономического, культурного характера, необходимые для становления и развития институтов гражданского общества. Рассматриваются перспективы развития структур гражданского общества на принципах сотрудничества с государственной властью.

Социально-политическое развитие человечества Новейшего времени характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями, взаимодействие которых детерминирует социально-политическое устройство государства. Одна тенденция заключается в повсеместном усилении государственного начала, в повышении централизации и контроля, установлении зависимости личности от государства. Реальность такого развития усиливается по мере развития науки и техники, благодаря которой можно установить повсеместный надзор и контроль над каждой личностью. Чем сильнее развитие современных информационных технологий, тем реальнее осуществить учет и контроль, тем более что причины всегда найдутся (терроризм, внешняя и внутренняя угроза и т. п.)

Другая тенденция заключается в ослаблении насилия в социальной жизни, преобразовании государственного аппарата насилия в аппарат всеобщего экономического равновесия и охраны прав личности. Вторая тенденция является процессом становления гражданского общества, укрепления негосударственных форм регулирования социально-экономической жизни общества. Многогранный характер гражданского общества обусловливает неоднозначность данного понятия, многообразие его трактовок.

Например, Локк трактовал «гражданское общество» как форму государственности, обладающую определенным социально-экономическим и духовным содержанием; Гегель рассматривал данное понятие как промежуточную форму человеческой общности, располагающуюся между семьей и государством и обеспечивающую жизнеспособность общества и реализацию гражданских прав; Т. Пейн считал гражданское общество сферой самореализации частных интересов; К. Маркс отождествлял это явление с совокупностью социально-экономических отношений.

Как философская концепция гражданское общество представляет собой идеальный проект совершенствования человека, природы, общества и госу-

дарственной власти, перманентного повышения уровня гармонии между основными структурами общества. Данный проект предполагает перераспределение властных полномочий государства в пользу общественных организаций, усиления роли гражданина в жизни общества. Например, Ж.-Ж. Руссо считал, что гражданское общество – такая форма ассоциации индивидов, «которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде». Очевидно, что невозможно, соединяясь со всеми, подчиняться только самому себе и оставаться свободным, как и прежде. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него.

Теоретическое многообразие подходов к проблеме гражданского общества сохраняется по настоящее время, сохраняется фрагментарность, многозначность его научного определения. Нет единства и по поводу взаимоотношения государства и гражданского общества, кто они – конкуренты или союзники. Если Дж. Локк провозглашал примат гражданского общества перед государством, то другой английский философ Гоббс противопоставлял государству гражданское общество как нечто недостойное: «…вне государства владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, дикость, невежество». Г. Гегель также признавал примат государства над гражданским обществом. Условно можно выделить две основные модели взаимодействия гражданского общества и государства: либерализм и этатизм. С точки зрения либерализма, чем меньше вмешательство государства в сферу гражданского общества, тем лучше для субъектов гражданского общества. Этатизм занимает противоположную позицию в этом вопросе: чем больше вмешательство государства, его влияние на гражданское общество, тем лучше. По нашему мнению, любая крайность является контрпродуктивной, поэтому оптимальным вариантом является сотрудничество государства и гражданского общества на принципах взаимного уважения.

Современные социологические словари дают следующее определение понятия гражданского общества: 1) «совокупность граждан, добровольных объединений и организаций, которые строят свою деятельность на основе признания приоритета общества и необходимости служения ему государства и его органов»; 2) «область спонтанной самореализации людей (либо в ипостаси свободных индивидов, либо в виде добровольных их объединений в качестве граждан), защищенная соответствующими правовыми нормами от любых проявлений произвольной односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов».

На наш взгляд, данное определение следует дополнить необходимостью признания обеспечения оптимального, гармоничного сочетания частных и общественных интересов, сотрудничества государства и институтов гражданского общества в решении насущных задач общества. Гражданское общество является негосударственной формой регуляции социальной жизни индивидов,

занимает свою специфическую нишу в экономической и социальной жизни общества, при определенных обстоятельствах может содействовать всемерному развитию общества, его консолидации.

Для возникновения и успешного функционирования гражданского общества необходимо создание определенных предпосылок в экономической, политической и духовной сфере. Они проявляются в следующих позициях: существование различных форм собственности и их равенство перед законом, многопартийность, наличие оппозиции, независимых средств массовой информации, общественных объединений и организаций, высокий уровень общественного сознания и культуры, нравственные и духовные критерии, детерминирующие поведение граждан. Важнейшей, системообразующей предпосылкой формирования гражданского общества является наличие гражданина с развитым чувством гражданского долга и ответственности перед обществом. Субъект гражданского процесса должен обладать определенными духовно-нравственными качествами, которые детерминируют эффективную работу общественных структур гражданского общества.

Элементы гражданского общества исторически присущи нашему государству. На территории современной Беларуси традиции гражданского общества, местного самоуправления действовали начиная с раннего Средневековья в виде вече, схода, сейма и др. Вече проводились в наиболее крупных населенных пунктах: Полоцке, Турове, Витебске. В период XIV–XVII вв. около 60 городов на территории Беларуси практиковали такую форму самоуправления, как магдебургское право, в том числе Брест, Высокое, Гродно, Минск, Полоцк, Слуцк и др. В царской России широкое распространение получила такая форма общественного управления, как крестьянское, мещанское и дворянское самоуправление [1, с. 248].

Современное развитие структур гражданского общества западные социологи Э. Фромм, Э. Тофлер, З. Бауман, Фукуяма и другие оценивают критически, отмечая негативные тенденции современного западного общества, которые несут реальную угрозу демократическим институтам, основам гражданского общества. Процессы атомизации, индивидуализации, фрагментации при резком усилении темпа социальной действительности затрудняют процесс адаптации индивидов, социальных групп, институтов к существующей действительности, приводят к эрозии системы институтов современного гражданского общества, разрушают возможность коллективных действий. Усугубляют данный процесс глобальные социально-экономические проблемы современного развития, решение которых возможно, естественно, на глобальном уровне, в рамках ООН, других международных организаций. По-нашему мнению, угроза нищеты и голода является важнейшей для развития гражданского общества, когда проблема выживания становится важнейшей, детерминирующей все остальные факторы существования личности. В 2010 г., по признанию ООН, число голодающих в мире впервые превысило 1 млрд чел.

Зигмунд Бауман в книге «Индивидуализированное общество» выделяет также две опасности для развития системы гражданского общества. Одна

опасность проявляется в бессилии общественных структур, гражданских институтов узаконить то, что служит потребностям и интересам большинства населения, вторая угроза состоит в деградации способности граждан соотносить общественные интересы с личными проблемами, видеть взаимосвязь между ними, что проявляется в аполитичности, равнодушии к общественным проблемам. Свой пессимизм относительно состояния и перспектив развития гражданского общества автор выражает следующим образом: «Сегодня одинокие граждане приходят на agora только для того, чтобы побыть в компании таких же одиночек, как они сами, и возвращаются домой, еще более утвердившись в своем одиночестве. Таким оказывается «гордиев узел», по рукам и ногам связывающий будущее демократии: возрастающее бессилие социальных институтов разрушает интерес к общественным проблемам и общим позициям, в то время как исчезающие способность и желание переводить частные страдания в плоскость общественных проблем облегчают работу тех глобальных сил, которые способствуют этому бессилию и кормятся его результатами» [2, с. 257–258].

Насущная необходимость институтов гражданского общества обусловлена базовыми потребностями личности, социально-экономическим развитием общества, усложнением его структуры и проблем, стоящих перед обществом. В современной общественно-политической ситуации невозможно эффективно управлять государством при высокой степени централизации государственной власти, которая детерминирует функционирование мобилизационного типа экономики, не имеющего самостоятельного стимула к развитию, что является препятствием к созданию эффективной экономики. Необходимость эффективного функционирования структур гражданского общества вытекает также из задачи обеспечения безопасности, стабильности существующего политического строя, так как, решая свои проблемы через государственные или гражданские органы, граждане не стремятся методами всеобщего разрушения изменить существующий политический порядок.

Данные, полученные в ходе социологического мониторинга, свидетельствуют о том, что крайне незначительное количество респондентов готовы участвовать в нелегитимных мероприятиях. Например, допускают свое участие в несанкционированных митингах и демонстрациях 3,1 %, в забастовках – 5,5 %, в голодовках – 2,3 %. Таким образом, количество людей, готовых на прямую конфронтацию с существующим режимом власти, крайне незначительно, следовательно, функционирование организаций гражданского общества возможно только на пути кооперации и сотрудничества с существующей властью, а не конфронтации.

Анализ получаемых в ходе проводимых ежегодно Институтом социологии мониторингов свидетельствует о стабильно высоком рейтинге государственных и религиозных структур и незначительном рейтинге оппозиции, общественных независимых организаций. Данные, полученные в ходе мониторинга 2009 г., свидетельствуют об устойчивой тенденции, которая заключается в зна-

чительном доверии электората в первую очередь государственным структурам и незначительном доверии негосударственным организациям, партиям и оппозиции. Например, доверяют Православной церкви – 54,9 %, Президенту Республики Беларусь – 58,3 %, армии – 50,0 %, в то же время негосударственным СМИ – 14,7 %, независимым профсоюзам – 13,5, политическим партиям – 9,4, оппозиции – 3,6 %. Представленные цифры свидетельствуют о незначительном влиянии общественных организаций, структур гражданского общества на социально-политические процессы в стране.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос о доверии респондентов независимым профсоюзам (1), политическим партиям (2) и оппозиции (3), %**

Вариант ответа	До 30 лет			30–49 лет			50 лет и старше		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Да	14,8	10,1	5,3	13,4	7,9	2,9	12,6	10,5	3,3
Нет	29,7	39,3	45,1	33,4	44,3	53,2	26,1	34,2	59,1
Затрудняюсь ответить	53,0	48,9	47,6	49,9	44,7	40,9	53,6	49,0	34,1

Как следует из данных, приведенных в табл. 1, демографические характеристики существенным образом не влияют на уровень доверия респондентов к политическим партиям и общественным организациям. Единственное различие наблюдается в отрицательной оценке оппозиции молодежью до 30 лет (45,1 %) и людьми старшего поколения – (59,1 %.) Следует обратить внимание на то, что почти каждый второй респондент при ответе на прямой вопрос о доверии политическим и общественным организациям затруднился на него ответить. В определенной мере это вызвано недостатком знаний о деятельности данных организаций в стране или отсутствием самой деятельности, или нежеланием получать такую информацию. При необходимости защиты своих прав только 7,9 % опрошенных в первую очередь обратятся в общественные правозащитные организации, еще меньше – в средства массовой информации – 7,1 %, к депутату, в органы законодательной власти – 3,9 %,и последнее 12-е место в рейтинге занимают профсоюзы – 3,0 %. Первые места в данном рейтинге занимают государственные органы правопорядка, судебная, местная исполнительная власть. Например, 64,6 % опрошенных в случае ущемления своих прав предпочитают обратиться в милицию, каждый четвертый (25,9 %) – в суд (общий или хозяйственный), в прокуратуру – 17,7 %, в органы местной исполнительной власти – 15,5 %.

Представленные цифры свидетельствуют о том, что важнейшая функция гражданского общества по защите прав граждан эффективно осуществляется государственными органами. Что касается общественных организаций, то их роль в отстаивании прав гражданина крайне невелика, что является показателем состояния и значимости данных организаций в обществе. В то же время следует обратить внимание на то, что одним из важнейших показателей развития гражданского общества является правовое государство, когда

в стране господствует закон, перед которым все равны и который защищает права и безопасность всех граждан независимо от их социального статуса, материального положения. Государственные судебные, правоохранительные органы страны в определенной мере решают свои задачи, справляются с возложенными на них обязанностями, обеспечивая в стране безопасность, закон и порядок. Данное положение находит подтверждение в следующих данных социологического мониторинга (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов относительно их безопасности**

Чувствуете ли вы себя в безопасности:	Да, всегда	Чаще да, чем нет	Чаще нет, чем да	Нет, никогда
На улицах Вашего населенного пункта	41,5	39,9	13,8	3,5
В собственном жилище	68,2	24,5	3,0	2,1
В общественных местах	32,4	40,1	17,5	6,6

Таким образом, представленные данные подтверждают, что государственные органы в значительной степени успешно решают важнейшую функцию государства обеспечение безопасности граждан, сохранения закона и порядка. Мы видим, что 4/5 респондентов, как правило, чувствуют себя в безопасности на улице, в доме, в общественных местах, что является хорошим показателем по сравнению с самыми демократическими странами. Однако дальнейшее повышение уровня безопасности возможно при обеспечении тесного взаимодействия государственных органов правопорядка с органами гражданского общества, отдельными гражданами.

В данном случае, учитывая высокий рейтинг существующей власти, представляется перспективной работа структур гражданского общества в кооперации и сотрудничестве с государственными структурами, при этом сохраняя автономию и специфику своих проблем и форм и методов деятельности. Анализ социологических данных мониторинга Института социологии свидетельствует о том, что в обществе существует значительное количество людей, которые по своим нравственно-духовным характеристикам способны эффективно работать в различных структурах гражданского общества. Каждый пятый из числа опрошенных респондентов считает важнейшими для себя такие жизненные ценности, как вера, духовное совершенствование, долг перед обществом, Родиной, помощь людям.

Данные мониторинга подтверждаются социологическими данными сектора социологии СМИ, полученными в ходе анкетного опроса в 2010 г. В ходе данного исследования более 80 % респондентов в той или иной степени согласны с приведенными ниже суждениями: «Для меня быть гражданином Беларуси почетно и важно» – 80,9 %, «Я люблю Беларусь» – 89,8 %, «Долг каждого гражданина – защищать Беларусь, отстаивать ее интересы» – 83,6 %. На прямой вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом Беларуси» – 38,8 % ответили утвердительно, 33,8 % –скорее да, чем нет, 6,9 % – скорее нет, чем да, и только 4,6 % не считают себя патриотом своей страны.

Рассматривая патриотизм как основу гражданского самосознания индивида, мы можем констатировать наличие в стране значительного потенциала для создания структур гражданского общества, основанного на принципах сотрудничества с органами государственной власти. Это обстоятельство никоим образом не отрицает существование плюрализма, борьбы мнений и столкновение различных оценок, но предполагает конструктивную критику и конструктивный диалог различных социальных сил, направленные на улучшение повседневной жизни, социально-экономическое развитие общества в интересах большинства страны. Гражданское общество и государство призваны не противостоять друг другу как антиподы, а гармонично взаимодействовать на основе уважения закона. Необходимость сотрудничества вытекает из основных функций государственной власти, которые тесно взаимосвязаны с функциями гражданского общества. Например, **правовая функция** государства заключается в обеспечении правопорядка, охране прав и свобод человека и гражданина; **политическая функция** – в обеспечении политической стабильности, выработке программно-стратегических целей и задач развития общества; **организаторская функция** – в осуществлении контроля за исполнением законов, координации деятельности всех субъектов политической системы; **социальная функция** – в обеспечении солидарных отношений в обществе, сотрудничестве различных слоев общества, реализации принципа социальной справедливости, защите интересов слабо защищенных категорий граждан (инвалиды, пенсионеры, матери, дети); **культурная функция** – в создании условий для удовлетворения культурных запросов людей, формировании высокой духовности, гражданственности, гарантировании открытого информационного пространства, формировании государственной культурной политики. Таким образом, эффективное выполнение государственных функций возможно при тесном взаимодействии с различными структурами гражданского общества. Решение многих современных проблем, в том числе защита прав и свобод человека и гражданина, возможно только общими усилиями со стороны органов государственной власти и различных институтов гражданского общества.

Взаимоотношения гражданского общества с государством часто рассматриваются с точки зрения перераспределения между ними властных полномочий, в виде линейного процесса перехода властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям. При этом в истории существуют примеры обратного порядка, например в США, где сначала были организованы органы общественного самоуправления, которые постепенно, по мере развития общества, усложнения его социальной структуры, дополнялись органами государственной власти. Принимая во внимание социально-экономические проблемы современного развития человечества, ставящие под угрозу само существование жизни на земле (голод, нищета, экологические угрозы и т. д.), учитывая их глобальный характер, представляется необходимым решение данных проблем в рамках государственных и международных

органов. Следовательно, существующие угрозы и необходимость их преодоления детерминируют необходимость функционирования, прежде всего государственных органов власти. В то же время успешное решение существующих проблем возможно при консолидации общества, объединении усилий государственных и общественных структур. По нашему мнению, основная функция гражданского общества заключается не в расширении и захвате властных функций государственных органов, а в улучшении жизни гражданина, гармонизации его отношений с окружающим миром.

Литература

1. Никитенко, П. Г. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П. Г. Никитенко. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 621 с.

2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

A. L. PUSHKIN

CIVIL SOCIETY: COLLABORATION OR CONFRONTATION

Summary

The basic social, economic and cultural preconditions that are necessary for becoming and development of a civil society institutes are specified in offered article. Two main variants of interaction of a civil society and the state are considered: cooperation and collaboration, confrontation and struggle.

УДК 316.454.3

В. Э. СМИРНОВ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВОЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

В статье предлагается институционально-ролевой подход к пониманию феномена гражданственности, дается определение гражданственности как качества личности и социального института, раскрывается его функция как социального ресурса управляемости обществом.

Термин «гражданственность» (англ. citizenship, нем. Staatsbewußtsein), как и многие другие общественно значимые понятия, получил в контексте отечественной культуры особый, специфический смысл.

На Западе понятие «гражданственность» обычно связано с гражданством, с чертами и качествами «доброго» члена гражданской общины. Дж. Мердок акцентирует внимание на «культурной привычке» и факторах, управляющих процессом ее формирования [1]. Культурные привычки и традиция, принятые в определенном социальном контексте, создают условия доверия, сотрудничества, взаимодействия. Они и характеризуют гражданственность индивидуума, выступающую важнейшим фактором в процессе межличностных отношений. А. Смит в качестве нравственной основы «цивилизованного общества» принимает «естественную симпатию», которая, впрочем, естественна только в «цивилизованном обществе» [2]. Как подчеркивает С. Сильвер, рассуждая о социологии А. Смита: «Возникающий вследствие сложного функционирования механизмов взаимодействия и рефлексии контроль за поведением друг друга является одновременно и источником морального поведения и его прототипом. Симпатия придает умеренность идеям и манерам и обусловливает развитие в высшей степени демократического чувства братства» [3]. Последнее он и соотносит с гражданственностью. Л. Уайт рассматривает гражданственность в контексте своей концепции «символатов», т. е. символизированных межчеловеческих отношений, которые и являются культурой [4].

Несмотря на видимую оригинальность различных подходов, понятие гражданственности в рамках западной культуры в конечном счете можно свести к определению Э. Гидденса, обозначившего свойства гражданственности как «совокупность правил и ресурсов, способствующих производству/воспроизводству социальных институтов, «зафиксированных» во времени и пространстве», и как институциализированных социальных ролей. Критерием гражданственности является способность индивида к выполнению социальных ролей

в соответствии с установленной социетальной моделью, объективированной как декларируемые и желаемые характеристики индивида [5, с. 371]. Гражданство есть присущее гражданину умение выполнять свою роль в гражданской общине, пользоваться правами и свободами гражданина и с чувством гражданской солидарности выполнять гражданские обязанности, доброжелательно относиться к согражданам, уважать их права и свободы. Гражданственность – это, конечно, идеал, но идеал достаточно приземленный, и этим идеалом является добропорядочный бюргер или «потребитель» современности.

Существенно иные черты понятие гражданственности приобрело на отечественной почве. С самого своего появления в XIX в. гражданственность понималась через призму высоких нравственно-этических черт личности. Гражданственность в России далека от обыденности, это не повседневное состояние, проявление гражданственности обычно требует «гражданского мужества». Человек с высоким чувством гражданственности ориентирован не на частный интерес, это ни в коем случае не добропорядочный бюргер, а тот, кто отдает все силы служению на благо народа и страны. Гражданственность требует принимать на себя ответственность за все окружающие человека беды и несправедливости. Как сформулировал А. Н. Аринин, «гражданственность – это узы морально-духовной солидарности по ответственности за продолжение рода и российской цивилизации, если хотите, – за весь мир, всю природу и все человечество» [6]. Формулировка, конечно, далеко не научная, но вполне адекватно демонстрирующая ту специфику, которую приобрело понятие гражданственности в рамках отечественной культуры.

Сегодня понятие гражданственности широко распространено в отечественном обществоведении, и в частности в социологии. Однако одной из ее проблем является употребление понятий, которые либо в принципе не могут быть операционализированы, либо не являются предметом социологической науки. Понятие гражданственности употребляют зачастую не с социологической, а юридической, политологической, этической и других точек зрения. С юридической точки зрения свойство гражданственности выводится из юридического факта гражданства, где человек, являющийся гражданином своей страны и в полной мере выполняющий закрепленные в законе обязанности и пользующийся правами, предоставленными гражданину, тем самым проявляет свою гражданственность. Так, по мнению В. В. Маленкова, гражданственность предполагает преимущественно правовую связь человека и людей как граждан с определенным государством и реализуется через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах [7]. Есть и более широкие подходы к определению данного понятия. Например, Г. Н. Филонов определяет гражданственность как «интегральное качество личности, позволяющее человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным», или «комплекс субъективных качеств личности, проявляющихся в деятельности и отношениях человека, выполняющего основные социально-ролевые функции осознанной законо-

послушности, патриотической преданности, в служении Родине и защите интересов своего Отечества, в подлинно свободной и честной приверженности к ориентациям на общепринятые нормы и нравственные ценности, включая сферы труда, семейно-бытовых, межнациональных и межличностных отношений» [8, с. 21]. Об «энергийной нравственности» пишет Б. И. Коваль [9]. Нельзя не обратить внимание и на позицию Ю. М. Резника, трактующего гражданственность как «способ бытия личности в гражданском обществе» [10].

Из этого очевидно, что дискурсивное поле категории гражданственности достаточно широко. Однако и социологические подходы, в противовес указанным выше, чрезмерно расширяют содержание понятия, в конечном счете уравнивая гражданственность с совокупностью качеств, присущих нормативному типу личности, понимая под гражданственностью полную и максимально «правильную» социализированность человека.

Таким образом, вместо того чтобы исследовать гражданственность как одно из качеств нормативного типа личности, под гражданственностью понимают нормативный тип личности во всей совокупности его качеств. В связи с этим понятие гражданственности теряет научную определенность, конкретность, приобретая аморфный, неоперационализируемый характер.

Гражданственность рассматривается в литературе как качество личности, нравственная позиция, характеристика отношения к государству и обществу. С социологической точки зрения подобное качество личности можно рассматривать как совокупность определенных, ценностно обусловленных социальных нормативов поведения, закрепленных в культуре и осваиваемых в процессе социализации. Как правило, представления о тех или иных качествах личности наиболее полно артикулируются в описании героев и антигероев в произведениях народного творчества, в литературе, в кино и т. д. Белорусский социолог Е. М. Бабосов, понимая под гражданственностью личностное качество, определяет ее как «понятие, означающее формирование в сознании и реализацию в поведении человека гражданских чувств и моральных качеств, воплощенных в его способности и готовности выполнять функции гражданина, заботящегося о благе своего Отечества. Она предполагает активную и целенаправленную включенность личности в политическую жизнь общества…» [11, с. 12]. С точки зрения ролевой теории можно сказать, что речь идет об усвоении в процессе социализации определенных ролевых моделей, норм и ценностей, способствующих активной включенности гражданина в политическую жизнь общества, и не просто способствующих, но обусловливающих способность выполнять функции гражданина. Но если существуют общепризнанные ролевые модели, нормы и ценности, обусловливающие определенные способы деятельности, следовательно, существует определенный социальный институт или институты, структурой которых эти ролевые модели, нормы, ценности и являются.

Это означает, что самоорганизация граждан, их гражданская активность на благо общества обладают не только свойством спонтанности. Она происхо-

дит не хаотично, а в определенных, традиционно и культурно обусловленных формах, в соответствии с определенными ролями и в рамках специфических социальных институтов, регулирующих эту область человеческой деятельности. В этом смысле высокие гражданские качества – это максимально высокий уровень усвоения и исполнения гражданином названных ролевых моделей, а возможность граждан проявлять гражданственность напрямую связана с состоянием социальных институтов, организующих гражданскую деятельность. В этом отношении данные социальные институты можно назвать социальным институтом гражданственности в отличие от гражданственности как личностного качества.

Описание значимого для общества ролевого поведения как средства социализации его членов обычно для всех известных обществ является важной составляющей произведений художественного творчества. Например, описание действий и речей героев древнегреческого эпоса «Илиада» с данной точки зрения – скрупулезное и разностороннее описание определенных, социально значимых в древнегреческом обществе ролей. Ровно так же описываются социально значимые роли в произведениях героического эпоса других народов, в современном театре и кино. Это значит, что описание той или иной социально значимой роли одновременно является и описанием соответствующего социального института, ибо не существует ролей без социального института, элементом которого эти роли являются. Именно поэтому заключающиеся в древних эпосах и иных литературных произведениях описания социальных ролей позволяют вскрыть содержание значимых социальных институтов тех эпох.

В связи с этим встает вопрос, только ли по отношению к древним, неизвестным и малопонятным для нас обществам актуальна подобная методика, основанная на взаимообусловленности институтов и институциональных ролей, которой уже давно интуитивно пользуются историки и культурологи при анализе литературных текстов? Или в отношении современного общества она «не работает»? Все ли социальные институты, существующие в современном обществе, выявлены, артикулированы и категориально осмыслены?

Чтобы разобраться в этих проблемах, обратимся к понятию «социальный институт». Э. Дюркгейм обратил внимание на функциональный аспект социальных институтов. По мнению Н. Смелзера, «институтом называется совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности» [12], а Дж. Мид и за ним П. Бергер и Т. Лукман полагают, что институты представляют собой прежде всего типичные реакции индивидов на типичные ситуации. Глубоко проанализировал социальные институты Т. Парсонс, определяя институты как надличностные образования, образующие макроструктуру общества и находящиеся между собой в определенных отношениях субординации.

Как правило, социальные институты подразделяют на формальные и неформальные. По мнению Ф. Фукуямы, «первые могут быть введены, отменены, изменены росчерком пера. Это типичный манипулируемый объект публич-

ной политики. Напротив, неформальные институты отражают глубоко укоренившуюся социальную практику, которую трудно изменить и на которую трудно повлиять» [13, с. 127] Формальные социальные институты имеют организацию, закрепленную в законах, уставах, иных нормативных актах, в то время как неформальные существуют без формализации ролей и статусов и строятся на основе неписаных норм. К первым относятся такие институты, как законодательная власть, правоохранительные органы, банковская система и т. д. М. Вебер, описывая условия институциализации общественных отношений на примере института капитализма и понимая под такими условиями легитимацию троякого рода, в том числе и со стороны правовых норм, ставил акцент на институтах именно такого, формального типа. Ко вторым можно отнести «дедовщину» в армии, молодежные неформальные объединения, вроде рокеров или эмо, антиобщественный институт организованной преступности и др. Эти институты не имеют формальной организации, однако в определенном смысле они даже более устойчивы, чем формальные институты. Их ведь нельзя «отменить» указом и иным правовым актом. При этом и неформальные социальные институты, известные нам, как минимум артикулированы. О них говорят, обсуждают, изучают, в том числе и социологическими методами.

Однако, на наш взгляд, в обществе есть такие неформальные социальные институты, которые пока не вскрыты, не артикулированы и соответственно не рассматриваются социологической наукой. В этом смысле по сей день актуальны слова Ю. В. Андропова, сказанные 30 лет тому назад: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» [14]. Есть две причины такого положения дел. Одна, если можно так сказать, объективная, связанная с развитием и изменением институциональной структуры нашего общества, с «эпохой перемен», в которую мы живем, когда разрушаются и отмирают одни социальные институты и возникают другие и далеко не всегда отечественная социологическая наука поспевает за изменениями. Вторая, субъективная, обусловлена тем, что наше общество изучается, как правило, по западной матрице и на основе категориального аппарата западной социологии. Осознавая ту или иную общественную потребность, а следовательно, и необходимость существования определенного института, эту потребность удовлетворяющего, обычным делом становится механическое перенесение на отечественные реалии категориальных схем, отражающих институциональные структуры западного общества. Как следствие, попытки выявить в нашем социуме, в нашей истории аналогичные западным социальные институты становятся малопродуктивными. Так, в отечественной истории и в современной социальной практике усиленно выискиваются элементы «гражданского общества» западного типа. В то же время не принимается в расчет тот факт, что ту же социальную потребность в нашем обществе могут удовлетворять другие институты, отличные по сущности и содержанию от западных.

Такие институты в результате остаются «скрытыми», невыявленными, не артикулированными и для их «опознания» остается единственный способ, а именно через литературу, кино, народное творчество (например, в анекдотах, пословицах, поговорках, сказках и т. д.), где описываются и разыгрываются роли, составляющие собой содержание данного скрытого института. Например, в годы перестройки в СССР стал складываться новый тип организованной преступности, с такими до той поры неизвестными в обществе явлениями, как рэкет, «крыша» и т. д. Задолго до того, как были предприняты первые попытки социологической рефлексии этого становящегося социального института [15], образы рэкетиров стали персонажами анекдотов, сатирических рассказов, поговорок, описывались в литературе и разыгрывались в кино. Данным способом в обществе артикулировались роли нового социального института.

На наш взгляд, в таком ракурсе может быть решена и проблема сущности и содержания понятия гражданственности. В научной среде есть согласие в том, что гражданственность есть качество, присущее нормативному типу личности в отечественной культуре. Это исторически устойчивый феномен. Гражданственность как качество нормативного личностного типа предполагалась в русской литературе XIX–XX вв., предполагается и сегодня. Не случайно, в своих выступлениях Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко постоянно обращает внимание на необходимость решения насущных проблем идеологии белорусского государства, определения ведущих идеологических постулатов, путей и методов идеологической работы, в основе которой лежит воспитание гражданственности и патриотизма [16]. О необходимости воспитания гражданственности говорят и обществоведы: Е. М. Бабосов, В. И. Бовш, В. В. Бущик, Ю. М. Бубнов, К. С. Гаджиев, З. Т. Голенкова, А. Н. Данилов, Б. Я. Замбровский, И. В. Котляров, И. И. Кравченко, Ю. А. Красин, А. С. Майхрович, В. А. Мельник, Ю. М. Резник, С. В. Решетников, В. Г. Федотова и др.

Однако если признать, что гражданственность есть качество нормативного типа личности нашего общества, художественное описание которого дает нам литература XIX–XX вв., то в социологическом ракурсе можно трактовать ее как поведенческий норматив, социальную роль, которой соответствует некий социальный институт, определяющий те социальные нормы и ролевые модели, которые мы определили как гражданственность. В этом отношении и гражданственность, и классическое гражданское общество являются социальными институтами, составляющими социальный ресурс управляемости обществом.

Наш интерес к понятию и явлению «гражданственности» связан со спецификой отечественной власти, во-первых, как иерархической, а во-вторых, как власти, исторически основанной на обязанностях, а не правах. Сегодня, как правило, власть противопоставляют обществу, народу, говорят об их взаимоотношении. В этом контексте находит свое место и «гражданское общество», понимаемое как самоорганизовавшееся в определенные структуры общество,

противостоящее власти. Надо заметить, что подобный дискурс, безусловно, понимает власть как нечто отдельное от народной массы, противостоящее ему и осуществляющее функцию власти как некий особый субъект. Подобная позиция имеет свое теоретическое основание – концепцию рациональной бюрократии Макса Вебера, а практическое – опыт западноевропейской цивилизации начиная с Нового времени и по сегодняшний день. В эпоху, называемую Новым временем, в странах Запада появляется профессиональная бюрократия, которая занимается исключительно тем, что осуществляет управление. Конечно, было бы ошибкой сводить всю политическую власть к власти бюрократии, однако именно ее рост, расширение компетенций и так далее сделали бюрократическую власть чрезвычайно важной составляющей политической власти и во многом определили понимание политической власти как автономного в определенной мере субъекта, противостоящего народу. Автономность подобной власти заключается в том, что существует отдельная, особая властная иерархия, главным образом основанная на бюрократической вертикали, и она не совпадает с общественной иерархией, или, правильнее сказать, пирамидой.

Следует заметить, что система рациональной бюрократии, охватывающей все общество сверху донизу, добирающаяся до самых мельчайших его единиц, слишком тяжела, слишком дорого Левиафан обходится любому обществу. Если таким бюрократическим способом вполне можно осуществлять управление в центральных сферах социального управления, то общественной периферией, системой периферических отношений в обществе бюрократия адекватно управлять не в состоянии. Таким образом, проблема периферического управления встает перед любым обществом, вышедшем на стадию бюрократической автономии власти. Как это видно на примере современной России, отсутствие систем власти, систем управления в тех или иных периферийных сферах общественной жизни приводит к параличу общества, разрушает его управляемость, нарушает социальный порядок, несмотря ни на какую твердость бюрократической «вертикали». Любое общество исторически дает свое разрешение описанной выше проблемы. Западное общество организует такие периферийные отношения управления, власти и подчинения в виде гражданского общества, где система работает за счет постоянной конкуренции (борьбы и сотрудничества) властных звеньев за сферы компетенции, что идеологически выражается в борьбе (сдерживании) элементов «гражданского общества» с центральной властью и между собой. (Отметим, что экспоненциальный рост бюрократии в западных странах говорит о кризисе гражданского общества, а не о его расцвете.)

Отечественная же цивилизация дает иной ответ, такой как «гражданственность». Как и служилая (тягловая) система организации русского общества на заре его истории, гражданственность прямо связана не с правами, а с обязанностью и ответственностью. *Гражданственность как качество личности*, по нашему мнению**,** – *это способность личности вне зависимости от своего*

социального положения взять на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния. Принятие на себя ответственности и соответственных обязанностей означает принятие на себя власти в указанной сфере. Именно благодаря гражданственности в «хорошем обществе» восточнославянской цивилизации организуется вся система периферического управления, аналогичная «гражданскому обществу» Запада. Однако для организации «хорошего общества» недостаточно гражданственности со стороны людей. Необходима еще способность государства этой гражданственностью воспользоваться, т. е. своевременно наделять ресурсами и, что наиболее важно, легитимностью того, кто принял на себя ответственность и соответствующие обязанности в проблемной ситуации.

Таким образом, гражданственность можно рассматривать и как способность человека выполнять определенную роль в рамках институциализированных отношений (в этом смысле говорят о гражданственности как качестве личности), и как социальный институт. Гражданственность как социальный институт имеет своей функцией организацию и упорядочивание периферийной управляемости в обществе. В таком качестве институт гражданственности выполняет в нашем обществе ту же роль, какую институт гражданского общества играет в западном обществе, организуя и воспроизводя социальный порядок. С помощью норм, правил, нормативных ролей и статусов гражданственность упорядочивает отношения между властными институтами и обществом и согласовывает автономные интересы власти (автономной управленческой иерархии) с общественным благом.

Гражданственность как социальный институт есть совокупность интериоризованных социальных норм, регулирующих отношения общества с властными институтами: 1) по поводу перераспределения (делегирования) власти; 2) на основе индивидуальной инициативы, связанной со способностью брать на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния; 3) при условии легитимации этой инициативы властью; 4) подкрепляемая социальными ожиданиями общества (сообщества). Исходя из этого, институт гражданственности состоит из трех элементов (базовых ролей): 1) индивидуума, проявляющего гражданственность, т. е. готовность взять на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния в интересах общего блага (а не частного интереса); 2) властных институтов в лице своих представителей, которые либо отрицают инициативу, либо поддерживают ее, делегируя инициатору легитимность, властные полномочия и ресурсы, необходимые для осуществления инициативы; 3) социального окружения (общество, народ). Оно формирует общественное мнение и социальные ожидания, которые оценивают общественную значимость гражданской инициативы и в случае высокой оценки ожидают от власти доброжелательной поддержки инициатора, признают легитимность его нового статуса и его новые властные права. Если власть не оправдывает ожиданий, то общественное мнение признает ее несправедливой,

не заботящейся об общем благе и в конечном счете антинародной. Наоборот, если общественное мнение не признает за гражданской инициативой общую полезность в достаточно высокой степени и, более того, подозревает за ней частный интерес инициатора, оно не требует от власти встречных действий, в лучшем случае, и высказывает в общем отрицательную позицию – в худшем. Обвинение в «проталкивании» частного интереса под видом гражданской инициативы, направленной на общее благо, является худшим возможным обвинением.

Как говорилось выше об иерархии и легитимности в организации власти, в отечественном обществе легитимность идет не снизу вверх, а сверху вниз. Как следствие любая гражданственность может выглядеть самозванчеством без наделения легитимностью со стороны высшей власти. В то же время отказ от наделения легитимностью со стороны власти в глазах народа выглядит несправедливостью, если действия лица, взявшего на себя ответственность, очевидно направлены на благо людей и страны. В истории России мы можем найти достаточно примеров успешного, справедливого поведения высшей власти в подобных ситуациях. Например, показательна история Ермака, покорителя Сибири. Ермак взял на себя ответственность (войну с сибирскими татарами) и соответственно власть в этой сфере. После первых успехов он послал к царю своего сподвижника, атамана Кольцо, за ресурсами и в первую очередь за легитимностью и успешно получил и то, и другое. Цепь власти и управления связывается. Приведенный пример, конечно, исключителен, но подобная коллизия вновь и вновь разрешалась на гораздо более обыденном уровне на всем протяжении русской истории. К сожалению, верно и обратное, а именно неспособность государства в общем и чиновничества в частности воспользоваться гражданской активностью людей, игнорирование ими гражданственности неоднократно становились одной из важнейших причин кризисов управляемости, происходивших как в Российской империи, так и в СССР и странах постсоветского пространства.

Литература

1. Мердок, Дж. Антология исследований культуры / Дж. Мердок. – СПб.: С.-П. ун-т, 2006. – 211 с.

2. Смит, А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М. : Республика, 1997. – 349 с.

3. Капустина, З. Я. Гражданственность как явление культуры [Электронный ресурс] / Интернет-журнал МГУКИ «Культура & общество». – М., 2010. – Режим доступа: http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Kapustina.pdf. – Дата доступа: 05.08.2010.

4. Уайт, Л. Три типа интерпретации культур. Антология исследований культуры. – Т. 1: Интерпретации культуры / Л. Уайт. – СПб.: Университет. книга, 1997. – 561 с.

5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс; пер с англ. И. Тюриной. – М.: Академический Проект, 2003. – 525 с.

6. Аринин, А. Н. Личность и общество: духовно-нравственный потенциал / А. Н. Аринин, Б. И. Коваль, Т. Б. Коваль. – М.: Наука, 1999. – 222 с.

7. Маленков, В. В. Динамика гражданственности в России в постсоветский период: структурно-деятельностный подход: дис. ... канд. социол. наук / В. В. Маленков. – Тюмень, 2006. – 132 с.

8. Филонов, Г. Н. Гражданское воспитание: основные категории и понятия. Основы методики гражданского воспитания / Г. Н. Филонов. – М.: Прогресс, 2001. – 121 с.

9. Коваль, Б. И. Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития: материалы науч. конф. (Москва, 7 декабря 2000 г.) / Б. И. Коваль – М.: Соверо-Принт, 2001. – 143 с.

10. Резник, Ю. М. Формирование институтов гражданского общества (социо-инженерный подход) / Ю. М. Резник // СОЦИС. – 1994. – № 10. – С. 56–67.

11. Бабосов, Е. М. Гражданское общество: концептуализация понятия / Е. М. Бабосов // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 20–21 мая 2010г.). – Могилев: УО «МГУП», 2010. – 372 с.

12. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М. : Наука, 2003. – 564 с.

13. Брагина, Е. Рецензия на книгу Ф. Фукуяма. В состоянии отставания. Объясняя разрыв в развитии между Латинской Америкой и США / Е. Брагина // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2010. – № 3. – С. 127–134.

14. Материалы Пленума ЦК КПСС 14–15 июня 1983 г. – М.: Политиздат, 1983. – 135 с.

15. Лунев, В. В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности / В. В. Лунев // Советское государство и право. – 1991. – № 8. – С. 90–97.

16. Полная стенограмма Послания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 23.04.2009 г. [Электронный ресурс] / Комсомольская правда. – Минск, 2009. – Режим доступа: http://kp.by/daily/24283.4/478897/. – Дата доступа: 04.11.2009.

V. E. SMIRNOV

INSTITUTIONAL ROLE-PLAYING APPROACH TO UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF CITIZENSHIP

Summary

The article suggests institutional role-playing approach to understanding the phenomenon of citizenship, a definition of citizenship as a quality of personality and social institution reveals its function as a social resource manageability of society.

УДК 316.325:352.075(476)

С. В. РЫБЧАК,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИИ ГОСАППАРАТА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются основные параметры дебюрократизации как важного компонента построения государства для народа. Приводится анализ социологических исследований о состоянии работы по дебюрократизации государственного аппарата. Оценивается самочувствие населения Республики Беларусь в аспекте формирования белорусского общества.

Взаимодействие и взаимовлияние политической системы и формирующегося гражданского общества в гносеологическом аспекте представляет собой проблему, решение которой видится в анализе генезиса, структурных элементов и тенденций развивающейся политической культуры. Именно политическая культура общества задает конституирующие рамки демократизирующимся политическим системам, влияя на конфигурацию властных отношений и актуализируя определенные социально-политические ценности, стереотипы, установки, модели политического поведения.

Современный политический процесс в общемировом контексте характеризуется долговременной тенденцией демократизации. Процесс глобальной демократизации затронул не только сферу политических отношений, но и социальную практику в целом. Это актуализировало проблему конституирования свободной от контроля политико-государственных институтов открытой социальной коммуникации, понимаемой в качестве формы существования развитого гражданского общества. В данном случае оно является не только необходимой предпосылкой для успешной демократизации политической системы, но и генерирует параметры социально-экономических и политических трансформаций постсоветских государств.

Для постсоветского пространства проблема анализа тенденций развития формирующейся политической культуры дополняется необходимостью анализа складывающейся модели социально-политической практики в ряде стран СНГ, характеризующейся усилением авторитарных тенденций в политической системе. В теоретическом плане это свидетельствует о наличии дисфункций в продуцируемой политической культурой коммуникации между гражданским обществом и властными институтами, в практическом – ставит вопрос о реальных перспективах демократизации.

Противоречивый характер социально-экономического и политического развития Беларуси в постсоветский период, выразившийся в крайне серьезном

обострении дисфункциональных процессов во всех сферах жизни общества, вызвал нарастание процессов, актуализировавших характерные для дезинтегрированного социума патерналистские ориентации индивидов. Реформирование системы государственной власти в 1996 г. в сторону установления президентской республики в Беларуси явилось выполнением в реальной социальной практике компенсаторной функции власти, которой общество делегировало в момент усиления деструктивных социальных процессов ряд дополнительных полномочий на осуществление действенной политики по выходу из кризиса.

Таким образом, возвращение к традиционной модели взаимоотношений индивида и общества, с одной стороны, и государства, с другой, явилось рациональным выбором подавляющей части общества и гарантировало определенную степень стабильности и предсказуемости на переходный период, что подтверждается данными социологических исследований. Согласно результатам социологического мониторинга белорусского общества, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, была выявлена устойчивая тенденция к снижению количественной доли тех, кто рассматривал дезинтеграцию Советского Союза в алармистическом ключе.

Результаты исследования свидетельствуют, что в политической культуре белорусского общества рейтинг конвенциональных форм политического участия достаточно высок и стабилен. Как показывают социологические данные, более трети населении страны выбирает легальные формы взаимодействия на государственную власть и акцентировано на полноценную коммуникацию с социально-политическими институтами страны, что является свидетельством определенной гражданской зрелости белорусского социума.

Важнейшей составляющей идеологии белорусского государства является социальное благополучие людей, а стратегической задачей власти – построение государства для народа. С этой целью руководством республики осуществляется целенаправленная социальная политика по улучшению жизни людей и укреплению здоровья нации. Среди приоритетов в деятельности государства особое место занимают вопросы защиты жизни, чести и достоинства граждан, качественного улучшения их повседневной жизнедеятельности. Важным компонентом такой социально-политической ориентации является осуществление дебюрократизации деятельности органов власти и управления.

Мнение населения Беларуси о состоянии работы по дебюрократизации государственной службы свидетельствует об улучшении в работе государственных органов и организаций с обращениями граждан. Мониторинговые исследования, проводимые в Институте социологии, свидетельствуют, что 39,4 % респондентов считают, что за последний год стиль, формы и методы работы с гражданами в государственных органах и иных организациях улучшились, практически столько же респондентов считают, что все осталось без изменений, а на ухудшение работы с гражданами указали всего 6,2 % опрошенных.

Оценивая динамику работы сотрудников государственных организаций за последний год по конкретным показателям, в среднем 40 % опрошенных

отметили улучшение в информированности и предоставлении квалифицированной консультации, умении работать с людьми, профессионализме и компетентности, оперативности решения запросов граждан. Более трети населения (в среднем 35 %) указали, что ситуация по этим аспектам не изменилась, а менее 10 % говорят об ухудшении положения. В ноябре 2008г. ситуация по этим показателям была аналогичной.

Результаты опроса свидетельствуют, что чаще всего граждане обращаются за получением справок или иных документов в учреждения здравоохранения (67,6 %), службы жилищно-коммунального хозяйства (53,6 %), в организации по месту работы или учебы (50,0 %), на предприятия связи (44,9 %) и в местные органы власти (43,5 %). Реже всего – в налоговые органы (18,3 %), организации архитектуры и строительства – 18,2 %, загсы – 14,5 % и таможенные органы – 8,0 %.

Наиболее удовлетворены результатами обращения посетители загсов и предприятий связи (более 80 %). От 70 до 80 % обратившихся в организации по месту работы или учебы, органы социальной защиты и учреждения образования также остались довольны решением своих вопросов. Обращает на себя внимание тот факт, что почти каждого пятого респондента не устраивает решение проблем в учреждениях здравоохранения, таможенных органах, организациях архитектуры и строительства, а практически каждого четвертого участника опроса – в службах жилищно-коммунального хозяйства. При этом следует иметь в виду, что организации здравоохранения и ЖКХ являются наиболее посещаемыми гражданами.

С 55,1 до 64,2 % увеличилось число жителей страны, которые указали, что их устраивает размещение сведений на информационных стендах, и соответственно с 38,0 до 21,8 % уменьшилось количество граждан, утверждающих, что информации недостаточно. Однако по-прежнему практически каждому пятому опрошенному (21,8 %) приходится обращаться за разъяснениями к должностному лицу. Граждане, пользовавшиеся информационными стендами (86,2 %), больше всего недовольны тем, что важная информация не выделяется (17,6 %). При этом данная проблема является наиболее актуальной уже на протяжении двух лет. От 12 до 8 % респондентов отметили следующие недостатки: информация напечатана мелким шрифтом (сложно прочесть); информационный стенд расположен неудобно для чтения; нет наглядных сведений, что госорган может сам запрашивать необходимые документы; отсутствует перечень документов, необходимых для получения справки.

По данным опроса, каждый пятый житель Беларуси пользовался книгой замечаний и предложений. Практически каждый третий респондент (35,4 %) говорит о значительном влиянии данного канала обратной связи на решение своих проблем, а каждый четвертый (24,8 %) – о незначительном. Каждый шестой участник опроса (16,3 %) утверждает, что введение книги замечаний и предложений не помогает в решении существующих проблем. Среди основных недостатков, с которыми респондентам приходилось сталкиваться при пользовании книгой замечаний и предложений, были отмечены следующие:

книга не предъявлялась по первому требованию, не поступало информации о принятых мерах, не было реакции на изложенные замечания и предложения.

Респондентам было предложено внести свои предложения по улучшению работы с гражданами. Выяснилось, что посетителям больше всего не хватает внимательного, уважительного отношения со стороны чиновников. Также участники опроса советуют усовершенствовать организационно-правовую базу с гражданами, в том числе повысить оперативность решения вопросов, уменьшить документооборот, ужесточить контроль за работой чиновников, ввести предварительную запись и др.

Но чтобы увидеть, как страна продвинулась вперед, насколько ее граждане стали жить лучше, обычно сравнивают все показатели с предыдущим годом. Из тысячи показателей, наверное, стоит взять только один ключевой, обобщающий – рост валового внутреннего продукта. Беларусь из года в год демонстрировала завидную динамику – ВВП прирастал на 8–11 % в год. Причем все больше национального продукта создается в сфере услуг, что соответствует мировым тенденциям. Следствие такого роста: доходы и расходы консолидированного бюджета страны возросли более чем в 15 раз.

Как изменилась жизнь белорусов за эти годы? Прежде всего отметим, что реальные денежные доходы населения – начисленные зарплаты и назначенные пенсии, а также различного рода государственные пособия – не просто стали значительно большими, они выросли в разы. Это не могло не сказаться как на благосостоянии, так и на мироощущении граждан. Они изменились и весьма заметно. Ведь бытие, как утверждали классики, определяет сознание, и наоборот. Потому-то доминируют у людей спокойствие, уверенность и надежда. Так, треть опрошенных отметили, что за прошедший 2009 г. их материальное положение в той или иной степени улучшилось. Его ухудшение отмечают в 2 раза меньше граждан, которым задавали этот вопрос. Картина разительно отличается от той, что была в 2000 г., – тогда эти цифры были противоположными. Характерно, что на 40 % увеличилось число людей, которые относят себя к среднему классу, а считающих себя бедными – уменьшилось на треть. Соответственно большая часть респондентов воспринимает и оценивает социально-экономическую ситуацию в стране как стабильную. И почти 3/4 опрошенных в той или иной степени довольны своей жизнью. Причем они надеются, что тенденция к ее улучшению остается неизменной. Так, в среднем по республике изменения жизни в лучшую сторону ожидает более трети опрошенных, в явном меньшинстве оказались пессимисты. Несмотря даже на имеющиеся проблемы, самая волнующая из которых, по мнению населения, рост цен. Конечно, молодых больше беспокоит перспектива получения квартиры и первого рабочего места. В то же время межнациональная напряженность и напряженность на религиозной почве – во втором десятке, замыкают список проблем, которые беспокоят общество.

Значительные усилия по дебюрократизации госаппарата, борьбе с коррупцией, похоже, принесли плоды: более пятой части опрошенных отметили низкий уровень коррупции в Беларуси, а большинство считает, что за последние

два года улучшился стиль, формы и методы работы с гражданами в госучреждениях. Вместе с тем удивляет, что 13 % ничего не знают о заявительном принципе «одного окна». Этот принцип является одним из действенных механизмов в системе дебюрократизации. В целом его реализация уже сейчас значительно улучшила работу государственных структур. Еще имеющиеся недочеты связаны и с отсутствием базы данных, которая во многих ведомствах пока находится только на бумажных носителях. Активное внедрение компьютерных технологий и в эту работу позволит устранить остающиеся упущения в функционировании «одного окна». На работе государственного аппарата сказывается и профессионализм кадрового корпуса исполнительной власти. В целом он находится на высоком уровне. Но общее настроение граждан страны можно охарактеризовать однозначно: люди видят, что жизнь меняется к лучшему. Конечно, есть проблемы, но они решаемы, органы власти каждодневно занимаются этим.

Для повышения ответственности, качества рассмотрения обращений, жалоб и снижения бюрократического отношения к проблемам граждан Президентом Республики Беларусь утверждены Директива № 2 «О мерах по дальнейшей дебюрократизации государственного аппарата» и Указ от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц». Вступление в силу этих документов призвано коренным образом изменить отношение государственных органов к организации данной работы на основе повышения личной ответственности руководителей и должностных лиц за ее состояние на местах. Необходимо принимать самые жесткие и решительные меры по искоренению в деятельности отдельных чиновников формализма, волокиты, бездушия и неуважения к людям, ибо это формирует негативный имидж власти в сознании людей.

Социально-экономическое и политическое развитие современного белорусского общества представляет детерминируемый множеством различных по своей природе факторов процесс. В данном случае особое значение имеет общемировой контекст, характеризующийся долговременной тенденцией глобальной демократизации и имплицитно обусловливающий направленность трансформационных процессов в Беларуси в сторону формирования политических институтов развитого демократического гражданского общества. Однако параметры этого процесса, прежде всего его временные сроки, определяются степенью гражданской активности белорусского социума, что закономерно детерминирует внимание к его политической культуре, имплицитно задающей конституирующие рамки модернизирующейся и демократизирующейся политической системе Беларуси. В данном случае основной акцент задан посредством анализа выявленных тенденций развития политической культуры социума в аспекте перспектив процесса демократизации в Беларуси.

Политическая культура трансформирующегося социума представляет собой сложный и противоречивый социальный феномен, адекватное познание которого возможно только при рассмотрении в единстве всех составляющих его структур и элементов, в статике и динамике. Данная специфика обусловила

обращение к парадигме структурного функционализма, где выработанная в ее рамках концепция политической культуры обладает соответствующей системой принципов, методов и категорий, позволяющих адекватно соответствующей социальной реальности общества переходного типа проводить необходимые научные исследования. Обращение к данной концепции позволяет прогнозировать динамику изменений политической системы и параметры трансформации формирующегося гражданского общества в Беларуси, прежде всего в аспекте определения реальных перспектив процесса демократизации в стране, которые в значительной степени политическая культура социума и обусловливает.

Познание политической культуры белорусского социума возможно только с учетом всех факторов, обусловивших параметры ее формирования. Особое значение в данном случае играют историко-государственный опыт белорусской нации, религиозно-конфессиональный фактор и национальный менталитет. Внимание к истории государственности обусловлено тем, что крайне противоречивый характер ее развития оказал серьезное и неоднозначное воздействие на генезис политической культуры белорусского народа, определив ее многоуровневую и хронологически неоднородную структуру, характеризующуюся слабыми связями между различными по природе своего происхождения элементами. Роль религиозно-конфессионального фактора в генезисе национальной политической культуры определяется тем, что религиозные ценности и установки составляют ее нормативно-ценностное ядро и, как свидетельствуют полученные в исследовании выводы, выработанные под воздействием церкви авторитарные интенции, ориентированные на сферу политико-властных отношений, актуализируются частью белорусского общества. Это объективно порождает проблему их релевантности ценностям и нормам развитого гражданского общества, построение которого является насущной потребностью страны. Поэтому возможность институционализации развитого и демократически ориентированного гражданского общества во многом зависит от наличия консенсуса в обществе по проблеме определения вектора политического развития республики в долговременной перспективе, достижение которого предполагается как между самими верующими, так и между верующими и индивидами, не позиционирующими собственную религиозность. Достижение в обществе единства по вопросу базисных демократических ценностей, составляющих несущую основу политической культуры современного постиндустриального социума, имеет все перспективы, так как непосредственно сами догматы христианства этому никоим образом не противоречат, а, напротив, содействуют этому.

В условиях трансформации основных социальных структур и практик насущной потребностью является проблема определения потенциала демократической самоорганизации белорусского общества. Решение данной проблемы достигается посредством обращения к анализу поведенческого аспекта его политической культуры, который выступает способом ее существования. Особенностью политической культуры белорусского общества является стабильно высокий рейтинг конвенциональных форм политического участия,

но на фоне невысокого уровня готовности населения страны их актуализировать в социально-политической практике. С одной стороны, это позволяет констатировать тот факт, что алармистские варианты развития социально-политической обстановки в стране, исходя из особенностей национальной политической культуры, не получают широкого распространения, но, с другой, порождают проблемы трансформации гипотетически высокого потенциала демократизма социума в соответствующий курс политических акторов, репрезентирующих интересы гражданского общества.

Системной задачей политического процесса в Беларуси является формирование гражданской культуры, которая обусловливает перспективы процессов демократизации и становления развитого гражданского общества в стране. В данном случае значение приобретает деятельность всех политических акторов, в той или иной степени способствующих процессу становления культуры гражданственности в обществе. Результаты исследования свидетельствуют о наличии негативных факторов при протекании данного процесса. В первую очередь это вызвано тем, что основные социально-политические институты в ограниченной степени репрезентируют наличествующие социальные интересы. Однако недостаточная способность государственных структур в своей деятельности учитывать интересы и потребности формирующегося в стране гражданского общества не элиминирует проблему становления гражданской культуры. В этом случае речь идет о переадресации социальной ответственности от государства к структурам гражданского общества и иным политическим акторам, заинтересованным в укоренении демократических ценностей и отношений в социальной практике. Это позволяет нам констатировать, что процесс формирования гражданской культуры, выступающий в качестве системной задачи для политического процесса в стране, практически выполнен в той степени, которая необходима для придания условиям его протекания определенного вектора – в сторону дальнейшей демократизации. Проблема только в сроках, так как сравнительно небольшой объем ее социальной базы объективно обусловливает долговременное протекание данного процесса, ускорение которого возможно только в случае инициирования политическими акторами, и в первую очередь государством, эффективного и действенного курса политической социализации граждан страны в духе демократических ценностей.

S. V. RYBCHAK

THE ROLE OF DEBUROCRATIZATION OF THE STATE MACHINERY IN STEADY DEVELOPMENT OF THE BELARUS SOCIETY

Summary

In offered article author examined the major making ideologies of the Belarus state such as social well-being of people and construction of the state for people. The analysis of sociological researches about a condition of work on deburocratization of the state machinery is resulted. The state of health of the population of Belarus in aspect of formation of the belarus society.

УДК 324(476)

С. В. ХАМУТОВСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

В статье выявлена сущность конкретно-социологического подхода к изучению электорального поведения населения, основные его достоинства и недостатки, возможности применения в социологическом исследовании электорального поведения граждан Беларуси. Проанализированы интерпретации данного подхода различными авторами: П. Лазарсфельдом и Б. Берельсоном, Д. Батлером и Д. Стоуксом, С. Хасбандсом и П. Данливи, С. Липсетом и С. Рокканом и др.

Электоральное поведение населения – неотъемлемая составляющая политических и избирательных процессов. Оно может быть определено как форма участия граждан в политической жизни, которая включает политически значимые потребности, мотивы, ориентации, предпочтения, установки и социальные действия электората как специфической социальной общности, проявляемые в ходе избирательных кампаний и выборов в органы государственной власти. Актуальность изучения электорального поведения обусловлена тем, что данный феномен выступает важным социально-политическим показателем, с помощью которого можно определить уровень развития демократии и особенности формирования демократических институтов, характер и динамику взаимодействия государства и граждан, степень политической активности населения, особенности становления гражданского общества в той или иной стране.

Исследование электорального поведения является традиционным вопросом для политической социологии, политологии, социальной психологии. На протяжении всей истории существования политического процесса и выборов как его части велся поиск закономерностей участия людей в политической жизни, постепенно происходил переход от эмпирики к построению теоретических моделей и различных схем электорального поведения. В социологической науке сложились три основных теоретико-методологических подхода к изучению электорального поведения, каждый из которых по-своему интерпретирует механизм политического выбора: конкретно-социологический, социально-психологический и рационально-инструментальный. Цель данной статьи – выявить сущность, достоинства и недостатки конкретно-социологического подхо-

да, определив возможности его применения в социологическом исследовании электорального поведения населения Беларуси с учетом особенностей белорусской политической системы, избирательного законодательства и практики проведения выборов.

Основы конкретно-социологического подхода к анализу электорального поведения были заложены в результате исследования, осуществленного в 1948 г. группой ученых, возглавляемой известным американским социологом австралийского происхождения П. Лазарсфельдом. Указывалось, что суть данного подхода заключается в том, что большинство избирателей голосуют исходя не из собственных сознательных политических предпочтений, а из принадлежности к той или иной большой социальной группе (классу). Именно такие группы обеспечивают базу электоральной поддержки конкретным политическим партиям, кандидатам. Подчеркивалось, что тип голосования конкретной большой группы напрямую зависит от положения последней в обществе [6, с. 272].

В качестве ведущих переменных в конкретно-социологическом подходе рассматриваются классы, группы, религия, возраст, профессия и другие социально детерминированные характеристики. Их влияние на электоральное поведение считается наиболее важным по сравнению, например, с партийной идентификацией, которая, по мнению представителей названного подхода, может быть следствием рационализации электорального выбора, но никак не его причиной. Так, в результате эмпирических исследований П. Лазарсфельда и Б. Берельсона, проведенных во время президентских кампаний 40–50-х годов XX в. в Соединенных Штатах Америки (США), когда ежемесячно интервьюировались небольшие группы зарегистрированных избирателей, направленных на изучение воздействия на электоральное поведение различных факторов, было выявлено следующее:

1) люди с высоким социальным статусом (определяемым уровнем доходов, образованием, профессией) демонстрируют большую приверженность к конкретной политической системе и политически более активны по сравнению с теми, чей статус ниже;

2) мужчины в большей степени, чем женщины, проявляют, участвуя в политической жизни, в том числе в выборах, личностный потенциал; политические позиции женщин часто опосредуются политическими предпочтениями мужчин как лидеров тех или иных первичных групп;

3) политическое участие старших возрастных групп носит, как правило, спокойный, ответственный характер, молодежи – экстремистский, обусловленный стремлением к абсолютным целям;

4) сельские жители меньше включены в политический процесс, чем городские.

В результате корреляционного анализа статистических рядов было установлено, что среди католиков, людей с малым достатком, рабочих и жителей городов обозначилась тенденция голосовать за представителей Демократической партии, а среди протестантов англосаксонского происхождения, с бе-

лым цветом кожи, живущих в комфортабельных домах в сельской местности и городских пригородах и принадлежащих к среднему классу, – за республиканцев. Кроме того, обнаружилось, что сторонниками реформ в исследуемый период выступали скорее мужчины, люди среднего возраста, специалисты, имеющие высшее образование и стабильный доход, жители крупных городов, чем женщины, молодежь и пожилые, рабочие и предприниматели, малообразованные люди, богатые или бедные, жители мелких населенных пунктов.

В итоге были сделаны выводы о том, что, во-первых, в целом конкретно-социологический подход позволяет получать данные вероятностного характера, хорошо поддающиеся измерению, а, во-вторых, акт голосования следует рассматривать как своего рода проявление солидарности индивида с соответствующей большой социальной группой (классом) [10, с. 176]. Подобное поведение электората получило название экспрессивного.

Позднее П. Лазарсфельд, Б. Берельсон и У. Макфи отметили, что, на их взгляд, предвыборные мероприятия и агитационные кампании не обладают большой эффективностью [6, с. 234]. Исходя из результатов их исследований, например, всего лишь половина опрошенных, главным образом люди с уже сложившейся политической позицией, уделяли минимальное внимание публикациям в газетах накануне выборов. Следовательно, П. Лазарсфельд пришел к заключению, что средства массовой информации, агитация и тому подобное в избирательном процессе, как правило, не создают новых политических установок и ориентаций, а лишь усиливают уже сформировавшиеся [8, с. 40–42]. Важной является идентификация индивидов с абстрактной политической общностью, возникающей на основе однотипных социальных факторов. Появилась даже гипотеза, что подобная идентификация ведет к выработке у людей одинаковых или сходных идейно-политических позиций.

В дальнейшем различные авторы по-разному интерпретировали конкретно-социологический подход, внося в него свои дополнения. Так, английские исследователи Д. Батлер и Д. Стоукс, изучая поведение британского электората в 60-х годах XX в., подтвердили наличие тенденции «классового голосования», возможного по двум основным причинам:

1) поддержка той или иной партии в силу веры в то, что она адекватно представляет интересы того класса, к которому принадлежит избиратель при отсутствии враждебности по отношению к иным классам;

2) голосование как проявление классового конфликта [7, с. 301].

В отличие от точки зрения П. Лазарсфельда, не отрицая личностной мотивации индивидов, Д. Батлер и Д. Стоукс предположили, что электоральный выбор тесно связан с партийной идентификацией, являющейся производной от социальной принадлежности. «Само сознание партийной принадлежности – чувство преданности или лояльности по отношению к определенной политической партии – рассматривалось ими как проявление «групповой» психологии той социальной общности, к которой принадлежит избиратель» [4, с. 128].

Английские исследователи С. Хасбандс и П. Данливи, ставя на первое место позицию избирателя в социальной иерархии, вместо партийной иден-

тификации предлагали прежде всего учитывать конкуренцию политических альтернатив в средствах массовой информации. На их взгляд, выбор определяется не столько политическими убеждениями и ориентациями различных больших социальных групп, сколько представлением и интерпретацией их интересов в газетах, на радио, телевидении. Отражение интересов в средствах массовой информации, в свою очередь, частично связано с формированием доминирующей идеологии [2, с. 285]. Из сказанного видно, что в целом С. Хасбандс и П. Данливи считают, что электоральный выбор опосредуется главным образом таким фактором, как коллективное восприятие групповых интересов, в определенной степени находящее воплощение в доминирующей идеологии и политической конкуренции.

Известные американские социологи С. Липсет и С. Роккан дополнили конкретно-социологический подход «генетической моделью» формирования партийных систем и соответствующих им структур избирательных предпочтений на Западе, согласно которой выбор граждан определяется пятью факторами: социальным положением, уровнем доходов, местом жительства, уровнем образования и религиозной принадлежностью [9, с. 50]. Они утверждали также, что различия между большими социальными группами подготавливают социальную базу для политических конфликтов, одновременно создавая проблемное пространство политики и социальную основу политических партий. По мнению этих исследователей, дальнейшее развитие электорального поведения обусловлено степенью влияния на него четырех возможных типов конфликта: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими [1, с. 44].

Любой из конфликтов порождает раскол в обществе, определяющий, в свою очередь, структурирование поддержки партий и беспартийных кандидатов на выборах. Как показали проведенные С. Липсетом и С. Рокканом исследования, наиболее часто встречается такой тип раскола, как дифференциация на собственников и рабочих, а в обществах, разделенных по этническому или религиозному принципу, соответственно преобладают этнические и конфессиональные факторы.

Американский исследователь Р. Инглхарт к модели С. Липсета и С. Роккана добавил «идеологический фактор», позволяющий объяснить изменения политических предпочтений избирателей развитых стран. По его мнению, в общественном сознании жителей индустриальных государств система традиционных ценностей (например, размежевание на «консерваторов – либералов», «правых – левых») постепенно вытесняется системой постматериальных ценностей. Последняя присуща, преимущественно, высокообразованным и успешно приспособившимся к условиям жизни информационного общества социальным группам [3, с. 23]. По «генетической модели» С. Липсета и С. Роккана предполагалось, что индивиды, имеющие скромные доходы, невысокий уровень образования, статус мелкого служащего или рабочего, скорее всего, будут являться приверженцами социал-демократических партий, пропаганди-

рующих либеральные ценности. Высокообразованные люди с хорошим достатком и значительным социальным статусом составят электоральную базу партий консервативного толка. Религиозная часть населения представлялась приверженной соответственно тем политическим партиями, которые каким-то образом связаны с религией. Р. Инглхарт считал, что описанный его предшественниками алгоритм выбора был характерен для развитых стран Западной Европы примерно до 80-х годов XX в., при этом во многих из них (например, Франции и Англии) религиозный фактор и связанные с ним конфликты не играли решающей роли. Конфликт между буржуазией и рабочими, определявший политические предпочтения избирателей стран Западной Европы и США в первой половине XIX в., в дальнейшем уступил место иным причинам, обусловливающим электоральный выбор в первую очередь постматериальным ценностям.

Более детальный анализ конфликтов, влияющих на электоральное поведение, предложил Г. Б. Пауэлл в работе «Современные демократии. Участие, стабильность и сила», выделив два главных типа раскола: экономический и культурный. Первый отражает модернизационные процессы, социальное размежевание на богатых и бедных, второй – состояние религиозных, этнических, языковых традиций. По мнению Г. Б. Пауэлла, экономический раскол в большей степени влияет на уровень участия избирателей в голосовании, который выше в модернизированных странах [11, с. 189].

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что центральным понятием конкретно-социологического подхода к анализу электорального поведения, к которому так или иначе обращается большинство авторов, является солидарность и идентификация индивидов с классом или большой социальной группой. Главным достоинством данного подхода является то, что с его помощью становится возможным выявление социальной базы тех или иных политических сил, он может успешно применяться для определения сходств и различий в политических ориентациях и поведении больших социальных групп исходя из социально-демографических характеристик электората. Но при этом к основным недостаткам относится то, что крайне мало внимания уделяется личностным мотивам голосования, влиянию политических партий на выбор избирателей, экономическим факторам и т. п.

В целом теоретическое содержание конкретно-социологического подхода разработано достаточно детально, но, как показали дальнейшие исследования, его эмпирическая адекватность, т. е. способность прогнозировать исходы выборов в Западной Европе и США, оказалась невысокой. Чрезмерная сконцентрированность представителей конкретно-социологического подхода на «социодемографических характеристиках электората как главных переменных политического анализа, преувеличенное значение, придаваемое изначальной политической приверженности, неспособность различать нюансы в спектре воздействий, оказываемых агитационной кампанией, обнаружили слабые стороны социологически ориентированных исследователей» [5, с. 116].

При попытке адаптации конкретно-социологического подхода к анализу электорального поведения в посткоммунистических странах, в том числе и в Беларуси, также была выявлена его определенная ограниченность и необходимость учитывать специфику политической системы последних. Это объясняется тем, что, как и другие, получившие распространение на Западе концепции и подходы к изучению электорального поведения, конкретно-социологический подход был разработан для обществ с укоренившейся демократией и устоявшимися политическими структурами, институтами и связями, социальными расколами. В посткоммунистических странах (например, в Болгарии, Венгрии, России) наиболее ярко выраженным является не раскол между собственниками и рабочими, как на Западе, а раскол между городским и сельским населением, отдельными регионами [1, с. 46]. Так, выбор жителей села, как правило, характеризуется тяготением к консерватизму, возврату к прошлому, а жители городов настроены более толерантно по отношению к тем или иным возможным переменам. Также на сегодняшний день, к примеру, в Беларуси не наблюдается резких границ между большими социальными группами, но есть дифференциация внутри них (рабочие государственных и коммерческих предприятий, студенты государственных и частных вузов и др.). Кроме того, выбор избирателей может определяться соображениями идеологического характера, симпатией к личностным качествам кандидатов, иными факторами. Объяснить электоральный выбор, исходя исключительно из принадлежности избирателя к той или иной большой социальной группе (классу), невозможно в результате усложнения социально-стратификационной структуры и развития социальной мобильности в белорусском обществе. Поэтому для анализа электорального поведения жителей нашей страны представляется необходимым использование конкретно-социологического подхода в комплексе с иными теоретико-методологическими подходами, разработанными в зарубежной политической социологии, в частности с социально-психологическим и рационально-инструментальным, что обеспечит системное социологическое изучение электорального поведения населения как сложноструктурированного социально-политического феномена и важного атрибута демократической политической системы. Теоретический синтез предоставляет более широкие возможности для изучения электорального поведения населения Беларуси как государства, находящегося в процессе системной трансформации, позволяет эффективнее преодолевать трудности в исследовательской практике, связанные с существующими различиями между эмпирической базой рассматриваемых западных подходов и реальным электоральным поведением населения нашей республики.

Литература

1. Голосов, Г. В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов / Г. В. Голосов // Полис. – 1997. – № 4. – С. 44–55.

2. Данливи, П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы / П. Данливи // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 281–296.

3. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32.

4. Кузнецова, Т. Избирательная система Великобритании: дис. ... канд. политолог. наук: 22. 00. 03 / Т. Кузнецова. – М., 2002. – 184 с.

5. Морозова, Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е. Г. Морозова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 246 с.

6. Berelson, B. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign / B. Berelson, F. Paul, P. Lazarsfeld, W. McPhee. – Chicago: University of Chicago Press, 1954. – 395 p.

7. Butler, D. Political change in Britain: The evolution of electoral choice / D. Butler, D. Stokes. – 2end ed. – New York, 1974. – 500 p.

8. Lazarsfeld, P. The People Choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign / P. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet. – 3d ed. – New York : Columbia University Press, 1968. – 178 p.

9. Lipset, S. Party systems and voter alignments: cross-national perspectives / S. Lipset, S. Rokkan. – New York: Free Press, 1967. – 554 p.

10. Political and Economic Democracy / ed. by M. Ascoli, F. Lehmann. – New York: W. W. Norton & Company, Inc. Publisher, 1937. – 336 p.

11. Powell, G. B. Contemporary Democracies. Participation, Stability and Violence / G. B. Powell. – Cambridge; Massachusetts; London: Harvard University Press, 1982. – 279 p.

S. V. KHAMUTOUSKAYA

THE CONCRETE-SOCIOLOGICAL APPROACH TO STUDYING ELECTORAL BEHAVIOUR OF THE POPULATION: ESSENCE AND FEATURES

Summary

In article the essence of the concrete-sociological approach to studying electoral behaviour of the population, its basic merits and demerits, opportunities of application in sociological research of electoral behaviour of citizens of Belarus is revealed. Interpretations of the given approach by various authors are analysed: P. Lazarsfeld and B. Berelson, D. Butler and D. Stokes, S. Hasbands and P. Danlivi, S. Lipset and S. Rokkan and others.

УДК 316.334.2+339.924]:327.7

М. Н. ХУРС,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

В статье анализируется ход интеграционного процесса на постсоветском пространстве, рассматриваются перспективы его развития в изменившейся геополитической ситуации, обосновывается необходимость задействования в этот процесс социологической науки.

Как нам представляется, вся история развития человечества по сути является непрерывным процессом глобализации экономических, социальных и политических отношений и в этом плане можно утверждать, что глобализация, результируя итоги предыдущих этапов развития, все в большей мере становится основным механизмом и базовым условием дальнейшего развития мирового сообщества. Усиливающийся в мире процесс глобализации происходит в крайне противоречивых, все усложняющихся и обостряющихся социально-экономических и политических условиях как в рамках любого отдельно взятого государства, так и мирового сообщества в целом. С одной стороны, в мировом сообществе растет понимание его неизбежности и позитивов. С другой стороны, процесс глобализации в современных условиях несет громадные экономические, социальные и политические издержки по причине попыток отдельных государств использовать его позитивы для реализации своих узко национальных интересов в ущерб интересам других стран. Особое неприятие вызывают у Запада любые попытки новой интеграции постсоветского пространства. Причины этого очевидны: объединенные государства этого пространства будут по мере продвижения на этом пути составлять им все большую экономическую и политическую конкуренцию, не позволят диктовать свою волю другим странам. Но это их проблемы и решать их им. Для нас же (стран постсоветского пространства) важнее собственная объективная оценка причин и последствий развала единого, авторитетного в международном сообществе государства, усвоение полученных уроков и забота о дальнейшей судьбе своих стран.

Утихли постперестроечные барабаны, закончился парад суверенитетов, наступило горькое прозрение от несбывшихся ожиданий, перед народами и странами постсоветского пространства вновь встала проблема выбора. Кто-то «сориентировался» на Америку и ЕС, наивно полагая, что они им все да-

дут безвозмездно за готовность слепо следовать в русле их неоднозначной и противоречивой международной политики. Большинство же стран постсоветского пространства стали рассчитывать на собственные силы, избрали более реалистичный и дальновидный путь в будущее, сделали своевременный и правильный выбор, встали на путь интеграции. Характеризуя этот возобновленный интеграционный процесс на постсоветском пространстве и говоря о его необратимости, следует отметить, что он развивается крайне противоречиво, со значительными экономическими, организационно-правовыми и социально-политическими издержками. Наиболее яркий пример, подтверждающий правомерность вышесказанного, дает нам беспристрастный и предметный анализ интеграционного процесса в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) – первого интеграционного объединения, возникшего на постсоветском пространстве практически одновременно с оформлением распада СССР.

Главное противоречие интеграционного процесса в рамках СНГ заключается в том, что, несмотря на провозглашенное в его учредительных документах намерение сохранить единое экономическое, социальное, культурное, политическое и информационное пространство (практически все признаки государственного образования), на практике в его рамках делалось нечто иное, диаметрально противоположное задекларированным намерениям. С момента образования Содружества вместо реализации провозглашенных целей абсолютное большинство входящих в него государств под влиянием определенных внешних политических сил и собственных недальновидных политиков почти два десятилетия «отгораживались» друг от друга. Главной причиной «всех бед» Содружества, по общему представлению, является его значительная организационно-правовая аморфность, то, что за время своего существования оно так и не превратилось в реальную и авторитетную международную организацию, осталось своеобразным «дискуссионным клубом» для официальных политиков. Именно по этой причине все принимаемые в его рамках решения носят рекомендательный характер, практически не выполняются.

К чему это ведет? Приведем лишь несколько, наиболее характерных примеров. В сфере экономики Содружество Независимых Государств функционирует во много раз ниже своих возможностей. Обладая 5 % численности населения планеты, 10 % мирового промышленного потенциала, 25 % запасов базовых видов природных ресурсов, Содружество занимает всего лишь 2 % в мировом объеме торговли. Основной причиной этого является то обстоятельство, что большинство государств Содружества, под эйфорией обретения независимости, пыталось переориентировать свои внешнеэкономические связи на «третьи» страны, что крайне неблагоприятно сказалось на результатах экономического взаимодействия в рамках Содружества в целом. Торгово-экономические связи стран СНГ осуществляются в основном на двусторонней основе, причем многие двусторонние отношения, аналогично, как и в рамках Содружества, отягощены нерешенными проблемами, связанными с торговым режимом, долгами и т. д.

Растет и обостряется конкуренция между странами–участницами Содружества на мировых рынках – особенно на рынках углеводородов, металлов, химикатов, текстиля. Прямым результатом экономической дезинтеграции постсоветского экономического пространства стала растущая социально-политическая дифференциация стран Содружества. Причем после распада СССР новые государства стали удаляться друг от друга не только в экономическом и политическом, но и в культурном отношении. Стал все более отчетливо ощущаться цивилизационный разрыв между европейскими и азиатскими государствами, растет культурная дифференциация внутри каждой из этих групп. Страны СНГ за прошедшие годы так и не смогли выработать согласованную позицию по отношению к внешнему миру, что особенно наглядно проявилось в несогласованном с партнерами одностороннем вхождении ряда государств Содружества в ВТО, разности подходов к участию в различных интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. При реализации интеграционного сценария на постсоветском пространстве, по нашему мнению, основой экономического роста должны стать восстановление, модернизация и развитие собственной диверсифицированной промышленной базы, ориентированной прежде всего на внутренний рынок стран бывшего СССР. Его потенциальная емкость позволяет организовать производство продукции массового спроса в экономически эффективных размерах и на должном качественном уровне.

С учетом новых геополитических и геоэкономических реалий, с нашей точки зрения, входящим в него странам необходимо уточнить прежде всего цели и задачи собственной экономической (структурной) политики, выработать долгосрочную взаимосогласованную стратегию действий на пространстве Содружества и приоритетность ее реализации. Интеграционные процессы, как известно, базируются на реалиях бытия и обладают своей логикой и этапностью развития. Следует учитывать, что переход от одной стадии интеграции к другой будет реально происходить в различном страновом формате. Возьмем, к примеру, Движение неприсоединения, с которым мы очень похожи по целеполаганию его создания и развития. По своей стартовой модели оно также являлось результатом поиска путей интеграции молодых государств, отвергавших блоковую политику противостояния Востока и Запада. Ряд базовых принципов Движения неприсоединения, и прежде всего невмешательство во внутренние дела суверенных государств, деполитизация проблем защиты демократии и прав человека, необходимость равноправного политического и экономического взаимодействия всех государств независимо от их политического, экономического и военного потенциала, полностью отвечают и целеполаганию интеграции на постсоветском пространстве.

В общественном мнении стран постсоветского пространства все в большей мере находит понимание тот факт, что Содружество независимых государств сыграло историческую позитивную роль в разрешении проблем и противоречий, возникших на постсоветском пространстве после развала СССР. Стано-

вится очевидным, что все попытки принизить значение Содружества и представить его как «бракоразводную контору» явно заказные и «от лукавого».

Сегодня становится все более очевидной необходимость укрепления и развития этой интеграции в рамках Содружества во всех ее формах. Как нам представляется, наиболее эффективной мерой укрепления СНГ было бы придание ему статуса полноправной международной организации. Вопросов по упорядочиванию нашей внутренней жизни накопилось много. Коллективное их обсуждение, выявление узловых проблем и коллективное принятие согласованных решений позволят снять большинство из них. Только коллективный разум, а не принцип узкого синклита поможет найти правильный путь. Нужно осознание того, что за нас никто этого не сделает. Причем искать эти кратчайшие пути в лучшее будущее нужно смелее, решительнее и ответственнее. И начать этот поиск, как нам представляется, необходимо с поиска ответа на главный, кардинальный, определяющий принципиально дальнейшую судьбу государств и народов постсоветского пространства вопрос – что мы выбираем: интеграцию или резервацию? Если мы выберем последнее, тогда можно ставить точку – туда нам и дорога. Если мы выберем первое, тогда необходимо не откладывая разрабатывать и реализовывать ее четкую, но достаточно гибкую и инвариантную (чтобы не отталкивать других, которые «проснутся» несколько позже Беларуси и России) концепцию воссоединения искусственно (и искусно) разорванного экономического и политического потенциала будущего единого (и бояться этого не нужно, как видим, Европа этот страх преодолела), занимающего достойное место в мировом сообществе и уважаемого им государства.

В этой концепции должна быть продумана до мелочей нормативно-правовая база разноскоростного (по мере осознания необходимости и готовности) объединения. Причем объединительные идеи и механизм их реализации должны быть убедительно аргументированными и четкими, исключающими организационно и в правовом смысле (закреплены конституционно, как, например, в США) возможность новых разводов по амбициям различных местных вождей или внешних сил. Это новое интеграционное объединение должно быть государством, а не клубом для дискуссий на социально-экономические и политические темы.

Решительность и практические шаги на этом направлении европейских государств более чем убедительно подсказывают не только ориентиры выбора пути в будущее, но и дают готовые, апробированные практикой эффективные основные, вполне и нам пригодные механизмы реализации этой задачи. При этом необходимо видеть и учитывать специфику новых условий, в которых предстоит развиваться этому процессу в рамках постсоветского пространства.

Причинами основных проблем и негативных тенденций здесь, на наш взгляд, является следующее:

1. Внешнее скоординированное системное противодействие этому процессу государств, у которых есть сфера интересов, лежащих в объединяющихся

странах и незаинтересованных, по известным причинам, в какой бы то ни было их интеграции. Необходимо учитывать это и быть готовыми к адекватным ответам новым вызовам.

2. Внутренние, объективные и субъективные, противоречия содружества в его существующих формах. Это прежде всего разница стартовых условий и возможностей, связанная со спецификой существовавшего в СССР (и странах СЭВ) разделения труда, как объективный фактор и субъективный – разность интересов находящихся у власти политических сил.

3. Серьезные расхождения в исходной нормативно-правовой базе (Конституции, государственные законодательства, межведомственные и ведомственные нормативные акты в экономической и иных сферах).

4. Координирующим органам содружества не удалось сделать главного: найти (по примеру ЕС) понятные, притягательные для всех консолидирующие идеи и принципы. Например, в Европейском союзе это объединение реально дает гражданам большую степень свободы передвижения, безопасности, экономических шансов и т. д. У нас же для выработки этих идей и принципов и их реализации имеется больше возможностей. То, что они создают (пытаются создать), у нас уже было. Более того, у нас было много чего и большего, что они, во всяком случае, создадут еще не скоро, например: единая Победа в самой страшной и кровавой войне, общая экономика, тесное переплетение духовности и культуры, родственные связи и узы и многое другое. Но координирующие органы различных интеграционных объединений до настоящего времени в этом направлении делают очень мало. Основной причиной этого, на наш взгляд, является то обстоятельство, что многие чиновники этих органов реально не заинтересованы в каких-либо подвижках в этом процессе, в создании действенных единых исполнительных и законодательных органов, поскольку, с одной стороны, не видят себя в этих органах, а с другой – их, видимо, устраивает зарплата повыше, чем в органах госуправления России, и при этом не очень большая обремененность ответственностью за положение дел.

5. Не отработана единая система пропаганды и просвещения населения стран Содружества. Более того, ряд СМИ отдельных стран, и в первую очередь России (предавая ее интересы), всячески противодействует этому процессу, замалчивая, опошляя, вбивая клинья, шельмуя и пороча активистов этого процесса. Население интегрирующихся стран, по сути дела, почти не информируется о реальных подвижках и достижениях, не пропагандируется идея развития интеграции. Отдельные СМИ стран-участниц вместо пропаганды преимуществ интеграции сеют национализм, подозрительность и недоверие, вбивают клинья между государствами и народами.

Для того чтобы решить основные проблемы интеграции, придать этому процессу необратимый и поступательный характер, необходимо осуществить, на наш взгляд, следующие первоочередные меры.

Во-первых, четко сформулировать во всех нормативно-правовых и организационно-распорядительных документах в рамках двух-, четырехсторонних

и общих для всего Содружества соглашений цели и основные, понятные каждому рядовому гражданину будущего объединения и привлекательные для него объединительные идеи. Далее, необходимо в концепции, программе первоочередных мер по ее реализации и других нормативно-правовых документах определить схемы, сроки и организационный механизм формирования единой законодательной, исполнительной и судебной власти нового государственного объединения. При этом в ближайшей перспективе, на наш взгляд, необходимо ставить задачу создания на паритетных началах в рамках этого объединения единой Конституционной комиссии, которая должна в кратчайший срок (не более года) разработать Проект его будущей Конституции. Данный Проект должен быть широко и всесторонне обсужден в заинтересованных в объединении государствах, доработан и принят на всенародных референдумах государств Содружества, принявших решение о добровольном интеграционном объединении.

Дальнейшее вхождение в него новых государств должно также происходить на основе всенародных референдумов в этих государствах, на которых наряду с выявлением мнения населения о целесообразности объединения должен ставиться вопрос о безусловном и полном признании Конституции единого государства. Объединение, таким образом, и на конституционной основе позволит сделать этот процесс стабильным и необратимым, отсечь от него всяческие кривотолки и инсинуации незаинтересованных в таком объединении внешних и внутренних политических сил.

Учитывая специфику социально-политических ситуаций в различных государствах постсоветского пространства, на наш взгляд, было бы целесообразным предусмотреть в этой Конституции различную степень интегрированности в единое государство (полная интеграция, ассоциированное членство, интеграция по различным аспектам, к примеру: коллективная безопасность, единая энергосистема, таможенный союз и т. д.). Такой подход позволит полнее, оперативнее и четче снимать существующие проблемы и разногласия, учитывать и согласовывать специфику национальных подходов и интересов к идее интеграции, укреплять взаимодоверие в процессе этого сближения и единения.

Во-вторых, анализ хода процесса интеграции на постсоветском пространстве показывает, что любым, самым высококвалифицированным и заинтересованным в ней силам и органам не решить имеющихся здесь проблем и противоречий без привлечения потенциалов экономической, политической и в первую очередь социологической науки. Здесь нужны скоординированные и скооперированные, комплексные и предельно глубокие мониторинговые исследования, в ходе которых перед наукой должны ставиться следующие основные задачи:

1. Изучение специфики, форм и методов влияния на интеграционные процессы внешних факторов с разработкой и отслеживанием эффективности необходимых контрмер.

2. Изучение специфики подходов к процессу интеграции внутри самих государств с разработкой рекомендаций по их максимальному согласованию и выработке общих позиций.

3. Исследование состояния нормативно-правовой базы входящих в интеграционное объединение государств с разработкой предложений по ее унификации. Именно унификации, а не сближения, потому что любая степень этого сближения все же будет оставлять различия, которые с неизбежностью будут тормозить весь процесс.

4. Исследование эффективности взаимодействия исполнительных и иных органов интеграционного объединения с аналогичными органами входящих в него государств с разработкой предложений по совершенствованию механизма этого взаимодействия.

5. Исследование эффективности существующей в нем системы информации и просвещения населения с разработкой предложений по ее совершенствованию.

6. Изучение, обобщение и разработка предложений по внедрению опыта интеграции других стран.

При этом, на наш взгляд, наиважнейшим моментом, первоочередной задачей объединенной науки должно стать содействие ускорению создания и постоянному совершенствованию общей системы информации и просвещения населения о сути происходящих в мире и внутри этих стран социально-экономических, политических и иных процессов. Более того, эта система должна, на наш взгляд, располагать соответствующей материально-технической базой в виде телерадиокомпаний, печатных органов, организационных структур для работы с населением по месту жительства. Необходимая здесь информация о достигнутых успехах, имеющихся проблемах в деле интеграции должна осуществляться через единые, финансируемые на согласованных паях (можно по оговоренной пропорции или согласно доле населения конкретного государства) телерадиокомпанию и специализированные печатные органы. Редакции всех теле-, радио- и печатных органов должны быть единые, с равными представительством и полномочиями всех входящих в него государств. Время вещания должно быть самым удобным для зрителей или слушателей, с возможностью их наиболее массового охвата. Специализированные печатные органы наряду с бюджетными могут финансироваться также через подписку и распространяться через почтовые отделения и систему союзпечати стран-участниц. Кроме функции информирования, телерадиокомпания и печатные органы интеграционного объединения должны аккумулировать и обобщать мнения и предложения населения по различным проблемам интеграционного процесса, вести «круглые столы» и дискуссии с оппонентами интеграции.

Особенно эффективной и позитивной для придания необходимых процессу интеграции на постсоветском пространстве динамизма и ускорения, на наш взгляд, была бы пропаганда через эту систему реальных подвижек в этом

вопросе на межрегиональном уровне. При этом, глубочайше убеждены, что наш правильный выбор в этом вопросе может и должен стать ядром нашей общей идеологии, основным механизмом поступательной консолидации народов во всех формах интеграции. Вместе с тем, нам представляется, что дальнейшая судьба и эффективность интеграционного процесса на постсоветском пространстве во многом будет определяться реалиями внешней политики России. Во-первых, становится все более очевидным, что негативные для нее ситуации на Кавказе, в Прибалтике и других постсоветских регионах являются прямым следствием просчетов и неэффективности российской национальной и внешней политики. Во-вторых, явный, алогичный (чтобы не сказать – странный), односторонний, в ущерб своим интересам, выход России из ряда основных договоренностей в рамках Союзного договора с Беларусью, с нашей точки зрения, может привести к наибольшим экономическим, социальным и политическим издержкам, стать главным тормозом интеграции на постсоветском пространстве. Примеров одностороннего отхода России от Союзного договора с Беларусью уже больше чем достаточно. Становится все более очевидным, что России сегодня почему-то больше нужны в собственность лучшие белорусские предприятия, чем равноправный партнер и надежный союзник. Партнерство Беларуси с Россией стало все больше напоминать взаимоотношения двух подруг из известного анекдота, когда одна из них, нежно обнимая подругу одной рукой, – другой пытается переложить из ее сумки в свою безразмерную Белтрансгаз, МАЗ, МТЗ, БелАЗ, БМЗ, сахарные и молочные заводы и все другое, наиболее ценное. Совершенно очевидно, что новых союзников и партнеров на этих принципах Россия никогда и нигде не приобретет. Более того, российским политикам уже сегодня стоит побеспокоиться, как бы из-за таких подходов не потерять и своих последних оставшихся союзников. Жизнь показывает, во-первых, что не все можно отрегулировать «газовым краном» и, во-вторых, у стран, которых им пытаются «регулировать», находятся свои эффективные «краники».

Перевод российской внешней политики от цивилизованных форм на механизм «кранового регулирования» все больше напоминает детей с игрушками, чем продуманную, взвешенную и выверенную дипломатию. Мы уже сегодня видим, как проводимая Россией внешняя политика, и в особенности в отношении соседей, приносит ей все больше экономических и политических издержек. Казалось бы, самое время задуматься и остановиться, но сила инерции, а может, и еще что-нибудь посерьезнее столь велики, что Россия продолжает «набивать себе шишки» об собственный газовый кран и «камни», которые она «разбрасывает» на пути интеграции постсоветского пространства. Такая политика дает противникам и оппонентам России серьезные аргументы в дискуссии о ее роли и месте в мире, не способствует повышению ее экономического и политического имиджа, тормозит процесс движения к более подобающему месту в мировом сообществе и, безусловно, отражается на внутриполитической ситуации. Очевидно, все это неизбежно заставит россиян

задуматься над вопросом, чьи интересы выражают и кому служат те, кого они избирают кандидатами в предстоящей избирательной кампании. Народ невозможно обманывать до бесконечности. Надеемся, что россияне в ходе предстоящей избирательной кампании обязательно зададут себе этот вопрос и подумают, прежде чем сделать свой новый судьбоносный выбор.

M. N. KHURS

PROSPECTS FOR INTEGRATION OF POST-SOVIET STATES WITHIN THE CONTEXT OF NEW GEOPOLITICAL REALITIES

Summary

The article examines the integration process throughout the territory of the former Soviet Union states and the prospects of its development in the changed geopolitical environment, and grounds the necessity of engaging the sociological science in this process.

УДК 316.422:159.923.2

В. И. РУСЕЦКАЯ,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается трансформация процесса идентичности в современном социокультурном пространстве. Идентичность традиционно основывалась на стабильности социальной структуры, идеалов, ценностей и норм. В современных условиях идентичность не есть что-то неизменное и устойчивое, это подвижное, меняющееся состояние, обусловленное изменчивостью окружающего мира. Пластичность личностной и социальной идентичности становится закономерным фактором.

Удивительный мир писателей-фантастов предсказал многие свершившиеся ныне технические, научные достижения. Поэтому, как это ни парадоксально, можно вполне согласиться с Борисом Стругацким в том, что он предсказывает исчезновение самого понятия национальной самоидентификации. Причем она падет, по мнению писателя, жертвой глобального потребления. Действительно, в глобальном наступлении современной технической цивилизации самобытные национальные культуры сохраняются некими островками, заботливо охраняемыми подвижниками, представителями этих культур. Писатель отмечает возникновение некоей «синтезированной», всеобщей культуры, в которой намешано всего и отовсюду, взято из разных времен и у непохожих народов, и возникли уже целые континенты искусства, к которым все труднее крепится ярлычок «национальное». Феноменом, который безболезненно и весело освобождает человечество от национальной самоидентификации, является мир потребления, мир развлекающегося обывателя-потребителя, дающий человеку максимальную свободу выбора. О великий мир потребления, ты совершенно безболезненно разрешаешь самые сложные проблемы современного мира, причем делаешь это без насилия, войн и лишений! Серые бригады и колонны, чеканящие шаг по мостовой и определяющие, кто на что пригоден в жизни, никогда, по мнению писателя, не выходят из этого мира, наоборот, они появляются тогда, когда этого веселого мира потребления нет, когда благ на всех не хватает. Возможно, эта точка зрения несколько утрированно представляет наше ближайшее будущее, но многие рациональные доводы в ней присутствуют.

Процессы, идущие в современной глобализирующейся культуре, оказывают неоднозначное воздействие на формирование идентичности современного человека. С одной стороны, глобализация привлекательна для него, поскольку

апеллирует к универсальным принципам гуманизма, плюрализма, субъективной активности человека, ментально освобождает его от пространственных ограничений, накладываемых на него фактом проживания в данной стране. Появление «глобальных» форм коммуникации (спутниковое телевидение, Интернет) дает человеку возможность «принадлежать» к группам и культурам, в которые он физически не погружен, т. е. дает возможность этим группам культурно присутствовать в жизни отдельных общностей и обществ. Таким образом, возникают сообщества, в которых чувство идентичности индивида вырастает из связи с другими (часто пространственно отдаленными) людьми не в результате общего воспитания и совместного проживания, но вследствие общих интересов, общих идеалов или как минимум совпадения мнений. С другой стороны, множественность систем ценностей, подходов, типов культурного поведения, расширяя сферу социально и культурно одобряемого, порождает у человека экзистенциальное напряжение. Это напряжение обусловлено прежде всего необходимостью совершения выбора, сознанием неопределенности и даже распадом «существующих форм социальной жизни, их некомплементарностью, а также необходимостью пребывания во все более расширяющемся поле неартикулированной реальности» [1, с. 28].

Процессы, которые постоянно идут между этими полюсами, могут быть рассмотрены не только как фактор, осложняющий формирование идентичности современного человека и вызывающий у него чувство затерянности в многозначности мира, но и как характеристика собственно культурной ситуации, как процессы, которые идут в самой культуре. А процессы эти неоднозначны и таковы, что порой культурные различия между поколениями одной страны более ощутимы и значимы, чем, например, различия между жителями разных государств, народностей и рас. Возможности современного общения, например возможность реально (вернее, виртуально) присутствовать при помощи Интернета на вечеринке людей, находящихся в другой стране, действительно стирают границы не только в реальном материальном мире, но и в сознании людей. Вспомним, как робели многие из нас, наши родители, когда надо было ехать в другую страну. Сколько характеристик надо было собрать, как надо было показать себя, чтобы быть достойным представлять целую страну за границей. Ты был представителем советских людей. Говорили даже о новой исторической общности – советский человек, советские люди. Идентификация шла по линии идеологического фетиша, придуманного в целях большего сплочения людей вокруг КПСС. В идентичности, формируемой советским бытием, предпочиталось говорить о коллективных ценностях, коллективном сознании, коллективной ответственности. Как следствие формировалась некая коллективная идентичность, в основе которой лежали идеологемы, построенные на дихотомии «свой» – «чужой». Но это была надуманная конструкция, а такие образования рано или поздно рушатся. В современной социокультурной реальности возникают новые цивилизацинные контексты, характеризующиеся экспансией средств, условий, ценностей, связанных с ощущением со-

причастности к миру современных технологий, информационных, интеллектуальных продуктов. Мир стал более близким и взаимозависимым, это реальность, с которой необходимо считаться и изменить которую какое-то отдельное государство не в силах. В процессах идентификации большую роль играют идеалы, значимые другие, поэтому в современном достаточно плюралистичном обществе происходят процессы, которые изменяют не только материальные условия жизни людей, но их ценности, идеалы, нормы. Изменяются традиционные роли, представления о ролях мужчины и женщины, меняются каноны мужественности и женственности, меняются преставления об идеалах. В этом процессе средства массовой информации и коммуникации (в особенности телевидение) являются важнейшими агентами социально-культурного формирования личности. В современных реалиях глобализации социального мира отмечается радикальная качественная трансформация прежних социальных идентичностей как устойчивых форм социальной ориентации. Поскольку идентичность есть изначальное соответствие или уподобление личности или группы определенным нормам, принятым в обществе или группе, то в основе этого стремления соответствовать лежат социокультурные основания. Современные исследователи сопоставляют «традиционный» и «модернизированный» культурные типы по ряду параметров: изменения характера производства, социальных связей, духовных ценностей и значимых личностных характеристик [2]. Современные общества – общества модерна и постмодерна, в которых традиционные ценности подверглись наибольшему изменению, а модернизационные изменения в традиционных культурах, могут рождать конфликт ценностно-мотивационной структуры и культурной, этнической идентичности личности.

Идентичность традиционно основывалась на стабильности социальной структуры, идеалов, ценностей и норм. Человек же идентифицирует себя с тем или иным окружением, принимая прежде всего ценности и идеалы этого сообщества или окружения. Мы не говорим здесь о его этнической принадлежности, которая дана ему от рождения. Общественные идеалы есть одна из важнейших сторон формирования «человека общественного», их существование необходимо для нормальной жизнедеятельности общества. Предметное же воплощение этих идеалов – это другая сторона их существования. Проблема соотношения между декларируемыми ценностями и теми, которые являются реальной побудительной силой, – вот основное поле социологических исследований, так как всякая общезначимая ценность становится значимой только в индивидуальном контексте. Говоря о времени «развитого социализма», можно сказать о том, что государственная идеология с завидным упорством употребляла механизм прямого воздействия официально признанных ценностей и норм на деятельность людей, совершенно упуская из вида то, что основные провозглашаемые в обществе ценности опосредуются в целой системе групп близкого окружения личности, референтных групп. В идеологии фигурировал только тип «человека общественного», его ценности и идеалы. Он не обращал

внимания на материальные условия своей жизни, презирал материальное благополучие, отдавая всего себя труду на благо Родины. Но то, что было принято официальной идеологией, мало соотносилось с тем, что реально волновало людей, двигало их поступками и действиями. В современных постсоветских обществах на передний план выходят общезначимые ценности человека – его здоровье, безопасность, материальная обеспеченность, семья. С крахом официальной идеологии, продуцирующей двойные стандарты, в системе ценностей людей произошел резкий сдвиг – с общественно значимых на личностно значимые, которые всегда были и будут на первом месте у каждого нормального человека. В изменившихся политических, социальных, экономических условиях, при возникших границах, таможнях у людей, живших ранее в единой стране, появилось чувство социальной, психологической разобщенности. Однако при этом в появившейся открытости иных социальных и культурных горизонтов, возможностях посещения стран не только ближнего, но и дальнего зарубежья появилось множество новых культурных символов, тиражируемых современными СМИ, формирующих моду, стили жизни, культурные предпочтения, образ поведения. Значительно ближе стали жители дальнего зарубежья, и человек не чувствует себя автономной единицей, принадлежащей только к тем традиционным группам окружения, существовавшим в Советском Союзе и противостоящим всему остальному миру. Он – человек мира, он более космополитичен, а молодой человек скорее находит общий язык со своими сверстниками в дальнем зарубежье, чем с представителями другого поколения в своей стране. В сложившихся условиях меняется отношение к богатству, деньгам, которые стали играть очень значительную роль в жизни людей. В СМИ тиражируются способы быстрого и легкого обогащения. Появился слой очень богатых людей, получивших свой первоначальный капитал не в результате тяжкого труда, а просто на развалинах империи прибравших к рукам бывшую народную, но вдруг ставшую ничьей собственность. Изменилось традиционное для советского человека отношение к труду. Труд лишился идеологических лозунгов, стал действительно средством, а не целью жизни, в то же время это рутинный, необходимый труд для пропитания, для поддержания жизни, труд тяжелый и, как ни странно, совершенно не связывающийся в сознании индивида со способами обогащения, а тем более быстрого и легкого обогащения. Любопытно сравнить отношение к труду молодежи советского прошлого и постперестроечного времени. По данным межрегионального исследования 1987 г., проведенного социологами Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии, в списке наиболее значимых ценностей молодыми белорусами были отмечены следующие: на первом месте – польза моей работы обществу (93,4 %), на втором – желание заниматься любимым делом, заслужить работой авторитет и уважение друзей (92 %), на третьем – возможность служебного роста, профессионального продвижения (51,6 %), далее – возможность хорошего заработка (31 %) и 20 % хотели бы рассчитывать на спокойную, чистую и легкую работу.

В исследовании 1993 г., проведенном в целом по республике, выявилась совершенно иная структура ценностных ориентаций в сфере труда: 95,1 % опрошенных хотят прежде всего хорошо зарабатывать, 52,3 % – заниматься любимым делом, еще меньше – около трети – хотели бы постоянно совершенствоваться профессионально, примерно стольких же волнует, чтобы работа была полезной обществу. Почти половину респондентов интересует удобный режим работы, для 38,4 % важно заслужить уважение знакомых и друзей, 32,1 хотят постоянно совершенствоваться, 29,1 – быть полезным обществу (сравним с 93,4 % в исследовании 1987 г.), 18,5 хотят добиться высокого положения в обществе, для 18,3 % важно, чтобы работа была физически легкой, чистой. В анализе личностных смыслов жизни, предпринятом в исследовании 1993 г., на открытый вопрос о том, в чем видят респонденты смысл своей жизни, было получено более 80 % ответов, что довольно редко происходит при ответах на открытые вопросы. Молодые люди на первое место поставили ответ – «В счастливой, благополучной семье», «В создании семьи», на второе – «В детях, заботе о них, в любви к детям», на третье – «В любимой, интересной, хорошо оплачиваемой работе», на четвертое – «В материальной обеспеченности, материальной независимости, в достойном уровне жизни». Речь идет о ведущих смысложизненных ценностях, которые молодые люди наконец-то смогли артикулировать открыто и которые действительно характерны не только для молодежи постперестроечного времени, но и для их сверстников во всем мире.

Проведенное еще через 7 лет республиканское исследование ценностных предпочтений в сфере труда также выявило в первоочередных ожиданиях высокий заработок (92,2 %). На втором месте – желание заниматься любимым делом (61 %), на третьем – чтобы работа вызывала уважение друзей (43,9 %), на четвертом – возможность применить свои способности (42,9 %), на пятом – работа должна быть полезной обществу (чуть более 30 %). В структуре ценностных ориентаций молодых (исследование воздействия СМИ на формирование гражданского самосознания личности, проведенное Институтом социологии в июне 2010 г.) интересная работа, профессия в настоящее время не входят даже в пятерку значимых ценностей, в то время как материально обеспеченная жизнь располагается на четвертом месте, сразу за здоровьем, любовью и семьей. Дети в данном случае менее важны, чем материально обеспеченная жизнь, они на пятом месте. Так что самое главное в труде для современной молодежи – это возможность хорошо зарабатывать, чтобы иметь возможность хорошо жить, иметь все, а не только самое необходимое, но прежде всего – иметь возможность потреблять, потреблять, потреблять…

В условиях быстро меняющихся социальных, политических, экономических и иных реалий общества сложно говорить об устоявшейся социальной идентичности личности. Современные исследователи стали говорить о «кризисе идентичности», но в ускоряющемся социальном развитии обществ, гигантском ускорении технологического и социального развития, меняющем темп жизни людей, кризис идентичности закономерен. Это нормальное состоя-

ние личности, более того, в современных условиях идентичность не есть что-то неизменное и устойчивое, это подвижное, меняющееся состояние, обусловленное изменчивостью окружающего мира. Как отмечает Бауман, характерная черта современного сознания – приход новой «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной» [3]. Пластичность личностной и социальной идентичности становится закономерным фактором, возрастает социальная мобильность, становятся изменчивыми межличностные отношения. Однако важнее всего то обстоятельство, чтобы в изменчивости окружающего мира не исчезли вечные ценности – добро, любовь, дружба, порядочность, благородство, альтруизм, чтобы мир потребления воистину не стал, по словам Бориса Стругацкого, «вечно чавкающей Свиньей Жизни».

Литература

1. Korporowicz, L. Osobowosc i komunikacja w spoleczenstwe transformacji / L. Korporowicz. – Warszawa: UniverPress, 1996. – 176 с.

2. Inkeles, A. Becoming modern / A. Inkeles, D. H. Smith. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.

3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Наука, 2002. – 356 с.

V. I. RUSECKAJA

TRANSFORMATION OF IDENTITY PROCESS IN MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

Summary

The transformation of identity process in modern socio-cultural space is considered. Identity was traditionally based on stability of social structure, ideals, values and norms. It is difficult to see the settled social identity of the person while social, political, economic and other realities of a society are quickly changing. Nowadays the identity is not something constant and steady. It is mobile, varying state conditioned by variable world around. Plasticity of personal and social identity becomes the law. However the most important thing is that the eternal values such as love, friendship, decency, nobleness, altruism wouldn't disappear in the variability of world around.

УДК 316.74+159.922.4]:80=826

Л. И. НАУМЕНКО,
кандидат психологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

В статье анализируются особенности восприятия белорусского языка жителями республики. Рассматриваются частота использования языка, уровень владения им, отношение к нему, его значение для наших соотечественников, взаимосвязь установок к белорусскому языку и национальной идентичностью.

Проблемы функционирования и роли белорусского языка в условиях белорусско-русского двуязычия и, следовательно, анализа языковой ситуации в республике в последнее время находятся в фокусе внимания белорусских ученых (Н. Н. Беспамятных, С. Н. Запрудский, А. А. Лукашанец, Н. Б. Мечковская, Т. Н. Микулич и др.). Эти проблемы, в свою очередь, тесно связаны с вопросами изменения коммуникативной роли и статуса белорусского языка среди различных социально-демографических групп населения, постепенной смены его социальной локализации, изменений его национально-интегрирующей, этнодифференцирующей и этноидентифицирующей функций. Обозначенные выше проблемы тесно связаны также с языковой политикой и ее влиянием в конечном счете на состояние и характер межнациональных отношений в республике, изменения национального самосознания и национальной идентификации населения Беларуси, что определяет сегодня высокую практическую значимость и особую актуальность их изучения.

Целью исследования являлось выявление особенностей восприятия населением республики белорусского языка, отношения к нему, частоты его использования, владения им. Данные получены в ходе мониторинга общественного мнения, проведенного в конце ноября 2009 г. Институтом социологии НАН Беларуси. Опрос реализован на репрезентативной общенациональной республиканской выборке объемом 2110 чел. Ошибка выборки составила 2,2 %. Задачи были сфокусированы на исследовании следующих проблем:

1) частота использования белорусского языка;

2) уровень владения им нашими соотечественниками;

3) значение белорусского языка для жителей республики;

4) установки по отношению к белорусскому языку, касающиеся: а) готовности улучшить знание языка; б) желания чаще пользоваться им в различных сферах жизни; в) готовности получить образование на белорусском языке.

Данные опроса подтвердили наиболее низкую языковую активность населения республики применительно к белорусскому языку. По частоте использования белорусский язык занимает отнюдь не первое место, существенно уступая русскому. Так, часто и постоянно разговаривают на белорусском только 21,2 % жителей Беларуси, редко – 48,3 %, совсем не пользуются им – 21,9 %. Часто и постоянно разговаривают на русском – 83,3 %, редко – 9,6 %, совсем не пользуются им – 2,8 %. Часто и постоянно используют местный язык – 39,5 %, редко – 14,7 %, не пользуются им – 26,2 % (рис. 1). Таким образом, наиболее редко используется из трех языков белорусский, наиболее часто – русский. Постоянно более других используется русский, менее остальных – белорусский. Совсем не используется чаще других – местный, используется реже других – местный.

Среди каких категорий населения более широко распространено использование белорусского языка? Каков ***социально-демографический портрет*** его носителей? Согласно данным, наиболее часто разговаривают на белорусском представители самого старшего поколения, сельские жители, лица с начальным и неполным средним образованием, жители Брестской и Гродненской областей. Самые низкие показатели использования белорусского языка выявлены среди молодежи, горожан, особенно минчан, жителей Витебской области.

Как показали результаты, практическое использование белорусского языка оказалось значительно уже его возможного использования населением республики. Число наших соотечественников, «хорошо» и «очень хорошо» владеющих белорусским, по мнению самих опрошенных (рис. 2), по данным опроса оказалось заметно выше (31,9 %) числа разговаривающих на нем «часто» (17,4 %) и «постоянно» (3,8 %), превышая число последних (21,2 %) более чем

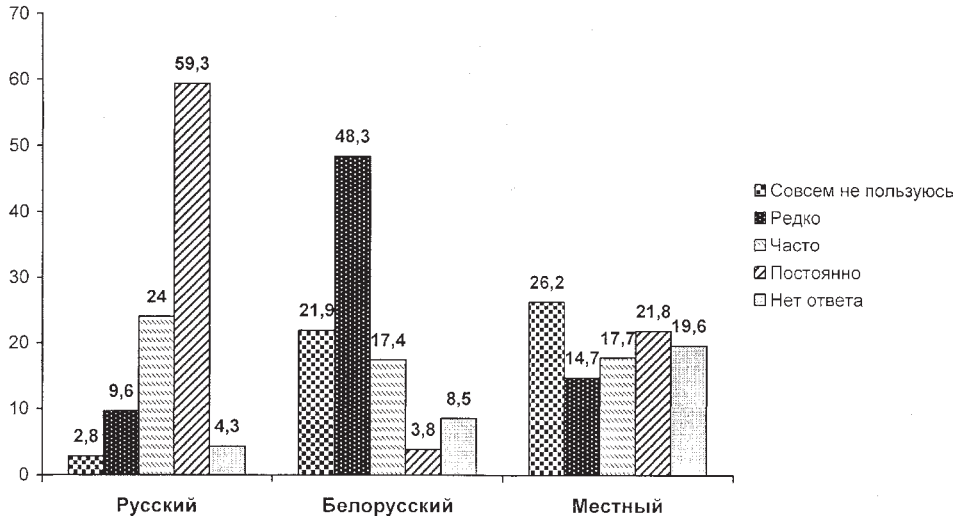


Рис. 1. Частота использования белорусского, русского и местного языка жителями Беларуси, %

Рис. 2. Уровень владения белорусским языком среди жителей Беларуси, %

в 1,4 раза. А также выше числа, желающих чаще использовать белорусский язык в различных сферах жизни (16,6 %), в свою очередь вдвое превышая число активно использующих язык. Заметно больше желающих получить образование на белорусском языке (8,2 %). Таким образом, доля респондентов, «часто» и «постоянно» использующих белорусский язык в своей жизни, существенно меньше тех, кто владеет им выше посредственного. Это свидетельствует об определенном потенциале в расширении его возможного использования.

Согласно ответам, установки на улучшение знания белорусского языка распространены меньше, чем число людей, потенциально нуждающихся в его улучшении. Если 43,4 % жителей республики ответили, что знают белорусский язык «посредственно», 15,5 – «плохо» и 4 – «очень плохо», то улучшить свое знание языка хотели бы только 23,8 % опрошенных и не хотели бы вообще его улучшать 48,2 %, затруднились с ответом 24,3 % (рис. 3).

Представляется обнадеживающим, что улучшить свои знания языка и чаще его использовать выразили готовность как раз представители тех категорий населения, которые реже пользуются языком. Это горожане, молодежь и представители среднего поколения, лица с высшим образованием, минчане. Полученные результаты имеют особое значение, поскольку свидетельствуют об изменении в перспективе основной социальной локализации белорусского языка, косвенно отражая и изменение его статуса.

Как воспринимают белорусский язык наши соотечественники? Каково его значение для них? Для большинства опрошенных белорусский язык является прежде всего национальным символом (46,8 %) и национальным достоянием

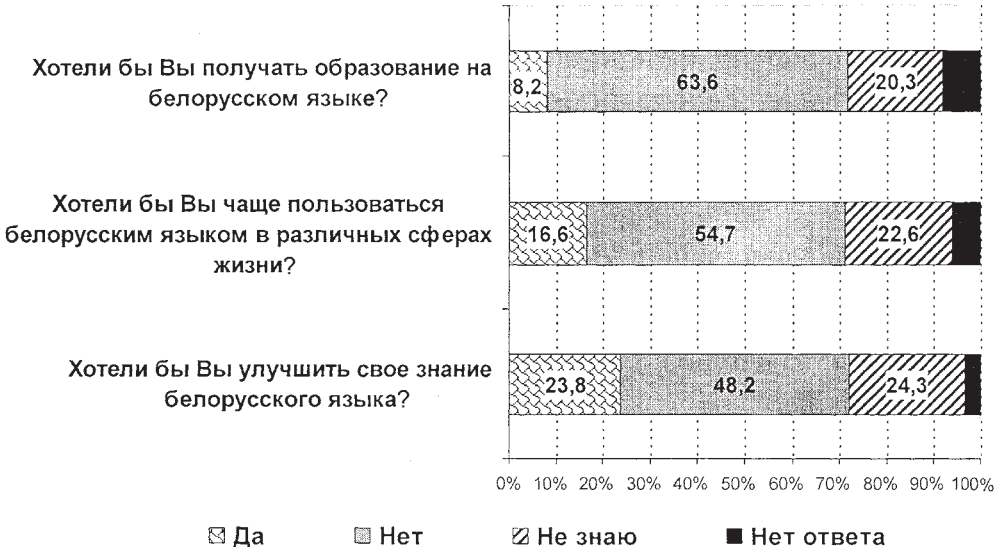


Рис. 3. Установки населения республики по отношению к белорусскому языку, %

(44,3 %), *вызывающим уважение и стремление его беречь*, что, по сути, отражает преобладание в ответах позитивно пассивного отношения к языку (рис. 4). И только 8,2 % воспринимают белорусский в качестве языка, *которым необходимо пользоваться сегодня*. Наоборот, языком, *который практически не нужен в современной жизни*, считают белорусский всего 6,7 % респондентов. Нашими соотечественниками белорусский воспринимается и как язык интеллигенции (4,8 %), язык оппозиции (2,4 %), язык белорусской деревни, глубинки (14,2 %).

Среди дополнительных ответов, помимо изначально предложенных в вопросе вариантов ответов, выявлены и такие значения белорусского языка, как *«язык, который надо возрождать», «умирающий язык», «язык, который нужно знать и читать на нем», «язык, на котором нужно говорить», «язык, который дан нам от прадедов», «родная мова, якая ў кожнага з нас у крыві», «белорусский язык – язык моей Родины», «родной язык», «второй родной язык после русского», «один из языков нашего государства»* и др.

Подтверждением того, что белорусский язык является не только важнейшим культурным достоянием нашего народа, но и национальным ресурсом, тесно связанным с гражданским самосознанием, являются следующие результаты. О связи между белорусской идентичностью и установками по отношению к родному языку, частоте его использования и уровне владения им говорят данные опроса. Более высокие оценки субъективной значимости этнической и гражданской принадлежности выявлены среди респондентов, чаще пользующихся белорусским языком, лучше владеющих им, выразивших позитивные установки по отношению к нему (готовность получить образование на белорусском языке и улучшить его знание). Статистически значимые

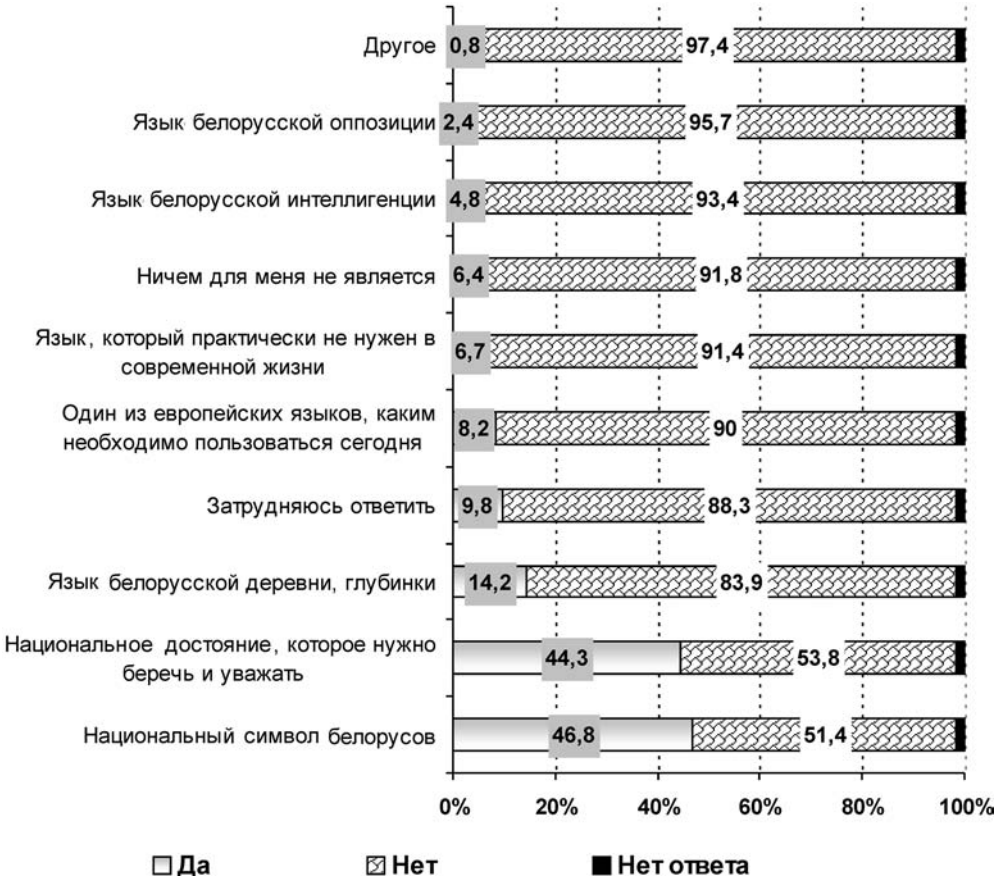


Рис. 4. Представления жителей Беларуси о значении белорусского языка, %

различия по критерию Манна–Уитни зафиксированы между оценками значимости этнической и гражданской принадлежности в группах респондентов, в разной мере оценивающих уровень своего владения белорусским, а также между оценками значимости этнической и гражданской принадлежности в группах респондентов с разной частотой использующих белорусский.

L. I. NAUMENKO

THE BELARUS LANGUAGE IN THE MIRROW OF PEOPLE IN MODERN BELARUS

Summary

The article contains analysis of peculiarities of perception of the Belarus language by the Belarus people. The author examines frequency of the use of the language, level of knowledge, attitude towards it, its meaning for our compatriots, interrelation of attitudes towards the Belarus language and national identity.

УДК 316.347(476)

А. Л. ЛАСТОВСКИЙ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ БЕЛОРУССКИХ ПОЛЯКОВ: МЕЖДУ ОФИЦИАЛЬНЫМИ НАРРАТИВАМИ И СЕМЕЙНЫМИ ПРЕДАНИЯМИ

В данной статье рассматриваются основные базовые характеристики исторической памяти белорусских поляков, позволяющие говорить об особом образе прошлого внутри этой этнической группы. Анализируется канон исторических и культурных деятелей, а также исследуются взаимосвязи между «большими» историческими нарративами и семейной памятью, создающие выраженную тенденцию «ускользания» от ригидных интерпретаций прошлого.

Один из основателей современной теории коллективной памяти французский социолог Морис Хальбвакс в качестве одного из основополагающих утверждений для своего подхода выдвинул предположение о том, что главной функцией коллективной памяти является поддержание согласия (и соответственно групповой идентичности) социальных групп. По мнению французского социолога, коллективная память создается и функционирует в социальных рамках, которые определяются идентичностью социальных групп. Коллективной памяти свойственна идентификационная конкретность, она всегда ориентирована на социальные интересы соответствующих социальных групп [1]. Разнообразие вариантов групповой идентичности поддерживается и благодаря различным видам коллективной памяти. «Мы – то, что мы помним» – такая формула пронизывает актуальное понимание взаимоотношений памяти и идентичности.

В реализации национальной идентичности заложена просветительская установка на унификацию, идеалом которой предстает гомогенная, сплоченная и единая Нация с общим набором ценностей, знаний и поведенческих паттернов – и общей исторической памятью. Но для создания такого однородного тела национальным государствам нужно было преодолеть этническое, религиозное и культурное разнообразие, которое им досталось в наследство от раннемодерных государств (в нашем регионе – Российской империи и Речи Посполитой) [2]. Даже этнически однородную и религиозно унифицированную современную Польшу пронизывают жаркие дискуссии о политике памяти. Более того, как утверждает польский социолог Лех Нияковский, «в Польше живут различные общности памяти, которые зачастую сильно различаются, а иногда даже вступают между собою в конфликт» [3, с. 145].

Большинство же современных государств весьма далеко от идеала единой и неделимой Нации. «В современных нациях социальные памяти различных классов, профессий, поколений, этнических и религиозных групп различаются между собою набором важнейших составляющих. Однородная универсальная память так же невозможна, как невозможно создание общей универсальной истории. Всегда будут существовать различные точки зрения и интерпретации, вытекающие собственно из множества памятей, собранных в различных группах – «общностях памяти» [4, с. 20]. Таким образом, можно предположить, что при выделении особой группы белорусских поляков среди членов этой группы должны быть распространены представления о прошлом, отличающие их от доминирующего этноса (белорусов). Групповая (этническая) идентичность белорусских поляков, следовательно, представляет процесс осознания своей особости через создание «своей» истории в форме социальной памяти. «Социальная память является носителем ценностей и образцов поведения, принятых и желательных в данной группе, создавая чувство коллективной идентичности, основанием которой есть общее прошлое, общее существование и непрерывность во времени, общность судьбы, предков и репертуара символов. Как таковая коллективная память является скорее очагом традиции и материалом, спаивающим общность, чем каталогом событий» [6, с. 362].

Для начала определим основные причины, по которым историческая память белорусских поляков может отличаться от канона белорусской национальной памяти. Это различие задается характером существования общности белорусских поляков как автохтонного этнического меньшинства в молодом белорусском национальном государстве. Из этого следует, что белорусским полякам приходится в социальных взаимодействиях прибегать к балансу двух стратегий:

1) отвергать полную ассимиляцию и отстаивать этническую и культурную самобытность своей этнической группы, поскольку полное усвоение канона национальной памяти в белорусской версии размыло бы границы идентичности белорусских поляков и привело к постепенному их исчезновению среди преобладающего этноса;

2) находить способы взаимопонимания и бесконфликтного сосуществования, в том числе и через знание и принятие кодифицированной версии белорусского прошлого.

Сложность именно в нахождении баланса, равновесия между этими двумя стратегиями, поскольку реализация каждой из этих стратегий в полной версии грозит либо социальной напряженностью, либо утратой этнической самобытности. Следует оговориться, что эти стратегии выделяются социологически извне, в действительности же они редко осмысливаются подобным образом и реализуются через рутину повседневности благодаря определенным приемам, выделению различных уровней социального действия с дифференцированными логиками. Так, польское происхождение обычно не афиширует-

ся в публичном пространстве, кроме фестивальных репрезентаций, но становится одним из важнейших источников для семейного воспитания. Опираясь на материалы различных социологических и этнографических исследований, можно выделить несколько основных источников, откуда формируется коллективная память белорусских поляков:

1. Образовательная система (в первую очередь школа), которая последовательно транслировала сначала польский, затем советский, а сейчас – белорусский исторические нарративы. Несколько сложнее дело обстоит с польскими школами в современной Беларуси, пожалуй, это еще требует отдельного изучения.

2. СМИ (газеты, радио, телевидение). Сейчас, безусловно, преобладающее влияние на потребление информации белорусскими поляками оказывают белорусские СМИ*, но на территорию Западной Беларуси распространяется и вещание польских медиа, которые также оказываются одним из важных источников знаний о прошлом и современности Польши (и соответственно об образе белорусских поляков, формируемом польским государством).

3. Семейные предания, которые имеют ограниченный временной горизонт – 80–100 лет**, но схватывают судьбоносные события, непосредственно повлиявшие на исторические судьбы белорусских поляков (начало Второй мировой войны, сталинские репрессии, немецкая оккупация, массовые переселения на приграничных территориях после войны).

Данные исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре-декабре 2008 г., свидетельствуют о том, что история Польши (как общий нарратив, объединяющий историческую родину и всех поляков, рассеянных во времени и пространстве) представляет собой важный символ, к которому белорусские поляки проявляют выраженный интерес.

Проиллюстрируем данный тезис на примере того, как представители различных возрастных групп среди белорусских поляков проявляют заинтересованность историей Польши (табл. 1). Стоит оговориться, что «интерес» здесь рассматривается исключительно в символическом ключе, свидетельствуя об ориентациях индивидов, которые могут никак не проявляться в реальных социальных практиках.

Таким образом, более половины опрошенных проявляют данный интерес. Казалось бы, что это не столь уж и много, но если сравнить эти данные с результатами социологических исследований, регулярно проводившихся на территории Польши [6, с. 44], то увидим, что никаких серьезных различий

---

* Для получения знаний о Польше польские СМИ используют 47,7 % респондентов, белорусские СМИ – 47,6 %. Но очевидно, что белорусские СМИ оказываются при этом более доступным и популярным источником для знаний о Беларуси (даже в силу чисто языковых ограничений и пределов трансляции польских каналов на территории нашей страны). Польские телеканалы постоянно смотрят 15,3 % респондентов, для 34,5 % опрошенных белорусских поляков вещание польских телеканалов недоступно.

** Так определяет горизонт коммуникативной памяти немецкий историк Я. Ассман.

именно в выраженности символического интереса между поляками в Польше и Беларуси не наблюдается (табл. 2). Если в Беларуси интересуются историей Польши около 55 % белорусских поляков, то в соседнем государстве динамика проявленности интереса к истории варьируется между 59 % (1987 г.) и 57 % (2004 г.).

Таблица 1. **Заинтересованность историей Польши среди различных возрастных групп белорусских поляков (% по столбцу)**

Интересуетесь ли Вы историей Польши?	Возрастная группа			Итого
	16–29 лет	30–49 лет	50–85 лет	
Да	14,7	18,5	29,7	20,4
Скорее да	34,2	36,1	33,5	34,8
Скорее нет	39,8	36,4	27,4	34,9
Нет	11,3	9,1	9,4	9,8

Таблица 2. **Заинтересованность историей среди жителей Польши (% по столбцу)**

Как бы Вы определили свою заинтересованность историей?	Исследование					
	CBOS, 1987 г.		OBOP, 1996 г.		ISP PAN/ PENTOR, 2004 г.	
Очень большая	4	15	7	21	5	19
Большая	11		14		14	
Средняя	44	44	43	43	38	38
Небольшая	27	39	22	36	28	42
Никакая	12		14		14	

Однако если вернуться к анализу данных табл. 1 по различным возрастным группам среди белорусских поляков, то наиболее важным результатом, вытекающим из сравнения, представляется серьезное падение интереса к истории Польши среди младшего поколения. Особенно это касается акцентированного символического интереса, когда респондент выбирает четкую формулировку – «да». Доля белорусских поляков, выбравших такой вариант ответа, среди старшего поколения – 29,7 %, уменьшается в 2 раза среди представителей младшего поколения – 14,7 %. То есть значение особой истории как компонента польской идентичности для младшего поколения белорусских поляков гораздо меньше. Но если история Польши предстает как предмет интереса, по крайней мере, для большей части белорусских поляков, то субъективная оценка реального знания польской истории выглядит куда более скептической (табл. 3).

Наиболее серьезный контраст в субъективных оценках знания истории Польши наблюдается уже среди групп с различным уровнем образования. Данная тенденция нисколько не выглядит удивительной. Белорусские поляки в своей оценке исторических познаний сохраняют классическую для модернистского общества тенденцию оценивать уровень компетентности в какой-то сфере знания в зависимости от уровня образования. Как свидетельствуют ре-

зультаты многочисленных социологических исследований, «с точки зрения групповых различий в репрезентациях прошлого наиболее простой случай представляет стратификация по уровням образования. Чем выше уровень формального образования, тем выше, естественно, уровень фактографических знаний о прошлом» [7, с. 155].

Таблица 3. **Субъективная оценка знания истории Польши среди белорусских поляков с различным уровнем образования (% по столбцу)**

Скажите, пожалуйста, насколько хорошо Вы знакомы с историей Польши?	Образование				Итого
	начальное и незаконченное среднее	среднее	среднее специальное	высшее и незаконченное высшее	
Достаточно хорошо знаю польскую историю	2,8	3,6	5,5	13,7	7,4
Знаю основные даты и события, но не более того	14,8	16,6	17,8	30,5	21,4
Мои знания истории Польши отрывочны и бессистемны	50,0	43,5	50,2	39,7	45,0
Практически ничего не знаю об истории Польши	30,6	35,2	25,6	15,3	25,2
Другое	1,9	1,0	0,9	0,8	1,0

Различие между декларируемым интересом и реальным знанием истории Польши не может быть целиком пояснено информационными барьерами. Поскольку в современных условиях сняты какие-либо ограничения на доступ информации из Польши, а также развитие современных информационных технологий способствует достаточно свободному доступу к знаниям (при этом лишь 14,8 % белорусских поляков используют Интернет в качестве источника знаний о Польше), то вряд ли можно утверждать о наличии серьезных институциональных барьеров для осуществления этого интереса. Скорее, заявление об интересе к польской истории носит декларативный характер, как выражение лояльности к своей этнической группе, но не обязательно требует практического осуществления. Нежелание применять определенные усилия для того, чтобы овладеть знаниями об истории Польши, указывает на то, что при всей символической значимости исторической памяти как компонента этнической идентичности для белорусских поляков память о прошлом все же не кладется в центр формирования представлений о своей общности.

Попробуем указать на причины такого периферийного статуса исторической памяти для белорусских поляков. Довольно часто память социальных групп формируется в результате взаимодействия «больших» нарративов (национальных, государственных версий истории, воплощенных в практику социальных институтов) и коммуникативной памяти, в основном передающейся по семейным каналам (которая в случае белорусских поляков обладает этнической и религиозной спецификой).

В случае белорусских поляков процесс формирования групповой памяти значительно усложняется, поскольку здесь «сталкивается» несколько «боль-

ших» нарративов, поэтому в условиях отсутствия гегемонии все они действуют в ослабленной форме. Вследствие этого возрастает роль коммуникативной памяти, которой в обычных условиях задается подчиненная функция наполнения биографическим содержанием рамок, которые сформированы «большими» нарративами.

Мы выделяем следующие нарративы, наличие которых оказывает свое влияние на формирование и особенности исторической памяти белорусских поляков:

1. Польский национальный нарратив, который рассматривает Беларусь как Крэсы Всходне и формирует национальную идентичность по жестким этнокультурным канонам (эксклюзивная религия, язык, память). Этот нарратив господствовал во времена Второй Речи Посполитой (1921–1939 гг.), затем в более мягкой форме сохранился в государственной политике послевоенного польского государства. Белорусские поляки в рамках этого нарратива рассматриваются как соотечественники, в силу трагической судьбы польского государства оказавшиеся за пределами своей родины, но их высокой миссией остается сохранение «польскости» (с коннотациями высокой, шляхетной культуры).

2. Советский исторический нарратив, который был направлен на формирование общесоветской идентичности, в результате чего этнические различия утрачивали свое принципиальное значение как подлежащие исчезновению в коммунистическом будущем, тогда как для нормативного описания настоящего использовался миф «дружбы народов» (этот способ описания истории преобладал во время существования СССР).

3. Белорусский национальный нарратив, основывающийся на возрожденческой парадигме белорусской нации как вернувшейся к традициям государственности. В этом нарративе белорусским полякам отводится двойственная роль: с одной стороны, они рассматриваются как утраченные «свои», т. е. те же белорусы, которые внешне приняли польскую идентичность, но чья сущность осталась по-прежнему «белорусской», с другой – они могут представлять опасность для белорусского национального государства как потенциальные агенты влияния Польши – исторически амбивалентного соседа с мощным экспансионистским потенциалом.

4. Белорусский государственный нарратив, который обладает значительной долей преемственности с советским и в сущности представляет собой скорее умеренный синтез национальной и советской стратегий описаний прошлого.

Следующие базовые принципы белорусской советской историографии обрели свою новую жизнь и стали с тех пор основой для официального нарратива белорусской истории: аксиоматическое признание восточнославянского характера белорусского народа, позитивный образ советского прошлого, фундаментальность победы в Великой Отечественной войне как ключевого события в белорусской истории.

С другой стороны, еще одним важнейшим источником для официального образа истории в Республике Беларусь стала национальная историография,

откуда была заимствована общая телеология становления белорусской государственности, но с определенными модификациями, за счет снятия наиболее радикальных установок, которые могли бы вступить в конфликт с упомянутыми выше нарративными моделями советского происхождения.

Метанарративы задают общие рамки понимания и осмысления истории в больших масштабах (национального либо наднационального государства), выстраивая линейную схему развития истории, задавая ей смысл и назначение (опять же преимущественно из государственнических позиций). Для большинства людей «большие» нарративы существуют параллельно с их личной и семейной историей, где эмоциональными значимыми событиями выступают смерть родных, переселения, материальное благополучие или голодное существование и т. д. Но личное понимание прошлого может и конфликтовать с «большими» нарративами. Так, для тех поляков, у которых в 1939 г. конфисковали все имущество, а самих выслали в Сибирь, и для их семей вряд ли могут вызывать особый энтузиазм слова о «воссоединении белорусского народа», которыми события этого периода описываются через советский и белорусский «большие» нарративы.

Частые смены государственной власти на территории Западной Беларуси, где наиболее компактно проживают белорусские поляки, привели к тому, что само государство и его институты рассматривались как отчужденные, особенно старшим поколением. Об этом ярко свидетельствуют результаты полевых исследований с применением методологии устной истории, проведенных на западном пограничье Республики Беларусь Центром изучения античных традиций при Варшавском университете [8, с. 124].

Исторические нарративы власти вряд ли в таком положении могли претендовать на полное принятие и неопровержимую ценность для местного населения. Если учитывать сложный характер взаимодействия «больших» нарративов, дополняемых специфическим характером коммуникативной памяти, то вряд ли следует ожидать от белорусских поляков устойчивых и согласованных представлений о прошлом. В таких запутанных и противоречивых социальных условиях коллективная память могла формироваться только в режиме бриколажа – заимствования различных элементов из разных комплексов знания, смены их зафиксированных значений и сведения в некое целое, которое не обладает жесткой структурой, но вполне достаточно для обоснования ориентаций в социальном пространстве. Соответственно в исторической памяти белорусских поляков могут соседствовать представления, позаимствованные из различных (и конкурирующих) «больших» нарративов. Их антагонизмы и противоречия снимаются за счет «смягчения» тезисов, восприятия их как внешних повествований, не затрагивающих характер повседневной жизни белорусских поляков.

Но при этом происходит и размывание исторической памяти, где единый канон крайне ограничен и практически отсутствует содержание. Отсюда и вытекает столь низкая субъективная оценка знания истории Польши, которую

реалистично дают белорусские поляки, адекватно оценивая уровень своих знаний. Слабое знание польской истории и культуры также проявляется и в открытых вопросах, касающихся ключевых персоналий. При просьбе назвать известных людей, оказавших наиболее значимое влияние на формирование польской культуры, 41,8 % опрошенных поляков не смогли дать ответ*, наиболее же известными оказались Адам Мицкевич (30,7 %) и Элиза Ожешко (13,5 %) – те же уроженцы Гродненщины, «литовские поляки», которые достаточно прочно включены и в пантеон белорусской культуры.

Еще больше затруднений вызвал вопрос об исторических деятелях, оказавших положительное влияние на польскую историю, на него не смогли ответить 56,2 % респондентов, среди названных деятелей лидируют Иоанн Павел II (18,7 %), Лех Валенса (14,5 %), Юзеф Пилсудский (10,7 %) и Тадеуш Костюшко (6,5 %). Представляет интерес сравнение зафиксированного среди белорусских поляков пантеона польских исторических деятелей с результатами социологических исследований в Польше [9, с. 150] (табл. 4).

Таблица 4. **Исторические деятели Польши, признаваемые как повод для гордости**

1987 г.		1996 г.		2003 г.	
Личность	%	Личность	%	Личность	%
Тадеуш Костюшко	35,2	Юзеф Пилсудский	33	Иоанн Павел II	42,9
Владислав Ягайло	13,8	Лех Валенса	19	Юзеф Пилсудский	23,0
Николай Коперник	13,3	Иоанн Павел II	16	Лех Валенса	16,4
Юзеф Пилсудский	12,5	Тадеуш Костюшко	10	Тадеуш Костюшко	14,4
Иоанн Павел II	11,4	Владислав Ягайло	8	Николай Коперник	10,4
Ян III Собеский	9,8	Казимир Великий	8	Мария Склодовская-Кюри	6,9
Адам Мицкевич	9,7	Ян III Собеский	5	Адам Мицкевич	6,5

Как видим, никаких существенных различий не наблюдается, представлен практически одинаковый список фигур, что свидетельствует о большой степени цельности и формализации польского национального канона, который ретранслируется и за пределами страны. Учитывая, что список персоналий практически полностью совпадает, наиболее важным различием является степень их репрезентативности для белорусских поляков – на этот вопрос в Беларуси сумели ответить лишь 43,8 % респондентов, и это свидетельствует о том, что данный канон при всей его цельности либо не усваивается, либо игнорируется большинством белорусских поляков.

В анкете содержался и вопрос о том, кто оказал отрицательное влияние на историю Польши. Результаты показывают, что такая формулировка не является эффективной, не ответили на него 92,4 % респондентов. Среди немногочисленных ответов встречаются только фамилии современных поль-

* Этот и последующие вопросы были открытыми, никаких заранее сформулированных вариантов ответа респондентам не предлагалось.

ских политиков: Качиньский – 1,9 %*, Валенса – 1,4 %, Ярузельский – 1,1 %. Впрочем, проявленная тенденция также не является удивительной, поскольку канон исторической памяти формируется в первую очередь как повод для гордости, позволяющий устанавливать положительную эмоциональную связь с историей своей общности. Поэтому наибольшее значение приобретает пантеон великих деятелей, своими героическими поступками и необычайной созидательностью приобретшими славу не столько себе, сколько той общности, которую они представляют. Естественно, для исторической памяти важное значение имеют трагические события и тяжелые времена, также цементирующие коллективную идентичность. Но чаще всего ответственность за них проецируется наружу, на другие народы, которым уготована роль «других» или «чужих» в процессе формирования «мы»-образа для этнической группы или нации. Однако белорусские поляки не прибегают к данной уловке – Екатерина II, Гитлер и Сталин, которые являются любимыми «врагами» для польского официального нарратива, получили лишь единичные ответы. Здесь наиболее отчетливо проявляется тенденция ухода от любых конфликтных интерпретаций исторического прошлого, которые могут негативно повлиять на добрососедские отношения белорусских поляков с другими народами.

Такая тенденция ускользания от сложностей осмысления запутанных узлов исторического прошлого проявилась и в ответах на проблемный вопрос, касающийся факта присоединения Западной Беларуси к БССР в результате событий 17 сентября 1939 г. Напомним, что до этого времени по результатам Рижского мирного договора 1921 г. Западная Беларусь и Украина входили в состав Второй Речи Посполитой, которая считала эти территории своими «крэсами всходними», т. е. восточными окраинами. Советский Союз воспользовался нападением нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. для того, чтобы присоединить эти земли, возобновив тем самым территориальную целостность Беларуси и Украины.

В польском историческом нарративе эти события расцениваются как преступный сговор Сталина и Гитлера, приведший к утрате «исконно польских» земель и трагическим последствиям для поляков на этих территориях.

В советском нарративе эти события рассматривались в исключительно положительном ключе, как положившие конец панской эксплуатации местного населения и давшие возможность для воссоединения белорусского народа. В белорусском историческом нарративе интерпретации этого события раздваиваются: распространена позитивная оценка, воспроизводящая практически без изменений советскую версию (сейчас она поддерживается на официальном уровне), но есть и альтернативные, более критические взгляды. Но так или иначе сам факт воссоединения белорусского народа в границах одного государства воспринимается всегда положительно.

---

* Скорее всего, имеется в виду Лех Качиньский, который во время исследования занимал пост Президента Польши и подвергался достаточно жесткой критике со стороны оппозиции. Естественно, трагическая гибель Леха Качиньского должна была существенно повлиять на оценку его деятельности.

Представления об этих событиях у белорусских поляков остаются противоречивыми, большинство из них (62,3 %) даже не смогли дать какую-то оценку этому событию, что вновь подтверждает отмеченную нами тенденцию ускользания от конфликтных интерпретаций. Можно считать, что та часть белорусских поляков (13,6 %), кто положительно оценивает события 17 сентября, настроена гиперлояльно к белорусскому национальному канону, разделяя даже те его противоречивые позиции, которые вступают в конфликт с образом прошлого внутри этнической группы. В какой-то степени сюда же можно причислить и тех (62,3 %), кто ушел от ответа на сложный вопрос. Правда, 20,7 % белорусских поляков все же дают отрицательную оценку событиям 17 сентября 1939 г., хотя и в советское время, и в современной Беларуси эти события всегда освещались позитивно. Следовательно, можно утверждать о существовании особой памяти среди белорусских поляков, которая не согласуется с официальной белорусской версией этих территориальных изменений, так повлиявших на судьбу поляков бывших «крэсув всходних» (но которая отнюдь не доминирует). Проанализируем, какие аргументы используются для того, чтобы придать негативную или позитивную оценку данным событиям. Для оправдания политики советских властей чаще всего используется аргументация об интересах Беларуси: «Беларусь должна была объединиться и стать одной республикой», «воссоединение белорусского народа», «положительно, так как одна республика должна находиться в одной стране». Очевидно, что часть белорусских поляков успешно усваивают видение исторического прошлого, распространенное в белорусском обществе, что, впрочем, является вполне естественным процессом.

Для обоснования негативной оценки можно выделить два основных типа аргументации. Первый из них также апеллирует к интересам Польши как страны: «отрицательно, так как это исконно польская территория, а Россия отобрала ее у Польши», «договор Гитлера и Сталина против Польши», «поляки должны жить в Польше». Отметим, что значительную роль здесь играла система школьного образования Второй Речи Посполитой, прививавшая польский патриотизм, но такой тип представлений явно отмирает вместе со своими носителями. Гораздо чаще встречаются упоминания о том, как эти события повлияли на судьбы людей: «разве тогда спрашивали, сколько горя и боли хлебнули люди», «лишение имущества и родственных связей», «отрицательно из-за раскулачивания многих людей», «пострадали люди», «у дедушки был магазин в Бресте, но после присоединения его не стало». Такие мнения указывают на наличие неофициальных каналов трансляции памяти о прошлом, в основном через коммуникацию внутри семьи. И наличие такой семейной традиции является еще одним важным основанием для сохранения польской идентичности в Беларуси. Воспитание в семье белорусские поляки считают существенным фактором сохранения традиций польской национальной культуры (69,3 %), приоритет в этом отношении отдавая лишь религии (78,6 %).

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы.

1. В исторической памяти белорусских поляков наслаивается множество различных представлений из разных государственных традиций и временных эпох. Польский исторический нарратив является лишь одним из источников исторической памяти для белорусских поляков, соседствуя с представлениями о прошлом, заимствованными из других нарративов.

2. История Польши для белорусских поляков выступает в роли значимого символа, к которому проявляется внешняя лояльность. Но реальные знания польской истории не так уж велики. Несмотря на то что польский исторический канон истории (события и персоны) является достаточно целостным, что способствует его успешной передаче, большая часть белорусских поляков либо плохо его знают, либо не знают совсем.

3. Таким образом, польский национальный нарратив выступает лишь одним из нескольких источников знания о прошлом (и настоящем) для белорусских поляков, он не используется в качестве цементирующего и фундирующего этническую группу. Учитывая, что там довольно жестко прописано, кто такие поляки (в том числе кто такие поляки в Беларуси), и этот нарратив было бы достаточно легко взять в качестве «контрпамяти» для выстраивания собственной политики идентичности. При таком варианте принятие польской национальной версии истории способствовало бы более жесткому социокультурному разграничению белорусских поляков и белорусов и препятствовало бы процессам ассимиляции. Но, как видим, польский исторический канон не является ultima ratio для данной этнической группы, а историческая память белорусских поляков содержит в себе фрагменты различных «больших» нарративов, позволяя избегать конфликтов памяти с другими этническими группами, в первую очередь белорусами.

4. Особую роль для белорусских поляков при этом играет семейная память, где содержатся и транслируются те знания о прошлом, которые имеют особое значение на родственном и локальном уровне. Многие сюжеты из этого набора событий и их интерпретации имеют существенные различия, а порой и непреодолимые противоречия с официальными нарративами. Но семейные предания и государственная история не вступают в диалогические взаимоотношения, продолжая существовать на различных уровнях. Таким образом, историческая память белорусских поляков не только содержит оценочные схемы из различных «больших» нарративов, но и имеет многослойную структуру.

Литература

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.

2. Снайдэр, Т. Рэканструкцыя нацый. Польшча, Украіна, Літва і Беларусь 1569–1999 гг. / Т. Снайдэр. – Мінск: Медысонт, 2010. – 424 с.

3. Nijakowski, L. Polska polityka pamięci: esej socjologiczny / L. Nijakowski. – Warszawa: Wyd-wa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 286 s.

4. Golka, M. Pamięć społeczna i jej implanty / M. Golka. – Warszawa: SCHOLAR, 2009. – 207 s.

5. Grabowska, A. Pamięć zbiorowa w służbie tożsamości / A. Grabowska // Wokół tożsamości: teorie, wymiary, ekspresje / red. I. Borowik , K. Leszczyńska. – Kraków: Nomos, 2008. – S. 360–370.

6. Szpociński, A. Formy przeszłości a komunikacja społeczna / A. Szpociński, P. T. Kwiatkowski // Przeszłość jako przedmiot przekazu / A. Szpociński, P. T. Kwiatkowski. – Warszawa: SCHOLAR, 2006. – S. 7–66.

7. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: Новое лит. обозрение, 2008. – 456 с.

8. Смалянчук, А. Другая сусветная вайна ў памяці насельніцтва заходняга і ўсходняга памежжа Беларусі // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / red. E. Smułkowa i A. Engelking. – Warszawa: DiG, 2007. – S. 117–156.

9. Kwiatkowski, P. T. Czy lata III Rzeczypospolitej były «czasem pamięci»? / P. T. Kwiatkowski // Pamięć zbiorowa jako czynnik integracji i źródło konfliktów / red. A. Szpociński. – Warszawa: SCHOLAR, 2009. – S. 125–166.

A. L. LASTOUSKI

HISTORICAL MEMORY OF BELARUSIAN POLES: BETWEEN OFFICIAL NARRATIVES AND FAMILY LEGENDS

Summary

This article examines the main characteristics of the historical memory of Belarusian Poles, allowing to speak about the special image of the past within this ethnic group. The canon of historical and cultural figures is analyzed, as well the relationship between «grand» historical narrative and family memory that creates a trend of «escape» from the rigid interpretations of the past.

УДК 316.35/37:17.023.32

Е. А. БЕЛАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье рассматриваются основные направления в исследованиях общностей в социологии XX века, а также интерпретация понятия в терминах сетей.

Первые десятилетия XX в. ознаменовались выходом множества книг социальных антропологов, посвященных подробному описанию и анализу малых городов. Это способствовало развитию такого значимого направления теоретических и эмпирических исследований, как «исследование общностей» (community studies), которое было весьма значимым на заре создания академической социологии. В Британии и Америке в 30–70-е годы было проведено множество исследований, в которых концепт «общности» играл основную роль. Большая часть исследований проводилась по трем основным направлениям: 1) исследование городских и сельских общин, 2) малых городов и 3) общностей, сформированных из представителей рабочего класса. Эти исследования сформировали восприятие общности как определенного вида социальной структуры или среды, с особенными характеристиками, внутри которых возникают те или иные поведенческие паттерны [5, с. 96]. Таким образом, наряду с теоретическими построениями классической социологии эти исследования оказали существенное влияние на формирование идеи традиционных общностей, их природы, характеристик и функций.

Неудивительно, что при довольно бурном развитии эмпирических исследований дискуссии по поводу содержания понятия «общность» (община) стали довольно активными. Имея в арсенале традиционные модели общности, исследователи старались найти их отражение в реальности.

Последующая критика этих исследований была направлена главным образом на то, каким образом отбирались их объекты. В основном в их роли выступали небольшие населенные пункты, преимущественно аграрные, с неразвитой инфраструктурой, и по большому счету исследователи находили там то, что искали. Небольшой город определялся как имеющий доминирующий паттерн социальной организации и культуры, который составляет ядро общности, и это принималось за норму. Таким образом, общность считалась функциональным целым или системой взаимосвязанных частей. Соответственно

во внимание не принимался тот факт, что любые «местечки» не существуют изолированно и так или иначе включены в более широкие взаимодействия, например посредством торговли и обмена. Кроме того, с ростом производства индустриальная инфраструктура начала проникать и в небольшие города – строились производственные предприятия, открывались каналы миграции рабочей силы и управленческого персонала. Эти процессы стали размывать границы общностей, подрывать их устойчивость и неизменность. Г. Дэй в своей работе «Общность и повседневность» отмечает, что исследователи, столкнувшиеся с подобными изменениями в общностях (многие при повторных исследованиях), были пойманы в ловушку привычных интерпретационных схем. Не имея возможности объяснить происходящие изменения, они вынуждены были констатировать несоответствие реальности привычным моделям, отсутствие традиционных признаков и черт общины и соответственно – ее исчезновение. Еще одним основанием для критики служило то, что проводимые исследования, безусловно, насыщали науку новыми эмпирическими данными и теоретическими выкладками, однако не обогащали друг друга.

Сегодня же люди могут ощущать единство и не находясь в границах определенной географической территории. Это возможно, потому что общность стали понимать как культурный конструкт, который может быть представлен практически бесконечным числом способов. Они формируются динамическими взаимоотношениями между желанием индивида принадлежать той или иной общности и множеством способов, которыми это желание может быть удовлетворено.

Новый виток развитию исследований общностей разных типов дал социальный конструктивизм, основываясь на идеях символического интеракционизма и феноменологии. По большому счету именно такой подход повернул исследователей от изучения общности как тотальности, поглощающей индивида целиком к анализу собственно индивидов, оставляющих общность, – социальных акторов. Соответственно «объективистский» подход (когда во внимание принимались объективные характеристики общности, которые задавались извне самим исследователем) сменился на «субъективистский», в котором исследователи обратились к анализу таких субъективных характеристик, как сознание, перцепция, идентичность. Сам концепт идентичности сыграл немаловажную роль в дискуссиях о природе и характеристиках общностей разной формы, став одной из ключевых характеристик выделяемых групп. По мнению конструктивистов, нечто становится социальным фактом, потому что люди решили сделать это реальностью. Общности также могут быть таким фактом.

Довольно ярким представителем конструктивизма был Бенедикт Андерсон, автор известной книги «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма». Эта работа посвящена в первую очередь проблемам формирования нации, однако Андерсон придает особое значение субъективным и культурным аспектам «воображения» как способа

конструирования общности. Давая определение нации, автор отмечает, что нация является воображаемой, потому что ее члены никогда не будут знать большую часть своих собратьев, но в то же время «в умах у каждого из них живет образ их общности» [1, с. 31]. Андерсон считал воображаемым сообществом не только нацию, но и любую общность крупнее деревни, где связи выходят за рамки контактов «лицом к лицу». Такие общности друг от друга отличает лишь способ, стиль воображения. Однако Андерсон настаивает на необходимости репрезентации того, что воображено – именно так воображенное может стать социальным фактом, а не остаться только «в приватной области ментальных процессов индивида» [2, с. 254]. Вместе с тем автор настаивает на том, что воображенное не значит вымышленное, иначе будет утеряна социологическая реальность воображенного сообщества, так как любая воображенная общность может быть деконструирована и представлена как сумма своих культурных репрезентаций. Сообщества воображаются и переживаются как реальные потому, что их члены осознают свои интересы тесно связанными с ними и именно в общности человек находит гарантию своей идентичности. Вслед за Андерсоном Пас отмечал, что люди идентифицируют себя с определенными типами «воображаемых сообществ», которые, по их мнению, имеют ключевые ценности или опыт. Подобное чувство общности снимает внутренние различия – идентификация с группой должна быть одинаковой у всех, независимо от различий пола, возраста, класса, расы и прочего. Внутри группы могут быть разногласия, но их не существует для стороннего наблюдателя. Андерсон полагал эту черту (быть едиными, несмотря на разногласия и различия) одной из основополагающих характеристик общности.

Сама идея социального конструирования общностей не нова. После пересмотра концепций общностей как данностей, существующих изначально, представление об общности как о результате приложения усилий, а следовательно, имеющей свою историю и существующей до тех пор, пока сможет себя воспроизводить, является вполне логичным продолжением размышлений.

Теоретические построения социального конструктивизма вызвали интерес к исследованиям этнографического плана, которые давали базу для нового осмысления подходов к изучению общностей. Новая волна исследований была направлена «на поиск ключевых позиций, которые показывают, как люди воспринимают чувство общности и их общность как социальную реальность» [5, с. 112]. Первыми шагами на пути к конструированию общности может быть артикуляция общих интересов и ценностей, мобилизация для коллективных действий, объединение в гомогенные группы. Кроме того, общности могут быть сконструированы не только с нуля: уже существующие объединения способны приобретать новые физические и социальные границы.

Показательной работой такого рода было исследование социального антрополога Энтони Коэна «Принадлежность: идентичность и социальная организация в британских традиционных культурах», в котором он снова предлагает изучать небольшие общины с отношениями «лицом к лицу». Коэн полагал,

что общины формируются благодаря процессам повседневной жизни и имеют символическое бытие. С его точки зрения, необходимо уделить больше внимания анализу опыта, чувств, смыслов и значений членов общности и способам их артикуляции, так как именно этими характеристиками может определяться общность. Кроме того, антрополог обращал внимание и на механизмы разделения «мы» – «они», отмечая, что границы общности могут быть незаметны наблюдателю извне, хотя будут значимы для тех, кто внутри группы. Эти границы не столько физические или географические, как было раньше, но могут находить свое выражение в наличии или отсутствии тех или иных атрибутов, важных для поддержания единства, и эти атрибуты должны быть четко артикулированы [5, с. 159–161].

Вместе с тем довольно традиционное разделение «город» – «деревня» перестало иметь буквальный, территориальный смысл, а приобрело отсылки к различным стилям жизни, ценностям и поведенческим проявлениям. Таким образом, для исследователей стало очевидным, что границы общностей и само содержание понятия изменились под влиянием процессов, происходящих в обществе. В частности, к такому уже известному влиянию, как урбанизация, добавилась и глобализация. Исследователи отмечают, что глобализация повлияла на общности в трех основных аспектах: 1) возросшая мобильность; 2) дестабилизация идентичностей; 3) упадок связи с «местом».

Наряду с глобализацией на общности влияет и развитие современных информационных технологий, которое полностью меняет представление о пространстве и времени. Развитие Интернета и беспроводных сетей позволяет осуществлять коммуникацию быстрее и через гораздо большие расстояния, чем было возможно прежде. По большому счету Интернет позволяет «схлопнуть» пространство до нуля, давая возможность гипермобильности и одновременно поддержанию связи со всеми, с кем есть потребность коммуницировать. Подобная гипермобильность современного человека, а также изменения в понимании пространственно-временной организации привели к коллапсу жестких социальных структур, в рамках которых жизнь была организована ранее. Однако, по мнению исследователей, для многих людей локальные общности были важным компонентом идентичности, так как представляли собой довольно стабильную среду. С другой стороны, размывание общностей делает человека свободнее, позволяет активно формировать другие типы социальности. Тем не менее некоторые исследователи снова заговорили не об эволюции, но об исчезновении общностей и расценивали это как плату за свободу, а чем больше свободы, тем меньше люди связаны друг с другом.

В настоящее время идет много дискуссий о влиянии процессов глобализации на общности, однако наряду с размыванием четких социальных структур, со стремлением к универсализации происходят и обратные процессы. С одной стороны, казалось бы, процесс глобализации влечет за собой унификацию, универсализацию всего, стирание рамок и границ, с другой стороны – неотъемлемой составляющей глобализационных процессов является усиле-

ние, подчеркивание и воспроизводство различий. Даже незначительные отличительные черты могут гиперболизироваться и становиться основанием построения коллективной идентичности и становления общности. Так, Мердок предполагает, что внутри общностей старого типа формируются новые взаимосвязи, на иных основаниях, не возможных прежде, которые объединяют людей со сходными интересами. Он считает, что в таком ключе можно рассматривать символическое конструирование общности как часть рациональных стратегий действующих акторов, с помощью которых группы стремятся зафиксировать свое видение общности. Иными словами, происходит движение от общины к сообществу.

Здесь возникает принципиально отличный от традиционных трактовок подход к концептуализации общностей. Если раньше общность понималась как тотальность, пронизывающая всю жизнь индивида, как некая надындивидуальная реальность, определяющая взгляды, ценности и поведение индивидов, то современные исследователи стали анализировать общности в других категориях. Социальный конструктивизм заострил внимание на действующем акторе и эта трактовка, вкупе с исследованиями общества потребления, породила взгляд на общность как на потребляемое благо [8]. Вместо того, чтобы определять жизнь человека, они сами становятся определяемыми, базой для того, чтобы индивид мог оценить различные стили жизни и выбрать приемлемый. Они конструируются социально, чтобы служить удовлетворению определенных потребностей, и могут быть в любой момент переконструированы под другие цели и задачи. Кроме того, общность стала восприниматься не просто как элемент социальной реальности, но как реальная действующая сила, так как индивиды объединяются для достижения определенных целей, т. е. для деятельности. Предписанные связи, основанные на таких объективных характеристиках, как раса, класс, гендер, в глобальном обществе слабеют, человек имеет свободу выбора. Он больше не получает идентичность как данность, но может выбирать, с кем или чем себя идентифицировать, а с кем или чем нет. Связи, основанные на географической территории, также больше не доминируют и не являются основанием возникновения чувства общности, так как на одной территории могут проживать люди с разным культурным капиталом, разным опытом, стилем жизни и т. п. Общностям сложно формироваться традиционным способом, участие и деятельность становятся активными, осознанными, рациональными. В ситуации поисков новых оснований для социальной идентичности Бек видит возможность формирования новых типов общностей [3, с. 102–110].

Кроме того, индивиды имеют способность наделять социальные пространства, в которых они живут, новыми смыслами, реконструировать социальные различия, тем самым находя и пути реконструкции самих общностей. Еще в 70-е годы Фишер и его коллеги отмечали, что снятие ограничений места не обязательно означает ослабление чувства привязанности, часто даже наоборот – люди выказывают гораздо более сильную привязанность, но на основа-

нии осознанного выбора, а не принуждения или традиции. Фишер отмечает, что основная проблема современности не в отсутствии корней, а в том, что человек не может выбрать, где эти кони пустить [7, с. 186]. Однако исследователи сходятся во мнении, что именно современность дает возможность существования non-place communities (общностей, не основанных на месте).

Тем не менее нет оснований считать, что общности, основывающиеся на месте, исчезают в современном глобализирующемся мире. Личное общение в режиме лицом к лицу может приобретать дополнительную ценность, так как уже не является само собой разумеющимся. Гидденс отмечает, что такое общение может быть востребовано довольно остро и отношения возвращены в прежние рамки, так как именно они способствуют поддержанию доверия между людьми. Вне этих рамок индивиды могут оказаться чужаками. «Традиционный» человек принадлежал к одной общности, которая выполняла для него целый ряд различных функций. Современный человек принадлежит одновременно большому количеству общностей, каждая из которых выполняет одну функцию (или некий их набор). Таким образом, социальные идентичности не предписываются человеку, а конструируются путем различного рода практик, участий и обязательств. Следовательно, основная черта общностей современного типа – не предписанность, а выбор. Конечно, группы, созданные на основе неких общих черт или интересов, существовали и ранее, но именно в современных условиях выбор становится центральным моментом формирования общностей.

Изучая влияние стремительно меняющейся социальной реальности на судьбу общностей, некоторые исследователи (Альброу, Путман, Этциони) стали говорить о том, что для адекватного анализа необходим новый понятийный аппарат и новые теории, так как современные общности формируются не на основе схожести, а на основе отличий. Например, в 80-е годы довольно широкое влияние приобрел коммунитарианизм [6, с. 224]. Приверженцы этого направления в социальной науке обращались к исследованию механизмов формирования, трансляции и поддержания общих (разделяемых) ценностей (представлений о благе). Кроме того, довольно большое внимание уделялось анализу взаимоотношений между личностью и общностью. Главным представителем этого направления в социологии является А. Этциони (основатель и издатель журнала «The Responsive Community» (с 1993г.) и один из основателей коммунитарных движений и сетей в 90-е годы прошлого века). В ответ на бытовавший в то время скептицизм относительно использования понятия «общность» в серьезных исследованиях он подчеркивал, что возможно дать определение этому понятию с известной долей четкости. Этциони выделял две основные характеристики общностей [6, с. 226]:

1) сеть взаимоотношений между группами людей, которые имеют взаимопроникающий и пересекающийся характер, а не строятся на принципе линейности;

2) определенная культура как приверженность набору разделяемых норм, ценностей и значений, а также общей истории и идентичности.

Он определял общность как сеть социальных отношений, которые связывают людей вместе, несут эмоциональный заряд и поддерживают общие культурные смыслы и ценности [5, с. 205]. Однако подобные трактовки общности слишком широки – практически любую социальную группу можно назвать общностью на этом основании. Критики коммунитарианизма обращали внимание на то, что в рамках подобных теоретических разработок внимание исследователей было вновь направлено на традиционную общность как образец взаимопомощи, стабильных отношений и порядка и таким образом за скобками оставалась «темная сторона» общностей традиционного типа: авторитарность их природы, подавление индивида, предписанное поведение, подталкивание к соответствию «правилам игры».

Однако приверженцы коммунитарианизма подчеркивали, что они все же не ведут речь о возвращении к общностям «старого» типа, образ которых держат в уме критики. Такие общности не типичны для современной социальной реальности, более того – в них нет нужды. Традиционные общности имели монопольную власть над своими членами, современные же всегда ограничены в возможностях. Даже будучи членом одной территориальной общности, индивид одновременно является частью многих других общностей: этнической, религиозной, трудовой и т. п. Такое мультичленство защищает индивидов от слишком большого морального давления и возможного остракизма. Вместе с тем чтобы общность была действительно коммунитарной, ее члены в большинстве своем должны быть сильно привязаны к центральным ценностям.

Тем не менее развитие современного общества продолжало порождать дискуссии вокруг адекватности использования понятия «общность» и его неопределенности. Предпринимались довольно серьезные попытки найти замену проблемному концепту «общности». Одной из таких попыток стала теория сетей. Взгляд на общность в терминах теории сетей, соответственно анализ общностей как сетевых (Чарльз Тилли, 70-е годы), позволил существенно переработать социологическое видение социальных отношений. Традиционно общности рассматривались как ограниченные местом (neighborhoods – районы, области), здесь же они рассматривались как взаимоотношения (networks-сети). В рамках такого подхода социальная сеть определялась «как набор узловых пунктов (обычно людей или организаций), связанных определенными взаимоотношениями (такими, как поддержка и коммуникабельность)» [6, с. 983]. Изучение сетевых общностей начинается с анализа взаимоотношений как таковых и только потом ставится вопрос об их цельности и локализации. Одним из достоинств этого подхода было освобождение исследования общностей от привязки к определенному окружению (району, области). Еще одним следствием стало ослабление ожиданий, что все общности должны быть в обязательном порядке высокосплоченными. Мердок полагал, что понятие «сеть» может быть адекватной заменой понятию «общность», снимающей бесконечные споры о ее судьбе в современном мире. Он определял сеть в терминах набора взаимосвязей, в которые включены индивиды и их взаимоотношения.

Сеть максимально концентрируется на индивиде. Сколько сфер отношений, столько же может быть и сетей и индивид будет вовлечен в любое их количество. Даже если нет формальной организации, так или иначе все равно будет присутствовать высокая сплоченность внутри сетей. В самом общем виде сеть создается более гибкой, адаптивной к любым изменениям и требует меньшей степени участия и преданности, чем интегрированные общности. Мердок считал, что именно «сеть» – наиболее адекватный термин для описания взаимодействия и способов объединения высокомобильных индивидов в современном социуме. Некоторые исследователи, работающие в рамках сетевого подхода, стали рассматривать общность как «личную общность»: индивидуальный (или домохозяйственный) набор связей с друзьями, соседями, родственниками и сослуживцами. Вместо поиска изучения солидаризированных групп или поиска общностей внутри групп, связанных родством, исследователи обратились к анализу всех активных взаимоотношений, подобных общностным, независимо от локализации и единства интересов участников группы.

Переинтерпретация общности в терминах социальной сети оказалась довольно продуктивной. В результате аналитики смогли показать, что в современном мире общности не остаются внутри областей, подобных деревне (классическая общность), но и не исчезают под влиянием современных социальных трансформаций. Современные общности довольно редко основываются на родстве или соседстве, следовательно, лишь незначительная часть активных индивидуальных связей и отношений локальна по своему характеру и они не могут быть базой для прочных солидаризированных общностей. Однако следует помнить, что связи внутри общности не тождественны ежедневным контактам. Сетевые общности состоят преимущественно из людей, которым нравится взаимодействовать друг с другом, и лишь небольшой доли тех, кто взаимодействует только потому, что живет рядом, работает вместе или находится в родственных отношениях. Общности сетевого типа существовали всегда, но лишь современное развитие коммуникационных технологий позволило им стать лидирующей формой организации социальных отношений (по мнению Б. Уилмана) [6, с. 987]. Развитие сетевых общностей находится в тесной связи с развитием компьютерных сетей. Это взаимосвязанное развитие снижает доли отношений, базирующихся на врожденных характеристиках – возрасте, поле, расе, и повышает количество отношений, основанных на приобретенных в течение жизни характеристиках – стиле жизни, интересах, нормах. Кроме того, участие в тех или иных типах сетей может стать социальным капиталом и переноситься из одной сети в другую в качестве ресурса.

Сегодня нет единого определения понятия «общность», однако в общем виде общность определяется в терминах взаимоотношений групп людей, чаще всего в рамках определенной локальности, которые выходят за рамки простого знакомства. В целом в истории социологии можно выделить несколько проблемных точек, связанных с понятием «общность», так или иначе возникающих в работах многих исследователей:

1. Сложность самого понятия и невозможность дать его четкое определение (однако, варианты «рабочих» определений возможны). В связи с этим адекватность использования данного понятия ставилась под сомнение неоднократно и предлагались варианты замены его на более конкретные, по мнению некоторых исследователей, понятия «локальность», «сеть».

2. Судьба традиционных форм общности (общин) в современном мире. На протяжении нескольких десятилетий ученые, исследующие общности эмпирически, приходили к выводу, что общности перестали существовать. Позднее переинтерпретация понятия вызвала к жизни утверждения, что общности просто трансформируются вместе с обществом.

3. Интерес исследователей к проблеме социальной обусловленности коллективных идентичностей, в том числе и культурных. Отсюда рождается возможность понимания общностей как культурных конструктов, создаваемых для удовлетворения тех или иных нужд.

Литература

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
2. Смит, Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит; пер. с англ. А. В. Смирнова [и др.]. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
3. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. – London: Sage, 1992. – 272 p.
4. Bruhn, J. G. The sociology of community connections / J. G. Bruhn. – Springer: LTDPress, 2005. – 303 p.
5. Day, G. Community and Everyday life / G. Day. – New York: NY Madison Ave, 2006. – 275 p.
6. Encyclopedia of Community: From the Village to the Virtual World / ed. David Levinson, Karen Christensen. – SAGE Publications, 2007. – 2000 p.
7. Fischer, C. S. Networks and Places: Social Relations in the Urban Setting / C. S. Fischer [et al.]. – New York: The Free Press, 1977. – 463 p.
8. Urry, J. Consuming Places / J. Urry. – London: Routledge, 1995. – 272 p.

E. A. BELAYA

CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION «COMMUNITY» IN THE CONTEMPORARY SOCIOLOGY

Summary

The article deals with the main research areas of communities in the contemporary sociology and the interpretation of this concept in the terms of networks.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И МИГРАЦИЙ. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 378.048.2(476)

М. И. АРТЮХИН,
кандидат философских наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НАУЧНАЯ ЭЛИТА: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ

Исследуются проблемы идентификации и типологии научной элиты, выявлены ее структура и типология. Определены основные атрибутивные признаки научной элиты на информационно-когнитивном и социальном уровнях, а также качественные и функциональные отличия креативной элиты от других элитных групп в науке. Делается вывод о необходимости развития в белорусском обществоведении элитологии и социологии элиты как относительно самостоятельных научных дисциплин.

Республика Беларусь, как и большинство стран мира, свое развитие связывает с экономикой, основанной на инновациях и высоких технологиях. Обеспечение главного приоритета – перевода национальной экономики на инновационный путь развития в рамках белорусской экономической модели предусмотрено Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 гг. Главная роль здесь отводится науке и наукоемким производствам. И это безальтернативно. В современном мире без науки нельзя обеспечить технологическое развитие страны, реализовать программу развития стратегически важных фундаментальных и прикладных исследований. При этом следует отметить, что гарантом и необходимым условием динамичного развития научного и технологического потенциала страны является высококлассная научная элита.

Приоритетное значение научной элиты в инновационном развитии общества определяется тем, что она выступает в качестве генератора идей, открывает пути в новые области знания и практики. Есть все основания уподобить научную элиту катализатору развития социальной системы и ее основных составляющих. В этом случае, если уровень воспроизводства научной элиты не соответствует признанному в мире «критическому значению», общества теряют способность к инновационному развитию.

Вместе с тем до последнего времени в белорусской научной литературе и периодике мало внимания уделялось теоретическим и методологическим вопросам изучения элитных групп общества. Более того, в белорусском обществоведении элитология и социология элиты как относительно самостоятельные научные дисциплины не представлены.

Сегодня в Беларуси создается эффективная национальная инновационная система. Соответственно стоит задача системного воспроизводства новой генерации интеллектуальной элиты общества, ключевой частью которой является научная элита. Вместе с тем эта задача в важнейших государственных доктринах должным образом не рассматривается и какими-либо программами не обеспечена. Например, в концепции национальной безопасности Республики Беларусь проблема системного формирования и сохранения интеллектуальной элиты общества только упоминается, но в числе национальных приоритетов не определена.

Структура научной элиты. Основные социальные функции науки определяют генезис научной элиты. С одной стороны, наука является основой духовно-когнитивного прогресса, ибо без познания окружающего мира теряют смысл образование, культура, идеология. С другой стороны, наука служит исходным началом воспроизводства современных системных технологий для производства материальных благ и всевозможных непроизводственных услуг. Обе социальные функции науки формируют соответствующие потенциалы общества: духовно-интеллектуальные (образовательный, культурный и т. д.) и проектно-экономические (обобщенные системные технологии, экономический). Соответственно этому формируется и научная элита, ее структура и критерии идентификации [1, с. 20].

Рассматривая структуру научной элиты, элитологи и науковеды прежде всего выделяют горизонтальный и вертикальный срезы иерархии в науке. «Горизонтальный срез выявляет группы, различающиеся по степени элитности и по ориентации на те или иные функции в научной сфере – творчество и управление, тогда как вертикальный срез обнаруживает степень развития качеств, присущих элите вообще, способностей, без которых доступ в ряды научной элиты просто закрыт» [4, с. 49]. В самом общем виде структуру научной элиты можно представить как пирамиду (рис. 1).

Структура научной элиты может быть представлена и по другим основаниям. Например, по ее местоположению – республиканская и региональная; по возрасту – постэлита и предэлита (эмбриональная) – молодая научная элита. По уровню компетенции выделяется высшая мировая научная элита, обще-

Рис. 1. Общая структура научной элиты

национальная и региональная. Если производить структурирование научной элиты по результатам деятельности, то можно говорить о креативной научной элите, постэлите, контрэлите и предэлите.

Кроме того, научная элита делится на элиту официально признанную на государственном уровне (ВАК и общее собрание Академии наук) и неформальную научную элиту, являющуюся порождением сетевых исследовательских структур (невидимых колледжей). По мнению ряда исследователей-элитологов, именно неформальная (сетевая) научная элита – это и есть подлинная интеллектуальная элита, за которой будущее мировой науки. В определенной мере ее можно отнести к научной контрэлите, идущей на смену постэлиты.

Без циркуляции научных элит невозможно нормальное развитие науки. Между элитой и остальной массой представителей научного сообщества постоянно происходит обмен: часть научной элиты перемещается в низший слой или покидает науку, а наиболее способная часть последнего пополняет состав высшего уровня научной элиты.

Здесь следует отметить, что при определенных условиях постэлита научного сообщества стремится монополизировать свои позиции и явно или неявно стремится к превращению в наследственную касту. Этому препятствует процесс саморазвития мировой науки. Основные причины потери постэлитой своего господствующего положения в науке состоят либо в утрате качеств, благодаря которым представители постэлиты пришли к власти, либо в их неадекватности новой социальной и экономической реальности. Чередование в науке тенденций к стабилизации (стадия «нормальной науки» по Т. Куну) и обновлению создает некое ритмическое развертывание научного процесса. Это может идти эволюционным путем, но может и революционным, когда происходит резкая смена состава правящего слоя научной элиты новым креативным слоем научной элиты (смены ее контрэлитой). Прерывание «замкнутости» научной системы вследствие социального обновления, новых движений или иных причин ведет к тому, что наиболее активные представители креативного слоя научной элиты выдвигаются на верхние ступени научной иерархии. Начинается процесс интенсивного обновления властного слоя научной элиты и этот процесс обновления научной элиты сохраняется до тех пор, пока не наступит новый период стабильности в науке.

Основные качественные и функциональные отличия креативной элиты от других элитных групп в науке. Своеобразие элитарной стратификации в науке в первую очередь определяется фундаментальными целями и ценностями науки как социального института, а также спецификой его дисциплинарной организации, представляющей собой совокупность научных дисциплинарных сообществ. Особое значение в идентификации научной элиты имеет то обстоятельство, что все члены научного сообщества заняты реализацией основной цели – производства достоверного знания, при этом вклад каждого конкретного ученого в развитие науки может значительно отличаться. Элитарность в науке – это функция прежде всего личных заслуг и достоинств наи-

более одаренных представителей научного сообщества. Например, известный российский науковед и организатор науки Б. Г. Салтыков в качестве принадлежности ученых к элитному слою отмечает подтвержденный мировой уровень их исследований и результатов [2]. Российский социолог науки С. А. Кугель определяет научную элиту как категорию ученых, вносящих наибольший вклад в мировую систему научных знаний [3, с. 46].

Как известно, совокупность знаний в каждой научной области представляет собой уникальное знаниевое явление, понимание и оценка которого доступны только профессионалам. Отсюда вполне очевидно, что адекватную оценку вклада ученого в развитие конкретной научной дисциплины, отрасли знания могут осуществить сначала наиболее авторитетные ученые в этой области знания, а потом научное сообщество как социально-профессиональная группа. Если ученое сообщество (мировое и общенациональное) как экспертная группа признает, что данное открытие ученого действительно отражает значительный вклад в развитие науки, то ученый получает возможность войти в состав научной элиты. Признание личных заслуг ученого может осуществиться путем присуждения ему международной научной премии (например, наиболее престижной считается Нобелевская) или национальной (в Беларуси для ученых учреждены специальные Государственные премии). Кроме того, научное сообщество конкретной страны при условии представления исследователем квалификационной работы или по совокупности научных работ вознаграждает ученого за его заслуги, присуждая ему ученую степень и научное звание. Иными словами, только в случае наличия признанного профессиональным сообществом научного результата ученый входит в состав креативной научной элиты – относительно узкого слоя, или круга ученых, внесших значительный вклад в развитие мировой науки.

В науковедческих исследованиях определена единая шкала ценности научных результатов. Например, российские ученые Л. И. Коношенко, А. Д. Савельев, О. В. Сейдова выделяют три ранга ценности научного результата [5, с. 87]:

Первый ранг, заслуживает научный результат, который связан с открытием новых закономерностей объекта исследования, новых явлений, новых социально-общественных теорий и т. п. Результат не имеет аналога в структуре научного знания.

Второй ранг научной ценности характеризуется углублением и расширением знаний о тех объектах, в которых получены научные результаты первого ранга. Содержание второго ранга – поиск новых свойств и взаимосвязей в ранее открытых законах, явлениях, новых изобретениях и т. п. Если первый ранг означает поиск и открытие нового, то второй ранг – изучение и поиск свойств и характеристик этого нового.

Третий ранг научной ценности представляет собой поиск новых областей применения известных идей и решений, расширение сферы использования открытий с учетом как положительных, так и негативных сопутствующих факторов. Решение проблем третьего ранга связано с исследованием возможно-

стей инноваций полученных научных результатов первого и второго рангов и путей их коммерциализации.

Таким образом, только наличие в творческом активе ученого достижений научного знания первых двух рангов ценности и научного результата дает ему возможность иметь статус элиты в соответствующей области научной и инновационной деятельности. И это вполне обоснованный критерий элитарности в науке. Ведь первая и основополагающая социальная роль ученого заключается в том, что, выступая в качестве профессионала, ученый в соответствии с общепринятой научной методологией (традицией, парадигмой) обеспечивает получение истинного, достоверного знания. Именно в этой своей ипостаси ученый получает право принадлежать к научной элите.

Следует также отметить, что самое главное различие научной элиты от, например, политической элиты состоит в том, что первоначальное выявление научной элиты происходит не в социальной сфере, а в информационно-когнитивной, в плоскости научных результатов и знания. Однако окончательная институционализация научной элиты происходит уже на уровне социальном.

К важнейшим атрибутивным признакам креативной научной элиты на информационно-когнитивном уровне относятся следующие:

наличие существенных достижений в области приращения нового научного знания, признанного научным сообществом;

лидерство в научной школе, признанной научным сообществом;

деятельность в государственной либо корпоративной системах научной стратификации;

включенность в систему организации научной деятельности в качестве основоположника новых научных направлений и лидера научной школы;

участие в подготовке новой научной смены.

На социальном уровне:

занятие руководящих постов в системе организации научных исследований;

наличие ученых степеней и званий, утвержденных ВАК;

общественное признание в качестве представителя научной элиты в научном сообществе, которое нашло выражение в членстве ученого в попечительских советах научных фондов, в редакциях научных журналов, различного рода научных советах, органах общественного самоуправления в науке;

включенность в систему экспертных функций при оценке развития и достоверности научно-исследовательских программ и развития общества.

Приступая к рассмотрению основных качественных и функциональных отличий креативной элиты от других элитных групп в науке, следует отметить, что главенствующая роль в развитии науки принадлежит креативной элите, т. е. специалистам высшей квалификации, производящим новые научные знания, профессионально подготовленным к этой деятельности и обладающим признанным в научном сообществе и в социуме статусом – ученая степень и научное звание.

В структуре креативной научной элиты, нацеленной на получение новых достоверных знаний, особо выделяются генераторы идей – «творцы новых

понятий, теорий, методов, даже новых путей мышления, новых парадигм». С известной долей допущения можно признать, что именно эта часть креативной научной элиты и есть топ-уровень элиты в науке. Все остальные элитные группы в науке – это элита научной инфраструктуры (административно-управленческая, инновационные менеджеры высокого и среднего уровня и т. д.).

Креативная научная элита имеет сложную структуру и внутренне дифференцирована. Можно выделить три слоя креативной научной элиты, которые характеризуются различным творческим потенциалом и функциями (рис. 2).

Первый слой креативной научной элиты – **постэлита**, представители которой уже добились высокого статуса в науке и выполняют ряд необходимых для развития науки функций, хотя часть из них в большинстве случаев уже не создает новых идей. Обладая творческими достижениями, признанными научным сообществом, и большим научным и жизненным опытом для того, чтобы выполнять роль наставников новых научных поколений, постэлита в науке является мощным фактором преемственности и стабильности в научной сфере. Как правило, представители постэлиты претендуют на ключевые позиции в распространении и использовании научных знаний, присутствие в высших эшелонах управленческих структур в научной сфере.

Второй слой креативной научной элиты – собственно **креативная элита** (ученые в возрасте от 25 до 55 лет). Ее качественные и функциональные особенности изложены выше. Третий слой – **предэлита** (эмбриональная элита), к которой принадлежат наиболее способные к научной деятельности и одаренные студенты, аспиранты и молодые докторанты. Это – молодая научная смена, являющаяся резервом для развития науки, положительных социальных перемен и технологических инноваций [6, с. 10].

Обобщая сказанное выше, можно дать следующее определение креативной научной элиты: *креативная элита в науке – исследователи высшей квалификации, имеющие мировое или государственное (национальное) признание, добившиеся наивысших результатов в области достоверного научного знания, эффективно действующие в сферах организации науки, высшего образования, социально-политического консалтинга, обеспечивающие формирование пара-*

Рис. 2. Структура креативной научной элиты

дигмальной системы научно-культурных символов и ценностей, занимающих руководящие позиции в научной иерархии.

Современная структура и функции административно-управленческой элиты в науке. Белорусская наука должна научиться «зарабатывать деньги». Это не значит, что все НИИ должны превратиться в коммерческие ОАО и преследовать главной целью получение прибылей. Просто надо научиться внедрять и использовать свои научные достижения. Надо научиться их коммерционализировать. Наука ради науки, если ее результаты не позволяют стране, ее финансирующей, строить конкурентоспособную экономику и инновационное общество, нуждается в реорганизации. Для того чтобы наука была эффективна в своей прикладной востребованности, необходимо наличие в науке особой функциональной элитной группы – ученых – организаторов науки и профессиональных инновационных менеджеров.

Административно-управленческая элита в науке – это группа ученых и профессиональных инновационных менеджеров, обладающих инструментами власти в научном сообществе и принимающих стратегически важные решения. В состав административно-управленческой элиты в науке можно отнести и руководителей НИИ и научно-практических центров, которые призваны осуществлять качественный стратегический контроль по научной компоненте исследовательских работ. Однако руководители НИИ и научно-практических центров, как правило, не являются высококвалифицированными профессионально подготовленными управленцами, которые могут обеспечить разработку новейших современных управленческих стратегий и успешно их осуществить. Именно поэтому в современной развитой науке, интегрированной в национальную инновационную систему, имеется такая большая потребность в высококвалифицированных профессионально подготовленных управленцах. Структура административно-управленческой элиты в современном ее виде представлена на рис. 3.

Структура административно-управленческой элиты определяется основными функциями управления в научно-инновационной сфере. Причем конституирующим и видообразующим признаком является выработка и принятие стратегических управленческих решений и обеспечение их трансляции на уровень научного сообщества и общества в целом. Представители административно-управленческой элиты, ее верхнего слоя (топ-элиты), как правило, рекрутируются из когорты ученых профессионалов, проявивших способности и таланты руководителя научного коллектива и организатора науки. Однако сегодня идет процесс трансформации административно-управленческой элиты в науке. Развитие постиндустриального общества

Рис. 3. Структура административно-управленческой элиты в науке

вызывает появление новых социальных функций в науке и соответствующих слоев и функциональных элитных групп в научной сфере. Особенно это касается структуры административно-управленческой элиты, в которой все большую роль начинают играть профессионально подготовленные инновационные менеджеры, обеспечивающие интеграцию фундаментальной и прикладной науки с экономикой на базе наукоемкого производства и высоких технологий. Для этого надо создавать соответствующую инновационную инфраструктуру: центры внедрения научных результатов, трансфера технологий, научные бизнес-инкубаторы, парки передовых высоких технологий и др. Соответственно возникла нужда в новой генерации управленческой элиты. Причем в этой элитной страте могут выделиться стратегические группы (субэлиты), т. е. носители новых управленческих идей, принципиальных сценариев развития научной сферы и ее интеграции в инновационную экономику и ее инфраструктуру. Главным условием вхождения в эти стратегические группы (субэлиты) является не столько статус, сколько интеллектуальный потенциал и способность генерировать новые подходы и сценарии развития. Это – новая генерация административно-управленческой научной элиты. Ее можно назвать инновационной элитой, представители которой занимают властные позиции на различных уровнях управления в науке и ориентируются в своей деятельности на адаптацию научных организаций (и(или) научного комплекса) к инновационной экономике и их интеграцию в инновационное развитие отрасли, региона и страны в целом. В определенной мере это первые ростки новой для Беларуси национальной инновационной элиты, нового «стратегического субъекта» государственного управления. И это вполне обоснованное мнение. Беларусь сегодня не может себе позволить задержки на пути роста инновационной активности и восприятия инноваций. Белорусская наука не на словах, а на деле должна стать локомотивом национальной инновационной системы**.** Особая роль здесь отводится Национальной академии наук, представляющей сегодня мощный научно-производственный комплекс, интегрированный в экономику страны.

Литература

1. Савельев, А. Д. Идентификация и формирование научной элиты / А. Д. Савельев // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 20 – 32.

2. Мечтать не грех, но лучше остаться реалистом // Поиск. – 1994. – № 30 (272). – 12 – 18 авг.

3. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. – СПб. : Изд-во СПб УЭФ, 1993. – Ч. 1. – 153 с.

4. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. – СПб. : Изд-во СПб УЭФ, 1993. – Ч. 2. – 153 с.

5. Коношенко, Л. И. Методы выбора тематики научных исследований в вузах / Л. И. Коношенко, А. Д. Савельев, О. В. Сейдова. – М. : НИИВШ, 1985. – 187 с.

6. Фирсов, Б. М. Воспроизводство научной элиты / Б. М. Фирсов // Социологический журнал. – 1998. – № 1/2. – С. 10.

M. I. ARTJUKHIN

SCIENTIFIC ELITE: PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND TYPOLOGY

Summary

The article deals with problems of identification and typology of the scientific elite. The structure and typology of the scientific elite were brought to light. The main attributive signs of the scientific elite on the information, cognitive and social levels were defined, the qualitative and functional differences of the creative elite from other elite groups in science are given. The author comes to the conclusion that in the Belarus social science should be developed elitology and sociology of elite as relatively independent scientific disciplines.

УДК 316.74:001

И. Н. ШАРЫЙ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ КАДРОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

В статье рассматриваются особенности динамики воспроизводства научных кадров в учреждениях академического сектора науки. Представлены результаты сравнительного анализа динамики воспроизводства кадров в научных учреждениях различных отделений наук НАН Беларуси с 2003 по 2009 г. Рассмотрены факторы, влияющие на оптимизацию процессов воспроизводства научных кадров высшей квалификации.

В промышленно развитых странах основная доля прироста валового внутреннего продукта приходится на долю продукции и технологий, в которых воплощены новые знания. Переход на инновационный путь развития является стратегическим направлением развития белорусской экономики. На Первом съезде ученых Республики Беларусь было определено, что для развития экономики наука и образование будут иметь решающее значение. Важная роль при переходе к экономике, основанной на знаниях, принадлежит научным кадрам, поэтому в системе государственного регулирования научной сферы особое внимание уделяется проблемам развития кадрового потенциала науки. В соответствии с перечнем приоритетных направлений фундаментальных и прикладных исследований Республики Беларусь на 2011–2015 гг., утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 19 апреля 2010 г. № 585, в число приоритетов включено проведение мониторинга развития кадрового потенциала белорусской науки.

Основные направления развития кадрового потенциала белорусской науки были определены в Концепции развития науки на период до 2015 г. и Государственной программе инновационного развития на 2007–2010 гг. Среди наиболее важных направлений – повышение уровня экономической и социальной защищенности ученых, престижа научной деятельности, омоложение кадрового состава науки, сокращение интеллектуальной эмиграции.

Если в 90-е годы прошлого века численность научных работников ежегодно сокращалась, то за период с 2001 по 2005 г. наметилась позитивная тенденция – стабилизация численности научных работников. В текущей пятилетке списочная численность работников, организаций, выполнявших научные исследования и разработки, растет. Если в 2006 г. списочная численность

работников организаций, выполняющих научные исследования и разработки, составляла 30 544 чел., то в 2008 г. – 31 473 чел. В 2009 г. списочная численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, выросла до 33 516 чел. В значительной мере рост этого показателя объясняется тем, что с 2009 г. впервые в материалах государственной статистической отчетности по форме 1-нт (наука) «Отчет о выполнении научных исследований и разработок» стали учитываться субъекты малого предпринимательства. В целом за прошедшее десятилетие отмечается стабилизация общей численности работников научной сферы.

Анализ основных тенденций изменения квалификационной и половозрастной структуры исследователей НАН Беларуси за период с 2006 по 2009 г. показал, что в рамках рассматриваемого временного периода сложились новые тенденции, характеризующие воспроизводство кадрового состава науки, которые имели как позитивную, так и негативную направленность. Переход к формированию экономической системы, основанной на знаниях, повышение роли науки в инновационных процессах предопределили конкретные меры кадровой политики в науке на рассматриваемом временном этапе. Позитивное влияние на воспроизводство научных кадров было обусловлено активизацией мер государственного регулирования, что наиболее явно проявилось в совершенствовании системы государственной поддержки научной молодежи, совершенствовании системы подготовки научных кадров высшей квалификации, механизма заработной платы научных работников высшей квалификации. Среди негативных факторов внешнего характера необходимо отметить влияние мирового финансово-экономического кризиса, который в 2008–2009 гг. отрицательно сказался на развитии научной сферы.

Как показывает анализ, в академическом секторе науки обеспечивается стабилизация общей численности исследователей, однако качественные изменения кадрового состава научных учреждений характеризуются разнонаправленными тенденциями. С 2006 по 2010 г. численность исследователей НАН Беларуси сократилась всего на 37 (на 0,6 %) чел. В то же время число докторов наук сократилось на 9,7 %, кандидатов наук – на 4,2 %. Число докторов наук – мужчин сократилось на 11,0 %, тогда как число докторов наук – женщин почти не изменилось (сокращение на 1 %). Доля научных кадров высшей квалификации в общей численности исследователей за рассматриваемый период сократилась на 1,8 п. п. (с 39,6 до 37,8 %). Доля научных кадров высшей квалификации из числа мужчин сократилась на 3,4 п. п. Для женщин этот показатель почти не изменился.

Сокращение численности докторов наук по возрастным категориям происходило неравномерно. За рассматриваемый период докторов наук – мужчин в возрасте до 49 лет стало в 2 раза меньше (с 48 до 24). В возрасте от 50 до 59 лет их численность сократилась на 30,5 %, в возрасте 60–69 лет – на 7,6 %, а в возрасте старше 70 лет выросла на 31 %.

Сокращение численности докторов наук из числа женщин не носило столь радикального характера. Численность докторов наук из числа женщин в воз-

расте до 49 лет сократилась на 33 %, в возрасте 50–59 лет – на 40 %, в возрасте 60–69 лет отмечается рост на 2,6 %, а в возрасте 70 лет и старше рост на 57 %. Дисбаланс между ростом доли докторов наук старшего возраста и сокращением доли докторов наук среднего возраста растет, что может привести к деструктивным последствиям развития кадрового потенциала науки в перспективе.

Тенденции изменений возрастного состава кандидатов наук существенно отличаются. В возрастной категории до 40 лет численность кандидатов наук выросла на 28,6 % (рост у мужчин на 31 %, женщин – на 26 %). В то же время численность кандидатов наук в возрасте от 40 до 49 лет сократилась на 33 % (мужчины – 36 %, женщины – 28 %). В возрастной категории 50–59 лет численность кандидатов наук сократилась на 21 % (мужчины – на 29 %, женщины – на 7,5 %). В старшей возрастной категории кандидатов наук отмечается рост численности: в возрасте 60–69 лет на 13,6 % (мужчины – на 16,5 %, женщины – на 7,7 %); в возрасте 70 лет и старше рост численности кандидатов наук составил 96 % (почти в 2 раза).

Для сравнительной оценки процессов воспроизводства кадрового состава научных учреждений были изучены изменения воспроизводственной структуры научных кадров в отделениях наук НАН Беларуси с 2003 по 2009 г. Основное внимание было уделено исследованию омоложения кадрового состава исследователей с учетом особенностей этого процесса у исследователей высшей научной квалификации.

За период с 2003 по 2009 г. в научных учреждениях НАН Беларуси доля молодежи (исследователей в возрасте до 29 лет) выросла на 5,7 п. п. (с 15,9 до 21,6 %). Особенно следует отметить существенный рост выпускников академической аспирантуры, что способствовало росту доли молодых исследователей, закончивших аспирантуру, в общей численности научной молодежи. Если в середине предыдущего десятилетия (в 90-е годы) ежегодно заканчивали аспирантуру НАН Беларуси около 100 чел., то с 2002 по 2006 г. ежегодный выпуск академической аспирантуры составлял более 200 чел. В 2007 г. выпуск академической аспирантуры составлял 156 чел., в 2008 г. – 155 чел., в 2009 г. – 183 чел. Таким образом, был создан потенциал для роста числа молодых кандидатов наук, поскольку рост численности выпускников аспирантуры влияет на рост числа защит кандидатских диссертаций. Если в середине 90-х годов в НАН Беларуси ежегодно защищали кандидатскую диссертацию от 50 до 60 кандидатов наук, то в последние годы ежегодно защищают кандидатскую диссертацию от 90 до 100 чел.

Исследование показало, что в различных научных учреждениях процесс омоложения кадрового состава происходил неравномерно. Неравномерность этого процесса за рассматриваемый период времени может быть охарактеризована изменением доли научных учреждений, в которых доля молодежи в общей численности исследователей составляет более 21 %. Соответствующие данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Распределение учреждений НАН Беларуси в зависимости от доли молодежи в общей численности исследователей с 2003 по 2009 г., %***

Год	Научные учреждения НАН Беларуси в зависимости от доли молодежи в общей численности исследователей				Всего
	доля молодежи до 10 %	доля молодежи от 11 до 15 %	доля молодежи от 16 до 20 %	доля молодежи от 21 % и больше	–
2003	23,0	22,0	23,0	32,0	100,0
2004	17,0	34,5	14,0	34,5	100,0
2005	14,0	25,0	23,5	37,5	100,0
2006	15,1	22,7	22,7	39,4	100,0
2007	9,4	31,2	9,4	50,0	100,0
2009	10,4	25,4	17,9	46,3	100,0

* Данные за 2008 г. отсутствуют.

Как следует из данных, представленных в табл. 1, в 2003 г. почти в каждом третьем научном учреждении НАН Беларуси доля молодежи в общей численности исследователей была 21 % и более, а в 2007 г. – в каждом втором научном учреждении. В 2009 г. доля научных учреждений, в которых молодежь в общей численности исследователей составляла 21 % и более, упала до 46,3 %. В составе отделений наук НАН Беларуси имеются существенные различия между научными учреждениями в зависимости от доли молодежи (в возрасте до 29 лет) в общей численности исследователей. Так, в трех научных учреждениях отделения химических наук и наук о земле доля молодежи составляет более 21 %, а в двух – от 16 до 20 %. В отделении физико-технических наук научные учреждения с долей молодежи более 21 % уже не составляют большинства. В этом отделении в шести научных учреждениях доля молодежи составляет более 21 %, а в других шести учреждениях этого отделения наук доля молодежи в общей численности составляет от 11 до 15 %, что существенно меньше, чем в среднем по НАН Беларуси.

В четырех отделениях наук НАН Беларуси есть научные учреждения, в которых доля молодежи составляет менее 10 %. В этих же отделениях наук значительное число научных учреждений с долей молодежи от 11 до 15 %. Если в отделении аграрных наук численность научных учреждений с долей молодежи более 21 % составляет большинство (13 из 25), а в отделениях физики, математики и информатики половину (3 из 6), то в отделении биологических наук всего два научных учреждения (из восьми научных учреждений) с долей молодежи более 21 %. В отделении гуманитарных наук есть только одно учреждение, в котором доля молодежи составляет более 21 %.

Анализ показал, что еще в 2003 г. имелись существенные различия между отделениями наук в зависимости от доли молодежи в кадровом составе исследователей и это оказывает существенное влияние на воспроизводственные процессы в настоящее время. В тех отделениях наук, в которых в 2003 г. доля исследователей молодого и среднего возраста была выше среднего по НАН

Беларуси показателя, т. е. процессы омоложения начались раньше, воспроизводство кадрового состава проходит в более оптимальном режиме. В научных учреждениях этих отделений наук значительно более интенсивно растет доля кандидатов наук в возрасте до 39 лет, чем в отделениях наук, в которых в 2003 г. доля молодежи была значительно меньше, чем в среднем по НАН Беларуси. Так, в отделениях биологических, гуманитарных и аграрных наук доля кандидатов наук в возрасте от 30 до 39 лет увеличилась за рассматриваемый период времени более чем на 10 п. п. В отделениях физики, математики и информатики соответствующий показатель составил 2,9 п. п., в отделении физико-технических наук – 3,6 п. п.

Как свидетельствуют полученные данные, для всех отделений наук острой является проблема увеличивающегося разрыва в возрастной структуре кандидатов наук, что проявляется в интенсивном сокращении доли кандидатов наук в возрастной категории 40–59 лет. С 2003 по 2009 г. доля кандидатов наук этой возрастной категории в отделении физики, математики и информатики сократилась на 20,5 п. п., в отделении физико-технических наук – на 15,7, в отделении химии и наук о земле – на 20,5, в отделении биологических наук – на 20,4, в отделении гуманитарных наук и искусств – на 17,3, в отделении аграрных наук – на 14 п. п. Для большинства отделений наук острой остается проблема сокращения доли докторов наук молодого и среднего возраста в общей численности докторов наук. За рассматриваемый период в пяти отделениях наук из семи доля докторов наук в возрасте до 59 лет сократилась в структуре численности докторов наук более чем на 10 п. п.

Основной формой подготовки научных кадров высшей квалификации является аспирантура. В настоящее время подавляющее большинство исследователей, которые защищают кандидатские диссертации, закончили аспирантуру. Однако в рамках обучения в аспирантуре защищаются немногие. В НАН Беларуси в 2008 г. из 155 выпускников аспирантуры только двое защитили кандидатскую диссертацию в рамках аспирантуры, в 2009 г. из 183 выпускников аспирантуры к моменту завершения обучения защитили кандидатскую диссертацию пятеро. Таким образом, особый интерес представляет анализ распределения исследователей НАН Беларуси, выпускников аспирантуры прошлых лет, которые защитили кандидатскую диссертацию, в зависимости от продолжительности периода от окончания аспирантуры до защиты кандидатской диссертации. В табл. 2 представлены соответствующие данные за 2009 г. для пяти отделений наук НАН Беларуси. Исследователи, которые проходили обучение в форме соискательства, не учитывались.

Анализ показал, что в рассматриваемых отделениях наук в течение первого года после окончания аспирантуры защитили кандидатскую диссертацию 24 чел. Как следует из данных, представленных в табл. 2, из общего количества исследователей 35,3 % защитили кандидатскую диссертацию в течение первого года после окончания аспирантуры. Доля тех, кому для защиты кандидатской диссертации понадобилось от 1 года до 3 лет после окончания

аспирантуры, составила почти 30 %, 11,8 % исследователей защитили кандидатскую диссертацию в период от 3 до 5 лет после окончания обучения в аспирантуре. Доля исследователей, которые защитили кандидатскую диссертацию через 5 и более лет после окончания аспирантуры, оказалась 23,5 %.

Таблица 2. **Распределение исследователей НАН Беларуси, выпускников аспирантуры прошлых лет (%), которые в 2009 г. защитили кандидатскую диссертацию, в зависимости от продолжительности периода от окончания аспирантуры до защиты кандидатской диссертации**

Отделение наук НАН Беларуси	Исследователи, выпускники аспирантуры прошлых лет, которые в 2009 г. защитили кандидатскую диссертацию, и их средний возраст на момент защиты	Всего	В том числе, распределение по временным периодам от окончания аспирантуры до защиты кандидатской диссертации			
			до 1 года (включительно)	более 1 года до 3 лет	от 3 лет до 5 лет	более 5 лет
ОФТН	Доля исследователей (%)	100,0	22,2	22,2	11,1	44,4
	Средний возраст исследователей (лет)	32,3	30,5	29,5	29	35,5
ОХиНЗ	Доля исследователей (%)	100,0	54,5	27,3	18,2	–
	Средний возраст исследователей (лет)	28,5	27,0	29,0	32,0	–
ОБН	Доля исследователей (%)	100,0	23,0	23,0	15,4	38,5
	Средний возраст исследователей (лет)	30,8	27,3	28,0	30,0	34,8
ОГНИ	Доля исследователей (%)	100,0	50,0	40,0	–	10,0
	Средний возраст исследователей (лет)	31,0	30,0	30,3	–	39,0
ОАН	Доля исследователей (%)	100,0	32,0	32,0	12,0	24,0
	Средний возраст исследователей (лет)	33,4	33,1	32,0	30,0	38,8
Всего	Доля исследователей (%)	100,0	35,3	29,4	11,8	23,5
	Средний возраст исследователей (лет)	31,6	30,0	29,9	30,4	36,8

Из данных, представленных в табл. 2, следует, что распределение защит кандидатских диссертаций в зависимости от времени, которое прошло после завершения обучения в аспирантуре, существенно различается в отделениях наук НАН Беларуси. Существенно выше доля исследователей, которые защитились в течение первого года после окончания аспирантуры в отделении химии и наук о земле, а также в отделении гуманитарных наук и искусств. Доля исследователей, которые защитились в кратчайшие сроки, в отделении химии и наук о земле составила 54,5 %, в отделении гуманитарных наук и искусств – 50 %. В отделении химии и наук о земле в 2009 г. вообще не было исследователей, которые защитились через 5 и более лет после аспирантуры. В отделении гуманитарных наук и искусств этот показатель составил всего 10 %. В отделении физико-технических наук через 5 и более лет после аспирантуры защитились 44,4 % исследователей, в отделении биологических наук – 38,5 %. Как свидетельствуют полученные данные, в целом доля исследователей, которые стали кандидатами наук через 5 и более лет после аспирантуры, велика. В среднем в рассматриваемых отделениях наук НАН Беларуси этот показатель составил 23,5 %. Таким образом, имеются существенные резервы для сокращения сроков подготовки диссертационных исследований.

Как показывает проведенный анализ, подавляющее большинство (64,7 %) из общего числа исследователей рассмотренных отделений наук, защитивших в 2009 г. кандидатскую диссертацию, стали кандидатами наук в срок, не превышающий 3 года после окончания аспирантуры. В то же время существенной является доля исследователей, которым для этого понадобилось больше времени. С учетом полученных данных можно предположить, что в некоторых дисциплинарных областях науки и отдельных исследовательских направлениях для подготовки диссертационного исследования необходимы значительные временные ресурсы, превышающие установленные сроки обучения в аспирантуре.

Из полученных данных следует, что в целом средний возраст тех, кто защитил кандидатскую диссертацию в пределах года после окончания аспирантуры (30 лет), почти не отличается от среднего возраста тех, кто для этого затратил значительно больше времени после окончания аспирантуры – от года до пяти лет. В перспективе на сокращение сроков подготовки диссертационного исследования и среднего возраста лиц, защитивших кандидатскую диссертацию, повлияет рост числа лиц, закончивших магистратуру.

Анализ возрастной структуры исследователей, защитивших кандидатскую диссертацию, показывает, что в подавляющем большинстве ученую степень кандидата наук получают исследователи в возрасте до 39 лет. Напротив, в возрастной категории от 40 до 49 лет защита кандидатских диссертаций бывает не часто. Как показал проведенный анализ, в рассмотренных выше отделениях наук НАН Беларуси 90 % исследователей защитили кандидатскую диссертацию в возрасте до 39 лет, 7 % – в возрасте от 40 до 49 лет, 3 % – в возрасте старше 49 лет. Таким образом, пополнение численности кандидатов наук в возрастной категории от 40 до 49 лет происходит в основном за счет перехода кандидатов наук из возрастной категории до 40 лет в возрастную категорию старше 40 лет. Этим во многом объясняется рост численности кандидатов наук в возрастной категории 30–39 лет, который происходит в последние годы. В то же время, как отмечалось выше, непрекращающееся с начала 90-х годов прошлого века сокращение кандидатов наук в возрастной категории 40–49 лет привело к образованию провала в их возрастной структуре. В настоящее время продолжается сокращение доли кандидатов наук в возрасте 40–49 лет, тогда как доля кандидатов наук в возрасте 30–39 лет увеличивается, что ведет к деформации процесса воспроизводства научных кадров, увеличению возрастного разрыва между поколениями исследователей. Преодоление сложившейся проблемы возможно, если будет создан эффективный социально-экономический механизм закрепления кандидатов наук молодого и среднего возраста в академических научных учреждениях. В настоящее время важно обеспечить такие условия, при которых росло бы число защит кандидатских диссертаций, но при этом отток из сферы науки исследователей молодого и среднего возраста не увеличивался. Задача закрепления научных кадров высшей квалификации должна стать приоритетом кадровой политики в сфере науки.

Поскольку в 90-е годы в республике произошел резкий спад рождаемости, приток молодежи во все сферы экономики к 2015 г., в том числе в науку, сократится. Таким образом, может существенно обостриться конкуренция за привлечение наиболее подготовленной молодежи с высшим образованием между отраслями экономики. Важно также учитывать возрастающую конкуренцию за наиболее перспективных и квалифицированных молодых ученых между промышленно развитыми странами. Влияние внешнего фактора на интеллектуальную миграцию будет усиливаться. Как показывает анализ, в последние десятилетия иммиграционная политика зарубежных стран в отношении эмиграции лиц, имеющих высокую профессиональную квалификацию, и студентов становится все более активной. Эта тенденция характерна как для стран с активной иммиграционной политикой – США, Канады, Австралии, так и для стран ЕС, которые официально не являются странами активной миграционной политики. Отдельно следует отметить активизацию иммиграционной политики в отношении наиболее способной молодежи как общемировую тенденцию. Выезд за рубеж с целью получения высшего образования, подготовки магистерской диссертации или ученой степени часто становится этапом последующей эмиграции, что сложно учитывать на уровне органов государственной статистики. В условиях глобализации и развития высоких технологий в рамках иммиграционной политики формируются новые механизмы для привлечения в страну квалифицированных работников, для того чтобы извлечь реальные выгоды из глобального перемещения людей.

Приоритетное значение проблемы развития кадрового потенциала белорусской науки определяется как задачами формирования экономики, основанной на знаниях, так и особенностями сложившейся социально-демографической структуры кадрового состава исследователей в научной сфере. Особенность кадровой ситуации в науке состоит в том, что наряду с позитивными тенденциями – ростом доли молодежи в общей численности исследователей, ростом числа выпускников аспирантуры, защит кандидатских диссертаций, существенным ростом кандидатов наук в возрасте до 40 лет – сохранились негативные тенденции: сокращение доли докторов наук в возрасте до 50 лет и кандидатов наук в возрасте от 40 до 49 лет. Образование «провала» в возрастной структуре кандидатов наук показывает, что оптимизация процесса воспроизводства научных кадров высшей квалификации остается пока проблематичной.

Для оптимизации возрастной структуры научных кадров высшей квалификации необходимо разработать эффективный механизм закрепления в научной сфере докторов и кандидатов наук молодого и среднего возраста. В ближайшее время на процессы воспроизводства научных кадров высшей квалификации может усилиться влияние факторов как внутреннего, так и внешнего характера, что необходимо учитывать при формировании кадровой политики в сфере науки. При анализе проблем развития кадрового потенциала науки возрастет значение качественных показателей. Наряду с анализом динамики

структурных показателей, характеризующих происходящие изменения, в современных условиях повышенное значение приобретает анализ проблем стимулирования научной деятельности и особенно – мотивационных характеристик и профессиональных установок исследователей.

I. N. SHARYJ

DYNAMICS OF THE PROCESSES OF REPRODUCTION OF SCIENTIFIC MANPOWER IN THE ESTABLISHMENTS OF THE ACADEMIC SECTOR OF SCIENCE

Summary

The article presents the results of a sociological research of the processes of reproduction of scientific manpower in the establishments of the academic sector of science. It reveals some basic tendencies characterising reproduction of scientific brainpower in the National Academy of Sciences of Belarus and looks at the the factors influencing the optimisation of processes of their reproduction. The conclusion is drawn on the necessity of giving greater priority to motivational characteristics and professional pusposes of researchers when developing a series of measures to optimise the processes of reproduction of scientific manpower of top qualification.

УДК 001:316.014(476)

П. П. ДИМИТРУК,
кандидат экономических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАУКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ ПО ИТОГАМ 2009 г.

Анализируются состояние и основные тенденции развития кадрового потенциала науки Республики Беларусь. Большое внимание уделено вопросам формирования оптимальной квалификационной, отраслевой, возрастной и региональной структуры научных кадров. Даны конкретные предложения по сохранению и развитию кадрового потенциала науки Республики Беларусь.

Общая характеристика кадровой ситуации в науке Республики Беларусь. Одним из основных условий становления экономики инновационного типа, опирающейся на новейшие достижения науки и передовые технологии, является наличие кадрового потенциала научно-технической сферы – высококвалифицированных специалистов, профессионально владеющих знаниями и навыками инновационной деятельности. В 2009 г. в 446 организациях республики (включая субъекты малого предпринимательства) научные исследования и разработки выполняли 33,5 тыс. чел., из которых 20,6 тыс. чел. (61,4 %) составляли исследователи; 2,3 тыс. чел. (6,9 %) – техники; 10,6 тыс. чел. (31,7 %) – вспомогательный персонал (рис. 1).

В последние годы благодаря предпринятым Президентом и Правительством страны мерам по улучшению кадровой ситуации в науке достигнута относительная стабилизация численности научных кадров. Так, начиная с 2005 г. уменьшение численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, приостановлено и, например, в 2009 г. по сравнению с 2004 г. их численность в целом по республике увеличилась на 4,8 тыс. чел., или на 16,6 %, в том числе за 2009 г. – на 2,0 чел. (6,5 %). Увеличение численности исследователей за период 2004–2009 гг. составило 3,5 тыс. чел., или 20,8 %, в том числе за 2009 г. – 2,1 тыс. чел. (11,5 %).

Однако, как показывает анализ, отмеченное в последние годы увеличение численности работников, занятых научными исследованиями и разработками, особенно исследователей, происходит в основном за счет работников без ученой степени. Так, при увеличении за период 2001–2009 гг. численности исследователей без ученой степени на 2022 чел. (13,8 %) численность докторов наук уменьшилась на 93 чел. (11,2 %), кандидатов наук – на 491 чел. (13,4 %).

Рис. 1. Распределение численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, по категориям персонала в 2009 г., %

Это привело к увеличению удельного веса исследователей без ученой степени в их общей численности с 76,5 % в 2001 г. до 80,9 % в 2009 г. (на 4,4 п. п.). Одновременно удельный вес численности докторов наук в общей численности исследователей за период 2001–2009 гг. сократился с 4,3 до 3,6 % (на 0,7 п. п.), кандидатов наук – с 19,2 до 15,5 % (на 3,7 п. п.) (табл. 1) [1, с. 54; 2, с.55; 3, с. 5].

Таблица 1. **Численность исследователей в 2001, 2008 и 2009 гг.**

Численность исследователей	2001 г.		2008 г.		2009 г.		Изменения в 2009 г. по сравнению с 2001 г.		Изменения в 2009 г. по сравнению с 2008 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	19133	100,0	18455	100,0	20571	100,0	+1438	+7,5	+2116	+11,5
Доктора наук	830	4,3	725	3,9	737	3,6	–93	–11,2	+12	+1,7
Кандидаты наук	3675	19,2	3112	16,9	3184	15,5	–491	–13,4	+72	+2,3
Без ученой степени	14628	76,5	14618	79,2	16650	80,9	+2022	+13,8	+2032	+13,9

Рассчитано по: Наука Республики Беларусь 2001: Стат. сб. Минск: КНТ, Минстат, 2002. С. 54; Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2008: Стат. сб. Минск: ГУ «БелИСА», 2009. С. 55; О выполнении научных исследований и разработок в 2009 году. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. С. 5.

Сравнение численности и квалификационной структуры исследователей в 2008 и 2009 гг. показывает, что при увеличении в 2009 г. численности исследователей без ученой степени на 13,9 % (2032 чел.) численность докторов наук увеличилась всего на 1,7 % (12 чел.), кандидатов наук – на 2,3 % (72 чел.). Вместе с тем при увеличении удельного веса численности исследователей без ученой степени на 1,7 п. п. удельный вес численности докторов наук снизился на 0,3 п. п., кандидатов наук – на 1,4 п. п. Это говорит о том, что в науке накапливается кадровый «балласт» – довольно многочисленная категория сотрудников с низкой квалификацией, которая не дает реального вклада в науку.

Отраслевая структура научных кадров. Успешное решение проблемы функционирования науки республики как целостной системы не может быть

осуществлено без глубокого и всестороннего изучения вопроса обеспечения высококвалифицированными кадрами различных ее отраслей. Каждой отрасли науки присуща своя функциональная роль и свой специфический механизм генерирования знаний. Поэтому особое значение приобретает всесторонний анализ закономерностей и тенденций, складывающихся при распределении численности ученых различной квалификации по отраслям наук. Распределение исследователей по отраслям наук по состоянию на конец 2009 г. характеризовалось следующим образом: в области естественных наук было занято 3,8 тыс. чел., или 18,4 % от общей численности исследователей; в области технических – 12,6 тыс. чел. (61,5 %); медицинских – 1,0 тыс. чел. (4,7 %); сельскохозяйственных – 1,2 тыс. чел. (5,9 %); общественных – 1,5 тыс. чел. (7,5 %); гуманитарных – 0,4 тыс. чел. (2,0 %) (рис. 2).

Как видим, наибольшее число исследователей (более 60 %) сконцентрировано в области технических наук. Вместе с тем уровень квалификации исследователей в области технических наук самый низкий. Так, по состоянию на конец 2009 г. удельный вес докторов наук в общей численности исследователей (% по строке) в области технических наук составлял всего 1,5 %, кандидатов наук – 7,3 %, в то время как в области естественных наук – 7,4 и 29,0 %, в области медицинских наук – 9,3 и 33,0 %, а в области гуманитарных наук – 12,9 и 41,5 % соответственно. В итоге получается, что при сосредоточении исследователей главным образом в области технических наук уровень их квалификации здесь самый низкий (табл. 2) [3, с. 16]. Вместе с тем в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 6.07.2005 г. № 315 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь» исследования именно в области технических наук в большинстве своем отнесены к приоритетным направлениям научной деятельности. Это, например, ресурсосберегающие и энергоэффективные технологии производства конкурентоспособной продукции, новые материалы и новые источники энергии, информационные и телекоммуникационные технологии.

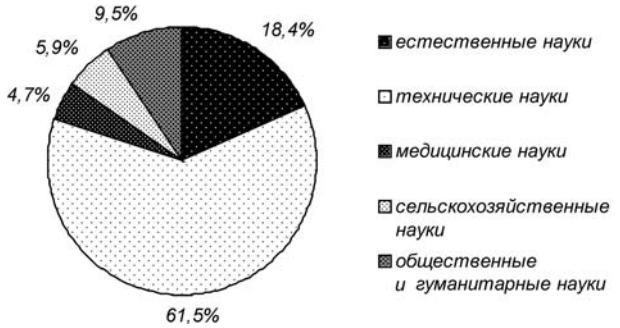


Рис. 2. Распределение исследователей по областям науки, %

Таблица 2. **Численность исследователей по областям науки в 2009 г.**

Область науки	Численность исследователей			В том числе					
				доктора наук			кандидаты наук		
	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке
Всего	20571	100,0	100,0	737	100,0	3,6	3184	100,0	15,5
Естественные	3794	18,4	100,0	282	38,3	7,4	1100	34,5	29,0
Технические	12648	61,5	100,0	192	26,0	1,5	926	29,1	7,3
Медицинские	962	4,7	100,0	89	12,1	9,3	317	10,0	33,0
Сельскохозяйственные	1208	5,9	100,0	70	9,5	5,8	392	12,3	32,5
Общественные	1549	7,5	100,0	51	6,9	3,3	279	3,8	18,0
Гуманитарные	410	2,0	100,0	53	7,2	12,9	170	5,3	41,5

Рассчитано по: О выполнении научных исследований и разработок в 2009 году. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. С. 16.

На втором месте по численности исследователей находится область естественных наук, где в 2009 г. их насчитывалось 3,8 тыс. чел., или 18,4 % от общей численности. Заметно выделяется область естественных наук также по численности исследователей высшей квалификации. В этой области науки работают 282 чел. (38,3 %) докторов и 1100 чел. (34,5 %) кандидатов наук. В результате видим, что в двух областях науки (технических и естественных) занято 16,4 тыс. чел. исследователей, или почти 80 % от их общей численности в целом по республике. Такое положение нельзя признать нормальным. Республике Беларусь наука досталась после распада СССР в таком виде, в каком она была востребована в общесоюзном научно-техническом комплексе. Советская наука в значительной мере была милитаризована и тематика исследований для нужд ВПК преобладала над гражданской. В бывшем СССР примерно 2/3 исследований и разработок были связаны с обороной страны [4, с. 118–123]. Это в конечном счете и предопределяло концентрацию исследователей в естественных и технических науках. Напротив, исследования, посвященные проблемам человека, были развиты недостаточно. В качестве ориентира следует придерживаться отраслевой структуры науки развитых в научно-технологическом и промышленном отношении стран, где доля численности исследователей в сфере естественных и технических наук составляет 35 % от их общей численности. Например, в странах Европейского союза доля численности исследователей в области технических наук составляет менее 20 %, в области естественных наук – около 30 %, в то время как в области медицинских наук она близка к 20 % (в Беларуси – 4,7 %).

Возрастная структура научных кадров. Нормальное функционирование науки предполагает сохранение оптимальных пропорций ученых молодого, среднего и старшего возрастов. Совместная работа зрелых и молодых научных кадров обеспечивает сочетание опыта и знаний, с одной стороны, со свежестью подхода, способностью к новаторству и восприимчивостью к новым

идеям – с другой. В 2008 г. возрастная структура исследователей была следующей: численность исследователей в возрасте до 29 лет составляла 4,5 тыс. чел., или 24,5 % (% по столбцу) от общей численности исследователей, в возрасте 30–39 лет – 3,2 тыс. чел. (17,6 %), 40–49 лет – 3,3 тыс. чел. (17,7 %), 50–54 лет – 2,5 тыс. чел. (13,4 %), 55–59 лет – 2,2 тыс. чел. (12,0 %), 60–69 лет – 2,1 тыс. чел. (11,6 %), 70 лет и старше – 0,6 тыс. чел. (3,2 %) (табл. 3) [2, с. 20].

Таблица 3. **Распределение исследователей по возрасту в 2008 г.**

Возраст	Численность исследователей			Из них имеют ученую степень					
				доктора наук			кандидата наук		
	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке
Всего	18455	100,0	100,0	725	100,0	3,9	3112	100,0	16,9
до 29 лет	4532	24,5	100,0	–	–	–	120	3,9	2,6
30–39 лет	3243	17,6	100,0	3	0,4	0,1	524	16,8	16,2
40–49 лет	3267	17,7	100,0	53	7,3	1,6	545	17,5	16,7
50–59 лет	4679	25,4	100,0	219	30,2	4,7	987	31,7	21,1
60–69 лет	2134	11,6	100,0	244	33,7	11,4	716	23,0	33,6
70 лет и старше	600	3,2	100,0	206	28,4	34,3	220	7,1	36,7

Рассчитано по: О выполнении научных исследований и разработок и выездах исследователей в командировки за рубеж в 2008 году. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 20.

Как положительное явление в динамике возрастной структуры работников науки в последнее время можно рассматривать ежегодное увеличение удельного веса в общей численности исследователей лиц в возрасте до 29 лет: в 2000 г. он составлял 16,8 %, в 2002 г. – 19,0, в 2004 г. – 20,0, в 2006 г. – 24,3, в 2008 г. – 24,5 %. В результате за 2000–2008 гг. численность исследователей в возрасте до 29 лет увеличилась более чем на треть (на 1215 чел., или на 36,6 %). Вместе с тем сферу исследований и разработок продолжают покидать работники самых продуктивных возрастов – 30–39 и 40–49 лет. Так, за период 2000–2008 гг. удельный вес численности исследователей в возрасте 30–39 лет сократился с 18,6 до 17,6 % (на 1,0 п. п.), а в возрасте 40–49 лет – с 30,8 до 17,7 % (на 13,1 п. п.). В итоге удельный вес исследователей в возрасте 30–49 лет сократился с 49,4 % в 2000 г. до 35,3 % в 2008 г. (на 14,1 п. п.) (рис. 3). В абсолютном выражении уменьшение численности исследователей в возрасте 30–49 лет за период 2000–2008 гг. составило 3219 чел., или 33,1 %. Это говорит о том, что молодые люди, проработав какое-то время в сфере науки, покидают ее.

Наряду со снижением численности исследователей в возрасте 30–39 и 40–49 лет существенно ухудшает возрастную структуру научных кадров республики довольно значительное увеличение их численности в возрасте 60 лет и старше, т. е. пенсионеров. Так, удельный вес численности исследователей в этом возрасте за период с 2000 по 2008 г. возрос с 10,8 до 14,8 % (на 4,0 п. п.),

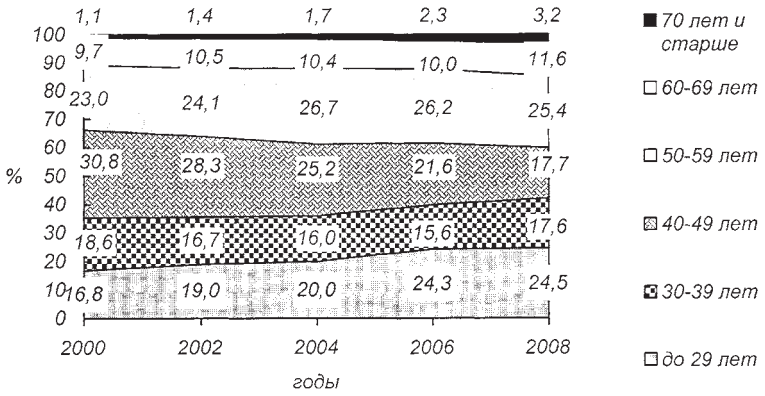


Рис. 3. Распределение исследователей по возрасту в 2000–2008 гг., %

что в абсолютном выражении составило 599 чел. (28,1 %). Настораживает при этом почти трехкратное увеличение за указанный период удельного веса численности исследователей в возрасте 70 лет и старше – с 1,1 до 3,2 % (в абсолютном выражении – на 384 чел.).

Особенно заметно произошедшее за период 2000–2008 гг. ухудшение возрастной структуры исследователей на примере изменения численности исследователей высшей квалификации различных возрастных групп. Анализ показывает, что за период 2000–2008 гг. удельный вес докторов наук в возрасте 30–39 лет в их общей численности снизился с 1,3 до 0,4 % (на 0,9 п. п.), а в возрасте 40–49 лет – с 16,9 до 7,3 % (на 9,6 п. п.). При этом удельный вес численности докторов наук в возрасте старше 60 лет увеличился с 50,3 до 62,1 % (на 11,8 п. п.), в том числе в возрасте старше 70 лет – с 13,1 до 28,4 % (на 15,3 п. п.). Сравнение абсолютных показателей изменения численности докторов наук за указанный период показывает, что при уменьшении их численности в возрасте 30–49 лет в 2,7 раза (на 93 чел.) численность в возрасте старше 70 лет увеличилась в 1,9 раза (на 99 чел.) (табл. 4).

Таблица 4. **Распределение докторов наук по возрасту в 2000, 2002, 2004, 2006 и 2008 гг.**

Возраст	Численность докторов наук									
	чел.					уд. вес, %				
	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.
Всего	819	786	794	758	725	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 29 лет	2	–	–	–	–	0,2	–	–	–	–
30–39 лет	11	13	11	2	3	1,3	1,7	1,4	0,3	0,4
40–49 лет	138	108	77	67	53	16,9	13,7	9,7	8,8	7,3
50–59 лет	256	250	297	260	219	31,3	31,8	37,4	34,3	30,2
60–69 лет	305	283	266	263	244	37,2	36,0	33,5	34,7	33,7
70 лет и старше	107	132	143	166	206	13,1	16,8	18,0	21,9	28,4

Рассчитано по статсборникам «Наука, инновации и технологии Республики Беларусь» за соответствующие годы.

Не меньшую тревогу вызывает и динамика возрастной структуры кандидатов наук. При незначительном увеличении удельного веса численности кандидатов наук в возрасте 30–39 лет в их общей численности за 2000–2008 гг. с 12,2 до 16,8 % (на 4,6 п. п.) их удельный вес в возрасте 40–49 лет за этот же период снизился – с 31,6 до 17,5 % (на 14,1 п. п.). В результате удельный вес численности кандидатов наук в возрасте 30–49 лет снизился с 43,8 % в 2000 г. до 34,3 % в 2008 г. (на 9,5 п. п.). Одновременно удельный вес численности кандидатов наук в возрасте старше 60 лет увеличился с 20,4 % в 2000 г. до 30,1 % в 2008 г. (на 9,7 п. п.). При этом особо заметно увеличение за этот период удельного веса численности кандидатов наук в возрасте 70 лет и старше – с 1,8 до 7,1 % (т. е. почти в 4 раза). В абсолютном выражении численность кандидатов наук в возрасте 30–49 лет за этот период уменьшилась более чем на треть (на 614 чел.), а в возрасте старше 70 лет увеличилась на 151 чел., или в 3,2 раза (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение кандидатов наук по возрасту в 2000 – 2008 гг.**

Возраст	Численность кандидатов наук									
	чел.					уд. вес, %				
	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.
Всего	3847	3456	3328	3167	3112	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 29 лет	79	57	112	119	120	2,0	1,6	3,4	3,8	3,9
30–39 лет	471	381	393	448	524	12,2	11,0	11,8	14,1	16,8
40–49 лет	1212	967	818	684	545	31,6	28,0	24,6	21,6	17,5
50–59 лет	1301	1246	1233	1113	987	33,8	36,1	37,0	35,1	31,7
60–69 лет	715	728	665	643	716	18,6	21,1	20,0	20,3	23,0
70 лет и старше	69	77	107	160	220	1,8	2,2	3,2	5,1	7,1

Рассчитано по статсборникам «Наука, инновации и технологии Республики Беларусь» за соответствующие годы.

Таким образом, за период 2000–2008 гг. в научной сфере республики не преодолена тенденция старения научных кадров. При этом в белорусской науке наблюдается достаточно парадоксальная ситуация, когда при ежегодном увеличении удельного веса численности исследователей в возрасте до 29 лет удельный вес их численности в наиболее продуктивных для науки возрастных группах – 30–39 лет и 40–49 лет уменьшается. Это говорит о том, что молодежь, придя в науку, через определенное время уходит из научных организаций, выбирая более привлекательные сферы деятельности. Соответственно средние возрастные группы не пополняются новым составом. В результате в возрастной структуре научных кадров увеличивается «провал среднего возраста», т. е. образуется разрыв поколений. Постепенно смещаясь, этот «провал» способен предопределять распределение кадрового потенциала научной сферы по возрасту в ближайшее время и привести к нарушению естественного процесса передачи знаний и практического опыта. По мере от-

хода от активной научной деятельности ученых старших поколений нехватка квалифицированных кадров будет ощущаться все более остро. Если не принять необходимых кардинальных мер, то разрыв поколений может стать реальностью для белорусской науки. Более того, прогрессирующее «старение» исследовательских коллективов и ведущих научных школ может привести к отрицательному системному кумулятивному эффекту, который может стать прологом необратимой деградации национальной научной системы. В связи с этим перед белорусским государством и обществом стоит неотложная задача оптимизации возрастной структуры научных кадров путем снижения оттока из научной сферы специалистов средних возрастов при одновременном привлечении и закреплении в науке молодых талантливых ученых и специалистов.

Региональная структура научных кадров. Одной из основных предпосылок развития региональной науки является наличие в регионах высококвалифицированных научных кадров. Однако, как показывает анализ, в территориальном распределении кадрового потенциала науки имеются очевидные диспропорции. Так, по состоянию на конец 2009 г. в г. Минске было сосредоточено 74,3 % (24,9 тыс. чел.) от общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, в том числе 85,3 % (0,6 тыс. чел.) докторов наук и 83,0 % (2,7 тыс. чел.) кандидатов наук. Такое положение отчасти объясняется проживанием в г. Минске значительной части населения республики (более 18 %), а также высокой концентрацией здесь (около 70 %) организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в том числе и большинства институтов Национальной академии наук Беларуси. В разрезе областей республики лидирующее положение по численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, в 2009 г. занимала Гомельская, где сосредоточено 9,1 % (3,1 тыс. чел.) от их общей численности в республике. Менее всего работников, выполнявших научные исследования и разработки, отмечено в Гродненской и Могилевской областях – 1,7 % (0,6 тыс. чел.) от общей численности в республике (рис. 4).

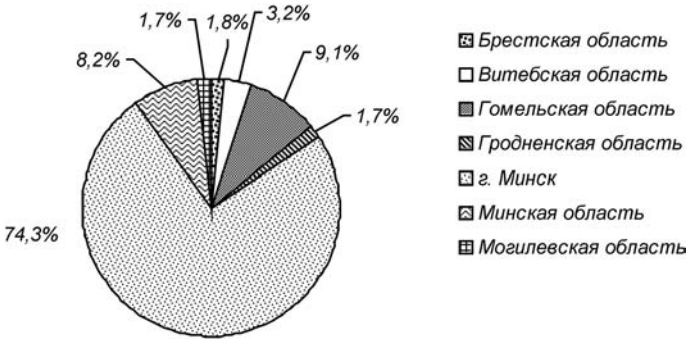


Рис. 4. Распределение работников, выполнявших научные исследования и разработки в областях Беларуси и г. Минске в 2009 г., %

По численности работников высшей квалификации, занятых выполнением научных исследований и разработок, несколько выделялась Минская область, где на конец 2009 г. было сосредоточено 7,8 % (58 чел.) докторов наук от их общей численности в республике и 8,1 % (261 чел.) кандидатов наук. Это в значительной мере объясняется наличием в Минской области крупных НИИ медицинского и сельскохозяйственного профиля. Менее всего работников, выполнявших научные исследования и разработки, имеющих ученую степень, отмечено в 2009 г. в Брестской области (табл. 6) [2, с. 7].

Таблица 6. **Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, в областях Беларуси и г. Минске в 2009 г. (чел.)**

Области и г. Минск	Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки			В том числе					
				доктора наук			кандидаты наук		
	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке
Всего по Беларуси	33516	100,0	100,0	739	100,0	2,2	3231	100,0	9,6
г. Минск	24906	74,3	100,0	630	85,3	2,5	2683	83,0	10,8
Всего по областям	8610	25,7	100,0	109	14,7	1,3	548	17,0	6,4
Брестская	599	1,8	100,0	3	0,4	0,5	26	0,8	4,3
Витебская	1070	3,2	100,0	7	0,9	0,7	48	1,5	4,5
Гомельская	3058	9,1	100,0	27	3,7	0,9	129	4,0	4,2
Гродненская	574	1,7	100,0	9	1,2	1,6	50	1,5	8,7
Минская	2735	8,2	100,0	58	7,8	2,1	261	8,1	9,5
Могилевская	574	1,7	100,0	5	0,7	0,9	34	1,1	5,9

Рассчитано по: О выполнении научных исследований и разработок в 2009 году. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. С. 7.

Анализ показывает, что существенные различия имеются и в квалификационной структуре научных кадров различных регионов республики. Так, если в г. Минске удельный вес докторов наук в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, составлял в 2009 г. 2,5 %, то в целом по областям он был равен только 1,3 %, а в Витебской области, например, его величина составляла всего 0,7 %, в Брестской – 0,5 %.

Аналогичная картина сложилась и с распределением по регионам кандидатов наук, занятых выполнением научных исследований и разработок. По г. Минску удельный вес кандидатов наук в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, составлял в 2009 г. 10,8 %, в целом по областям – 6,4 %, при этом в Брестской области он был равен всего 4,3 %, в Гомельской – 4,2 %. В результате получается, что уровень квалификации работников, выполняющих научные исследования и разработки, в г. Минске в 3–4 раза выше, чем в отдельных областях.

Таким образом, основными кадровыми проблемами науки Беларуси являются продолжающееся до сих пор уменьшение удельного веса численности исследователей высшей квалификации, преобладание в их составе лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Нельзя признать также оптимальными сложившиеся в настоящее время отраслевую, квалификационную и региональную структуры научных кадров. Для решения указанных проблем нужна реализация комплекса мер, направленных на изменение кадровой ситуации в науке Республики Беларусь. Основные из них следующие:

формирование прогрессивной квалификационной, отраслевой, возрастной и региональной структуры научных и научно-педагогических кадров в соответствии с приоритетами государственной научно-технической, образовательной и экономической политики в условиях инновационного развития национальной экономики на базе новейшей техники и высоких технологий;

приведение номенклатуры и объема подготовки научных кадров в соответствии с целями и задачами государственной политики в области науки и технологий с учетом прогнозируемых структурных преобразований в науке и экономике;

разработка новых механизмов стимулирования научной и инновационной деятельности с целью повышения ее эффективности;

совершенствование социально-экономического механизма закрепления молодых специалистов в науке на базе постоянного мониторинга их использования;

разработка комплекса социальных гарантий и повышения уровня социальной защищенности научных работников;

увеличение бюджетных ассигнований на сохранение и воспроизводство кадрового потенциала научно-технологического комплекса; увеличение объемов адресного финансирования научных исследований и разработок, совершенствование системы государственного поощрения ученых за выдающиеся научные результаты.

Следует обратить также внимание на оптимизацию распределения кадрового потенциала по регионам страны. Задача сбалансированного развития научно-технического потенциала областей должна решаться в контексте общей провозглашенной в Беларуси стратегии наращивания научно-технического потенциала и инновационного пути развития национальной экономики. Задача регионов в связи с этим состоит в подготовке условий для развития научно-инновационного потенциала, в том числе и его кадровой составляющей.

Литература

1. Наука Республики Беларусь, 2001 (Стат. сб.) – Минск: КНТ, Минстат, 2002. – 128 с.

2. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь, 2008 (Стат. сб.) – Минск: ГУ «БелИСА», 2009. – 173 с.

3. О выполнении научных исследований и разработок в 2009 году. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. – 41 с.

4. Бердашкевич, А. П. Российская наука: состояние и перспективы / А. П. Бердашкевич // Социс. – № 3. – 2000. – С. 118 – 123.

P. P. DIMITRUK

STAFFING SITUATION OF SCIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: AN ANALYSIS ON THE RESULTS OF 2009

Summary

The status and main trends in staffing of science of the Republic of Belarus are analyzed. Much attention is paid to the formation of optimum qualifying, sectoral, age and regional structure of scientific personnel. Concrete proposals for conservation and development of human capacities Science of the Republic of Belarus are given.

УДК 316.74:001

Е. О. КОЦУР,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗЕРВА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные особенности формирования резерва руководящих кадров академического сектора науки. На основании проведенного исследования представлены сравнительные данные о численном, возрастном и квалификационном составе лиц, входящих в кадровый реестр и резерв НАН Беларуси в 2009 и 2010 гг. Изучены проблемы повышения квалификации руководящих кадров.

Приоритетными направлениями государственной кадровой политики являются формирование резерва руководящих кадров и организация планомерной работы с ним. Наличие подготовленного эффективного резерва – важнейшее условие преемственности руководящих кадров, повышения эффективности государственного управления, обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны. Создание кадрового резерва и формирование руководящего состава научных организаций, способного одновременно решать как научные, так и управленческие задачи, составляют важнейшие функции кадровой политики в науке. От качества их реализации зависит будущий управленческий потенциал научной организации. Подготовка кадрового резерва руководителей научных организаций, их заместителей и ученых секретарей рассматривается как важный фактор повышения эффективности использования кадрового потенциала науки.

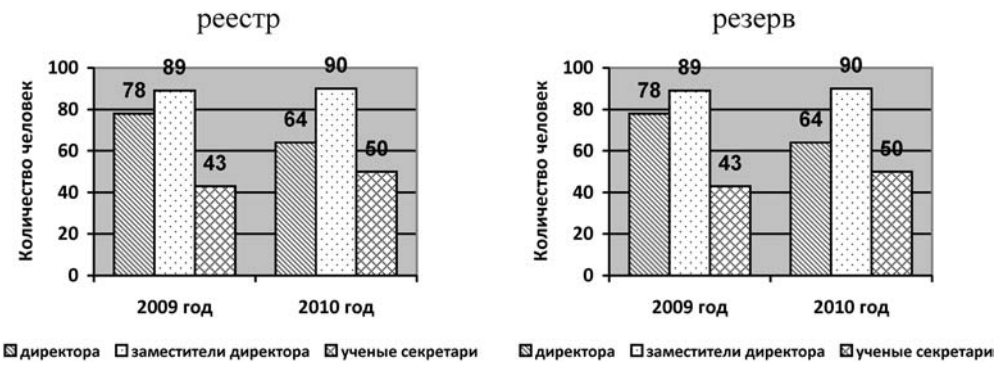
В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций» [1] утверждено Положение об организации работы с руководящими кадрами, их резервом в системе государственных органов и иных государственных организаций. Данный документ направлен на активизацию работы по вопросам подготовки, подбора, повышения профессионального уровня руководящих кадров. Наряду с формированием действенного резерва руководящих кадров впервые вводится институт перспективного кадрового резерва, в который включаются студенты вузов и специалисты в возрасте до 31 года.

Социальный механизм отбора, подготовки и назначения конкретных лиц на должность руководителя организации и его заместителя имеет существен-

ные особенности. Указом Президента четко регламентированы критерии отбора резерва руководящих кадров и порядок работы с ним. В резерв управленческих кадров кандидаты включаются на основании результатов их практической деятельности на занимаемой должности, показателей состояния трудовой и исполнительской дисциплины, обеспечения безопасного труда в возглавляемой отрасли; на основании деловых и личностных качеств, способностей к предстоящей работе, потенциальных возможностей; результатов тестирования и последней аттестации; отзывов лиц, непосредственно работающих с кандидатом. Учитываются также возраст кандидата и состояние его здоровья. Кроме того, одним из принципов формирования резерва является недопустимость к дискриминации по различным признакам (по полу, национальному признаку, семейному положению). Важным критерием отбора кандидатов в резерв руководителей научных организаций является наличие ученой степени кандидата или доктора наук.

В 2010 г. сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» был проведен сравнительный анализ состава лиц, включенных в реестр и резерв НАН Беларуси на начало 2009 и 2010 г. Как показал анализ, по состоянию на 01.03.2009 г. список руководящих работников, занимающих должности, включенные в реестр руководящих кадров НАН Беларуси и назначаемых Председателем Президиума НАН Беларуси, составил 210 чел., в резерве руководящих кадров по этим должностям состояли 328 чел. По состоянию на 01.01.2010 г. в списке руководящих работников, занимающих должности, включенные в реестр руководящих кадров НАН Беларуси, состояли 204 чел., в резерве руководящих кадров по этим должностям состоял 281 чел. Количественное распределение лиц, состоящих в реестре и резерве в 2009 и 2010 гг., по должностям отражено на рисунке.

Как следует из данных, представленных на рисунке, в 2010 г. штат руководителей научных организаций НАН Беларуси значительно не изменился. Наибольшие изменения произошли в составе директоров научных организаций НАН Беларуси: на начало 2010 г. их количество снизилось на 14 чел. Коли-



Распределение работников, включенных в реестр и резерв руководящих кадров, в 2009 и 2010 гг.

чественный состав заместителей директоров остался практически прежним, на 7 чел. увеличилось по сравнению с 2009 г. количество ученых секретарей. Существенные количественные изменения по сравнению с 2009 г. произошли в структуре резерва руководящих кадров. Значительно снизилось количество кандидатов в резерв на должность руководителя организации. На 01.01.2010 резерв руководителей составил 73 чел., что на 45 чел. меньше числа состоящих в кадровом резерве на должность руководителя организации в начале 2009 г. Количество состоящих в резерве на должности заместителя руководителя и ученого секретаря осталось практически прежним по сравнению с 2009 г. Количество состоящих в кадровом резерве на должность заместителя организаций НАН Беларуси увеличилось на 3 чел. Для резерва ученых секретарей этот показатель составлял 81 чел. на 01.03.2009 г., 77 чел. – на 01.01.2010 г.

В соответствии с пунктом 12 Положения о работе с руководящими кадрами в НАН Беларуси, утвержденным постановлением Бюро Президиума НАН Беларуси от 20 октября 2004 г. № 586 «О работе с руководящими кадрами в НАН Беларуси», число работников, включаемых в резерв на конкретную должность, должно быть, как правило, не менее двух. На 01.01.2010 г. соотношение лиц, включенных в реестр руководящих должностей и резерв по этим должностям, составляет 1:1,4, тогда как на 1.01.2009 г. это соотношение составляло 1:1,6. Самым затруднительным, как следует из данных о количественном составе резерва руководящих кадров, является отбор подходящих кандидатов в резерв на должность директора научных организаций. Для этой группы руководителей соотношение лиц, включенных в реестр и резерв на данную должность, составило на начало 2010 г. 1:1,1. Это напрямую связано со спецификой отбора кандидатов в резерв руководящих кадров в сфере науки.

Средний возраст директора института в организациях НАН Беларуси на 01.03.2009 г. составил 56,7 года, заместителя директора – 54,4 года, ученого секретаря – 48,3 года. На начало 2010 г. средний возраст директора института в организациях НАН Беларуси составил 55,3 года, заместителя директора – 53,8 года, ученого секретаря – 47 лет. Как видно из данных, состав директоров, заместителей директоров и ученых секретарей организаций НАН Беларуси помолодел по сравнению с 2009 г. Сравнительный анализ данных о среднем возрасте лиц, включенных в резерв на данные должности в 2009 и 2010 гг., также указывает на положительную тенденцию омоложения состава кадрового резерва. Так, средний возраст лиц, включенных в резерв для замещения должности директора в 2009 г., составил 44,6 года. Средний возраст лиц, включенных в резерв для замещения должности заместителя директора, составил около 40 лет. Средний возраст лиц, включенных в резерв для замещения должности ученого секретаря, составил 34,7 года. На начало 2010 г. эти показатели составили 43,1 года – для лиц, состоящих в резерве на должность директора, 39 лет – для лиц, состоящих в резерве на должность заместителя директора, 34,8 года – для лиц, находящихся в резерве не должность ученого секретаря.

В соответствии с пунктом 9 Положения об организации работы с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций возраст лиц, включаемых в резерв для занятия должности руководителя организации, не должен превышать 50 лет, заместителей руководителей по научной работе и ученых секретарей – 45 лет. По состоянию на 01.03.2009 г. в кадровом резерве на должность руководителя организации доля лиц в возрасте до 50 лет составляла 72,0 %. На начало 2010 г. этот показатель повысился до 80,5 %. Возрастное ограничение для включения в кадровый резерв лиц в должности заместителя руководителя организации и ученого секретаря – 45 лет. На начало 2009 г. доля лиц, включенных в резерв на должность заместителя руководителя организации НАН Беларуси, в возрасте до 45 лет составляла 77,6 %. На 01.01.2010 г. отмечается увеличение доли лиц в возрасте до 45 лет, включенных в резерв на должность заместителя руководителя, до 80,5 %. Доля лиц, включенных в резерв для занятия должности ученого секретаря, в возрасте до 45 лет составляла на 01.03.2009 г. 96 %. На начало 2010 г. доля лиц в возрасте до 45 лет в резерве на должность ученого секретаря снизилась по сравнению с предыдущим годом на 3,5 %.

Таким образом, приведенные данные указывают на то, что при формировании кадрового резерва на должности руководителя и заместителя руководителя организаций НАН Беларуси в 2010 г. уделялось большее внимание соблюдению необходимых возрастных ограничений при выборе кандидатур. В подавляющем большинстве организаций в 2009 и 2010 гг. также учтены возрастные требования включения лиц в резерв на должность ученого секретаря. На 01.03.2009 г. среди всех директоров организаций НАН Беларуси 52,6 % имели степень доктора наук, 28,2 % – степень кандидата наук, 19,2 % научной степени не имели. Среди заместителей директоров 62,9 % лиц имели степень кандидата наук, 31,5 % – доктора наук, 5,6 % заместителей директоров степени не имели. Самая значительная доля лиц среди ученых секретарей – со степенью кандидата наук – 86,0 %, по 7,0 % среди оставшихся имели степень доктора наук и научной степени не имели. На 01.01.2010 г. квалификационное распределение лиц, находящихся в кадровом реестре НАН Беларуси, значительно не изменилось. На начало 2010 г. 46,0 % среди директоров организаций НАН Беларуси имели степень доктора наук, 27,6 % – степень кандидата наук, 26,4 % среди руководителей степени не имели. Среди заместителей директоров наибольшая доля имела ученую степень кандидата наук – 63,8 %, 30,9 % – степень доктора наук, 5,3 % степени не имели. Среди ученых секретарей 82,4 % являются кандидатами наук, 11,8 % среди всех ученых секретарей научной степени не имеют, 5,9 % ученых секретарей – доктора наук.

В резерве на должность директора организаций на начало 2009 г. квалификационная структура выглядит следующим образом: 53,4 % лиц, состоящих в резерве на указанную должность, имели степень кандидата наук, 27,1 % научной степени не имели, 19,5 % имели степень доктора наук. Среди включенных в кадровый резерв на должность заместителя руководителя 79,8 %

лиц являлись кандидатами наук, 11,6 % степени не имели, 8,5 % имели степень доктора наук. В резерве на должность ученого секретаря состояли 77,8 % лиц со степенью кандидата наук, остальные 22,2 % степени не имели. На начало 2010 г. доля лиц со степенью кандидата наук среди зачисленных в резерв на должность директора незначительно снизилась до 52,4 %, 32,0 % среди них научной степени не имели, 15,5 % имели степень доктора наук. Среди включенных в кадровый резерв на должность заместителя руководителя 79,4 % лиц являлись кандидатами наук, 14,0 % степени не имели, 6,6 % имели степень доктора наук. В резерве на должность ученого секретаря состояли 70,5 % лиц со степенью кандидата наук и 29,5 % лиц без научной степени.

Такое квалификационное распределение руководящих сотрудников НАН Беларуси в 2010 г. может быть связано с тенденцией омоложения кадрового реестра и резерва НАН Беларуси, что в свою очередь объясняет незначительное уменьшение количества руководящих работников с научными степенями. В соответствии с пунктом 18 Положения об организации работы с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций для работников, зачисленных в резерв, должна быть организована целевая учеба на семинарах в Институте подготовки научных кадров НАН Беларуси, подготовка и повышение квалификации в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, в других учреждениях образования.

На 01.03.2009 г. из общей численности руководителей организаций, их заместителей и ученых секретарей доля лиц, которые повышали свою квалификацию, составила 23,8 %. Доля повысивших квалификацию среди тех, кто состоял в резерве руководящих кадров, еще меньше – 12,5 %. На 01.01.2010 г. доля руководящих работников НАН Беларуси, повысивших свою квалификацию, возросла до 25,4 %. Еще более существенная разница по сравнению с предыдущим годом отмечается в показателе доли лиц, повысивших квалификацию, среди состоящих на 01.01.2010 г. в кадровом резерве. На этот момент доля повысивших квалификацию среди резерва руководящих кадров составила 16,1 %.

Как следует из данных, представленных в таблице, на начало 2010 г. наблюдается положительная динамика в структурных изменениях распределения лиц, повысивших свою квалификацию в Институте подготовки научных кадров НАН Беларуси, Академии управления при Президенте Республики Беларусь и других учреждениях образования. Так, по сравнению с 2009 г. доля повысивших квалификацию среди директоров научных организаций НАН Беларуси возросла на 3 п.п., среди ученых секретарей – на 1,3 п.п., среди заместителей директоров – на 0,8 п.п. В резерве руководящих кадров наибольшая динамика отмечается среди заместителей директоров: доля повысивших квалификацию среди них на начало 2010 г. увеличилась на 4,7 п.п. Доля повысивших квалификацию среди лиц, включенных в резерв на должность ученого секретаря, на начало 2010 г. выросла на 4,1 п.п. На 2,8 п.п. увеличилась доля повысивших квалификацию среди лиц, включенных в резерв на должность

руководителя организации. Следовательно, на 01.01.2010 г. доля лиц, повысивших квалификацию, возросла, хотя и несущественно, в каждой из перечисленных выше групп реестра и резерва. Однако, несмотря на положительную динамику, повышение квалификации лиц, включенных в кадровый резерв, остается актуальной задачей в современных условиях.

Сравнительные данные о повышении квалификации директоров, заместителей директоров и ученых секретарей, состоявших в реестре и резерве НАН Беларуси в 2009 и 2010 гг.

Руководящие кадры	2009 г.			2010 г.			Структурные изменения 2009–2010 гг.
	Всего	из них повышали квалификацию		Всего	из них повышали квалификацию		
Реестр		А	%		А	%	п. п.
директора	78	21	26,9	87	26	29,9	3
зам. директора	89	22	24,7	94	24	25,5	0,8
уч. секретаря	43	7	16,3	51	9	17,6	1,3
Всего	210	50	23,8	232	59	25,4	1,6
Резерв		А	%		А	%	п. п.
директора	118	23	19,5	103	23	22,3	2,8
зам. директора	129	12	9,3	136	19	14,0	4,7
уч. секретаря	81	6	7,4	78	9	11,5	4,1
Всего	328	41	12,5	317	51	16,1	3,6

Таким образом, как показал проведенный анализ, формирование управленческого состава организации – комплексный процесс, который сложно осуществить без наличия соответствующих инструментов, методов и технологий выявления и развития управленческого потенциала сотрудников организации. В связи с этим перспективными направлениями кадровой политики являются развитие системы социально-психологической диагностики кандидатов в резерв управленческих кадров, а также проведение профессиографических исследований. При этом необходимо учитывать, что лишь использование комплекса различных методов изучения личности в их совокупности позволит обеспечить наиболее объективную оценку качеств кандидата в состав кадрового резерва. Институционализация системы формирования и подготовки кадрового резерва руководителей организаций в научной сфере имеет важное значение для повышения эффективности управления процессами подготовки лиц, способных занять руководящие должности в научных организациях. Важной является проблема своевременного отслеживания динамики состава резерва руководящих кадров и его эффективности. Мониторинг позволит осуществлять анализ эффективности использования кадрового резерва и мероприятий по повышению квалификации лиц, включенных в резерв. Полученные сравнительные данные о повышении квалификации лиц, занимающих руководящие должности и состоящих в резерве на их замещение в 2009–2010 гг., свидетельствуют о целесообразности активизации работы по

повышению квалификации данной категории лиц в целях обеспечения постоянного приобретения ими знаний в области теории и практики управления, инновационной деятельности, идеологии, экономики, права, психологии, совершенствования управленческих умений и навыков, позволяющих успешно выполнять служебные обязанности.

Литература

1. О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций: Указ Президента Республики Беларусь от 26.07.2004 г. № 354. – Минск, 2004.

E. O. KOTSUR

THE MAIN FEATURES OF THE MANAGERIAL PERSONNEL RESERVE FORMATION OF THE SCIENTIFIC ACADEMIC SECTOR AND THE PROBLEMS OF THEIR QUALIFICATION IMPROVEMENT

Summary

The analysis of the main features of the managerial personnel reserve formation of the scientific academic sector and the problems of their qualification improvement is presented in the article. Changes in the structure of the personnel register and reserve of the heads of the NAS of Belarus organizations are revealed. The conclusion about necessity of the perfection of the qualification improvement system of the scientific organizations heads in modern conditions is proved.

УДК 378.048.2(476)

С. А. ПУШКЕВИЧ,
магистр социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСПИРАНТУРЫ НАН БЕЛАРУСИ

Выявлены основные факторы снижения интереса абитуриентов к академической аспирантуре. Освещено состояние дел с профессиональным выбором и мотивацией научной деятельности аспирантов НАН Беларуси. Сделаны выводы о негативном влиянии на развитие приоритетных научных направлений и кадрового обеспечения развития наукоемких отраслей экономики.

Национальная академия наук Беларуси – главный научно-исследовательский центр страны, получивший широкое признание не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами. Научный потенциал НАН Беларуси является важнейшим фактором устойчивого социально-экономического развития страны, достижения мирового технического уровня в различных отраслях народнохозяйственного комплекса. Национальная академия наук Беларуси концентрирует свой научно-технический потенциал на решении наиболее важных общенациональных задач в рамках государственных приоритетов научно-технической и научной деятельности.

НАН Беларуси имеет большое количество подведомственных организаций, в которых ведется подготовка аспирантов – 48, что составляет 41,0 % от общего числа организаций, имеющих аспирантуру, в целом по республике. Согласно приказу Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, НАН Беларуси имеет право готовить в аспирантуре специалистов по 126 специальностям.

На 1 января 2009 г. в аспирантуре НАН Беларуси обучались 560 аспирантов, в том числе 379 чел. (67,7 %) с отрывом и 181 чел. (32,3 %) без отрыва от производства [1]. Динамика основных показателей деятельности аспирантуры НАН Беларуси в 2002–2009 гг. представлена на рис. 1.

Из выпуска 2009 г. защитились в срок лишь 2,7 % аспирантов (при республиканском показателе 3,2 %) (рис. 2). Столь низкая эффективность академической аспирантуры во многом обусловлена объективными причинами, определяющими возможность подготовить и защитить диссертацию в срок. Например, исследования биохимического профиля, помимо продолжительности экспериментов, связаны с проведением дополнительных работ с уча-

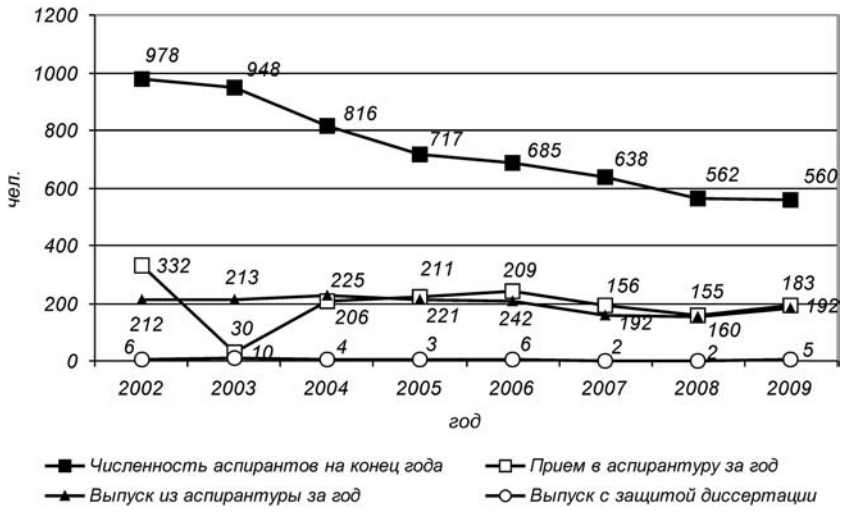


Рис. 1. Динамика основных показателей деятельности аспирантуры НАН Беларуси в 2002–2009 гг.

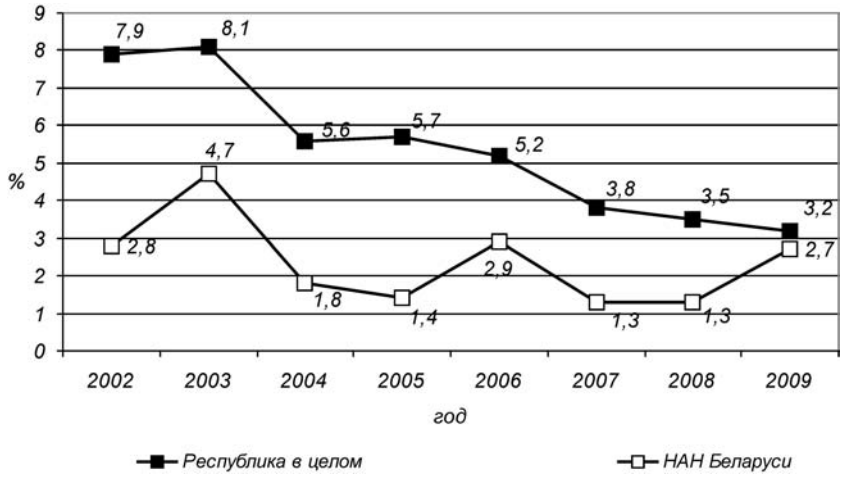


Рис. 2. Динамика доли аспирантов, закончивших аспирантуру с защитой диссертации в отчетном году

стием ученых смежных специальностей и из других организаций медицинского, биологического и аграрного профиля (испытания на биологическую активность, клинические, полевые, другие испытания, подтверждающие практическую значимость результатов), что затягивает сроки подготовки диссертаций. Специфика диссертационных исследований аграрного профиля состоит в том, что они базируются на данных опытов, продолжительность которых для получения достоверных результатов должна быть не менее трех лет. Не способствует защите диссертации в срок и неудовлетворительное состояние в боль-

шинстве институтов материально-технического и информационного обеспечения научной деятельности, в том числе и диссертационных исследований. Устаревшая материально-техническая база и низкий уровень информационного обеспечения лишают аспиранта реальной возможности проводить полноценные по современным стандартам исследования. Данные социологического опроса аспирантов очной формы обучения НАН Беларуси, проводившегося осенью 2008 г., подтверждают наши выводы. На рис. 3 представлены результаты ответов аспирантов на вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены условиями обучения в аспирантуре и работе над диссертацией?»: *1* – возможностью участия в научных конференциях в Беларуси; *2* – научной компетентностью Вашего руководителя; *3* – отношениями с Вашим научным руководителем; *4* – возможностью пользоваться компьютером на рабочем месте в институте; *5* – возможностью участия в научной и методической работе лаборатории, отдела, сектора; *6* – возможностью публиковать свои научные труды; *7* – объективностью оценки Вашей научной деятельности; *8* – организацией учебного процесса в Институте подготовки научных кадров НАН Беларуси; *9* – санитарно-гигиеническими условиями работы; *10* – доступом к научному оборудованию; *11* – возможностью участия в конкурсе для получения исследовательского гранта НАН Беларуси для аспирантов; *12* – размером стипендии; *13* – наличием в институте современного научного оборудования для проведения экспериментов по теме диссертации; *14* – жилищными условиями; *15* – возможностью полноценного отдыха; *16* – возможностью участия в конкурсе на получение гранта БРФФИ; *17* – возможностью постоянно получать самую новую научную информацию, в том числе из-за рубежа; *18* – возможностью участия в научных конференциях за рубежом; *19* – возможностью участия в конкурсе на получение зарубежного гранта.

Следует отметить, что подавляющее большинство аспирантов удовлетворены социально-психологическими условиями их работы над диссертацией, такими как отношения с научным руководителем (85 % опрошенных). Также удовлетворены в полной мере и большей степени возможностью участия в научной и методической работе лаборатории (сектора, отдела) 75 % респондентов. И как следствие вовлеченности в научные исследования – объективностью оценки своей научной деятельности удовлетворены 2/3 опрошенных аспирантов. Кроме того, аспиранты удовлетворены имеющейся возможностью участвовать в научных конференциях в Беларуси и публиковать свои научные труды. В большей степени удовлетворенность данными условиями высказали 88 и 74 % респондентов соответственно. Однако аспиранты говорят об ограниченных возможностях участия в конференциях за рубежом [2].

Респондентам было предложено ответить на вопрос: «В какой мере вы используете творческий потенциал, работая над диссертацией?» Ответы молодых ученых говорят о том, что не все аспиранты в полной мере используют свой творческий потенциал. Только 40 % респондентов в полной мере активны, работая над написанием кандидатской диссертации. Ответы 46 % аспи-

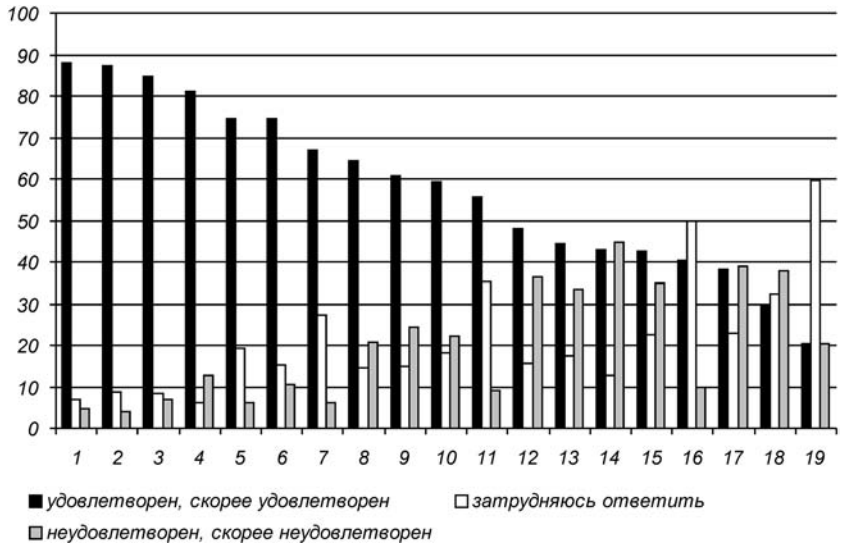


Рис. 3. Распределение ответов аспирантов-очников на вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены условиями обучения в аспирантуре и работе над диссертацией?»

рантов свидетельствуют о том, что они используют свой творческий потенциал наполовину, а 14 % респондентов в минимальной степени или не реализуют вообще.

Как показали результаты ответов респондентов на вопрос о наиболее приемлемом для них месте работы после окончания аспирантуры, только каждый третий аспирант предпочел бы работать в научной организации НАН Беларуси. 7 % респондентов пошли бы работать в отраслевую научную организацию, почти 12 % говорят о намерении работать в вузе, 11 % аспирантов предпочли бы работать в органах государственного управления, 12 % выразили желание открыть собственное дело. Кроме того, как следует из полученных данных, почти 17 % респондентов имеют явно выраженные миграционные намерения (заинтересованы выехать за рубеж по контракту 10,8 %, около 6 % готовы уехать за границу навсегда). На рис. 4 отражены миграционные намерения аспирантов НАН Беларуси: *1* – «Планируете ли Вы уехать за границу навсегда?»; *2* – «Планируете ли Вы уехать за границу на время для научной работы по контракту, гранту?»; *3* – «Планируете ли Вы уехать за границу для нелегальной работы (не заключая контракт с работодателем)?»; *4* – «Планируете ли Вы уехать за границу на время для учебы в аспирантуре (магистратуре)?»; *5* – «Планируете ли Вы жить в Беларуси, но работать с зарубежным заказчиком?»

Степень активности в научной работе аспирантов зависит от их уверенности в своем профессиональном будущем. Согласно полученным данным, нежелание аспирантов работать в организациях НАН Беларуси, а также их миграционные намерения во многом связаны с неуверенностью в окончательном

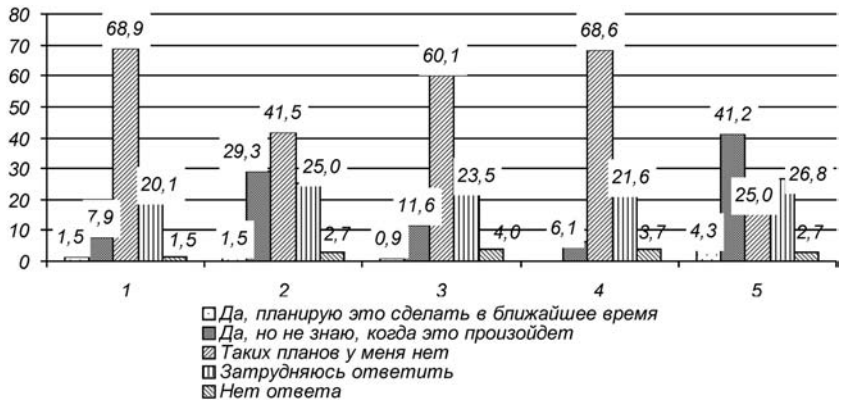


Рис. 4. Миграционные намерения аспирантов НАН Беларуси

профессиональном выборе. Для того чтобы выяснить, в какой мере респонденты ориентированы на научную карьеру, аспирантам был задан вопрос: «Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором?» Ответы на этот вопрос распределились следующим образом (рис. 5):

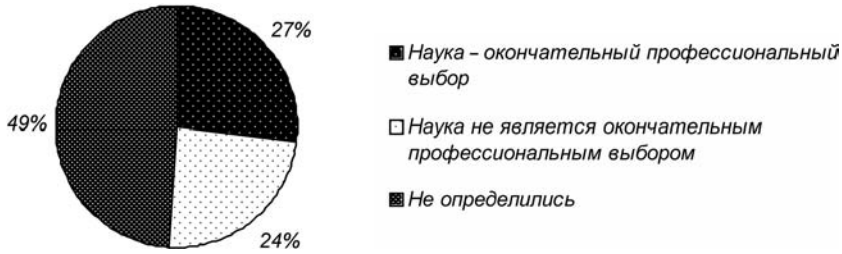


Рис. 5. Профессиональный выбор аспирантов НАН Беларуси

Следует отметить, что ответы респондентов на этот вопрос существенно различаются в зависимости от года обучения. Так, среди аспирантов третьего года обучения больше всего тех, кто считает науку своим профессиональным выбором – 32,7 %. Только 18,8 % аспирантов первого года обучения окончательно решили работать в научной сфере, каждый третий аспирант-первокурсник не планирует в будущем заниматься наукой, и чуть меньше половины из них с будущей профессией пока не определились.

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

1. Основным мотивирующим фактором поступления в аспирантуру для 76 % аспирантов явилось желание защитить диссертацию и получить ученую степень кандидата наук. Но в то же время для 16 % аспирантов нежелание работать по распределению после окончания вуза послужило причиной данного выбора, 9 % ответивших аспирантов поступили в аспирантуру из-за неопре-

деленности трудоустройства после окончания вуза, что говорит уже о проблемах первой ступени высшего образования.

2. Аспиранты говорят об ограниченных возможностях участия в конференциях за рубежом. Кроме того, молодые ученые испытывают потребность в получении самой новой научной информации, в том числе из-за рубежа. Однако при выборе таких условий, как возможность участия в различного рода конкурсах (на получение зарубежного гранта, гранта БРФФИ, исследовательского гранта для аспирантов НАН Беларуси), значительная часть респондентов затруднилась дать оценку данным условиям, что может свидетельствовать либо об отсутствии у аспирантов достаточной информации, либо о невысокой степени активности данной категории молодых ученых.

3. Только каждый третий аспирант предпочитает работать в научной организации системы НАН Беларуси.

4. Как нежелание работать в организациях НАН Беларуси, так и миграционные намерения во многом связаны с неуверенностью в профессиональном выборе. Наука является окончательным профессиональным выбором лишь 27 % аспирантов.

5. Намерения уехать за границу навсегда или в будущем вообще оставить научную сферу более отчетливо прослеживаются у аспирантов, которые не считают научную деятельность своим профессиональным выбором в жизни. Молодые ученые, которые окончательно не определились в своем профессиональном выборе, в большей степени ориентируются на выезд за границу для работы по контракту.

Литература

1. Димитрук, П. П. Деятельность аспирантуры НАН Беларуси / П. П. Димитрук // Научные кадры в условиях инновационного развития Республики Беларусь / под общ. ред. М. И. Артюхина. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 81–98.

2. Шарый, И. Н. Основные результаты науковедческого и социологического исследования проблем развития аспирантуры НАН Беларуси: Основные результаты социологического исследования / И. Н. Шарый // Научные кадры в условиях инновационного развития Республики Беларусь / под общ. ред. М. И. Артюхина. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 191–203.

S. A. PUSHKEVICH

DEVELOPMENT AND ACTIVITY PROBLEMS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS POSTGRADUATE TRAINING

Summary

Factors forming the problem of decreasing interest to the academical postgraduate training are revealed. Status of professional choice and scientific activity motivation is illustrated. Conclusions are made about negative effect on priority guidelines and staffing of science-intensive economic sectors.

УДК 314.7(476)

Т. А. АНТОНОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ИТОГАМ 2009 г.

Анализируются состояние и основные тенденции внутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь в региональном разрезе в 2009 г. Приведены сравнительные данные о миграционном обороте, приросте, убыли городского и сельского населения по регионам Беларуси.

Внутриреспубликанская миграция занимает основное место в структуре миграции населения Беларуси на протяжении ряда лет. Так, по данным государственной статистики, в 2000 г. миграционный оборот (суммарная численность прибывших и выбывших мигрантов) в рамках внутриреспубликанской миграции составил 90,2 % от общего миграционного оборота населения республики, в 2003 г. – 93,0 %, в 2005 г. – 94,9 % [1]. И хотя в 2006–2008 гг. наблюдалась тенденция снижения этого показателя, в 2009 г. он вновь увеличился и составил 94,7 %. В абсолютных цифрах миграционный оборот населения республики в рамках внутриреспубликанской миграции составил в 2009 г. 489, 9 тыс. чел. (на 51,6 тыс. чел. больше, чем в 2008 г.), превысив миграционный оборот населения в рамках международной миграции более чем в 17 раз (табл. 1).

Таблица 1. **Миграционный оборот населения Республики Беларусь в 2008–2009 гг.**

Вид миграции	Миграционный оборот					
	2008 г.		2009 г.		изменение миграционного оборота в 2009 г. по сравнению с 2008 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	464961	100,0	517449	100,0	+52488	+11,3
Международная миграция	26681	5,7	27535	5,3	+854	+3,2
Внутриреспубликанская миграция	438280	94,3	489914	94,7	+51634	+11,8

Анализ миграционного оборота населения в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей показывает, что лидером по количеству перемещений является Минская область – 89,7 тыс. ее жителей сменили свое

место жительства в пределах республики в 2009 г. Высокой миграционной активностью отличаются также и представители остальных областей, миграционный оборот населения которых составил в Брестской области 82,0 тыс. чел.; в Витебской – 73,7 тыс. чел.; в Гомельской – 76,2 тыс. чел.; в Гродненской – 68,6 тыс. чел. Исключение составляет Могилевская область, миграционный оборот населения которой в рамках внутриреспубликанской миграции был самым низким в республике и составил 47,1 тыс. чел., т. е. почти в 2 раза меньше по сравнению с Минской областью (табл. 2).

Таблица 2. **Миграционный оборот населения Республики Беларусь в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей в 2009 г.**

Область	Миграционный оборот					
	общий		в рамках внутриобластной миграции		в рамках межобластной миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	82059	100,0	52330	63,8	26045	31,7
Витебская	73712	100,0	49840	67,6	19736	26,8
Гомельская	76236	100,0	52638	69,0	18909	24,8
Гродненская	68609	100,0	44190	64,4	21252	31,0
Минская	89737	100,0	35096	39,1	51285	57,4
Могилевская	47103	100,0	25722	54,6	19042	40,4

Как видно из данных табл. 2, ведущее место во внутриреспубликанской миграции во всех областях республики, за исключением Минской, занимает внутриобластная миграция. Ее доля в общем миграционном обороте населения республики в 2009 г. составила от 54,6 % в Могилевской до 69,0 % в Гомельской области. При этом миграционный оборот в рамках внутриобластной миграции превысил оборот в рамках межобластной: в Брестской области – в 2 раза; в Витебской – в 2,6; в Гомельской – в 2,8; в Гродненской – в 2,1; в Могилевской – в 1,4 раза. Лидером в рамках внутриобластных перемещений являются Гомельская и Брестская области, миграционный оборот населения в которых составил в 2009 г. соответственно 52,6 и 52,3 тыс. чел. Далее следуют Витебская (49,8 тыс. чел.) и Гродненская (44,2 тыс. чел.) области, завершают список Минская (35,1 тыс. чел.) и Могилевская (25,7 тыс. чел.) области. Что касается межобластной миграции, то с большим отрывом здесь лидирует население Минской области – 51,3 тыс. чел. сменили место жительства на другие регионы Беларуси. Далее по убывающей идут жители Брестской (26,1 тыс. чел.), Гродненской (21,3 тыс. чел.), Витебской (19,7 тыс. чел.), Могилевской (19,0 тыс. чел.) и Гомельской (18,9 тыс. чел.).

Доля миграционного оборота населения в рамках межобластной миграции составила от 24,8 % в Гомельской до 57,4 % в Минской области, причем только в Минской области миграционный оборот в рамках межобластной миграции превысил (в 1,5 раза) миграционный оборот населения в рамках внутриобластной миграции. Анализ структуры внутриобластной миграции показал,

что во всех областях республики преобладают перемещения населения между районами одной области. Доля межрайонной миграции населения в пределах одной области в 2009 г. составила от 60,1 % в Минской до 91,2 % в Могилевской области, причем удельный вес миграционного оборота населения в рамках межрайонной миграции превысил этот показатель в рамках внутрирайонной: в Могилевской области – в 10 раз; в Витебской – в 6; в Гомельской и Брестской – в 5; в Гродненской – в 4; в Минской – в 1,5 раза. В пределах своего района перемещались каждый шестой житель Брестской и Гомельской областей, каждый седьмой – Витебской, каждый пятый – Гродненской и каждый 11-й житель Могилевской области (табл. 3).

Таблица 3. **Миграционный оборот населения Республики Беларусь в рамках внутриобластной миграции в разрезе областей в 2009 г.**

Область	Миграционный оборот в рамках внутриобластной миграции					
	общий		в рамках внутрирайонной миграции		в рамках межрайонной миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	52330	63,8	8482	16,2	43848	83,8
Витебская	49840	67,6	6894	13,8	42946	86,2
Гомельская	52638	69,0	8432	16,0	42946	86,2
Гродненская	44190	64,4	8248	18,7	35942	81,3
Минская	35096	39,1	13992	39,9	21104	60,1
Могилевская	25722	54,6	2256	8,8	23466	91,2

Что касается особенностей миграции городского и сельского населения республики, то в 2009 г. во всех областях республики, за исключением Минской, миграционный оборот городского населения превысил миграционный оборот сельского, причем произошло это за счет внутри- и межобластной миграции. Как показал анализ данных, миграционный оборот городского населения пяти областей республики в рамках внутриреспубликанской миграции примерно в 2 раза превышает оборот сельского: в Брестской области – в 1,8 раза; в Витебской – в 2,1; в Гомельской – в 2,2; в Гродненской – в 2; в Могилевской – в 2,3 раза (табл. 4).

Таблица 4. **Миграционный оборот городского и сельского населения Республики Беларусь в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей в 2009 г.**

Область	Миграционный оборот в рамках внутриреспубликанской миграции					
	общий		городское население		сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	82059	100,0	52292	63,7	29767	36,3
Витебская	73712	100,0	50129	68,0	23583	32,0
Гомельская	76236	100,0	52153	68,4	24083	31,6
Гродненская	68609	100,0	45990	67,0	22619	33,0
Минская	89737	100,0	40301	44,9	49436	55,1
Могилевская	47103	100,0	32772	69,6	14331	30,4

Такая же картина наблюдается и в рамках внутри- и межобластной миграции населения этих областей. Так, в рамках внутриобластной миграции оборот городского населения превышает оборот сельского: в Брестской области – в 1,5 раза; в Витебской и Гродненской – в 1,8; в Гомельской – в 1,9; в Могилевской – в 1,7 раза (табл. 5).

Таблица 5. **Миграционный оборот городского и сельского населения Республики Беларусь в рамках внутриобластной миграции в разрезе областей в 2009 г.**

Область	Миграционный оборот в рамках внутриобластной миграции					
	общий		городское население		сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	52330	100,0	31522	60,2	20808	39,8
Витебская	49840	100,0	31940	64,1	17900	35,9
Гомельская	52638	100,0	34335	65,2	18303	34,8
Гродненская	44190	100,0	28150	63,7	16040	36,3
Минская	35096	100,0	16710	47,6	18386	52,4
Могилевская	25722	100,0	16347	63,6	9375	36,4

Миграционный оборот городского населения в рамках межобластной миграции также превышает оборот сельского: в Брестской области – в 2,4 раза; в Витебской и Могилевской – в 3,3; в Гомельской – 3,1; в Гродненской – в 2,7 раза (табл. 6).

Таблица 6. **Миграционный оборот городского и сельского населения Республики Беларусь в рамках межобластной миграции в разрезе областей в 2009 г.**

Область	Миграционный оборот в рамках межобластной миграции					
	общий		городское население		сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Брестская	26045	100,0	18306	70,3	7739	29,7
Витебская	19736	100,0	15136	76,7	4600	23,7
Гомельская	18909	100,0	14283	75,5	4626	24,5
Гродненская	21252	100,0	15550	73,2	5702	26,8
Минская	51285	100,0	21954	42,8	29331	57,2
Могилевская	19042	100,0	14543	76,4	4429	23,3

Что касается Минской области, то здесь наблюдается обратная картина – общий миграционный оборот сельского населения превышает оборот городского в 1,2 раза, в том числе: в рамках внутриобластной миграции – в 1,1 раза; в рамках межобластной – в 1,3 раза (см. табл. 4, 5, 6). В целом миграционное сальдо практически во всех областях республики в 2009 г. было положительным для городских (за исключением Минской и Могилевской областей) и отрицательным – для сельских жителей всех регионов, при этом общий прирост населения произошел лишь за счет городских жителей Гомельской области (табл. 7).

Таблица 7. **Сальдо миграции городского и сельского населения Республики Беларусь в разрезе областей в 2008–2009 гг.**

Область	Сальдо миграции					
	общее по республике		городское население		сельское население	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Брестская	112	–2893	3288	4500	–3176	–7393
Витебская	–569	–468	2172	5007	–2741	–5475
Гомельская	384	352	2949	6321	–2565	–5969
Гродненская	–201	–1557	3153	5258	–3354	–6815
Минская	–850	–4579	817	–1675	–1677	–2904
Могилевская	–1787	–4453	121	–1464	–1908	–2989

Как видно из данных таблицы, в 2009 г. во всех областях республики (кроме Гомельской) произошла убыль населения, причем произошло это за счет сельского населения всех регионов (как и в 2008 г.), а также городского населения Минской и Могилевской областей – в отличие от 2008 г., когда за счет городского населения всех регионов произошел общий прирост населения республики. Самая большая убыль населения произошла в Минской (4,6 тыс. чел.), Могилевской (4,5 тыс. чел.) и Брестской (2,9 тыс. чел.) областях, при этом превышение показателей 2008 г. в первых двух областях составило соответственно 5,4 и 2,5 раза (в Брестской области сальдо миграции в 2008 г. было положительным). В других областях также по сравнению с 2008 г. произошло значительное увеличение миграционной убыли населения, например в Гродненской области превышение составило 7,7 раза. Самая большая убыль сельского населения в 2009 г. наблюдалась в Брестской (7,4 тыс. чел.) и Гродненской (6,8 тыс. чел.) областях. В Минской и Могилевской областях убыль сельского населения составила соответственно 2,9 и 3,0 тыс. чел.; городского – 1,7 и 1,5 тыс. чел. В рамках внутриреспубликанской миграции сальдо миграции населения в разрезе областей было отрицательным во всех регионах. При этом самая большая убыль населения составила 6,5 тыс. чел. и произошла в Минской области, самая малая – 1,7 тыс. чел. – в Гомельской области (табл. 8).

Таблица 8. **Сальдо миграции населения Республики Беларусь в рамках внутриреспубликанской миграции в разрезе областей в 2009 г.**

Область	Сальдо в рамках внутриреспубликанской миграции		
	общее	в том числе за счет городов и поселков городского типа	в том числе за счет сельских населенных пунктов
Брестская	–4457	–10708	6251
Витебская	–2212	–2413	201
Гомельская	–1717	–7701	5984
Гродненская	–3596	–9946	6350
Минская	–6533	–10523	3990
Могилевская	–5230	–6762	1532

Как видно из данных таблицы, общий прирост и убыль населения областей в рамках внутриреспубликанской миграции произошли в Брестской области – соответственно на 6,3 тыс. чел. за счет сельских жителей и на 10,7 тыс. чел. за счет городского населения; в Витебской – на 0,2 и 2,4 тыс. чел. соответственно; в Гомельской – на 6,0 и 7,7; в Гродненской – на 6,4 и 9,9; в Минской – на 4,0 и 10,5; в Могилевской – на 1,5 и 6,8 тыс. чел. Таким образом, во всех областях республики прирост населения в рамках внутриреспубликанской миграции в 2009 г. произошел за счет жителей сельских населенных пунктов (от 0,2 тыс. чел. в Витебской до 6,4 тыс. чел. в Брестской области), а миграционная убыль (от 2,4 тыс. чел. в Витебской до 10,7 тыс. чел. в Брестской области) – за счет населения городов и поселков городского типа страны.

В целом в 2009 г. миграционное сальдо внутриреспубликанской миграции для сельских жителей Брестской области было отрицательным, для городских – положительным в рамках внутриобластной и отрицательным в рамках межобластной миграции. Для городских жителей Витебской области миграционное сальдо было положительным в рамках внутриобластной и отрицательным в рамках межобластной миграции; для сельских – отрицательным по одному и другому видам миграции. Миграционное сальдо для сельских жителей Гомельской области было отрицательным по всем видам миграции, для городских – только в рамках межобластной миграции. Для населения Гродненской области миграционное сальдо было положительным для городских и отрицательным для сельских жителей [2].

Анализ статистических данных показал, что основным магнитом внутренней миграции остается г. Минск – приток людей в столицу постоянно растет за счет населения (и сельского, и городского) областей республики [3]. Так, если в 1990 г. миграционный прирост города за счет внутренних мигрантов составил 11,6 тыс. чел., то в 2009 г. этот показатель составил 23,7 тыс. чел., превысив прирост населения в рамках международной миграции в 11,3 раза (табл. 9).

Таблица 9. **Сальдо миграции населения г. Минска в 2009 г.**

г. Минск	Сальдо миграции		
	всего	в том числе за счет городов и поселков городского типа	в том числе за счет сельских населенных пунктов
Все население	25847	19351	6496
Межобластная миграция	23745	17544	6201
Со странами СНГ	1672	1401	271
С другими странами	430	406	24

Как видно из данных таблицы, основная часть населения Беларуси перетекает в столицу из городов и поселков городского типа. Так, в 2009 г. ее доля во внутреннем миграционном потоке составила 73,9 % (17,5 тыс. чел.), практически в 3 раза превысив долю сельского населения республики (26,1 % – 6,2 тыс. чел.).

Таким образом, анализ данных внутриреспубликанской миграции населения в региональном разрезе показал, что лидером по количеству перемещений является Минская область – 89,7 тыс. ее жителей сменили свое место жительства в пределах республики в 2009 г. Наиболее «стабильны» с точки зрения мобильности жители Могилевской области, ***миграционный оборот*** которых в рамках внутриреспубликанской миграции был самым низким в республике и составил 47,1 тыс. чел, т. е. почти в 2 раза меньше по сравнению с Минской областью.

Ведущее место во внутриреспубликанской миграции во всех областях республики, за исключением Минской, занимает ***внутриобластная миграция***. Ее доля в общем миграционном обороте населения республики в 2009 г. составила от 54,6 % в Могилевской до 69,0 % в Гомельской области, при этом миграционный оборот в рамках внутриобластной миграции превысил оборот в рамках межобластной: в Гомельской области – в 2,8 раза; в Витебской – в 2,6; в Брестской – в 2; в Гродненской – в 2,1; в Могилевской – в 1,4 раза. Рейтинг областей по внутриобластным перемещениям выглядит следующим образом: на первом месте – жители Гомельской и Брестской областей (миграционный оборот населения которых составил соответственно 52,6 и 52,3 тыс. чел.), далее следуют Витебская (49,8 тыс. чел.), Гродненская (44,2 тыс. чел.), Минская (35,1 тыс. чел.) и Могилевская (25,7 тыс. чел.) области.

Что касается ***межобластной миграции***, то с большим отрывом здесь лидирует население Минской области – 51,3 тыс. чел. сменили место жительства на другие регионы Беларуси. Далее по убывающей идут жители Брестской (26,1 тыс. чел.), Гродненской (21,3 тыс. чел.), Витебской (19,7 тыс. чел.), Могилевской (19,0 тыс. чел.) и Гомельской (18,9 тыс. чел.) областей. Доля миграционного оборота населения в рамках межобластной миграции составила от 24,8 % в Гомельской до 57,4 % в Минской области, причем только в Минской области миграционный оборот в рамках межобластной миграции превысил (в 1,5 раза) миграционный оборот населения в рамках внутриобластной миграции. Во всех областях республики в рамках внутриобластной миграции преобладают перемещения населения между районами одной области. Доля ***межрайонной миграции*** населения в пределах одной области в 2009 г. составила от 60,1 % в Минской до 91,2 % в Могилевской области, причем удельный вес миграционного оборота населения в рамках межрайонной миграции превысил этот показатель в рамках внутрирайонной: в Могилевской области – в 10 раз; в Витебской – в 6; в Гомельской и Брестской – в 5; в Гродненской – в 4; в Минской – в 1,5 раза. В пределах своего района (***внутрирайонная миграция***) перемещались каждый пятый житель Гродненской области, каждый шестой – Брестской и Гомельской, каждый седьмой – Витебской и каждый 11-й житель Могилевской области. Во всех областях республики, за исключением Минской, миграционный оборот *городского населения* превысил миграционный оборот сельского, причем произошло это как за счет внутриобластной, так и межобластной миграции. Как показал анализ данных, миграционный

оборот городского населения пяти областей республики в рамках внутриреспубликанской миграции в среднем в 2 раза превышает оборот сельского: в Могилевской области – в 2,3 раза; в Гомельской – в 2,2; в Витебской – в 2,1; в Гродненской – в 2; в Брестской – в 1,8 раза. Миграционный оборот *сельского населения* Минской области, в отличие от других областей, в 1,3 раза превышает миграционный оборот городского в рамках межобластной миграции и в 1,1 раза – в рамках внутриобластной миграции.

Миграционное сальдо практически во всех областях республики в 2009 г. было положительным для городских (за исключением Минской и Могилевской областей) и отрицательным – для сельских жителей всех регионов, при этом общий прирост населения произошел лишь за счет городских жителей Гомельской области. Во всех областях республики (кроме Гомельской) произошла убыль населения, причем произошло это за счет сельского населения всех регионов, а также городского населения Минской и Могилевской областей. Самая большая убыль сельского населения в 2009 г. наблюдалась в Брестской (7,4 тыс. чел.), Гродненской (6,8 тыс. чел.), а также Гомельской (6,0 тыс. чел.) и Витебской (5,5 тыс. чел.) областях. В Минской и Могилевской областях убыль сельского населения составила соответственно 2,9 и 3,0 тыс. чел.; городского – 1,7 и 1,5 тыс. чел.

Общее сальдо миграции населения в разрезе областей в рамках внутриреспубликанской миграции было отрицательным во всех регионах. При этом самая большая убыль населения произошла в Минской области, самая малая – в Гомельской. Во всех областях республики прирост населения в рамках внутриреспубликанской миграции в 2009 г. произошел за счет жителей сельских населенных пунктов (от 0,2 тыс. чел. в Витебской до 6,4 тыс. чел. в Брестской области), а миграционная убыль (от 2,4 тыс. чел. в Витебской до 10,7 тыс. чел. в Брестской области) – за счет населения городов и поселков городского типа страны.

Таким образом, во всех областях республики сохраняется тенденция перетока населения из сельской местности в городскую. Процесс перемещения населения из сельской местности в города является вполне закономерным, причем не только для нашей страны, но и всего мира, и складывается, как правило, из нескольких ступеней: переезда сельских жителей в малые города, а затем горожан из мелких городов в более крупные. По данным Института социологии НАН Беларуси, прирост городского населения за счет сельского постоянно увеличивается начиная с 2004 г. [4]. Так, в 2005 г. миграционный прирост городов за счет сел составлял 14,7 тыс. чел., в 2008 г. – 18,3 тыс. чел., в 2009 г. – 35,5 тыс. чел., при этом основным магнитом внутренней миграции населения республики остается г. Минск – приток людей в столицу продолжает расти за счет как городского, так и сельского населения всех областей республики и в 2009 г. составил 23,7 тыс. чел.

В региональном разрезе в 2009 г. миграционное сальдо внутриреспубликанской миграции для сельских жителей Брестской области было отрицатель-

ным, для городских – положительным в рамках внутриобластной и отрицательным в рамках межобластной миграции; для городских жителей Витебской области миграционное сальдо было положительным в рамках внутриобластной и отрицательным – в рамках межобластной миграции; для сельских – отрицательным по одному и другому видам миграции; для сельских жителей Гомельской области миграционное сальдо было отрицательным по всем видам миграции, для городских – только в рамках межобластной миграции; для населения Гродненской области миграционное сальдо было положительным для городских и отрицательным для сельских жителей.

Что касается мер государственного регулирования внутриреспубликанских миграционных процессов, то, по мнению экспертов, основные мероприятия, заложенные в Программе возрождения и развития села на 2005–2010 гг. по привлечению и закреплению трудоспособного населения на селе в целом реализуются довольно успешно, а вот малые и средние города продолжают отставать в социально-экономическом развитии [3]. В связи с этим особенно актуальной является реализация мер по обеспечению роста благосостояния населения на основе рационального распределения производительных сил, повышения уровня развития, эффективности и конкурентоспособности экономики регионов, заложенных в Государственной комплексной программе развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг., которая реализуется в стране в настоящее время.

Литература

1. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – С. 3.

2. Миграция населения по потокам по Республике Беларусь за январь – декабрь 2009 г. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – С. 10–14.

3. Человеческий потенциал Республики Беларусь. – Минск: Беларус. навука, 2009. – С. 593–594.

4. Димитрук, П. П. Внутриреспубликанская миграция населения Республики Беларусь: анализ по итогам 2008 г. / П. П. Димитрук // Социологический альманах. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Вып. 1. – С. 285–294.

T. A. ANTONOVA

REGIONAL PARTICULARITIES OF THE INTERNAL MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF 2009

Summary

In the article by T. A. Antonova «Regional particularities of the internal migration of the population of the Republic of Belarus: a comparative analysis of 2009» the condition and the main tendencies of intrarepublican migration of the population of the Republic of Belarus are analyzed. The data on migratory movements of the population in the regions of Belarus are cited. Main measures of state regulation of migratory processes in the republic are mentioned.

УДК 316.334.22(476)

Е. Б. ПАЛХОВСКАЯ,
магистр социологии,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ТРУДОВУЮ МОБИЛЬНОСТЬ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается влияние экономического поведения на трудовую мобильность занятого населения Беларуси. На основе анализа статистического материала выявлены тенденции внешней трудовой мобильности работников. Обосновано, что тип экономического поведения влияет на интенсивность вертикальной трудовой мобильности работников.

Под социальной мобильностью, по П. Сорокину, понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), т. е. всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую [1, с. 200–211]. Существует два основных типа социальной мобильности: *горизонтальная* и *вертикальная.* Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направления перемещения существует две формы вертикальной мобильности: *восходящая* и *нисходящая, т. е. социальный подъем* и *социальный спуск.*

С количественной точки зрения разграничивают интенсивность и всеобщность социальной мобильности. Под интенсивностью понимается вертикальная социальная дистанция, или количество слоев, проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Под всеобщностью подразумевается число индивидов, которые изменили свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное число таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в структуре данного населения страны; пропорция таких индивидов ко всему населению дает относительную всеобщность вертикальной мобильности. По заключению автора, не может существовать общества, в котором бы отсутствовала социальная мобильность, как и не существует общества, в котором вертикальная мобильность была бы свободной, беспрепятственной.

Трудовая мобильность, представляющая собой предмет данного исследования, является одной из форм социальной мобильности, поэтому категориально-понятийный аппарат, используемый П. Сорокиным, применим для анализа трудовой мобильности. В авторском определении, *трудовая мобильность* есть перемена места работы, профессии, должностного положения и функций работника, обусловленная объективными условиями развития социально-трудовых отношений и субъективными интересами работника. *Горизонтальной трудовой мобильностью* является переход работника с одного места работы на другое в рамках одной профессии, не сопровождающийся изменением уровня квалификации и должности. *Вертикальная трудовая мобильность* представляет собой смену профессии на профессию иного рода, изменение уровня квалификации, должности.

Экономическое поведение – это поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т. е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода [2, с. 424]. Разделение экономики на производственную и непроизводственную сферы создает предпосылки для внешней трудовой мобильности, которая является межотраслевой мобильностью. Взвешивая выгоды и издержки, сопоставляя свои способности и навыки с требованиями производства, работник делает выбор наиболее выгодной ему сферы деятельности, профессии, специальности, должностной позиции. Этот выбор и характеризует направленность его экономического поведения.

В целом с развитием рыночных отношений наблюдается устойчивая тенденция повышения спроса на рабочую силу в традиционных отраслях непроизводственной сферы экономики: торговле и общественном питании (в 1,3 раза – с 10,7 % в 1995 г. до 14,5 % в 2008 г.), а также в жилищно-коммунальном хозяйстве и непроизводственных видах бытового обслуживания населения (в 1,35 раза). Что же касается сферы здравоохранения, то численность работников увеличилась за этот период в 1,1 раза, образования – в 1,1 раза, культуры и искусства – в 1,2 раза. Наблюдается устойчивая тенденция повышения спроса на рабочую силу в управлении (в 1,4 раза), отрасли, осуществляющей операции с недвижимостью (в 5 раз – с 0,1 % в 1995 г. до 0,5 % в 2008 г.), отрасли, осуществляющей общую коммерческую деятельность по обеспечению функционирования рынка (в 4 раза – с 0,1 % в 2000 г. до 0,4 % в 2008 г.), информационно-вычислительном обслуживании (в 2 раза – с 0,1 % в 1995 г. до 0,2 % в 2008 г.), однако доля этих отраслей в национальной экономике ничтожно мала: в совокупности они составляют около 5 % [3, с. 10–11]. Темпы прироста численности работников в сферах, связанных со становлением инновационной экономики, остаются невысокими (1–2 % против 6–7 % в развитых странах) [1, с. 92]. Постепенное перераспределение трудовых ресурсов в пользу торгово-финансовой и управленческой деятельности обусловлено, скорее, переходом республики к рыночным отношениям, нежели развитием инновационной экономики.

При этом наметилась тенденция сокращения численности работников в наукоемких отраслях – науке и научном обслуживании. По сравнению с дореформенным периодом она уменьшилась в 3,5 раза. Надо признать, что интенсивность выбытия работников несколько снизилась: темп сокращения численности занятых в науке и научном обслуживании в 2008 г. составил 0,3 % против 2,5 % в 2004 г. [4, с. 111].

Одной из динамично развивающихся в последние годы отраслей является строительство. В 2000–2008 гг. в отрасли наблюдалась устойчивая тенденция роста численности работников вследствие наращивания объемов строительно-монтажных работ и улучшения финансового состояния строительных организаций. Доля работающих в строительстве увеличилась с 7,0 до 8,7 % за этот период [4, с. 111]. Рост занятости в какой-то мере обусловлен более высокой оплатой труда в отрасли, которая в 2008 г. в 1,2 раза превышала среднереспубликанский уровень, что сдерживало отток кадров из строительных организаций [4, с. 152].

Анализ динамики распределения занятого населения по отраслям экономики Республики Беларусь (табл. 1) свидетельствует о положительных изменениях в отраслевой структуре занятости в ходе перераспределения рабочей силы по отраслям общественного производства: численность занятых в отраслях материального производства снизилась с 54,2 % в 1995 г. от численности всех занятых в экономике до 45,4 % в 2008 г., а численность занятых в непроизводственных отраслях за тот же период увеличилась с 45,8 до 54,6 % [4, с. 111].

Позитивной тенденцией можно считать сокращение уровня занятости в промышленности, где доля работающих снизилась с 27,6 % в 1995 г. до 26,6 % в 2008 г. В то же время многие наблюдаемые тенденции в этой отрасли имели регрессивный характер. Наибольшее сокращение работников произошло в обрабатывающих отраслях промышленности при росте их численности в добывающих [1, с. 90]. Так, численность работающих значительно уменьшилась в машиностроении и металлообработке, легкой промышленности, в то же время она возросла в электроэнергетике, нефтедобывающей и лесозаготовительной промышленности.

Несмотря на расширение занятости в сфере услуг, Беларусь по этому показателю существенно отстает от других стран. Можно говорить о конкурентоспособности ресурсов труда, если соотношение занятых в сфере услуг и производственном секторе экономики сохраняется как минимум на уровне 60 % : 40 %, тогда как в развитых странах доля занятых в сфере сервисных услуг и сервисного производства достигает 80 % [5, с. 64]. В Беларуси, напомним, оно находится на уровне 54,6 % : 45,4 %, по данным 2008 г. Достижение международного стандарта потребует перемещения из производственной сферы в сферу услуг, по расчетам, около 300 тыс. чел., большинство из них должны будут пройти профессиональную переподготовку [1, с. 95]. К тому же расширение непроизводственного сектора экономики происходит в основном за

счет роста традиционных отраслей: торговли и общественного питания, ЖКХ и бытовое обслуживание – в то время как трансформация сферы услуг в ходе модернизации белорусской экономики предполагает сдвиг в направлении развития новых высокотехнологичных услуг, ориентированных на потребности инновационного развития производства.

Таблица 1. **Распределение численности занятого населения Республики Беларусь по отраслям экономики (% к итогу)**

В среднем за год	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	Динамика увеличения/ снижения численности занятых в отрасли
Всего занято в экономике	100	100	100	100	
Отрасли материального производства	54,2	49,4	45,8	45,4	–8,8
Промышленность	27,6	27,6	26,70	26,6	–1
Сельское хозяйство	19,1	14,1	10,5	9,4	–9,7
Лесное хозяйство	0,6	0,7	0,8	0,7	+0,1
Строительство	6,9	7,0	7,8	8,7	+1,8
Непроизводственные отрасли	45,8	50,6	54,2	54,6	+8,8
Транспорт	5,7	5,8	6,0	6,3	+0,6
Связь	1,3	1,4	1,5	1,4	+0,1
Торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки	10,7	12,0	13,7	14,0	+3,3
Жилищно-коммунальное хозяйство и непроизводственные виды бытового обслуживания населения	4,0	4,7	5,5	5,4	+1,4
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	6,5	7,3	7,5	7,2	+0,7
Образование	9,5	10,4	10,5	9,8	+0,3
Культура и искусство	1,6	1,8	1,9	2,2	+0,6
Наука и научное обслуживание	1,0	1,0	0,8	0,8	–0,2
Финансы, кредит и страхование	1,5	1,4	1,4	1,5	0
Управление	2,9	3,4	3,2	3,1	+0,2
Информационно-вычислительное обслуживание	0,1	0,2	0,2	0,2	+0,1
Общественные объединения	0,3	0,3	0,3	0,3	0
Прочие виды деятельности	0,6	0,9	1,7	2,4	+1,8

Необходимо отметить, что динамика изменения соотношения между производственной и непроизводственной сферами свидетельствует о том, что уменьшение доли материального производства в белорусской экономике происходит в основном не за счет повышения технико-технологического уровня производства, а за счет «обезлюдивания» сельского хозяйства. При этом высвобождение работников из сельскохозяйственного производства (их численность уменьшилась от 19,1 % в 1995 г. до 9,4 % в 2008 г. от общей численности занятых в экономике) носит кризисный характер, так как структурные преобразования сопровождаются низкой производительностью труда, де-

фицитом квалифицированных кадров, сокращением числа занятых в фермерских хозяйствах [4, с. 111]. Поэтому одной из основных задач социальной политики занятости является стабилизация ее уровня на селе, а в ряде трудонедостаточных районов – привлечение работников в сельскую местность за счет повышения доходов сельского населения, создания основ для престижности проживания в сельской местности и улучшения демографической ситуации на селе, чему в значительной степени способствует Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг. [6].

Рассмотрим внешнюю трудовую мобильность работников в зависимости от их социально-профессиональных групп [7, с. 4–5; 8, с. 9–10; 9, с. 8–9; 10, с. 55–56]. Уменьшение работников производственной сферы происходит за счет уменьшения группы рабочих. Так, за период с 1994 по 2008 г. доля рабочих, занятых в производственной сфере экономики, сократилась в 1,4 раза. Доля служащих, наоборот, несколько возросла, в основном за счет увеличения доли специалистов и руководителей. В непроизводственной сфере мы наблюдаем рост и рабочих и служащих, однако динамика роста служащих в 1,4 раза быстрее, чем у рабочих. В группе служащих наиболее значительно увеличились доля специалистов (в 1,4 раза) и руководителей (в 1,6 раза).

Таким образом, внешняя трудовая мобильность характеризуется постепенным перемещением работников из производственной в непроизводственную сферу. Причем происходит это за счет уменьшения группы рабочих производственной сферы и роста группы служащих непроизводственной сферы. Данная тенденция совпадает с общим повышением образовательного уровня работников. Так, доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование, увеличивается, тогда как доля работников, имеющих общее среднее и базовое образование, снижается.

Социально-экономический механизм заработной платы является ведущим *механизмом регуляции* трудовой мобильности работников, так как большинство занятого населения рассматривает заработную плату в качестве основного стимула трудовой деятельности. Несмотря на необходимость отраслевых перемещений, стимулируются такие перемещения в обратном направлении. Например, зарплата работников многих отраслей непроизводственной сферы, таких как здравоохранение, образование, культура, искусство, намного ниже средней по народному хозяйству республики. Внутри непроизводственной сферы наблюдается существенная неоднородность уровня зарплаты работников разных отраслей. Например, заработная плата работников аппарата управления выше, чем у работников образования, культуры и искусства в 2 раза, тогда как должно быть наоборот. Зарплата банковских работников превышает зарплату работников науки и научного обслуживания на 20 % [11, с. 10–11].

В результате такого «стимулирования» темпы прогрессивных отраслевых перемещений низки и имеют тенденцию к замедлению. По мнению экономистов, на современном этапе развития рынка труда наиболее острой проблемой является повышение эффективности использования трудовых ресурсов и по-

этапное снижение потребности производственной сферы в кадрах. Следует активизировать деятельность по обновлению и улучшению структуры рабочих мест, перераспределению работников в сферу услуг и социально-значимые отрасли. Среди первоочередных задач – повышение уровня развития и качества сферы услуг. Трансформация сферы услуг в Беларуси предусматривает сдвиг в направлении развития новых высокотехнологичных услуг, ориентированных на потребности инновационного развития производства. Приоритетное развитие должны получить наукоемкие услуги: коммуникационные, информационные, маркетинговые, финансовые. Что касается социально-культурных отраслей, в большей мере ориентированных на потребности населения, то одним из направлений их модернизации должно стать внедрение новых, прежде всего информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении и образовании, сфере культуры и постепенный переход на мировые стандарты обслуживания [1, с. 100–101].

На основе данных республиканского социологического мониторинга выявлены тенденции (2002–2009 гг.) в изменении экономического поведения, от которого зависят масштабы и интенсивность трудовой мобильности. Доля респондентов, реализующих активный тип экономического поведения (повышающих свой доход всеми возможными способами), снизилась в численности занятого населения с 48,4 % в 2002 г. до 31,5 % в 2009 г. С 2002 по 2009 г. значительно возросла доля респондентов, реализующих адаптивный тип экономического поведения (с 18,3 до 41,3 %), позволяющий поддерживать достигнутый уровень жизни. Несколько уменьшилась (с 33,3 до 27,2 %) доля респондентов, реализующих пассивный тип экономического поведения, снижающих уровень своих запросов, потребностей и не предпринимающих никаких усилий (табл. 2).

Таблица 2. **Типология экономического поведения занятого населения, %**

Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?	2002 г.	2006 г.	2009 г.
Повышаю свой доход всеми возможными способами	48,4	20,5	31,5
Стараюсь жить по средствам	18,3	56,8	41,3
Снижаю уровень своих запросов, потребностей	33,3	22,7	27,2

Необходимо отметить, что 1/3 респондентов не удовлетворены своей теперешней работой и имеют твердое намерение сменить ее в ближайшее время. Данная тенденция сохраняется на протяжении ряда лет. Высокая неудовлетворенность работой находит свое отражение в довольно интенсивной трудовой мобильности: более 50 % респондентов в последние 5 лет меняли место работы, 19,1 % – профессию, 26,0 % – получали новую специальность (табл. 3). К проявлениям трудовой мобильности относится не только непосредственная перемена места работы или профессии, но и повышение разряда, квалификации, должности. По данным республиканского мониторинга, респонденты, демонстрирующие активное и адаптивное экономическое поведение, в 2 раза

чаще, чем респонденты с пассивным экономическим поведением, говорят о перемене профессии, получении новой профессии, повышении квалификации, должности, проявляя более интенсивную вертикальную трудовую мобильность.

Таблица 3. **Трудовая мобильность занятого населения, 2008 г., %**

За последние 5 лет мне приходилось:	Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?			Итого
	Повышаю свой доход всеми возможными способами	Стараюсь жить по средствам	Снижаю уровень своих запросов и потребностей	
Менять профессию	6,7	9,0	3,4	19,1
Получать дополнительную (новую) специальность	9,5	11,6	4,9	26,0
Менять место работы	16,1	27,4	11,4	54,9
Итого	32,3	48,0	19,7	100,0

Подводя итог сказанному выше, можно отметить, что внешняя трудовая мобильность характеризуется постепенным перемещением работников из производственной в непроизводственную сферу. Причем происходит это за счет уменьшения группы рабочих производственной сферы и роста группы служащих непроизводственной сферы. Экономическое поведение как перебор экономических альтернатив ведет работника в отрасли с наиболее высокой заработной платой (строительство, связь, материально-техническое снабжение и сбыт). Вследствие этого социально-экономический механизм заработной платы, являющийся ведущим механизмом регуляции трудовой мобильности работников, не способствует ускорению межотраслевых перемещений в социально-значимые отрасли экономики.

Литература

1. Трансформационные процессы в Беларуси и России / Г. Н. Соколова, Н. Н. Сечко, Е. В. Таранова; науч. ред. Г. Н. Соколова – Минск: Беларус. навука, 2009. – 184 с.

2. Экономико-социологический словарь / Г. Н. Соколова [и др.]; под. ред. Г. Н. Соколовой. – Минск : ФУАинформ, 2002. – 447 с.

3. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2008 году (Стат. сб.) / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009. – 27 с.

4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 (Стат. сб.) / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2009. – 599 с.

5. Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы [и др.]; под. ред. Г. Н. Соколовой. – Минск : Тэхналогія, 1998. – 230 с.

6. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг. Указ Президента Республики Беларусь № 150 от 25.03.2005 г. – Минск, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. president. gov. by/press28073. html. – Дата доступа: 23.01.2010.

7. Численность, состав и профессиональное обучение кадров в 1994 году / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 1995. – 195 с.

8. Численность, состав и профессиональное обучение кадров в 2000 году/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2001.

9. Численность, состав и профессиональное обучение кадров в 2005 году/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2006.

10. Численность, состав и профессиональное обучение кадров в 2008 году/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.

11. Численность, заработная плата работников, затраты организаций Республики Беларусь на рабочую силу в 2008 г. (по данным разработки годовой отчетности по труду). – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. – 31 с.

E. B. PALKHOVSKAYA

ECONOMIC BEHAVIOUR AS A FACTOR OF LABOUR MOBILITY OF THE WORKING POPULATION OF BELARUS

Summary

In the article the influence of economic behaviour on the labour mobility of the working population of Belarus is studied. On the basis of statistical data the trends of inter-branch labour mobility are revealed. It is proved that the economic behaviour has the influence on the intensity of upstanding labour mobility of the workers.

УДК 314.74

И. Н. ХАРИТОНОВ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматриваются проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы. Приводятся данные по числу и доле иммигрантов в общем населении западноевропейских стран. По значимости культурных, социальных и религиозных различий с населением принимающей страны выделяются две группы иммигрантов. Отмечается специфика интеграции мусульман.

Изучению проблем интеграции иммигрантов уделяется значительное внимание во всех странах с выраженными явлениями иммиграции. В особенной степени это наблюдается в странах Западной Европы. В Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Нидерландах, Франции интерес к данной проблематике был обострен неудачами в интеграции иммигрантов в принимающее общество; конфликтами и столкновениями между государственными службами, коренными жителями и иммигрантами; актами насилия с обеих сторон; прогнозами относительно дальнейшего увеличения доли иммигрантов и их потомков, будущего автохтонного населения. Значение этих проблем для Западной Европы хорошо иллюстрируется и тем фактом, что в Великобритании, Германии, Франции функционируют целые министерства по делам иммиграции и интеграции иммигрантов, проходят общенациональные дискуссии о месте и роли иммигрантов в жизни этих стран.

Интеграции иммигрантов сопутствует целый ряд проблем. На основе анализа работ российских авторов Т. С. Кондратьевой, И. С. Новоженовой, С. В. Погорельской, И. С. Семененко, посвященных проблемам интеграции иммигрантов, выделим и рассмотрим следующие проблемы их интеграции в принимающих государствах Западной Европы:

1) значительные масштабы иммиграции, высокая численность иммигрантов;

2) существенность культурных, социальных и религиозных различий между иммигрантами и населением принимающих стран;

3) социально-экономическая маргинализация иммигрантов и их детей.

Интеграция большого и растущего числа иммигрантов требует от принимающего общества серьезных усилий и ресурсов. Существующие в странах Западной Европы институты и механизмы интеграции иммигрантов не способны охватить всех и сразу. Каждому иммигранту должны быть обеспечены социальные, политические, экономические права и гарантии. К сожалению,

многим иммигрантам не удается трудоустроиться или выйти на приемлемый уровень жизни из-за низких квалификации, уровня образования и знания языка принимающей страны. Таким людям необходима помощь, требующая значительных затрат со стороны принимающего государства. Важен и тот факт, что при значительной доле иммигрантов есть риск их обособления в отдельную значимую и автономную социальную группу.

Число иммигрантов в странах Западной Европы достигло высоких значений. Согласно Докладу ООН о развитии человека за 2009 г. «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие», первыми тридцатью странами мира по количеству иммигрантов в 2005 г. среди 194 стран и территорий [1, с. 203; 8] являлись следующие (табл. 1):

Таблица 1. **Распределение стран мира по численности иммигрантов* по итогам на 2005 г.**, в тыс. чел.**

№ п/п	Страна	Иммигранты	№ п/п	Страна	Иммигранты	№ п/п	Страна	Иммигранты
1.	США	39 266,5	11.	Австралия	4 335,8	21.	Малайзия	2 029,2
2.	РФ	12 079,6	12.	Пакистан	3 554,0	22.	Япония	1 998,9
3.	Германия	10 597,9	13.	Италия	3 067,7	23.	Кувейт	1 869,7
4.	Франция	6 478,6	14.	Казахстан	2 973,6	24.	Нидерланды	1 735,4
5.	Саудовская Аравия	6 336,7	15.	ОАЭ	2 863,0	25.	Гана	1 669,3
6.	Канада	6 304,0	16.	Гонконг	2 721,1	26.	Палестина	1 660,6
7.	Индия	5 886,9	17.	Израиль	2 661,3	27.	Швейцария	1 659,7
8.	Великобритания	5 837,8	18.	Кот-д'Ивуар	2 371,3	28.	Аргентина	1 494,1
9.	Украина	5 390,6	19.	Иордания	2 345,2	29.	Сингапур	1 494,0
10.	Испания	4 607,9	20.	Иран	2 062,2	30.	Турция	1 333,9

Источник: HDR 2009 Statistical tables [Статистические таблицы] // Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие; *в число иммигрантов в данном отчете включались по возможности только лица, родившиеся в других странах (иммигранты первого поколения) [1, с. 206–207]; **сведения в докладе по ИРЧП почерпнуты из данных последних переписей населения, проведенных на момент 2005 г. [1, с. 206–207].

Как видим, в число ведущих стран иммиграции вошли основные государства Западной Европы (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Франция). Численность иммигрантов в этих странах является одной из самых высоких в мире. Однако при оценке доли иммигрантов в общей численности населения стран, указанных в табл. 1, наблюдается другая картина (табл. 2):

Таблица 2. **Доля иммигрантов (в %) в общей численности населения ведущих стран иммиграции***

№ п/п	Страна	%	Место	№ п/п	Страна	%	Место	№ п/п	Страна	%	Место
1.	США	13,0	38	11.	Австралия	21,3	22	21.	Малайзия	7,9	62
2.	РФ	8,4	60	12.	Пакистан	2,1	128	22.	Япония	1,6	138
3.	Германия	12,9	39	13.	Италия	5,2	78	23.	Кувейт	69,2	4
4.	Франция	10,6	47	14.	Казахстан	19,6	24	24.	Нидерланды	10,6	46
5.	Саудовская Аравия	26,8	18	15.	ОАЭ	70,0	2	25.	Гана	7,6	65

Окончание табл. 2

№ п/п	Страна	%	Место	№ п/п	Страна	%	Место	№ п/п	Страна	%	Место
6.	Канада	19,5	25	16.	Гонконг	39,5	10	26.	Палестина	44,1	7
7.	Индия	0,5	168	17.	Израиль	39,8	9	27.	Швейцария	22,3	20
8.	Великобритания	9,7	53	18.	Кот-д'Ивуар	12,3	41	28.	Аргентина	3,9	90
9.	Украина	11,5	43	19.	Иордания	42,1	8	29.	Сингапур	35,0	13
10.	Испания	10,7	45	20.	Иран	2,9	107	30.	Турция	1,9	132

Источник: HDR 2009 Statistical tables [Статистические таблицы] // Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие; *место страны определялось в рейтинге 194 стран и территории по доле иммигрантов в общей численности населения.

Можно заметить, что Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды и Франция занимают не самые высокие места в рейтинге стран по доле иммигрантов в общей численности населения. Эта доля остается достаточно низкой и значительно уступает численности постоянного населения этих стран. Почему же тогда проблема иммигрантов вызывает такой сильный резонанс в западноевропейских государствах?

Полагаем, что одним из ответов на данный вопрос является факт наличия существенных культурных, социальных и религиозных различий между иммигрантами и населением принимающих западноевропейских стран. На наш взгляд, по степени различий можно выделить две группы иммигрантов: «близких» для населения принимающих обществ и «далеких», сильно отличающихся от него. Первую группу иммигрантов составляют лица с близкими для принимающих стран социальными, культурными и религиозными характеристиками. Таковыми являются иммигранты с одинаковыми для страны приема языком, религиозными взглядами, культурными и социальными традициями. В некоторой мере к ним же можно отнести иммигрантов, чья национальность совпадает с титульной национальностью принимающей страны, владеющих ее языком, но являющихся уроженцами других стран и выросших в других культурных условиях. Например, таковыми для Германии будут немцы Поволжья. К иммигрантам второй группы могут быть отнесены представители иных религиозных, культурных и языковых групп с сильно отличающимися социальными, религиозными и культурными традициями, например турки. Считаем, что интеграция мигрантов первой группы, как правило, проходит спокойнее и проще, в то время как для представителей второй группы она нередко сопряжена с серьезными трудностями.

Спецификой иммиграции в Западной Европе является то, что доля второй группы иммигрантов с существенными культурными, религиозными и социальными отличиями уже достаточно велика. Значительную часть таких иммигрантов составляют мусульмане. Для европейских стран именно мусульмане стали наиболее яркими представителями второй группы. Для мусульман характерна высокая значимость своих религиозной, культурной и социальной идентичностей, укорененность религии, нежелание принимать некоторые

европейские ценности и образ жизни [2; 5]. Рост тревоги в Западной Европе, связанный с иммиграцией, во многом адресован именно мусульманской части общества этих стран, которая уже достигла больших размеров (табл. 3).

Таблица 3. **Численность населения западноевропейских стран и его мусульманской части, в тыс. чел. (данные на 2000 г.)**

Страна	Население всей страны	Мусульмане	Доля мусульман в населении всей страны, %
Австрия	8103	300	3,7
Бельгия	10192	370	3,6
Великобритания	55000	1406	2,6
Германия	82000	3040	3,7
Греция	10000	370	3,7
Дания	5330	150	2,8
Испания	40202	300–400	0,7–1,0
Италия	56778	700	1,2
Нидерланды	15760	695	4,4
Португалия	9853	30–38	0,3–0,4
Франция	56000	4000–5000	7,1–8,9
Швеция	8877	250–300	2,8–3,4

Рассчитано по: Семененко, И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах / И. С. Семененко // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 456.

Приведенные в табл. 3 данные включают не только иммигрантов-мусульман первого поколения, но и их детей, внуков, родившихся и выросших уже на территории указанных стран. Вместе с проблемами интеграции иммигрантов-мусульман рассматриваются и проблемы их детей, так как они связаны со своими родителями, испытывают схожие трудности и необходимость в интеграции. Согласно этим данным, наибольшая численность мусульман проживает во Франции, Германии, Великобритании, Италии и Нидерландах. Самая высокая доля мусульман в общей численности населения наблюдается во Франции, Нидерландах, Австрии, Германии, Греции, Бельгии и Великобритании. У каждой страны есть свои особенности истории иммиграции и интеграции мусульман. Великобритания, Франция в свое время располагали обширными колониями с мусульманским населением и до сих пор сохраняют с ними культурные и политические связи. Эти страны имеют долгую традицию иммиграции мусульман. Массовый приток мусульман в Германию, Данию начался в 60-х годах прошлого века и имел характер трудовой иммиграции. Германии требовалась рабочая сила для развивающегося индустриального сектора и выполнения низкоквалифицированной и малооплачиваемой работы. До недавнего времени в этой стране предполагалось, что трудовые иммигранты-мусульмане будут возвращаться домой и специальной политики их интеграции не проводилось [4]. Однако расчет не оправдался, и перед Германией встала серьезная

проблема значительного количества слабоинтегрированных иммигрантов-мусульман.

Специфика интеграции иммигрантов-мусульман связана с рядом их культурных, социальных и религиозных особенностей. По мнению российской исследовательницы С. В. Погорельской, из всех мировых религий ислам в наибольшей мере отличается от менталитета и образа жизни, сложившихся в современной Европе [4, с. 174]. В среде европейских мусульман идут активные дебаты о месте их религии и культуры в светских обществах принимающих их стран [5]. К сожалению, исламские фундаменталисты, используя эти различия, прививают у некоторых мусульман негативное отношение к своим европейским согражданам и ценностям принимающего общества. Их деятельность создает преграды для полноценной интеграции иммигрантов-мусульман в европейских странах.

Однако мы согласны с тем мнением, что будет неверным заострять внимание на религиозном и культурном факторах как осложняющих полноценную интеграцию мусульман. Ведущую роль в неудачах интеграции иммигрантов-мусульман играют социально-экономические причины. Это хорошо видно на примере различий в интеграции различных поколений иммигрантов. С. В. Кондратьева и И. С. Новоженова отмечают, что первое и второе поколение мусульман Великобритании и Франции достаточно успешно социализировались и имеют работу, третье же столкнулось с проблемами в трудовой социализации, которые обострили у него и вопросы самоидентификации [2;3]. Именно для третьего (молодого) поколения мусульман наиболее характерны стремление вернуться к своим религиозным и культурным корням; радикализация настроений и отношений [4, с. 150]. Например, 86 % молодых британских мусульман считают религию «самой важной вещью на свете» [2, с. 88]. Такое положение дел во многом объясняется тем, что для молодых мусульман Великобритании, Германии и Франции характерна высокая безработица, а низкий уровень образования оставляет мало шансов на их трудоустройство. Это в свою очередь является причиной бедности, способствует социальной исключенности, которая и компенсируется религиозной, культурной и этнической гиперидентификацией. Социально-экономическая маргинализация наблюдается не только среди мусульман, но и других иммигрантов (например, среди русскоязычных немцев из стран бывшего СССР в Германии). Процесс маргинализации иммигрантов во многом связан с тем, что за последние десятилетия при переходе к постиндустриальному обществу в странах Западной Европы вырос спрос на высококвалифицированных специалистов и снизилась востребованность в рабочей силе низкой квалификации, ранее необходимой в индустриальных секторах и восполняемой прежде всего иммигрантами [2, с. 79]. Это при том, что долгое время приток иммигрантов с низкой квалификацией должным образом не регулировался и у них не было полноценной возможности повысить свою квалификацию и получить необходимое образование.

Таким образом, интеграция иммигрантов в странах Западной Европы осложняется наличием таких серьезных проблем, как масштаб иммиграции;

значительность культурных, религиозных и социальных различий иммигрантов с населением принимающих стран; социально-экономическая маргинализация иммигрантов. Недостаточное принятие во внимание этих проблем приводит к неудачам в полноценной интеграции значительной части иммигрантов, возникновению социальной напряженности между иммигрантами и коренным населением принимающих стран. Оптимальным решением для стран Западной Европы будет продолжение совершенствования миграционной политики в области регуляции иммиграционных потоков, улучшения социально-экономических условий труда иммигрантов; повышения их уровня образования, языковой компетентности и профессиональной подготовки; поддержки культурных и социальных контактов иммигрантов и населения принимающих стран; преодоления культурной и социальной дистанции между иммигрантами и принимающим обществом.

Литература

1. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер с англ.; ПРООН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 232 с.

2. Кондратьева, Т. С. Мусульмане в Великобритании: социализация или обособление? / Т. С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред) [и др.]/ – М.: ИНИОН, 2008. – № 4. – С. 61–95.

3. Новоженова, И. С. «Лишние люди»: Волнение иммигрантской молодежи во Франции / И. С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред) [и др.]. – М.: ИНИОН, 2008. – № 1. – С. 121–141.

4. Погорельская, С. В. Мусульмане в Германии: специфика интеграции / С. В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред) [и др.]. – М.: ИНИОН, 2008. – № 4. – С. 146–176.

5. Семененко, И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах / И. С. Семененко // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007. – М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 448 – 501.

6. Таблица «Immigrants by citizenship and age»: Data from OECD Countries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stats. oecd. org/Index. aspx?QueryId=23238. – Дата доступа: 29.09.2010.

7. A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century: Data from OECD Countries. – Annex A. – OECD, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/dataoecd/32/44/40136955.pdf. – Дата доступа: 29.09.2010.

8. HDR 2009 Statistical tables [Статистические таблицы] // Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr. undp. org/en/media/HDR_2009_Tables_rev. xls. – Дата доступа: 29.09.2010.

I. N. HARITONOV

THE PROBLEMS OF THE INTEGRATION OF IMMIGRANTS IN THE WESTERN EUROPE

Summary

The author considers the problems of the integration of immigrants in the Western Europe. The data are given on the numbers and shares of immigrants in the Western European countries. The two groups of immigrants are differed on the basis of immigrants' differences. The specifics of Muslims' integration are shown.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 2

Редактор *И. Л. Дмитриенко*
Художественный редактор *Т. Д. Царева*
Технический редактор *М. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 18.03.2011. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,6.
Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 120 экз. Заказ 59.

Издатель и полиграфическое оформление:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 от 27.03.2009. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.